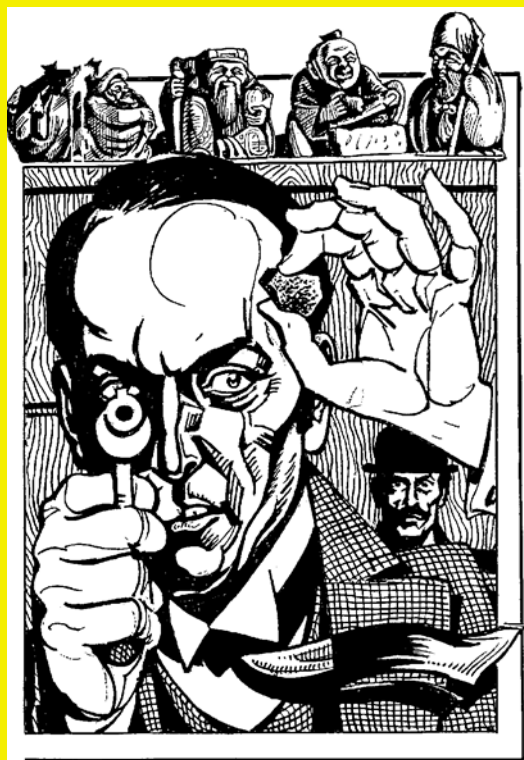

Мистер Шерлок Холмс

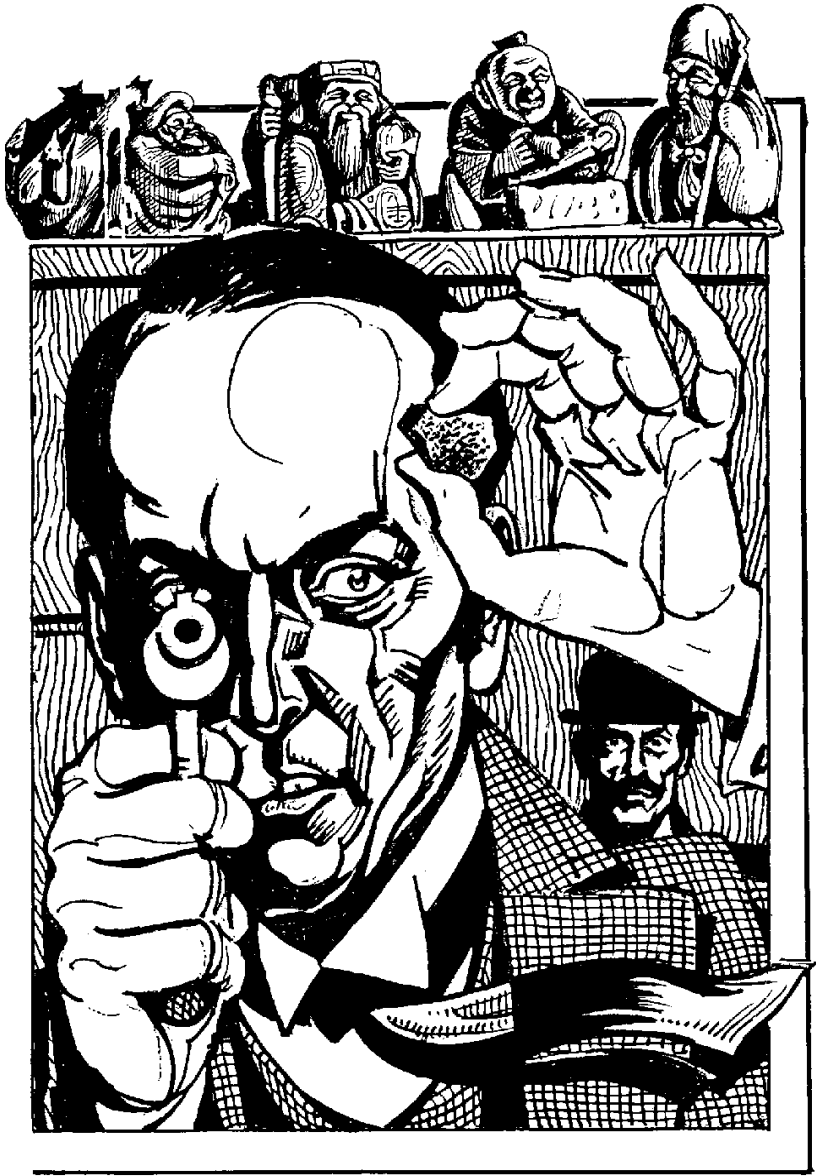
Выпуск 2

«Мистер Шерлок Холмс»

альманах

Выпуск 2

Мистер Шерлок Холмс

Альманах

Выпуск 2

Паровая типолитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулочъ, домъ 19
2015

В оформлении книги использованы
работы художника Леонида Козлова,
получившего в 2000 году
Диплом Российской Академии Художеств
за свой графический цикл
«Артур Конан Дойл. Холмс. 10 000 рисунков»

Мистер Шерлок Холмс. Альманах. Выпуск 2. — Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2015 — 357 с., илл.

Электрическая версия Альманаха, впервые вышедшего в 2003 году.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Все материалы получены из открытых источников.

© Паровая типолитография А.А.Лапудева, состав, редактирование, 2015.

раздел первый

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

(материалы о А.К.Дойле)

Кирилл Андреев

Противник Шерлока Холмса

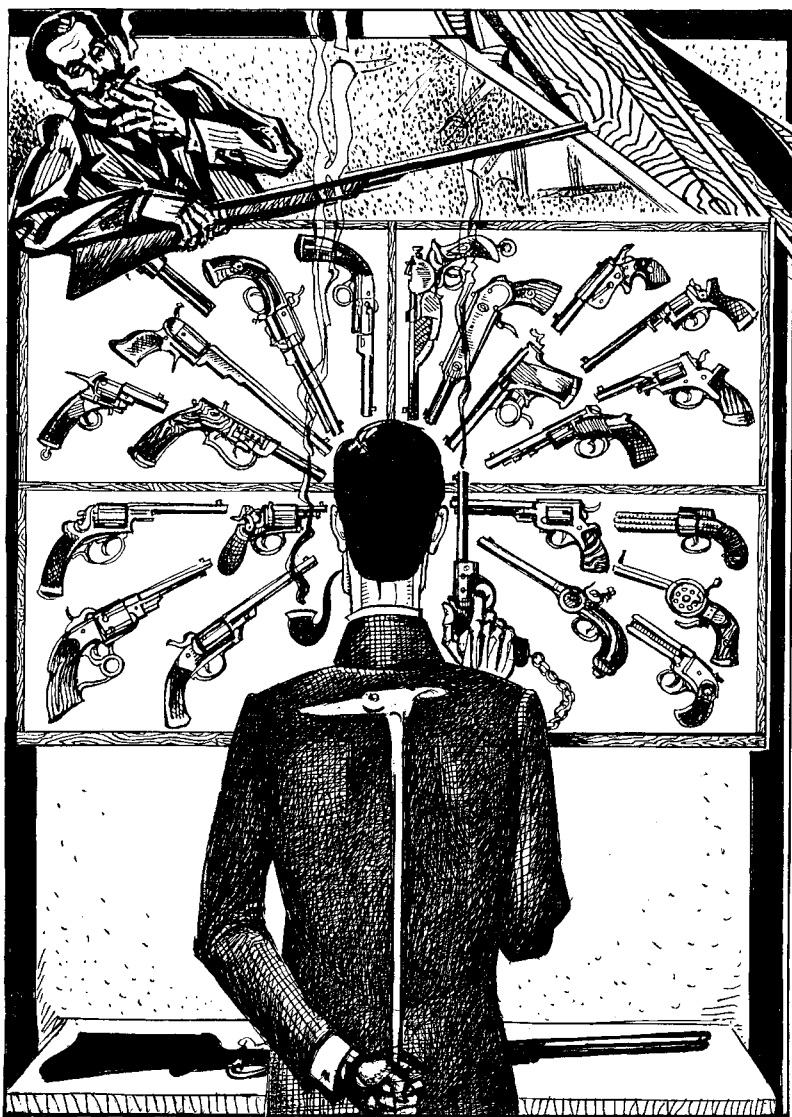
В 1954 году в Лондоне состоялась торжественная церемония: на доме № 109 по Бейкер-стрит, при огромном стечении народа, была укреплена мемориальная доска, гласящая, что здесь с 1881 по 1903 год жил и работал знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс.

Редкий литературный герой, существовавший лишь на страницах книг и в памяти читателей, удостоивался такой славы. С Шерлоком Холмсом может соперничать только мистер Пиквик, чьё имя в день столетия выхода в свет знаменитого романа великого английского писателя Чарлза Диккенса было отмечено мемориальными досками на каждом трактире, где несравненный основатель Пиквикского клуба останавливался хотя бы на час, чтобы выпить кружку эля или пропустить стаканчик бренди.

Шерлок Холмс превзошёл мистера Пиквика в другом: хотя и посмертно, он является основателем двух действительно существующих, а не литературных клубов — в Англии и Соединённых Штатах.

В церемонии на Бейкер-стрит приняло участие много народу: писатели, издатели, представители прессы, читатели, просто зеваки. Но не было одного человека — огромного, шумного, весёлого, с длинными, воинственно закрученными вверх усами, со светло-серыми, блестящими иронией глазами: самого сэра Артура Конан Дойля, создателя образа «великого сыщика». И не только потому, что сэр Артур (вернее, мистер Дойль) умер за четверть века до события, прославляющего его героя. Вероятно, если бы он был жив, то всё равно не явился бы на празднество.

Потому что он очень не любил Шерлока Холмса.

Иногда бывает трудно написать биографию знаменитого человека — не всегда сохраняются материалы и документы о его жизни и деятельности. С писателями легче: их биография — в их книгах. Но когда пытаешься набросать хотя бы беглый литературный портрет Конан Дойля, встречаешься с затруднениями совсем иного рода: материалов слишком много, и, кроме того, они

так извращены биографами, что до сих пор, хотя прошло больше ста лет со дня рождения Конан Дойля, настоящей, не фальсифицированной биографии писателя пока не существует.

Шерлок Холмс, если помнят читатели, испытывал ужас перед уничтожением любых документов: нужные и ненужные бумаги накапливались по многу лет и грудями лежали в каждом углу квартиры, которую он занимал вместе с доктором Ватсоном. Эту черту своего героя Конан Дойль передал знаменитому сыщику по наследству от самого себя. Писатель умер в 1930 году, а разборка его литературного наследства закончилась только через шестнадцать лет — в 1946 году. Рукописи были собраны в одиннадцать огромных ящиков; в конверты душеприказчики сложили письма, документы, фотографии, вырезки из журналов и газет. В одном только ящике № 2 было собрано двадцать шесть больших связок рукописей, не считая нескольких, десятков конвертов, маленьких ящиков, коробок и пакетов с вырезками и мелкими заметками...

Публикация этих документов до сих пор не только не закончена, но по-настоящему и не начиналась. Семья покойного писателя лишь с гордостью сообщала, что в корреспонденции сэра Артура (его сын Адриан иначе его не называет) имеются письма короля Эдуарда VII, родственников королевы Виктории и короля Георга V, Уинстона Черчилля, премьер-министра лорда Бальфура, президентов Соединённых Штатов Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, таких писателей, как Киплинг, Уэллс, Россетти, Шоу, Мередит, Барри, Хаггард. Но сами эти письма не публикуются.

Родные стыдятся подлинной биографии писателя: того, что он вырос в нищете, так как его отец бросил семью без всяких средств к существованию, что Артур ещё в студенческие годы стал атеистом, что он бедствовал и после окончания университета и долго не мог найти себе работу, что он был не почтенным английским джентльменом, а шумным и непоседливым ирландцем, склонным к странным шуткам и мистификациям, что многое из опубликованного им было написано исключительно ради денег...

Более того: в ответ на несколько биографий, появившихся после смерти писателя и основанных на материалах и воспоминаниях людей, которые его хорошо знали, Адриан Конан Дойль

(кстати сказать, он никакой не Конан Дойль, а просто Дойль, так как «Конан» было не фамилией, а вторым именем его отца) написал книжечку «Истинный Конан Дойль», в которой изобразил своего отца глубоко религиозным, респектабельным джентльменом и подлинным аристократом. Читая эту тоненькую зелёную с чёрным книжечку, никак не можешь поверить, что изображённый в ней человек мог вообще что-нибудь написать.

А сам Конан Дойль сказал о себе: «Я человек с улицы!»

Артур Конан Дойль был ирландцем только по происхождению, по крови. Три поколения его предков жили в Лондоне, никто не знал ирландского языка, давно была утеряна их связь с ирландской культурой. Со «старой родины», как обычно говорилось в доме, они получили в наследство лишь великолепный юмор (вспомним, что самыми остроумными английскими писателями за последние сто лет были ирландцы по крови Бернард Шоу и Оскар Уайльд). Католическая религия, которой они придерживались по традиции, была протестом против угнетения Джоном Буллем «Другого острова» и большой помехой при любой административной карьере. Но на область искусства это не распространялось, поэтому так много ирландцев в английской литературе.

Дед писателя Джон Дойль считался в начале прошлого века «королём политических карикатуристов» Лондона. Он был похож на молодого герцога Веллингтона, победителя Наполеона при Ватерлоо, бывшего в те годы премьер-министром. Среди художников Джон Дойль был известен под прозвищем «лорд Джон» или «генерал-губернатор». И хотя в семейных хрониках, не всегда достойных доверия, род Дойлей происходит из ирландского дворянства (джентри, как его называют по-английски) и его якобы можно проследить до первой половины XIV века, вернее всего, именно «лорд Джон» Дойль был подлинным родоначальником семьи, представленной четырьмя именами в Английском биографическом словаре, в том числе одним из самых знаменитых — Артуром Конан Дойлем.

Из трёх сыновей Джона Дойля старший, Ричард («Дикки Дойль»), был ведущим художником знаменитого сатирического еженедельника «Панч», второй сын тоже был известным карикатуристом. Третий — Чарлз Альтамонт Дойль, отец писателя, — оказался неудачником. Архитектор по профессии, художник-

акварелист по пристрастию, он работал в Эдинбурге, куда его забросила судьба (и нужда), старшим клерком в шотландском «Управлении работ».

Это был человек очень «артистического вида», как говорят в Англии. Он презирал вульгарные сюртуки и одевался, как настоящий художник, в куртку из тяжёлой шотландской шерсти. У него была красивая каштановая шелковистая борода, вьющиеся волосы и легкомысленный характер. В Эдинбурге он женился на семнадцатилетней Мэри Фоли из очень бедной ирландское католической семьи, маленькой сероглазой женщине с чудесными волосами, разделёнными ровным прямым пробором. Она казалась такой хрупкой, словно «её мог сдуть порыв ветра», но в этом маленьком теле обитал гордый и строптивый дух фанатичной католички, а в хорошенькой готовке бродили странные фантазии относительно древности её рода и места её сына в самом высшем аристократическом обществе. Её страстью была геральдика.

Артур родился в Эдинбурге, на площади Пикарди-плейс, 22 мая 1859 года. С первого же дня своего появления на свет и на всю жизнь он стал любимцем матери.

Эдинбург в те годы был городом Стивенсона, который был всего на девять лет старше Конан Дойля, но если для Луиса, коренного шотландца, этот город был олицетворением его юности и счастья, а эдинбургский замок с его развевающимся флагом — центром воспоминаний и снов, то для Артура это был скучный «Аулд Рики», как его называют горожане, полный дыма и восточного ветра, орошаемый монотонным дождём.

Мальчик ещё не научился читать, когда мать стала проводить с ним длительные беседы о гербах и геральдических символах:

- Ну, скажи, Артур, какие гербовые поля ты знаешь?
- Горностай, противогорностай, белка и противобелка.
- Хорошо. Расскажи теперь, как называются эти два креста.
- Это полый крест, а это вилообразный...

Отец с изумлением прислушивался к этой беседе; очень скоро ему становилось тоскливо, он незаметно исчезал и уходил в свою весёлую компанию, где чувствовал себя так привольно. А мать и сын продолжали беседу.

— Теперь поговорим о щитодержателях... Какая это фигура?

— Лев, мама.

— Что ты, милый! Львом называется фигура, смотрящая в профиль и стоящая на задних лапах. Во всех остальных случаях это будет леопард. И запомни, что фигура на щите может иметь только семь положений, а геральдические кресты имеют двести форм... И никогда не забывай, — всегда добавляла она в конце беседы, — что я происхожу от Плантагенетов, английских королей. Наша семья — потомки младшей линии лордов Перси, переселившиеся в Ирландию!

Бедная добрая женщина! Гордость не позволяла ей вспомнить английскую поговорку: «Все без исключения ирландцы происходят от королей».

Мальчик, широко раскрыв глаза, мог часами слушать рассказы матери о Столетней войне между Англией и Францией, о битве при Креси, где англичане, имея в строю четыре тысячи тяжелооружённых рыцарей и десять тысяч лучников, нанесли жестокое поражение французам, в войске которых было восемь тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехоты. Закрыв глаза, он на память мог перечислить гербы на щитах и цвет знамён. Французские воины были вооружены арбалетами. Английские лучники поражали их одного за другим, так как пускали стрелы вчетверо быстрее. И героем этой битвы был Чёрный принц, шедший во главе первой линии английских рыцарей, которому тогда было всего лишь пятнадцать лет...

Когда Артур стал читать самостоятельно, он на короткое время увлёкся Майн Ридом, романтикой индейцев и бизонов. Но вскоре снова вернулся к историческим романам, которым не изменял всю жизнь. В эти годы стала надолго его любимой книга «Айвенго» сэра Вальтера Скотта.

Девяти лет он был отправлен в закрытую подготовительную школу Ходдерав Стонихарсте вблизи Эдинбурга, которая была основана и содержалась на средства ордена иезуитов.

Одетые во всё чёрное отцы-иезуиты были руководителями, наставниками и учителями. В школе изучались латинский и греческий языки, геометрия и алгебра. «Но должен сказать правду, — признавался позже писатель, — мои греческий и латинский очень мало пригодились мне в жизни, а математика — ока-

залась совсем ненужной». Гораздо большее значение в его жизни сыграли прекрасное знание французского языка, любовь к которому привила ему мать, и Жюль Верн, ставший в школьные годы его кумиром.

Очень худой, со спокойными манерами, со странной скрытой улыбкой, мальчик был на хорошем счету у отцов-иезуитов. Замкнутость и даже скрытность считались одной из главных добродетелей учеников. Но на самом деле он тайно писал пародии в стихах на учителей, читал при свечах до рассвета Вальтера Скотта или, подняв соседей по дортуару, которые, завернувшись в простыни, рассаживались на кроватях вокруг него, рассказывал им ужасные истории, всегда прерывавшиеся на самом интересном месте...

Шестнадцать лет он покинул школу, чтобы посвятить себя католической церкви и братству иезуитов и, по желанию матери, принять священнический сан.

В награду за успешное окончание школы он совершил увеселительное путешествие в Австрию, в курортный городок Фельдкирхе. По дороге он остановился в Лондоне, который понравился ему не больше, чем Эдинбург. В Австрии он гулял в горах, играл в футбол, много танцевал — в юности он был страстным и неутомимым танцором — и «пил настоящее пиво». Лето 1876 года он провёл в Париже, который его очаровал. Возвратившись домой, он был поражён как громом: никакого отца не было и в помине, и никто не хотел о нём говорить. Благопристойная бедность сменилась жестокой нищетой. Сестра для заработка вынуждена была отправиться за море, в Португалию. Нечего было и думать о какой-то церковной карьере: нужно было спасать семью.

Артур, человек молодой и очень сильный, хотел пойти работать грузчиком угля или перевозчиком мебели, но открылась другая возможность: в Эдинбургском университете, на медицинском факультете, имелась стипендия в семь фунтов в месяц. Сумма показалась Артуру огромной: на неё можно было содержать семью. Он был убеждён, что получит её: школьный диплом высшего разряда и огромная работоспособность позволяли ему рассчитывать на это. Так, совершенно случайно, Конан Дойль избрал своей профессией медицину.

Эдинбургский университет оказал сильное влияние на личность Конан Дойля и познакомил его с жизнью, которую он знал только по книгам. Люди, с которыми он здесь встретился, очень часто, хотя и в преображённом виде, позже появляются на страницах его книг. Здесь получил он вкус к естественным наукам; в аудиториях университета он стал атеистом, так как понял, что невозможно сочетать науку его времени с почти средневековыми воззрениями его матери.

И, однако, он не потерял интереса к истории. Только список его любимых книг расширился. Больше всего он полюбил самую романтическую книгу Теккерея «История Генри Эсмонда», где XVII век оживает в каждом персонаже и в каждой фразе, роман Джорджа Мередита «Ричард Феверель», романтическое исследование Вашингтона Ирвинга «Завоевание Гранады». Он не мог не увлечься историческими очерками Маколея, быть может и неглубокими с точки зрения науки, но литературно блестящими.

Было бы совершенно естественно, если бы юноша с такими наклонностями сам взялся за перо. Однако он сделал это не раньше, чем получил врачебную практику и учёную степень доктора медицины, — семья рассчитывала на его заработок.

Так, во всяком случае, гласит официальная версия, но на самом деле было другое. Ему нужно было узнать жизнь, узнать людей: ведь без знания современности нельзя написать хороший исторический роман.

Одним из самых известных профессоров Эдинбургского университета в эти годы был доктор Джозеф Белл — худой человек с ястребиным профилем и высоким, пронзительным голосом. Он любил учить студентов тому, чего не было в университетской программе: наблюдательности.

— Пациенты, — говорил он, — не всегда правдивы, а иногда просто забывчивы. Нужно уметь по мельчайшим подробностям — по выражению лица, по блеску глаз, по форме рук и пальцев, по пятнам на одежде и обуви — читать их биографию и мысли... Что вы думаете об этом человеке, что идёт по улице? — спрашивал он, подводя группу студентов к окну.

Студенты нерешительно топтались на месте.

— Бывший солдат, — наконец неуверенно говорил Конан Дойль.

— Да, вы правы: видите, как он вышагивает. Но это не просто рядовой, это сержант. По его осанке видно, что он привык не только исполнять, но и приказывать.

Студенты молчали.

— Ну, я могу добавить, что он служил в Индии: видите этот сильный, специфический загар, резко кончающийся на середине лба, где проходит козырёк фуражки? Это говорит о том, что он недавно в отставке, так как загар ещё не успел сойти.

— Мне кажется, что у него есть ребёнок, — робко вставлял Конан Дойль. — У него в руках игрушки.

— Несколько детей, дорогой мой. Одному и тому же ребёнку не дарят одновременно погремушку, деревянного коня и мелкокалиберное ружьё...

Конан Дойль стал лучшим учеником профессора Белла: он был поразительно наблюдательным человеком.

Занятия у Белла заставили Конан Дойля заинтересоваться замечательным американским писателем Эдгаром По. Но внимание молодого студента привлекли не те произведения По, где тот наиболее ярко выражает себя как мастер мрачного и ужасного, но три рассказа, в которых, как в маленьком жёлуде, содержится огромный дуб детективной литературы: «Украденное письмо», «Тайна Марии Роже» и «Убийство на улице Морг». Ему также нравился рассказ «Золотой жук», где впервые в литературе были показаны методы разгадки шифров и криптограмм.

Особенно его заинтересовал образ сыщика-любителя Дюпена. Он расшифровывал тайны и преступления методом дедукции, методом анализа едва уловимых мелочей. Это очень напоминало метод доктора Белла, но было направлено не на изучение личности пациента или исследование его прошлого, а на раскрытие преступлений.

Второй профессор, который пользовался популярностью в среде студентов (но отнюдь не в среде докторов университета), был Резерфорд. Он не признавал никаких авторитетов и любил выдвигать столь парадоксальные идеи, что слушатели (или оппоненты) не могли сразу разобраться, что это — новая теория, мистификация или, выражаясь современным языком, научное хулиганство.

Его ассирийская борода, словно приклеенная к его квадратному подбородку, презрительные, полуприкрытые веками

глаза были знакомы всему университету. Он обычно начинал лекцию ещё в коридоре, не входя в аудиторию. Но особенную радость доставляла студентам его постоянная полемика с профессором Вайвиллом, зоологом, участником знаменитой экспедиции «Челленджера» — научно-исследовательского корабля, занимавшегося океанографическими исследованиями на всех океанах земного шара. Вайвилл, с козлиной седой бородой, со скрипучим голосом, был умницей, но педантом, и его научные споры с безобразником Резерфордом доставляли студентам истинно художественное наслаждение.

Сам Конан Дойль в годы пребывания в университете, кроме науки и танцев, страстно увлекался спортом, — он вообще был очень увлекающимся человеком. Он играл центральным нападающим в футбольной команде своего университета и любил регби, игру, которую знатоки считают одним из самых жестоких видов спорта. В эти годы он весил сто два килограмма, а его рост лишь немного не достигал двух метров. У него были весёлые серые глаза и рыжеватые волосы. Он умел заразительно и шумно веселиться, но умел быть и утончённо вежливым, особенно с женщинами. Это было возрождением средневековой куртуазии — науки о придворном поведении, которую он позже изобразил в своих исторических романах.

Словом, Конан Дойль был блестящим студентом.

Очень скоро приблизилось время окончания университета. Но для того, чтобы получить заветную учёную степень доктора медицины, нужна была практика и защита диссертации. Защиты юноша не боялся, но практика? Чтобы её получить в Англии в те годы, было два пути. Первый — купить её, то есть заплатить хорошую сумму врачу, уходящему на покой, за то, чтобы он передал ему своих пациентов. Но для этого требовались деньги, и немалые, а их у Конан Дойля не было. Второй путь — приехать в совсем незнакомый город и начать конкурировать с известными жителям врачами. Но какой больной пойдёт к молодому врачу, только что приехавшему в город, вместо того чтобы обратиться к известным специалистам? Нужны были многие годы, чтобы завоевать популярность, а ведь на его руках была семья!..

Конан Дойль пытался найти работу сначала в Шеффилде, потом в Лондоне. Поиски работы заключались в том, что, приехав в город, он должен был нанять квартиру, оборудовать каби-

нет, заказать медную дощечку на дверь и ждать. Но пациенты не приходили. И, отвинтив дощечку и уложив её в чемодан, молодой врач снова пускался в путь.

Однажды, проходя по Графальгарской площади, будущий знаменитый писатель позавидовал гвардейцу в красном мундире и огромной медвежьей шапке, стоящему на страже у памятника Нельсону. «Он уже получил свой «королевский шиллинг», ему вручили эту символическую награду от имени королевы, когда он завербовывался в армию, — подумал он, — и теперь его будущее обеспечено, он может не думать ни о чём: жалованье и содержание, пока он в армии, и половинный оклад после отставки...»

Он пытался даже предложить свои услуги турецкому правительству, но в турецком посольстве ему вежливо отказали: им тоже не был нужен врач, не имеющий никакого жизненного опыта.

Четыре месяца он пытался достигнуть успеха в крохотном городке Рүйтоне, в графстве Шропшир, и тоже безуспешно. Единственное, чем он мог гордиться, — у него появился первый пациент. Но и это было курьёзом: вместо того чтобы заплатить гонорар, пациент потребовал от молодого врача шиллинг за тот ущерб, который Конан Дойль причинил ему своей операцией.

Наконец он получил практику в Астоне — рабочем пригороде большого промышленного города Бирмингема. Она приносила ему два фунта в месяц — почти вчетверо меньше, чем его ничтожная студенческая стипендия. И всё же это была настоящая практика — шаг к заветной докторской степени!

В Бирмингеме Конан Дойль написал свой первый рассказ «Тайна Сассасской долины». Он отослал его в редакцию одного из лондонских журналов, и каково же было его изумление, когда в ответ он получил чек на три фунта три шиллинга!

Грошовая практика в Бирмингеме не могла удовлетворить даже самых скромных потребностей молодого врача и его всё ещё бедствующей семьи. Поэтому Конан Дойль с восторгом принял предложение занять должность судебного врача на маленьком судне «Хоуп», отправляющемся в арктическое плавание: ведь содержание врача на корабле было бесплатным, а пятьдесят фунтов стерлингов, которые он получит за семимесячный рейс, целиком пойдут его матери!

Работы на корабле не было никакой, и молодой врач мог сколько угодно размышлять и писать. Перед его глазами проходили ослепительно белые ледники Гренландии, сползающие в нестерпимо синюю воду, берега Шпицбергена.

И хотя ветер завывал в снастях, тяжёлые волны тяжело бились о борта маленького кораблика и время от времени на палубе

раздавался топот ног команды, Конан Дойлю казалось, что никогда он не испытывал такого покоя и тишины...

Море было той колыбелью, где созрел талант будущего писателя. Среди суеты медицинской практики, ночных вызовов к больным, в постоянной неуверенности в своих диагнозах сосредоточиться было очень трудно. А здесь, в океане, всё звало к длительному раздумью. Поэтому после окончания арктического рейса Конан Дойль охотно принял предложенное ему место судового врача на торговом судне «Майюмба», совершающем постоянные рейсы вдоль берегов Западной Африки.

Совсем новый мир открылся в этот год перед Конан Дойлем. Под опаляющим солнцем появлялись и исчезали незнакомые берега, то поросшие пальмами, то уходящие в воду мангровыми рощами. Полуголые африканцы, не страшась жары, невыносимой для человека, выросшего в Эдинбурге, разгружали и нагружали судне. В океане прыгали дельфины, из волн выпархивали летучие рыбы. А однажды в высоте проплыл альбатрос. Артуру всё это казалось сном...

Возвратившись домой, Конан Дойль нашёл письмо от своего старого университетского товарища Джорджа Бадда.

Это был странный человек. Рыжеволосый, с квадратной головой и широкими плечами, с уродливым лицом, похожим на морду бульдога, на котором хитро поблёскивали маленькие голубые глазки, — он был полугением и полуманьяком. Конан Дойль очень им интересовался, и во многих его книгах, во многих героях мы можем найти отдельные черты Бадда.

Бадд писал, что, попав в Плимут, имел там чрезвычайный успех и практика его так расширилась, что он не может с ней справиться. Он предлагал Конан Дойлю переехать в Плимут и обещал ему, как товарищу, безвозмездно передать половину своих пациентов.

Для Конан Дойля это было находкой. Получить уже готовую практику даром! Он немедленно отправился в Плимут, и вскоре на двери квартиры, в которой они поселились вдвоём, красовались рядом две таблички. На одной было написано: «Джордж Бадд», на другой — «Артур Конан Дойль».

Увы, это было роковой ошибкой! Пациенты, прослышавшие о популярном в городе враче, подходили к двери и останавлива-

лись в недоумении. Что означали эти дощечки? С подобным они никогда не встречались!

И после недолгого раздумья поворачивались и шли к тем врачам, о которых знали с детства.

Получилось обратное тому, чего хотели друзья. Вместо того чтобы помочь Конан Дойлю, Бадд растерял собственную практику. И друзья по обоюдному соглашению расстались.

Конан Дойль надолго осел в маленьком приморском городке Саутси. Здесь он провёл восемь лет — с 1882 по 1890 год. Это были счастливые годы его жизни. У него была большая практика, и его очень любили пациенты. Здесь он подготовил диссертацию на учёную степень доктора медицины, которую защитил в 1885 году. В том же году он женился на Луизе Хаукинс, здесь родился его первый сын.

В Саутси Конан Дойль почти не занимался спортом. Всё свободное время он отдавал литературе. Любопытно, что он нашёл путь к сердцам читателей без помощи издателей, которые вначале неохотно брали его рукописи и платили автору гроши. Издатели удивлялись, получая от книжных магазинов всё новые и новые заказы на книги Конан Дойля. Они не понимали, что он создал новый жанр, которого так жадно ждали читатели!..

В 1890 году состоялось торжественное прощание доктора Конан Дойля со своими пациентами. Он перестал быть практикующим врачом и стал профессиональным писателем: ведь у него за спиной было четыре опубликованные книги, разошедшиеся большими тиражами.

Артуру Конан Дойлю в этот день исполнилось тридцать лет...

Биографии писателей бывают разными: иные бурными, иные спокойными. Биография Конан Дойля после 1890 года почти целиком растворяется в его книгах.

Конечно, он продолжал заниматься спортом, и даже больше, чем раньше: он принадлежал к числу людей, словно созданных для спорта. Он был центральным нападающим в футбольной команде графства Серрей; летом ездил в Швейцарию, чтобы покататься на коньках, и в Норвегию — походить на лыжах. Он увлекался боксом, играл в хоккей, крикет и гольф. Велосипедистом он стал ещё в эпоху велосипедов без передачи, с огромным передним колесом. Он занимался парусным спортом.

И даже семидесяти лет на гоночной автомашине, сделанной по специальному заказу, как буря, носился по тихим дорогам Южной и Восточной Англии.

Но лучше всего он чувствовал себя в своём кабинете — традиционном кабинете английского загородного дома, с камином, над которым висела оленья голова с ветвистыми рогами, а перед огнём на полу была распротёрта медвежья шкура. Только тогда, когда на его маленьком письменном столике лежала начатая рукопись, он был по-настоящему счастлив.

Первая книга Конан Дойля «Этюд в алых тонах» (в русских переводах она именовалась «Красным по белому», или «Мормоны в Лондоне») посвящена Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону, их первому знакомству и первым приключениям.

Все книги этой серии не имеют ничего общего с уголовными романами Габорио или Понсон дю Террайля. Это не книги о преступлениях и преступниках, а повествования о приключениях человеческой мысли, раскрывающей преступления.

Английское слово «детекшн» означает по-русски открытие, обнаружение. Три рассказа Эдгара По о Дюпене и рассказ «Золотой жук» — только гениальные блёстки, предвидение этого жанра. Подлинным создателем детективной литературы, получившей столь широкое распространение в Западной Европе и Америке, был Артур Конан Дойль.

Своеобразие жанра, созданного Конан Дойлем, заключается в том, что в центре каждого произведения, где Шерлок Холмс является героем, находится не само преступление, а тончайший анализ обстановки и свойств человеческого характера, торжество того логического исследования, которое, опираясь на ничтожное количество фактов, почти с математической точностью приводит к единственно правильному решению.

В эпоху старомодных лондонских кебов, где кучер сидел позади седока, когда не было ни телефонов, ни авиации и даже паровые машины были редкостью, Шерлок Холмс широко использовал в своей профессии научные методы — всё то, что в наши дни стало основой современной криминалистики.

Своеобразием Шерлока Холмса является также то, что он, сыщик-любитель, противопоставляется представителям государства, бездарным полицейским чиновникам Лестраду и Грегсону.

Шерлок Холмс — это торжество артистизма и таланта над слепой, всё нивелирующей буржуазной государственной машиной.

Всё это определило успех нового для литературы героя и принесло его создателю всемирную славу.

Но напрасно читатели так серьёзно воспринимали Шерлока Холмса: сам Конан Дойль относился к нему с большой иронией.

Об этом говорит хотя бы образ доктора Ватсона. Подобно го дурака трудно найти в литературе. Конечно, он нужен автору как оселок, на котором оттачивается лезвие ума Холмса. Но иногда поведение Ватсона выглядит как пародия.

Конечно, сам Конан Дойль — не Ватсон, как думают некоторые, а скорее Шерлок Холмс: недаром к писателю не раз обращались лондонская полиция, египетское и китайское правительства с просьбой помочь в расследовании сложных и запутанных преступлений, и не раз блестящая интуиция и замечательное воображение Конан Дойля помогали ему разрешить самые головоломные загадки.

Однако писатель любил «играть в Ватсона». Сохранилась запись одного из таких разговоров:

— Скажите, не является ли Арнольд Люм сыном сэра Генри Люма?

— Да.

— А вы брат Арнольда Люма?

— Да.

После долгого размышления:

— Тогда вы тоже сын сэра Генри Люма?

Шли годы, и Конан Дойль чувствовал к Шерлоку Холмсу всё большую и большую антипатию. Он всё чаще заставлял его ползать по земле, погружаться в облака сигарного дыма и играть на скрипке. Холмс становился всё глупее, пока не выяснилось, что он даже не знает о шарообразности Земли. Наконец антипатия превратилась в прямую ненависть, и писатель уничтожил своего героя, сбросив его со скалы во время смертельной схватки с королём преступников профессором Моризэрти.

Но читатели и издатели требовали: ещё, ещё Шерлока Холмса! И писатель воскрешал и вновь умерщвлял своего героя, и всё больше иронии появлялось в его рассказах, иногда прямо превращающихся в пародию.

Разгадка была простой. За рассказы о Шерлоке Холмсе Конан Дойль получал по десять шиллингов за слово. За исторические романы ему платили по шиллингу за слово. Вот почему он так ненавидел своего героя и в то же время воскрешал его и продолжал сочинять всё новые его приключения. Достаточно было написать:

«Великий сыщик сидел на диване» — и гонорар за эту фразу превысил бы месячный заработок в годы его врачебной практики в Бирмингеме!

В общей сложности Конан Дойль посвятил Шерлоку Холмсу девять книг: четыре романа и пять сборников рассказов — всего пятьдесят шесть рассказов. Он возвращался к нему на протяжении сорока лет. Первая книга, «Этюд в алых тонах», вышла в свет в 1887 году, заключительная, «Его последний поклон», — в 1927.

Сам Артур Конан Дойль выше всего ценил свои исторические романы. В этом есть доля справедливости, потому что «Белый отряд», бесспорно, является лучшим произведением в его литературном наследии.

В этом большом романе писатель обратился к любимой им исторической эпохе Столетней войны (1337-1453). Англичане захватили три четверти Франции; в трёх великих битвах — при Креси, при Пуатье, где французский король Иоанн Добрый был захвачен в плен простым английским лучником, и при Ажанкуре они одержали решительную победу, несмотря на численный перевес французских войск. И всё же окончательная победа досталась французам. Произошло это потому, что из феодальной война превратилась в народную. Весь французский народ поднялся на защиту своей независимости. Парижское восстание и народное движение Жакерия принудили французское правительство, склонное к капитуляции, продолжать войну, пока, наконец, французские войска под руководством Жанны д'Арк не одержали решительную победу и не изгнали англичан со своей земли.

Превосходное знание французского языка позволило Конан Дойлю в романе опираться не только на общие труды об этой эпохе на английском или даже на французском языке. В книгу органически вошли средневековые хроники Фруассара, редкие документы и дневники участников войны.

Нет, это нисколько не походило на романтические истории, которые мать юного Артура рассказывала в былые дни. Это было очень трезвое, очень реалистическое описание эпохи, со скрупулёзной точностью восстанавливающее быт и нравы людей.

Три главных героя романа — рыцарь сэра Нигел Лоринг, его оруженосец Аллен и стрелок Самкин Эльвард — отнюдь не нарисованы ни золотой, ни розовой краской.

Сэр Нигел, «рыцарь без страха и упрека», небольшого роста, плешивый, так как тяжёлый шлем за много лет вытер ему волосы на макушке, подслеповатый — глаза ему повредили горячей смолой во время осады одной крепости. Он храбрый и умный военачальник, жестокий к своим врагам, утончённо вежливый с женщинами, к какому бы сословию они ни принадлежали, и бесконечно преданный леди Лоринг, своей жене, женщине выше его на голову, с грубым, мужским голосом, способной оборонить в отсутствие мужа свой обнищавший и ветхий замок в случае нападения.

Стрелок Самкин Эльвард отправляется на войну совсем не для того, чтобы защитить претензии английских королей на французскую корону или отстоять Нидерланды. Он хочет лишь нажиться на войне, вернуться домой с богатыми трофеями. И воевать он хочет комфортабельно: за ним по пятам следует слуга, несущий огромную перину, а сам Эльвард в каждой трактире, прежде всего, целует трактирщицу, называет её «малышкой» и требует самых изысканных кушаний, так как за всё платит полноценным французским золотом...

Средневековые рыцари были не очень-то большими грамотеями. Умение читать и писать было уделом монахов. Знатные воины считали это занятие баловством и скоропреходящей модой. Зато они полагали, что геральдика, умение читать рисунки на гербах, является чем-то непреходящим и вечным. Конан Дойль, сам большой знаток геральдики, показал стиль эпохи с большой силой.

Так, в романе «Белый отряд» средневековье показано с двух сторон: с лицевой и с изнанки. Подвиги и красота боя, убийства и грабежи, обогащение Англии, обнищание и опустошение Франции, задержавшие её экономическое развитие на многие годы...

Вторым большим историческим романом Конан Дойля, написанным несколько раньше, но относящимся к более поздней эпохе, является «Майка Кларк».

Весь XVII век был в Англии веком жестоких битв между католиками и протестантами. Но под этой религиозной оболоч-

кой скрывались вполне земные отношения. Дело протестантизма отстаивали свободные крестьяне — иомены по-английски — и ремесленники, дело католицизма — защитники феодальных отношений, ставших к тому времени уже пережитком.

После смерти короля Карла Второго, занимавшего промежуточную позицию, на английский трон вступил его брат, Яков Второй, ярый католик, или папист, как говорят англичане. Но в стране в эти годы жило немало ветеранов Великой английской революции, солдат армии Кромвеля. Они-то и подняли бунт, во главе которого стал герцог Монмаут, побочный сыне короля Карла.

В романе очень сильно обрисованы образы молодого пуританина Майки Кларка (Майка — английское произношение имени библейского пророка Михея), его сурового отца, ветерана кромвелевской армии «железнобоких», слабохарактерного, но честолюбивого Монмаута и многих другие участников восстания.

Гораздо более слабы романы наполеоновского цикла. Наполеоновская легенда, широко распространившаяся в те годы во Франции, когда за право восстановления в стране монархии боролись три партии — бонапартистов, легитимистов и орлеанистов, — невольно заразила Конан Дойля, всегда преданного блистательной французской культуре. Наполеон в его произведениях этого цикла не наследник завоеваний французской революции и в то же самое время жестокий тиран, но великий государь и полководец, гроза и милость Европы.

Из этого цикла остались жить лишь три книги, героем которых является великолепный хвастун, враль и забияка, умный и смелый наполеоновский офицер, бригадир Жерар. Ключом к этим произведениям является та сильная и смелая ирония, с которой автор относится к своему герою.

К концу века Конан Дойль стал самым знаменитым историческим писателем. Поэтому именно к нему обратились наследники Роберта Луиса Стивенсона. Они хотели, чтобы «белое перо Конан-Дойля», как назвал его перо Стивенсон, очень ценивший «Белый отряд» и читавший вслух рассказы о Шерлоке Холмсе жителям острова Самоа, дописало незаконченный роман Стивенсона «Сент-Ив».

Но Конан Дойль отказался. Он не считал себя достойным соревноваться с таким писателем, как Стивенсон. Кроме того, страна звала его к исполнению долга на поле боя.

Одним из переломных этапов биографии Конан Дойля была бурская война.

Как только начались первые сражения, писатель вспомнил, что он не только воспитатель человеческих душ, но и врачеватель страждущих тел. Поэтому, бросив все свои литературные дела и замыслы, он немедленно отплыл в Южную Африку.

Это было тяжёлое время; война велась жестокая и несправедливая, но Конан Дойль видел людей, которые страдали: раненые и больные соотечественники и их противники. А он был гуманистом и врачом.

Госпиталь, им основанный, проделал во фронтовой полосе огромную работу. И поэтому вся Англия по окончании войны приветствовала награждение Артура Конан Дойля рыцарским званием.

Английские рыцарские ордена являются средневековым пережитком, непохожим на орденские награждения в других странах. В Англии считается, что орден — это не награда, а общество людей, борющихся за общее дело. Конечно, на самом деле это фикция, но англичане любят старину, поэтому для каждого ордена существуют средневековые орденские одежды и обряды. В наши дни от всего этого осталось лишь право на титул «сэр», которым именовались средневековые рыцари ставящийся не перед фамилией рыцаря, а перед его именем.

Таким образом врач и писатель Конан Дойль стал сэром Артуром Конан Дойлем. Орден, к которому он был «присоединён», назывался орденом Святого Иоанна Иерусалимского. Сэр Артур очень гордился своим титулом: орден был наследником средневекового ордена госпитальеров, и это сближало автора с его героями. Не без основания Конан Дойль полагал, что высокая награда вызвана не только его врачебной работой в Южной Африке, но и всей его литературной деятельностью.

Конан Дойлем написано немало самых разнообразных рассказов, которые он сам определял, как «ужасные», «таинственные», «медицинские», «военные», «морские», «рассказы о ринге», но все их объединяет одно: превосходно завязанный и развязанный сюжет и смелые, предприимчивые и благородные герои.

Особое место в творчестве Конан Дойля занимают его фантастические произведения.

Писатель обратился к этому жанру очень поздно — уже сложившимся мастером. Но и здесь он сделал немало: десять рассказов, шесть романов и повестей — вот итог его работы в области научно-фантастической литературы.

Конан Дойль писал эти произведения уже в то время, когда были написаны лучшие вещи Герберта Уэллса, когда была закончена работа великого труженика Жюль Верна. Но Конан Дойль не пошёл за своими знаменитыми предшественниками. Он сумел найти собственный путь.

В фантастических романах и рассказах Конан Дойля нет смелые технических прогнозов, широких картин будущего; в них не затрагиваются жгучие социальные проблемы, которые так волновали и Жюль Верна и Уэллса.

Оживающие мумии, таинственные чудовища, заселяющие стратосферу и недра земли, воздушный велосипед, уносящий труп своего изобретателя, ядовитая зона мирового пространства, в которую попадает наша планета, потомки обитателей Атлантиды, живущие на дне океана, — во всём этом очень мало подлинной науки, это не более чем игра ума. Но не наука в её фантастическом развитии интересовала писателя. Зоркий наблюдатель, получивший серьёзное научное образование, Конан Дойль не мог не понимать, что в его время романтика рыцарских подвигов, путешествий и морских приключений уступает место романтике современной науки, открывающей совсем рядом с нами новые, фантастические миры.

Фантастические произведения Конан Дойля — это разнообразность приключенческого жанра, где фантастическое допущение — только литературный приём. Главное в них — новые герои, которые и в приключенческих произведениях идут на смену старым: учёные-открыватели, сменяющие искателей приключений «классического» авантюрного жанра.

Из произведений этого нового типа наиболее характерен и интересен роман Конан Дойля «Затерянный мир».

Кучка допотопных чудовищ и первобытных обезьянолюдей, 'каким-то чудом сохранившихся до наших дней, — об этом написано очень много фантастических произведений. Но лучшее из них, бесспорно, — роман «Затерянный мир». И дело здесь не

только в блестящей фантазии и научной добросовестности автора, главное — в великолепно выписанных образах героев.

Образ профессора Челленджера, самодовольного и самоуверенного, презрительно относящегося к своим коллегам крупного учёного, — одна из больших литературных удач Конан Дойля. Достойными его товарищами являются учёный-педант профессор Саммерли, аристократ и искатель приключений лорд Джон Рокстон, молодой предприимчивый репортёр Мелоун. Конан Дойль признавался, что прототипом Челленджера был профессор Эдинбургского университета Резерфорд.

Прототипы остальных героев тоже были найдены писателем в окружающей его жизни. И жизненность этих образов делает необыкновенно достоверными и убедительными их приключения в джунглях Южной Америки — достоверными до такой степени, что немало путешественников после выхода в свет этой книги поднимались по Амазонке, чтобы своими глазами взглянуть на таинственный затерянный мир, в реальность которого они поверили, пленённые образами и картинами этого увлекательного романа.

Но чем же эти герои отличаются от героев «классической» приключенческой литературы — смелых охотников, лихих капитанов, неутомимых путешественников, хитроумных сыщиков? Что роднит между собой так непохожих друг на друга Челленджера, Саммерли, Рокстона, Мелоуна?

Не корысть движет ими, они не ищут дешёвой славы завоевателя, покорителя мирных народов. Им не чужда благородная гордость первооткрывателя, но подвиг они совершают ради науки. И когда, по традиции приключенческого жанра, они находят сокровище — россыпь алмазов, то огромное богатство они не собираются использовать в своих интересах, а готовы отдать его для пользы той же науки.

«— Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч? — спрашивает лорд Джон Рокстон.

— Если вы действительно настаиваете на своём великодушном решении, — сказал профессор, — то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чём давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу всё своё время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрочу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу ещё разок на любезное нашему сердцу плато...»

«Открытие Рафлза Хоу», второй фантастический роман Конан Дойля, — книга о гениальном изобретателе-одиночке, замкнутом мечтателе. Осуществление мечты алхимиков о превращении простых металлов в золото для писателя не научная проблема, а всего лишь занимательная выдумка, уводящая читателя из скучной английской провинции в сказочную страну необыкновенных возможностей, какие наука даёт в руки современному человеку. Но главное для автора в этой книге — моральные проблемы, тесно связанные с проблемами социальными.

— Нужно ли огромное богатство одному человеку? — спрашивает Конан Дойль.

В чудесном доме-музее, где собраны сокровища всех стран, хозяин занимает маленькую комнатку, обстановка которой состоит из железной кровати, простого стола и табурета. Изобретатель сохранил своё открытие в тайне не для личного обогащения, а для того, чтобы стать благодетелем мира: помогать бедным, давать работу тем, кто в ней нуждается, и пищу голодным. Но при первом же столкновении с окружающим миром эти наивные мечты терпят крушение: не под силу одному человеку изменить социальный строй мира. Это понимает не только герой, но и сам Конан Дойль. И великое изобретение гибнет вместе с самим учёным.

«Маракотова бедна» — последнее произведение Конан Дойля: оно написано всего за год до смерти. Уставшая рука писателя уже не смогла надеть его такими красками, как «Затерянный мир», и неистовый доктор Маракот — только бледная тень профессора Челленджера. И хотя до самого конца писателю оставалась верна его блестящая и неистощимая фантазия, у него уже не хватило сил на глубокую разработку темы, чтобы создать поистине живых героев и сделать эту повесть столь же увлекательной, как и «Затерянный мир».

Как это часто бывает, успех литературного героя, а особенно такого яркого, как профессор Челленджер, подал автору мысль продолжить рассказ о его приключениях.

Но все другие произведения, где героем является профессор Челленджер, гораздо слабее «Затерянного мира». Таковы роман «Отравленный пояс», в котором Земля попадает в зону

ядовитого эфира и всё человечество засыпает, за исключением Челленджера и его друзей, «Когда Земля вскрикнула» — повесть, в которой Челленджер открывает, что Земля является живым существом, чем-то вроде чудовищного морского ежа. Наиболее слаба повесть «Страна тумана», где Челленджер становится медиумом и путешествует по миру призраков.

Длительное увлечение Конан Дойля спиритизмом и оккультными науками пока ещё не получило внятного объяснения в трудах его старательных и трудолюбивых биографов.

В те годы многие крупные учёные, такие, например, как Вильям Крукс, Оливер Лодж и Камилл Фламарион, интересовались спиритизмом. Он казался им совсем новым явлением, неизвестным науке, которое требует серьёзного исследования. Ведь открытые в то время радиоактивность и лучи Рентгена тоже казались таинственными.

Сэр Артур был человеком глубоко верующим, утверждает его сын Адриан, и нуждался не в простом исполнении обрядов католической церкви, а в более глубоком утверждении своей веры.

Писатель был человеком детски доверчивым и простодушным, утверждают другие, к тому же щедрым. Поэтому он легко делался жертвой всякого рода медиумов и «волшебников», которых в те годы было немало в Западной Европе.

Но есть и третье, вероятно наиболее верное объяснение.

Конан Дойль был весёлым человеком, склонным к шуткам и мистификациям. Поэтому он решил пошутить над модным увлечением невежд и людей, падких до сенсаций.

Нельзя без смеха рассматривать его «фотографии» призраков и духов. Чего стоит один «учитель фехтования» с шестью руками, присевший на корточки.

Вспомним, что в эти самые годы писался такой иронический рассказ Герберта Уэллса, как «Неопытное привидение», или его острый политический памфлет «Самодержавие мистера Пархема», где «эктоплазма», то есть лучшая сущность героя — профессора истории, живущего памятью о гербах и флагах, отделившаяся от него на спиритическом сеансе, отправляется в Лондон, чтобы совершить фашистский переворот...

Истинное лицо Конан Дойля-спирита лучше всего открывает нам та посмертная мистификация, которую он совершил.

За много лет до смерти писатель подготовил несколько рассказов спиритического характера и передал их знакомому медиуму. Вскоре после смерти писателя на одном спиритическом сеансе друзьями писателя, убеждёнными спиритами, была вызвана тень сэра Артура Конан Дойля.

— Я присутствую здесь, — объявил медиум. Затем стол начал трещать и вертеться, и медиум продиктовал рассказ, написанный Конан Дойлем «в царстве духов»...

Незадолго до смерти Конан Дойль в последний раз встретился с ненавистным ему, хотя и созданным им, Шерлоком Холмсом.

Шло торжественное чествование писателя в день его семидесятилетия.

С большой речью выступил писатель Эдгар Уоллес, автор многих детективных произведений, причисляющий себя к последователям юбиляра. Он считал главной заслугой Конан Дойля создание образа Шерлока Холмса.

Юбиляр выслушал это выступление молча. Но после речи он отвёл Эдгара Уоллеса и спросил свистящим шёпотом:

— Зачем вы это сказали? Разве вы не знаете, что не я создатель образа Шерлока Холмса? Это читатели создали его в своём воображении!

Конан Дойль получал за свои книги очень много денег, но никогда не был богатым человеком. Он был щедр, и деньги, попадавшие в его руки, утекали между пальцев, словно вода.

Однако его щедрость иногда носила несколько эксцентрический характер.

Однажды, возвращаясь домой после игры в гольф, он увидел бродягу, сидящего на обочине дороги и рассматривающего свои дырявые башмаки.

— Не подойдут ли вам мои? — вежливо спросил сэр Артур.

Он разулся, отдал свои башмаки изумлённому бродяге и отправился дальше босиком.

Конан Дойль умер в 1930 году, на семьдесят первом году жизни, оставив в наследство читателям семьдесят томов своих книг — романов, рассказов, памфлетов. Не все они художественно равноценны, не все дожили до наших дней.

На могиле Конан Дойля выгравирована эпитафия, написанная им самим:

*Я вытолкнул свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчина,
Или мужчине — ещё наполовину мальчику.*

Леонид Порицкий Артур Конан Дойль ¹

В нашем читательском сознании имя Конан Дойля ассоциируется, прежде всего, с именем Шерлока Холмса. Четыре повести и свыше пятидесяти рассказов, посвящённых гениальному детективу Шерлоку Холмсу и его другу доктору Ватсону, принесли Конан Дойлю мировую славу. А сам Шерлок Холмс стал одним из тех немногих героев мировой литературы, которые, перешагнув рамки художественного текста, вошли в нашу жизнь как реальные личности. Им пишут письма, ставят памятники, отыскиваются дома, в которых они якобы жили или даже живут.

Популярность Шерлока Холмса была так велика, что это даже раздражало Конан Дойля. Он считал, что чрезмерный интерес к детективным произведениям не позволяет читателям по достоинству оценить другие его работы. А их у писателя было немало. И в самых разных жанрах. О плодовитости Конан Дойля говорит тот факт, что предпринятое в России в 1909-1911 годах (т. е. как раз в середине его писательской карьеры) издание полного собрания сочинений насчитывало двадцать два тома. Поражает также разнообразие тем и жанров, привлекавших писателя. Наиболее известны (после произведений о Шерлоке Холмсе) научно-фантастические повести Конан Дойля «Затерянный мир», «Отравленный пояс» и другие. Однако гораздо выше писатель ценил свою историческую прозу, считая едва ли не лучшей книгой роман «Белый отряд», где он мастерски воссоздал эпоху Столетней войны, быт рыцарей, монахов, крестьян. Большой успех снискали и его произведения наполеоновской тематики — драма «Ватерлоо» и цикл «приключений» и «подвигов» лихого бригадира Жерара из 10-го гусарского полка. Колоритны морские рассказы о жестоком пирате Шарки и дерзких попытках

---

¹ «Зеркало недели» — № 30 (303), суббота, 29.07–04.08 2000 года.

поймать его. Конан Дойль писал об англо-бурской и первой мировой войнах, пробовал силы в биографическом жанре.

Другое сильное увлечение писателя — спиритуализм — побудило его потратить много сил и времени на написание двухтомной «Истории спиритуализма». Наконец, всю жизнь интересуясь и занимаясь спортом, Конан Дойль со знанием дела писал о знаменитых английских боксёрах прошлого. Широта творческих интересов писателя позволяет литературоведам называть среди его предшественников и учителей таких разнообразных по жанровому диапазону авторов, как Вальтер Скотт, Эдгар По, Жюль Верн, Роберт Стивенсон. Действительно, сразу несколько течений, характерных для развития мировой литературы XIX-XX веков, слились в его творчестве. Оно далеко не равноценно по своему идейно-художественному уровню, но лучшие произведения писателя вошли в золотой фонд мировой литературы.

Артур Конан Дойль, ирландец по национальности, англичанин по воспитанию, родился в столице Шотландии Эдинбурге. Стеснённые материальные обстоятельства заставляли отца будущего писателя Чарльза Элтимонта Дойля подрабатывать посредством своего художественного дарования. Чарльз Дойль был архитектором и художником, служил же он всего-навсего клерком в конторе. Человек тонкий, привлекательный внешне и духовно, натура творческая и совершенно непрактичная, Чарльз Дойль был неудачником. Конан Дойль до конца своих дней считал отца незаурядным живописцем, он мечтал на склоне лет устроить выставку его работ, разбросанных где попало. (Умер Чарльз Дойль в инвалидном доме, ещё до того как все дети стали на ноги.)

Мать писателя Мэри Фоли была женщиной образованной. Проучившись пять лет во Франции, она на всю жизнь сохранила любовь к французской культуре. Её семейной гордостью было высокое происхождение от королевской династии Плантагенетов. Гордилась она и своей дальней родственной связью с Вальтером Скоттом. От матери Конан Дойль унаследовал страсть к чтению, острый интерес к истории, культ рыцарственности и джентльменства.

Обедневший род Конан Дойля по линии отца также гордился своим древним и благородным происхождением. (В это время, то есть на рубеже XIX-XX столетий, многие занимались

геральдикой, отыскивая свои исторические корни.) Дойли пришли в Ирландию из Франции вместе с Вильгельмом Завоевателем. Один из рыцарей этого рода был соратником Ричарда Львиное Сердце. Войны и превратности судьбы привели к угасанию некогда славной фамилии. И лишь в XIX веке один из представителей этого семейства — Джон Дойль, дед писателя, приобрёл национальную известность. Он вошёл в историю как талантливый художник-карикатурист. Джон Дойль сотрудничал в журнале «Панч», иллюстрировал книги известных писателей. В его доме в Лондоне, куда он приехал из Ирландии, бывали Вальтер Скотт, Уильям Теккерей, Чарльз Диккенс и другие представители литературной элиты.

Один из четырёх сыновей Джона Дойля — Чарльз уехал в поисках заработка в Шотландию, в Эдинбург, женился на ирландке, и 22 мая 1859 года у Мэри и Чарльза родился сын. По настоянию семьи, следовавшей традициям ирландского католичества, родители отдали мальчика в иезуитский колледж в Стоунхерсте (графство Ланкашир, Англия). Здесь нравы иезуитов оставались столь же средневековыми. Его живой натуре претили схоластические методы преподавания и чересчур строгая дисциплина. Жизнь скрашивалась лишь чтением и спортом. (В Конан Дойле проявились те свойства, которые англичане любят считать особенностями своего национального характера. Например, спортивность. Не в специальном смысле, а в более широком понимании тренированности тела и духа, энергии и энтузиазма.) В дальнейшем Конан Дойль был известен как разносторонний спортсмен, который занимался гольфом, регби, крикетом, бильярдом, входил в сборную страны по футболу, был велогонщиком, возглавлял регату, судил международные соревнования по боксу, а в конце жизни даже управлял гоночным автомобилем.

Окончив колледж, юный Конан Дойль отказывается от мысли о карьере священника и поступает на медицинский факультет Эдинбургского университета. Университетская атмосфера способствовала развитию многообразных интересов будущего писателя. Его окружали увлечённые люди. Одним из них был доктор Джозеф Белл, главный хирург Королевской лечебницы в Эдинбурге, послуживший впоследствии прототипом Шерлока Холмса. Дж. Белл удивлял своей острой наблюдательностью и аналитическими способностями, которые он охотно демонстриро-

вал студентам. Из своего обширного профессионального багажа он искусно подбирал «ключ» к характеру и недугу пациента. Вот его суждение: «Перед нами рыбак, господа! Это можно сразу заметить, если учесть, что даже в столь жаркий день наш пациент носит высокие сапоги. Кроме моряка никто не станет в такое время года носить высокие сапоги. Загар на его лице говорит о том, что это сухопутный, прибрежный моряк, а не моряк дальнего плавания, открывающий новые земли. Загар этот явно возник в одном климате, местный загар, так сказать... За щекой у него жевательный табак, и он управляется с ним весьма уверенно. Свод всех этих умозаключений позволяет считать, что этот человек — рыбак. Далее, об этом свидетельствуют рыбы чешуйки, уцепившиеся за его одежду...» И Белл редко ошибался.

Занятия Конан Дойля двигались успешно. Не забывал он и литературу, хотя писательство было для него пока вторым делом, развлечением, хобби. Ещё когда он был студентом, ему удалось кое-что опубликовать. В октябре 1879 года в «Чемберс джорнэл» появился его рассказ «Тайна Сэсасской долины», а «Лондон со-саети» принял «Американскую повесть». Вещи эти прошли незамеченными. Впрочем, и в памяти самого автора они не оставили существенного следа. Каникулы предпоследнего года обучения в университете Конан Дойль провёл в плавании. Ему повезло, и он попал корабельным врачом на судно, отправлявшееся в арктические воды. Новые горизонты открылись перед ним и необычайно вдохновили молодого человека. В 1881 году Конан Дойль получил университетский диплом, стал бакалавром медицины. На этом, однако, профессиональная подготовка не заканчивалась. Надо было сделаться доктором медицины. И 1882-1890 годы оказались заняты врачебной практикой. В 1882 году он снова в плавании, на этот раз южном. Он повидал Западную Африку.

В Англии Конан Дойлю пришлось сменить несколько городов и не раз сняться с места, прежде чем он удачно обосновался в приморском городке Саутси. Здесь за восемь лет не только сформировался доктор Конан Дойль, но и явился Конан Дойль-писатель. В 1885 году он защитил диссертацию, а в 1887-м вышла в свет первая его повесть «Этюд в багровых тонах». Главные персонажи этой повести потом долго не разлучались с писателем. Это были доктор Ватсон и Шерлок Холмс.

Первый рассказ из серии «Приключения Шерлока Холмса», «Скандал в Богемии», появился в июле 1891 года в «Стрэнд мэгэзин», и детектив с Бейкер-стрит прочно укрепился на страницах этого журнала. Конан Дойль очутился на некоторое время во власти собственного персонажа. Через два года он при всей своей выдержке, здоровье и плодовитости стал тяготиться непрременной надобностью продолжать нескончаемую цепь похождений Шерлока Холмса. «Дорогая матушка, — сообщал он Мэри Фоли в одном из писем. — ...Я решил убить Шерлока Холмса. Он отвлекает меня от более важных вещей». «Кровожадное» намерение было выполнено: в рассказе «Последнее дело Холмса» (1893) Шерлок Холмс погиб в схватке с профессором Мориарти. Но отделаться от любимца читающей публики оказалось не так-то просто.

И такого человека писатель, его породивший, решил погубить! Вмешалась сама королева Виктория: её величество отказывается верить в гибель Шерлока Холмса. Неужели победил этот закоренелый преступник профессор Мориарти? Королева уверена, что великий сыщик не погиб. Это просто какая-то уловка с его стороны... Разве сэр Артур Конан Дойль (К. Дойль получил дворянское рыцарское звание и титул сэра и был признан официальной Англией) другого мнения?

И хотя в конце рассказа было подчёркнуто определённо, что эксперты не имели двух мнений по поводу исхода борьбы грозных соперников на краю жуткой пропасти, хотя говорилось, что попытки отыскать тела разбившихся не дали никакого результата, тем не менее лет через десять Шерлока Холмса пришлось воскресить. (Писатель был вынужден изрядно ломать голову, прежде чем он обнаружил крошечный выступ скалы под струями водопада, укрепившись на котором Холмс, как оказалось, наблюдал последствия собственной гибели. Рассказ «Пустой дом» вернул читателям покой и надежду и... на всю жизнь связал Шерлока Холмса с его создателем. Последний рассказ о приключениях нашего героя был написан в 1927 году.)

Знаем ли мы предшественников Шерлока Холмса в мировой литературе? Да, безусловно. Это детектив Дюпен — герой рассказов «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже», «Украденное письмо» американского писателя Эдгара По, давшего первые образцы жанра детективной литературы. И, конеч-

но, француз Лекок, созданный писателем Эмилем Габорио и действующий в его романах «Досье», «Преступление в Орсивале», «Лекок», «Рабы Парижа».

Обоих детективов — американского и французского — роднят с Шерлоком Холмсом могучий интеллект и методы исследования преступлений: тщательный осмотр места происшествия, кропотливый сбор улик, необыкновенное внимание к самым, казалось бы, незначительным мелочам, способность на основе собранных сведений выстроить безупречную логическую цепь умозаключений.

Но, читая Эдгара По или Габорио, вы никак не можете представить себе внешний облик героев, уловить за игрой их интеллекта простые человеческие черты. В отличие от своих предшественников Шерлок Холмс предстаёт перед читателем совершенно живым человеком. Мы не только ясно представляем себе, как он выглядит, но скоро постигаем и характер великого сыщика и, восхищаясь его выдающимися способностями и сильными качествами, тут же подмечаем и слабости. Эти слабости в натуре Холмса нас не отталкивают, а скорее умиляют, и мы склонны их великодушно извинить любимому герою.

Конан Дойль не просто показал через Шерлока Холмса безграничные возможности человеческого разума, не просто популяризировал новые методы расследования преступлений. Он обогатил население планеты Земля ещё одним человеком и сделал это так талантливо, что читатели всего мира дружно желают забыть о литературном персонаже и благодарно верить, что Шерлок Холмс — такой же, как они, живой человек.

С 1891 года Конан Дойль оставил поприще врача. Литература стала для него профессией. Он продолжал путешествовать. Ездил по Европе. В Норвегии он был вместе с Джеромом К. Джеромом, и тот оставил об этой поездке забавные воспоминания вполне в духе «Троих в одной лодке». Конан Дойль пересёк океан и посетил Соединённые Штаты, где выступал с публичными чтениями своих произведений. Был в Египте.

1900 год — англо-бурская война. Конан Дойль снова врач. Он добровольно стал главным хирургом в полевом госпитале. С началом первой мировой войны писатель, которому исполнилось пятьдесят пять лет, снова готов был идти добровольцем и снова

он видел в этом миссию ветерана, обязанного подать пример. Его предложение было отклонено. Всё же в составе английского военного флота плавал в это время траулер, названный «Конан Дойль». А главное — сын, брат, два племянника, зять, брат жены Конан Дойля, ушли на фронт. Все погибли.

В 1924 году Конан Дойль издал свои собственные «Воспоминания и приключения». В 1929 году вышла его научно-фантастическая повесть «Маракотова бездна».

В начале 20-х годов Конан Дойль съездил в Австралию, а всего за год до кончины — снова в Южную Африку и Норвегию с лекционным турне. По возвращении из Осло он уже не в силах был добраться домой без посторонней помощи. «Старый конь долго тащил тяжёлый воз. Но за ним был хороший уход. Надо, чтобы недель шесть он постоял в конюшне, да ещё на шесть месяцев пустить его на траву, и он снова отправится в путь», так рассуждали у Конан Дойля врачи—ветеринары», изображённые писателем тут же на картинке. Однако путь «старого коня» непреодолимо шёл под уклон. И рисунок — больной в постели — с датой «1930» оказался последним. Конан Дойля в этом году не стало.

Сэр Артур Конан Дойль — «большого сердца, большого роста, большой души человек», сказал о нём Джером К. Джером.

Жертвы предвзятости: Оскар Слейтер ²

Создатель образа Шерлока Холмса обладал столь же блестящим умом, что и его придуманный герой-детектив, иначе он никогда не написал бы свои рассказы. Однажды Конан Дойлу пришлось применить свои способности и знаменитый дедуктивный метод в связи с необычным преступлением, совершённым в реальной жизни.

Более века прошло с той поры, как талантливое перо Артура Конан Дойла подарило миру Шерлока Холмса, борца с преступностью и скрипача-виртуоза. И в наши дни этот литературный герой остаётся образцом величайшего детективного ума.

Его потрясающее аналитическое мышление, основанное на дедуктивном методе, его намётанный, всевидящий глаз надёжно помогали в увлекательных приключениях, пережитых им вместе с верным компаньоном доктором Ватсоном. Ни один из его последователей: будь то Пуаро, Мегрэ или Эллери Куин — не смог с ним сравниться.

Почти сразу же после появления Шерлока Холмса на свет общество стало отождествлять автора с его героем. Со всех концов планеты к Конан Дойлу шли письма с просьбами о помощи. Сэр Артур редко откликался на эти письма. Однако в нескольких случаях, когда великий писатель был убеждён, что правосудие потерпело поражение, он сам занимался расследованием.

Один из таких случаев — дело Джорджа Идальджи, сына викария, индуса по происхождению. Джорджа обвинили в нанесении жестоких увечий домашним животным в его деревне Грейт-Уирли, графство Стаффордшир. И хотя это был человек безупречного поведения, дипломированный юрист, полиция по расовым мотивам всё же добилась его осуждения. Идальджи был приговорён к семи годам каторжных работ.

К сожалению, сэр Артур узнал о несчастье, постигшем этого молодого человека, лишь через три года, в 1906 году. Но буквально за несколько недель ему удалось собрать достаточно до-

---

² Ошибки и катастрофы. Серия: «Энциклопедия мировых сенсаций XX века», М.: ИнтерДайджест, 1996 г., 408 с.

казательств невинности Идальджи. Результаты своего расследования он опубликовал в газете «Дейли телеграф».

Статья имела потрясающий эффект. Власти создали комиссию для рассмотрения выводов Конан Дойла.

В конце концов Джордж Идальджи был освобождён.

«Он пришёл на приём по случаю моего бракосочетания, — писал сэр Артур. — И не было гостя более желанного».

Дело Оскара Слейтера

А вскоре сэру Артуру пришлось сделать и второе исключение. Произошла цепь событий, рассказ о которых Ватсон мог бы назвать «Дело о неблагодарной свинье».

Как и в большинстве рассказов о Шерлоке Холмсе, в истории этой перемешались и необычность ситуации, и фантастические мотивы, и убийство. А закончилась она тем, что в результате расследования Конан Дойла невинный человек, Оскар Слейтер, несправедливо приговорённый сначала к смертной казни, а затем к пожизненному заключению, вышел на свободу.

История эта началась 21 декабря 1908 года, ровно за четыре дня до Рождества, с жестокого убийства мисс Марион Гилчрист. Старая дева-затворница была найдена мёртвой в своей квартире в Глазго.

Поначалу Конан Дойл не хотел вмешиваться в это дело. Но, как он потом объяснил в автобиографии, «когда я ознакомился с фактами, я понял, что этот несчастный человек имеет такое же отношение к убийству, как и я».

Мисс Гилчрист, которой было восемьдесят два года, казалось бы, никак не подходила на роль жертвы преступления. Она была настоящей отшельницей; единственным каналом её связи с внешним миром была служанка Хелен Ламби, двадцати одного года. В тот роковой день Хелен вышла из дома, чтобы купить вечернюю газету. Она отсутствовала менее десяти минут.

Мисс Гилчрист, которая давно болела и не выносила шума и суеты за стенами дома, убедилась, что двойная входная дверь надёжно заперта. Из-за болезни и преклонного возраста женщина, для того чтобы открыть дверь, пользовалась специальным приспособлением — длинной проволокой, идущей от запора на двери в её квартиру на втором этаже.

Вернувшись с газетой, Хелен увидела у двери мисс Гилчрист взволнованного молодого человека по имени Артур Адамс, жильца нижней квартиры. Он объяснил, что услышал какой-то шум в квартире соседки, а затем глухой удар. Позвав мисс Гилчрист и не дождавшись ответа, Адамс поднялся наверх.

Хелен открыла дверь своим ключом. В тот момент, когда они собирались войти, из внутренних комнат показался незнакомый мужчина. Он приближался с таким видом, будто хотел что-то сказать, но неожиданно оттолкнул Хелен и Адамса и убежал.

Ошарашенные поведением странного незнакомца, служанка и молодой сосед осторожно вошли в квартиру и в ужасе отпрянули. Мисс Гилчрист лежала в гостиной перед камином, прикрывая ковром. Голова её была безжалостно разбита.

Коллекция драгоценностей мисс Гилчрист, оценённая более чем в три тысячи фунтов стерлингов, оказалась почти нетронутой. Пропала лишь бриллиантовая брошь в форме полумесяца стоимостью примерно пятьдесят фунтов. Зато ящик с бумагами был открыт, его содержимое разбросано вокруг, будто что-то торопливо искали.

Хотя Адамс и Хелен видели незнакомца почти вплотную, их описание его внешности совпало не во всё. Однако позже выяснилось, что ни одно из этих описаний не подходит к Оскару Слейтеру.

Адамс помчался за полицией, а Хелен заторопилась в дом миссис Маргарет Биррелл, племянницы мисс Гилчрист. Там служанка выпалила, что узнала убийцу. Странно, но миссис Биррелл почему-то отругала её.

Вопреки фактам

Весть о жестоком убийстве вызвала у англичан взрыв негодования. Полиция оказалась под сильным давлением общественности, требующей немедленного ареста преступника. А у детективов была единственная версия — убийцей является Слейтер. Тот самый Оскар Слейтер, еврей, родившийся в Германии, который отдал в залог бриллиантовую брошь, по стоимости равную похищенной, перед тем как отправиться в Америку на океанском лайнере вместе с любовницей-француженкой.

Предупредили полицию Нью-Йорка, и Слейтер был немедленно арестован и доставлен обратно в Глазго. Здесь, однако,

быстро выяснилось, что брошь, которую Слейтер заложил, не только принадлежала ему многие годы, но и была отдана в залог за три недели до убийства!

Тем не менее и полиция, и общественность умудрились проигнорировать это обстоятельство. Они жаждали крови, а Слейтер, чей моральный облик явно не подходил под высшие стандарты, был единственным подозреваемым.

Среди вещей Слейтера полиция нашла ящик со слесарными инструментами. Тут же появилась версия, что для убийства старой девы он использовал молоток. И всё это при том, что у Слейтера было алиби, которое могли подтвердить и его любовница, и его служанка. Однако алиби было отвергнуто. Более того, даже описание убийцы полиция постаралась подогнать под внешность единственного подозреваемого.

Вот так в результате грубейшей ошибки британского правосудия Оскар Слейтер был приговорён к смертной казни. Позже, за два дня до того как отправить его на виселицу, этот приговор заменили на пожизненное заключение.

В борьбу вступает Конан Дойл

Так бы и просидел Слейтер до конца своих дней за тюремной решёткой, если бы в дело не вмешался возмущённый Конан Дойл. После расследования, которое сделало бы честь самому Шерлоку Холмсу, сэр Артур изложил причины, по которым Слейтер никак не мог быть убийцей, в блестящем памфлете под заголовком «Дело Оскара Слейтера».

«Беда расследований, которые ведёт полиция, — писал Конан Дойл, — заключается в том, что, арестовав какого-либо человека и уверовав в его виновность, полицейские с неохотой занимаются версиями, которые могут привести к другим выводам».

Прежде всего автор памфлета не оставил камня на камне от версии, определявшей мотив убийства мисс Гилчрист.

«Когда убийца добрался до спальни и зажёл газовую горелку, то не схватил сразу же часы и кольца, лежавшие открыто на столике. Не взял он и золотую монету в полсоверена, валявшуюся на столе в гостиной. Всё его внимание было направлено на деревянный ящик, крышку которого он сорвал. Бумаги из этого ящика оказались разбросанными по полу. Так не были ли

именно бумаги его истинной целью, а последовавшая затем кража броши нужна была лишь для отвода глаз?

Если это действительно было ограбление, весьма поучительно было бы отметить знание грабителем места, где лежали драгоценности, и их истинной стоимости. Почему он направился напрямиком в спальню, где действительно хранились драгоценности?

Тот же самый вопрос мы имеем право задать, если выдвинем предположение, что он пришёл за бумагами. Не правда ли, это заставляет задуматься. Разве не логично предположить, что грабитель был уже знаком с расположением квартиры и привычками её хозяйки?»

Но, как пронизательно заметил Конан Дойл, непрощеный гость знал далеко не всё. «Если он искал драгоценности, то, зная, в какой комнате они находятся, не знал, в какой именно части комнаты», писал сэр Артур.

Более того, он предположил:

«Как мог убийца попасть в квартиру, если Ламби не ошибается и действительно заперла дверь?»

Я не могу избавиться от мысли, что у него был дубликат ключа. В таком случае всё становится на свои места: старая леди, которая находилась в здравом уме, слышала, как открывается запор, но восприняла это спокойно, решив, что Ламби вернулась раньше времени. Таким образом, она почувствовала опасность лишь тогда, когда убийца ворвался в комнату, и успела лишь подняться. После первого же удара она упала рядом с креслом, в котором сидела. Там её и нашли».

Другие допустимые варианты, утверждал Конан Дойл, заключаются в том, что убийца либо уже прятался в квартире, когда Ламби ушла (но никаких свидетельств тому нет), либо убийцей был кто-то, кого мисс Гилchrist хорошо знала и потому открыла дверь.

Далее сэр Артур обратился к тем деталям, которые касались места происшествия. И здесь его взгляд был столь же пронизательным, что и взгляд Шерлока Холмса. В частности, он точно подметил, что на деревянном ящике не было обнаружено никаких следов крови, несмотря на жестокий характер убийства. Сэр Артур писал по этому поводу:

Никто даже не попытался объяснить, почему убитая женщина была накрыта ковром. Во всяком случае, вполне возможно, что он (то есть убийца) использовал ковёр как щит между собой и жертвой, которую он избивал. Таким образом, его одежда, а может быть, и руки были прикрыты».

Неблагодарность

Несмотря на убедительную логику выводов, на острый упрёка адрес адвоката, памфлет желаемого результата не принёс, добиться освобождения Слейтера сразу не удалось.

Но Конан Дойл не сдался и начал настойчивую кампанию в прессе. В конце концов было назначено официальное правительственное расследование. Но и из этого тоже ничего не вышло.

Слейтер продолжал томиться в заключении.

Только в ноябре 1927 года, через восемнадцать лет после осуждения Слейтера, настойчивые усилия Конан Дойла принесли плоды.

Слейтера освободили до повторного суда. В июле следующего года он был помилован (реабилитирован он так и не был) и получил 6 тысяч фунтов стерлингов в качестве компенсации.

Но если сэр Артур надеялся встретить в лице Слейтера благодарного человека, он жестоко ошибся.

Невероятно, но Слейтер даже отказался вернуть писателю деньги, которые тот внёс в качестве залога, чтобы его выпустили до повторного суда.

«Он не убийца, — сказал сэр Артур репортёру, — но неблагодарная свинья».

Тайна личных бумаг

Ключевой вопрос, конечно же, так и остался без ответа.

По сей день имя убийцы мисс Гилчрист представляет собой тайну, навсегда затерянную в прошлом.

Хелен Ламби как в рот воды набрала и ни словом больше не обмолвилась о том, кого, как она говорила ранее, узнала в выбежавшем из квартиры мужчине.

Многие были убеждены, что убийца — известный в городе человек, с которым полиция не хочет связываться.

Сэр Артур тоже был уверен, что дело именно в этом. Хотя писатель публично никогда не высказывал своих подозрений,

незадолго до своей кончины он заявил, что знает, кто на самом деле был убийцей: «Полиция прикрывала этого человека, поскольку он был известным горожанином, который почему-то очень хотел добраться до личных бумаг мисс Марион Гилчрист. Он ушёл от наказания, но для меня гораздо важнее, что невиновный на свободе».

Так и не было установлено, какую тайну хранили эти личные бумаги. Но ясно одно: в них содержалось нечто такое, что толкнуло человека на убийство беспомощной старой женщины.

раздел второй

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК

(материалы о Шерлоке Холмсе)

Такое странное литературное явление, как подробное жизнеописание вымышленных героев, каковыми являются Шерлок Холмс и его друг и биограф доктор Уотсон, возникло благодаря усилиям целой плеяды энтузиастов-англичан, прозвавших себя «холмсианцами», и фанатичных американцев — «холмсианцев». Приняв в качестве аксиомы два положения — оба литературных персонажа являются реальными лицами, а Конан Дойл — всего лишь литературный агент доктора Уотсона, они создали множество увлекательных книг о викторианской эпохе и самих Холмсе и Уотсоне. До сих пор на русском языке публиковались только биографические сведения об Артуре Конан Дойле. Мы попробуем восполнить этот пробел и расскажем о его героях.

Степан Поберовский

Жил да был Шерлок Холмс

Датой рождения Шерлока Холмса принято считать 1854 год. Мистер У.С.Бэринг-Гулд считал Холмса третьим сыном Сигера и Вайолет Холмс из Йоркшира, а Э.В.Нокс — вторым сыном сэра Стейтлея Холмса из Каршелтона в Суррее. Двоюродным братом Холмса по матери был доктор Хорис Вернер (англизированная форма французской фамилии Верне), который позднее поселился в Сан-Франциско. Известно также, что дальним родственником Холмса был французский живописец Эмиль Верне (1789-1863). Из родных братьев Шерлока точно известен только его старший брат Майкрофт.

Наиболее вероятным кажется, что Шерлок Холмс родился в графстве Суссекс, куда в конце своей жизни он удалился на маленькую ферму. Во всяком случае, его родители, по его собственным словам, были «сельскими сквайрами, которые вели во многом ту же самую жизнь, которая естественна для их класса». Он был хорошо знаком с ужасами деревенских постоянных дворов,

несколько раз демонстрировал прекрасное знание сельской жизни, а свободные несколько часов во время расследования «дела о Чёрном Питере» в Суссексе посвятил птицам и цветам. Некоторые другие упоминания также указывают на его сельское происхождение и на графство Суссекс, а именно на Восточный Суссекс, так как Западного Суссекса Шерлок Холмс не знал.

В 1873 году Шерлок поступил в Оксфордский университет и в 1877 году впервые приехал в Лондон, где поселился в угловой квартире на Монтагью-стрит близ Британского музея. Свой дедуктивный метод Шерлок Холмс стал разрабатывать ещё в колледже, когда после двух семестров поехал в Донифорп к своему товарищу Виктору Тревору на каникулы. Уже после того как он перебрался в столицу, к нему стали обращаться либо собственнно его товарищи по университету, либо по их рекомендациям. Понемногу у Шерлока Холмса образовалась достаточно обширная, хотя и не очень прибыльная практика.

В 1878 году Холмс помог избежать в Лондоне смерти от руки одного из членов «Клуба самоубийц» принцу Флоризелю, о чём упоминал полковник Джеральдин: «Всё уладилось самыми простыми средствами. Днём я условился со знаменитым детективом. Тайна была обещана и оплачена». В это время он завязал знакомства с детектив-инспекторами только что созданного в Скотланд-Ярде Департамента уголовных расследований, среди которых был Тобиас Грегсон и сыщик с французской фамилией Лестрейд.

В 1879 году Холмс совершил поездку в Америку, свидетельством чему служит множество его выражений вроде «тропы войны» и «охотничьих земель», показывающих знакомство с культурой индейцев-апачей, черноногих и пауни. Он присоединился к Шекспировской труппе Михаила Сазонова, которая отбыла из Англии в Америку 23 января на лайнере «Королева-Императрица», принадлежавшем компании «Уайт-Стар», и спустя десять дней высадился в Нью-Йорке. Именно тогда Холмс познакомился с Уилсоном Харгривом, который позднее стал важным чином в нью-йоркской полиции и о котором Уотсон упоминал в «Пляшущих человечках». Первой ролью Холмса была роль Кассия в «Юлии Цезаре» Шекспира. Михаил Сазонов писал в своей книге «Семьдесят лет балаганщиком» (Лондон, 1923):

«Шерлок Холмс был сильно поглощён не столько своими собственными достижениями, сколько достижениями других. В то время, по крайней мере, для него никогда не существовало большего удовольствия, чем смотреть на игру других.»

Сценическая практика в «Шекспировской компании Сазонова» в дальнейшем позволила Холмсу без труда перевоплощаться в различные образы, которые требовались ему по ходу расследования. Во время своего турне он пристрастился, видимо, и к игре на скрипке. Холмс вернулся в Англию летом 1880 года и занялся своей практикой, а также различными прикладными науками, позволявшими ему раскрывать самые сложные дела. Для химических опытов ему было разрешено пользоваться лабораторией в больнице Сент-Бартоломью, где его и познакомили с доктором Уотсоном.

В январе 1881 года, вскоре после знакомства, Шерлок Холмс и доктор Уотсон сняли у домохозяйки миссис Хадсон квартиру на втором этаже дома 221-б по Бейкер-стрит. Семь долгих лет они жили бок о бок, и Холмс не переставал удивлять друга своим ясным умом и наблюдательностью, позволявшими ему находить разгадку даже в тех случаях, когда официальное полицейское расследование заходило в тупик. В 1882 году Скотланд-Ярд был потрясён грандиозным скандалом, связанным с коррупцией детективов из Департамента уголовных расследований, что увеличило число клиентов, предпочитавших обращаться к сыщику-консультанту.

Известность его как детектива дошла даже до правительственных кругов, и осенью 1886 года Бейкер-стрит с частным визитом посетили премьер-министр Солсбери и министр иностранных дел лорд Иддеслей (прежде — сэра Стаффорд Норткот), которых Уотсон скрыл под псевдонимами лорда Беллинджера и Трелони Хоупа, «министра по европейским делам». Холмсу удалось найти исчезнувшее письмо чрезвычайной важности, спрятанное леди Иддеслей, и он даже попытался замять это дело, однако Уотсон в своём рассказе «Второе пятно» оставил за полями печальный конец лорда Идделсея. В самом конце 1886 года произошёл целый ряд потрясших Англию смен министров, и министр иностранных дел был буквально изгнан со своего поста. Спустя восемь дней лорд Иддеслей внезапно скончался в приёмной официальной резиденции премьера на Даунинг-стрит.

В следующем году Шерлок Холмс впервые обратил внимание на сорокалетнего профессора математики, автора книги «Динамика астероидов» Джеймса Мориарти. Анализируя множество уголовных дел, он пришёл к выводу, что за всеми ими, похоже, маячит фигура профессора. Возможно, это открытие было связано с делом Нидерландско-Суматрской компании и грандиозным мошенничеством барона Мопэртуиса, которым Холмс занимался в течение февраля-марта 1887 года на континенте. Предельное нервное напряжение от пятнадцатичасовой работы каждый день вызвало упадок сил и необходимость в недельном отдыхе в деревне, что было совершенно не характерно для деятельного сыщика. А сбор улик против профессора Мориарти растянулся почти на пять лет.

Осенью 1888 года Шерлока Холмса покинул его друг доктор Уотсон, который женился на мисс Морстон, познакомившись с ней во время расследования дела о сокровищах Агры. Доктор переехал в Паддингтон, а Холмс остался на Бейкер-стрит, по-прежнему занимаясь расследованиями. На его счету: раскрытие убийства Трепова в Одессе, трагедия братьев Аткинсон в Тринкомали, поручение голландского королевского дома, а также целый ряд дел описанных в заметках доктора Уотсона. В начале января 1891 года Шерлок Холмс начал финальную охоту на профессора Мориарти, которая завершилась 24 апреля на скалистом уступе у Рейхенбахского водопада в Швейцарии гибелью профессора.

Целых три года после роковой встречи Шерлок Холмс скрывался, так как на свободе остались два самых опасных члена шайки Мориарти. Опасаясь мести своих смертельных врагов, он уехал сперва во Флоренцию, затем путешествовал по Тибету под именем норвежца Сигерсона, посетил Лхасу и провёл несколько дней у далай-ламы. Затем Холмс объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал у калифа в Хартуме. Вернувшись в Европу в начале 1894 года, он несколько месяцев провёл на юге Франции в Монпелье. Всё это время он поддерживал связь со своим братом Майкрофтом, сообщавшим лондонские новости и снабжавшим Холмса деньгами. Наконец, Майкрофт известил брата, что в Лондоне остался только один помощник Мориарти — полковник Себастьян Моран, и Холмс решил вернуться в Англию.

Полковник Моран был побеждён и отдан в руки правосудия, а Шерлок Холмс вернулся к своим привычным занятиям. Возвратился на свою старую квартиру на Бейкер-стрит и доктор Уотсон, жена которого умерла в предыдущем году. Благодаря публикациям в «Стрэнде» «Записок о Шерлоке Холмсе» и «Приключений Шерлока Холмса», частный детектив с Бейкер-стрит стал знаменит, и его клиентура значительно расширилась.

Холмсу было уже под пятьдесят, когда он стал задумываться о том, чтобы уйти на покой. Криминалистика к тому времени значительно продвинулась вперёд, и расследовать дела в одиночку, без применения новейших методов исследований, становилось всё труднее.

В 1902 году доктор Уотсон купил практику на Куинн-Энн-стрит и покинул Холмса, а через год и сам Холмс обосновался на маленькой ферме в Суссексе, занявшись разведением пчёл. В 1912 году неспособность английской контрразведки найти организующий центр агентуры германского кайзера заставила премьер-министра графа Асквита и министра иностранных дел виконта Грея обратиться к Холмсу.

Шерлок Холмс отправился за океан, в Чикаго, затем вступил в тайное общество ирландских националистов в Буффало, из Америки переехал в южную Ирландию, где в городке Скибберн участвовал в антианглийских выступлениях, сумев, наконец, обратить на себя внимание одного из самых мелких агентов кайзеровского резидента фон Борка. На то, чтобы выйти на фон Борка и завоевать его доверие, у Холмса ушло два года, пока 2 августа 1914, на следующий день после объявления Германией войны России и за два дня до объявления Англией войны Германии, карьере фон Борка не был положен конец.

Это было действительно последнее дело Холмса. Он опубликовал «Практическое руководство по разведению пчёл, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки» и вернулся на свою ферму в Суссексе, где провёл остаток жизни.

декабрь 1998

Степан Поберовский

Подлинный автор «Приключений Шерлока Холмса»

Специалисты-холмсианцы считают годом рождения Джона Хэмиша Ватсона (или, как принято было писать раньше, — Уотсона) 1852 год (называется даже число — 7 июля). В записных книжках литературного агента доктора Ватсона (которым был, напомним, сэр Артур Конан Дойл) имеется упоминание, что доктор мог стать известен миру под именем Ормонда Сакера, однако этого не произошло. О его родителях практически ничего неизвестно. Майкл Хардвик, автор книги «Частная жизнь Джона Х.Ватсона, доктора медицины» утверждает, что его отца звали Джон Генри Ватсон, а мать — Вайолет Ватсон, урождённая Хадсон. Они оба жили в Шотландии, вступили в брак осенью 1847 года в Багшоте и поселились на берегу озера Лох-Райн. С другой стороны, ностальгия Ватсона по полянам Нью-Фореста и пляжам Саутси, куда Ватсон стремился в отпуск, указывает как на место его рождения (см. рассказ «Картонная коробка») на Хэмпшир (где находится и то и другое). У Ватсона был брат Генри, старше Джона на три года, но к 1888 году он спился и умер. Предполагается, что дядей Ватсона был доктор Дж.К.Ватсон, опубликовавший пособие «Советы пешеходам» (3-е издание вышло в 1862 году).

После школы Ватсон поступил в Лондонский университет и практические навыки получил, работая в больнице Сент-Бартоломью в Южном Смитфилде, где познакомился со Стэмфордом, фельдшером в той же больнице, который позднее познакомил его с Шерлоком Холмсом. Видимо, Ватсон во время учёбы в университете посетил Австралию и некоторое время жил там. В декабре 1878 года, завершив университетское образование и получив степень доктора медицины, Ватсон сразу же отправился в Нетли, графство Хемпшир, где прошёл специальный курс для военных хирургов в Королевском военном госпитале Виктории.

По окончании занятий Ватсон в начале марта 1880 года был назначен ассистентом хирурга в Пятый пехотный полк Королевских Нортумберлендских фузилёров. 16 марта на транспортном корабле «Евфрат» доктор Ватсон покинул Портсмут и 12 апреля высадился в Бомбее, где узнал, что, в связи с началом

т.н. второй англо-афганской войны, полк уже отправлен в глубь территории Афганистана. Последовав за своим полком, Ватсон вместе с несколькими другими офицерами нагнал его в Кандагаре. Вскоре он был переведён в 66-й Беркширский пехотный полк и 27 июля 1880 года у местечка Майванд в 50 милях северо-западнее Кандагара участвовал в сражении, при котором силы афганцев Аюб-хана разбили сильную британскую бригаду из двух с половиной тысяч сипаев и англичан под командованием бригадного генерала Джорджа Барроуза. Беркширский полк находился на правом фланга и прикрывал беспорядочное отступление индийцев, составлявших большую часть британских сил.

Во время этого сражения погибло 10 офицеров и 275 нижних чинов 66-го полка, а Ватсону ружейная пуля угодила в плечо, раздробила кость и задела подключичную артерию. Кроме того, Ватсон был ранен в ногу и вынужден был впоследствии пользоваться палкой. Его ординарец Мюррей перекинул беспомощного доктора через спину вьючной лошади и сумел благополучно доставить раненого в расположение английских частей.

Во время лечения в военном госпитале в Пешаваре (или, что более вероятно, Кандагаре) Ватсон подхватил брюшной тиф и, с непоправимо подорванным здоровьем, 31 октября того же года покинул Индию на военном транспорте «Оронтес». В конце ноября он прибыл в метрополию.

В январе 1881 года Стамфорд привёл доктора Ватсона в госпиталь Сент-Бартоломью и познакомил в химической лаборатории с Шерлоком Холмсом. Они сговорились и сняли на двоих у миссис Хадсон квартиру на Бейкер-стрит, 221б.

Не прошло и двух месяцев, как доктор Ватсон получил возможность впервые увидеть в действии детективный метод Шерлока Холмса, описанию которого посвятил в общей сложности почти 60 рассказов и повестей. Это было дело, известное по повести «Этюд в багровых тонах». Первая из известных публикаций записок доктора Ватсона появилась спустя почти семь лет в декабре 1887 года в «Битоновском рождественском альманахе» — малотиражном и не слишком популярном издании, не выделявшемся среди прочих подобных альманахов. Подзаголовок как в содержании, так и на первой странице гласил: «перепечатано из Воспоминаний Джона Х.Ватсона», что означает, что доктор Ватсон издавал свой «Этюд в багровых тонах» раньше.

В 1888 году судьба свела доктора Ватсона с мисс Мэри Морстен, служившей компаньонкой у миссис Сесил Форрестер. Шерлок Холмс по заказу мисс Морстен расследовал дело, ставшее позднее известным публике по повести «Знак четырёх». После завершения расследования девушка согласилась стать женой Ватсона. Свадьба доктора Ватсона и мисс Морстен произошла, скорее всего, в декабре того же года или в январе следующего, хотя американский исследователь Бэринг-Гулд называл точную дату — 1 мая 1889 года в церкви Св.Марка в Камберуэлле. Оставив квартиру на Бейкер-стрит, Ватсон был вынужден отказаться от прежней бездеятельной жизни, купить практику в Паддингтоне и даже завести служанку Мэри Джейн, которая, впрочем, оказалась неряхой, и миссис Ватсон, видимо, вскоре уволила её.

В 1890 году Ватсон переехал в Кенсингтон, район значительно более престижный, неподалёку от Гайд-парка, и в феврале 1890 года опубликовал «Знак четырёх», поведав об истории своей женитьбы, а заодно показав преимущества дедуктивного метода Холмса над старыми методами сыщиков из Скотланд-Ярда. Его повесть опять оказалась незамеченной. В то время доктору Ватсону и в голову не приходило, что на изучение методов Холмса у него осталось очень мало времени. В конце апреля 1891 года произошёл роковой поединок Шерлока Холмса со зловещим профессором Мориарти над бездной Рейхенбахского водоппада, и Холмс исчез. В память о своём друге Ватсон начал публикацию «Приключений Шерлока Холмса» и «Записок о Шерлоке Холмсе» в журнале «Стрэнд».

Эти публикации принесли и доктору Ватсону, и Шерлоку Холмсу настоящую славу, так что в 1892 году были изданы в форме книги «Приключения», а в следующем году «Записки». Примерно в это же время Ватсона постигло несчастье — умерла его жена. Он вёл тихую и ничем не примечательную жизнь, когда внезапно объявился воскресший Шерлок Холмс. Через несколько месяцев Ватсон продал свою практику в Кенсингтоне, вновь переехал в их старую квартиру на Бейкер-стрит и посвятил свою жизнь дальнейшему изучению дедуктивного метода Шерлока Холмса. Лондон он покидал лишь изредка, например, весной 1897 года, когда, по настоянию врача, ему пришлось отвезти

тяжело заболевшего Холмса в Корнуолл и поселиться с ним на время в загородном домике близ бухты Полду.

В конце сентября 1900 года доктор Ватсон был направлен Шерлоком Холмсом в графство Девоншир — сопровождать в родовое поместье Генри Баскервиля, приехавшего из Америки. Вышедшая в «Стрэнде» в октябре следующего года повесть «Собака Баскервилей» — о том, как Холмс раскрыл тайну родового проклятия Баскервилей. Она стала самым известным произведением о знаменитом сыщике. В 1902 году «Собаку Баскервилей» опубликовали отдельным изданием.

В конце лета следующего года Холмс с Ватсоном расстаются, и квартира на Бейкер-стрит пустеет. Ватсон покупает практику на Куинн-Энн-стрит и в сентябре начинает публикацию сборника «Возвращение Шерлока Холмса» в «Стрэнде», а Шерлок Холмс отходит от дел и удаляется на покой в Суссекс, где заводит пасеку и занимается разведением пчёл. Друзья теперь встречаются только изредка, когда Ватсон по воскресеньям навещает Холмса на его маленькой суссекской вилле, а затем их общение и вовсе прекращается.

Одна из последних их встреч произошла 2 августа 1914 года, когда Ватсон получил телеграмму от Холмса с просьбой приехать за ним в Харидж, графство Эссекс. Возможно, больше они никогда не встречались вовсе. В связи с началом Первой мировой войны Ватсон вернулся на военную службу, но вряд ли участвовал в боевых действиях. До своей смерти, которая последовала в 1917 или 1919 году, Ватсон успел опубликовать ещё две книги: «Долина страха» и «Его последний поклон». А рассказы из серии «Архив Шерлока Холмса» впервые были опубликованы «Стрэндом» только через несколько лет после кончины автора — доктора Джона Хэмиша Ватсона.

декабрь 1998

Степан Поберовский

Шерлок Холмс и Джек Потрошитель — сводные братья

Можно сказать, что Джек Потрошитель создан газетными репортёрами и теперь отчасти является литературным героем — сродни Шерлоку Холмсу.

Когда осенью 1888 года доктор Артур Конан Дойл читал в лондонских газетах крикливые заголовки, сообщавшие об очередном преступлении таинственного убийцы, ставшего известным по его прозвищу — Джек Потрошитель, он едва ли задумывался над тем, что через пару лет это уголовное дело окажется катализатором, который позволит ему самому заняться, наконец, литературным трудом, а его «полугодвалому» герою Шерлоку Холмсу (первая повесть, «Этюд в багровых тонах», была издана в декабре 1887 года) стать самым известным литературным сыщиком всех времён и народов.

По современным понятиям, так никогда и не найденный Джек Потрошитель — или Уайтчеплский убийца, как его называли газеты — был невинным младенцем по сравнению с такими монстрами, как Йоркширский Потрошитель, наш отечественный Чикатило и другие серийные убийцы XX века. Полиция числила за Потрошителем пять убийств проституток в беднейших кварталах Восточного Лондона, при этом одно из пяти, скорее всего, было приписано ему только в силу паники, охватившей английское общество, а другое мог совершить и подражатель. Позднее народная молва и газетные репортажи дополнили список ещё примерно двадцатью убийствами, которые не имевших никакого отношения к настоящему серийному убийце.

Но по масштабу газетной кампании, развернувшейся вокруг этого сенсационного дела, Джек Потрошитель был исключителен, возможно, не только по викторианским меркам, но и с современной точки зрения. Подогреваемая прессой, тиражировавшей не только любой факт, но даже любой недостоверный слух, лондонская публика впала в настоящую панику. Даже королева была обеспокоена ходом расследования.

После ряда связанных с коррупцией скандалов, а также разгонов демонстраций, закончившихся жертвами, репутация лон-

донской полиции в глазах англичан резко упала; публика была готова к появлению частного детектива, способного раскрывать преступления, которые не по зубам сыщикам из Скотланд-Ярда.

Возможно, будь опубликован «Этюд в багровых тонах» не в малотиражном и не слишком популярном «Битоновском альманахе», Шерлок Холмс начал бы свой триумфальный путь гораздо раньше. Но ни «Этюду», ни «Знаку четырёх», опубликованному в 1889 году, не суждено было иметь успеха. Наконец, в 1891 году, за год до официального закрытия дела Потрошителя, пять рассказов Конан Дойла были опубликованы в «Стрэнде». Успех оказался оглушительным.

Вероятно, Конан Дойл ощущал, что началом своей популярности обязан маньяку, и смущался этого, потому что в своих детективных рассказах, несмотря на многочисленные письма читателей, он не только ни разу не обратился к самому громкому уголовному делу викторианской эпохи, но даже нигде не упоминал о нём.

Тем не менее, знакомый с делом Потрошителя читатель заметит следы убийцы в рассказах о Шерлоке Холмсе. Например, рассказ «Картонная коробка», опубликованный в январе 1893 года в пятом выпуске «Стрэнда», явно навеян одним из эпизодов дела Потрошителя: мистеру Ласку, председателю Уайтчеплского комитета бдительности (это что-то среднее между добровольной дружиной и сообществом линчевателей), пришла посылка с человеческой почкой и письмом, извещавшим Ласка, что почка принадлежит одной из жертв.

Свидетельство тому, что Потрошитель интересовал Конан Дойла, мы находим и в интервью писателя от 4 июля 1894 года. Он сказал, что помнит посещение им Чёрного музея Скотланд-Ярда и экспонировавшееся там письмо, приписываемое Потрошителю.

«Оно было написано красными чернилами рукой клерка, — сказал Конан Дойл. — Я попытался представить, как Холмс мог вычислить автора этого письма. Наиболее очевидный пункт — письмо было написано кем-то, бывавшим в Америке. Оно начинается словами «Дорогой босс» и содержит фразу «fix it up» и некоторые другие, несвойственные британцам, обороты речи. Затем у нас есть качество бумаги и почерк, которые показывают, что письмо было написано человеком, не занимающимся физиче-

ским трудом. Это была хорошая бумага и круглая, лёгкая, грамотная рука. Он был, следовательно, человеком, привыкшим пользоваться ручкой. Определив так много, мы не можем избежать логического вывода, что где-нибудь должны существовать письма, которые этот человек написал от своего собственного имени, или документы, или счета, которые могли быть легко прослежены к нему. Как ни странно, полиция, насколько я знаю, не думала об этом, и таким образом они не сумели ничего сделать. План Холмса состоял бы в том, чтобы факсимильно воспроизвести письма и на каждой гравированной пластине кратко указать особенности почерка. Затем опубликовать эти факсимиле в ведущих газетах Великобритании и Америки, и в связи с ними предложить вознаграждение каждому, кто сможет предоставить письмо или любой образец того же самого почерка. Такой подход привлёк бы к делу в качестве детективов миллионы людей.»

Когда дело Джека Потрошителя стало предметом особого интереса членов Детективного клуба, Конан Дойл на одном из заседаний даже развил собственную теорию: таинственным убийцей была женщина, акушерка, принадлежность которой к женскому полу давала возможность завязать разговор с проституткой, не вызывая опасений, а широкие юбки позволяли скрыть орудие преступления.

Интересно, что эдинбургский наставник Дойла доктор Джозеф Белл, который, как известно, послужил прототипом Холмса, в интервью журналу «Тит Битс» от 24 октября 1911 года утверждал, что разгадал тайну Джека Потрошителя. Белл поведал, как он и его друг (возможно, Патрик Холмс, ассистент доктора Белла, который был выведен Дойлом под именем доктора Уотсона), обладающий таким же аналитическим складом ума, как и он сам, провели собственное расследование. Он сказал репортёру:

«Когда два человека намереваются найти мяч для гольфа на неровном поле, они ожидают наткнуться на него там, где пересекаются прямые линии, которыми их мысленный взор отметил его падение из их первоначальных положений. Точно так же, когда два человека производят расследование тайны преступления, то там, где их расследования пересекаются, получается важный результат.»

Применяя эти принципы на практике, доктор Белл и его друг произвели независимые расследования дела Потрошителя и

запечатали каждый своё заключение в конверты, которыми затем обменялись. Оба конверта содержали одно и то же имя. Они сообщили это имя полиции и вскоре, как утверждал Белл, преступления прекратились.

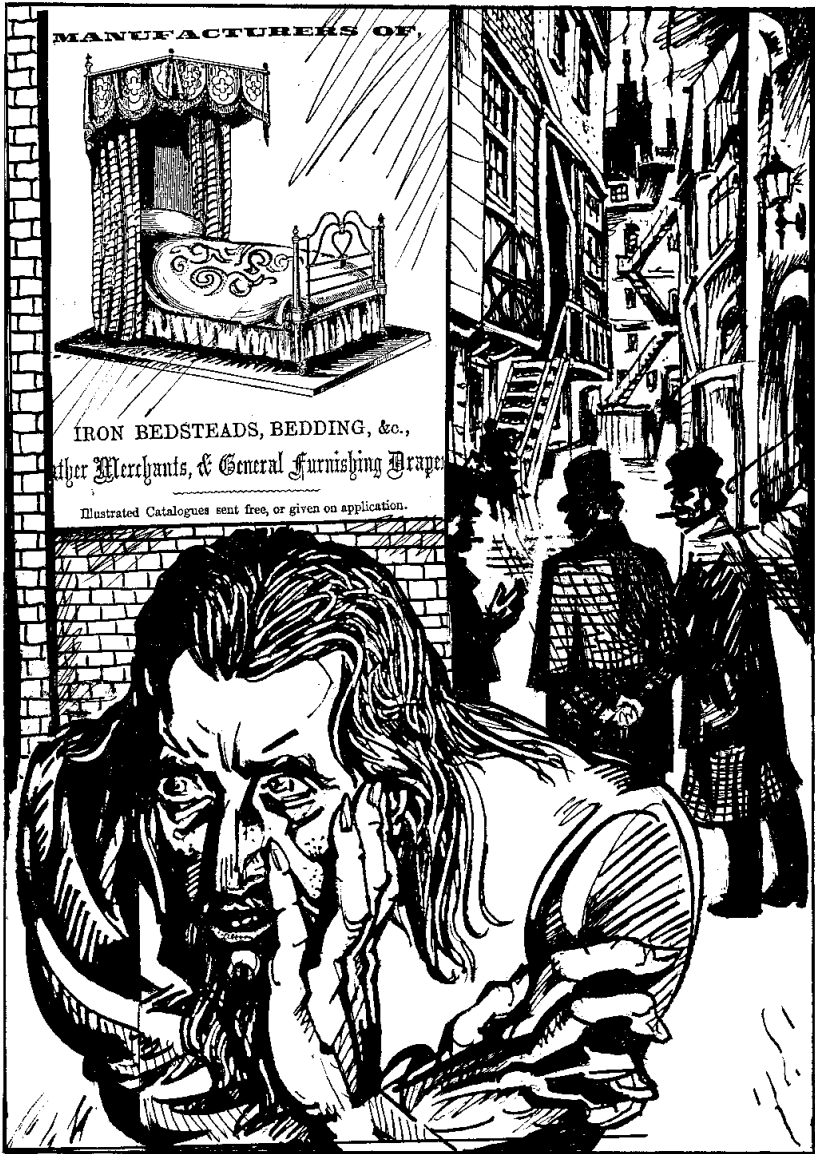
Шерлок Холмс и Джек Потрошитель, два сводных брата, взращённые одной матерью — викторианской эпохой с её туманами, газовыми фонарями, кэбами и омнибусами. После ухода в иной мир современников убийца и сыщик продолжали жить, связанные друг с другом, всё в новых и новых книгах и рассказах.

Подражатели Конан Дойла не могли оставаться равнодушными к тому, что Холмсу ни разу не удалось скрестить шпаги с Джеком Потрошителем, и с лихвой возместили этот пробел. При этом самому Шерлоку Холмсу не часто достаётся роль победителя в схватке с таинственным убийцей, хотя, конечно, существует достаточно много книг, следующих канону в изображении прославленного сыщика. Иногда Холмс выступает в роли самого Потрошителя и бросается, например, в Рейхенбахский водопад, выслеженный доктором Уотсоном. Нередко в борьбу с Потрошителем вступают другие персонажи рассказов Конан Дойля. В одной из книг профессор Мориарти находит Потрошителя и заставляет его совершить самоубийство, поскольку активность полиции беспокоит преступную империю в Восточном Лондоне. В другой — вечный соперник Холмса Лестрейд выслеживает Потрошителя и выясняет, что убийцей-маньяком является дочь комиссара лондонской полиции.

До настоящего времени развиваются бок о бок (порождая всевозможные словари, энциклопедии, исследования, биографии и ежеквартальные издания, публикующие статьи исследователей) два странных культурных феномена — «Холмсиана» и «Рипперология» (от англ. Ripper — Потрошитель). Фанатики обоих направлений роются в архивах, перелопачивают горы книг и старых газет, чтобы доказать реальность Шерлока Холмса или найти какой-нибудь новый факт о деле Потрошителя.

И если сейчас у какого-нибудь образованного англичанина спросить, с чем у них ассоциируется викторианская эпоха, то он, не задумываясь, ответит: Шерлок Холмс и Джек Потрошитель.

август 1998

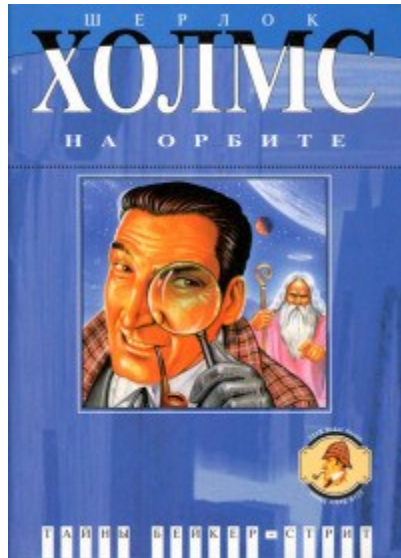

Ольга Равданис

Приключения продолжаются³

Шерлок Холмс на орбите / Пер. с англ. О. Перфильева. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. — 416 с. — (Тайны Бейкер-стрит). ISBN 5-300-02660-3.

Экспрайя Ш. Жевательная резинка и спагетти / Пер. с фр. Т. Илларионовой; Ну и наворотили вы, инспектор! / Пер. с фр. Т. Гордей. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — 304 с. — (Зарубежный детектив). ISBN 5-275-00418-4.

Когда-то Артур Конан Дойл хотел «похоронить» Холмса в Рейхенбахском водопаде, но общественность не позволила ему совершить «убийство». Даже после смерти автора читатели требовали новых историй о Шерлоке Холмсе, и после двадцатилетнего перерыва они начали появляться снова.

Теперь новые «отцы» Холмса заставляли величайшего детектива встречаться с другими вымышленными и реально суще-

---

³ Журнал «Терра-Книжный клуб», № 1, 2002 г.

ствовавшими персонажами. Существует не менее дюжины рассказов, в которых Холмс охотится за Джеком Потрошителем, встречается с молодым Тедди Рузвельтом или с Тарзаном. Есть и более фантастические сюжеты: в романе П. Х. Кэннона «Пустое время» Шерлок Холмс и писатель Говард Лавкрафт исследуют канализационную систему Нью-Йорка. Примечательно, что в любом другом месте Холмс действовал так же успешно, как если бы он оставался на Бейкер-стрит.

В сборнике «Шерлок Холмс на орбите» вы прочтёте о том, как Холмс познакомился с коварным доктором Фу Манчу; узнаете посмертную тайну профессора Мориарти; поймёте, что произошло после смерти Холмса в Рейхенбахском водопаде; увидите, как он выполняет просьбу вампира, и даже повстречаетесь с блестящим сыщиком, существующем в виде компьютерной программы.

Шерлок Холмс не умрёт никогда. Но только благодаря людям, сочиняющим про него рассказы и не устающим спрашивать себя: «А что, если...»

Далее речь пойдёт о детективах, принадлежащих перу Шарля Эксбрайи — всемирно известного мастера иронического детектива. В книге, которую мы хотим предложить вашему вниманию, — два замечательных во всех отношениях романа. Название первого символично — «Жевательная резинка и спагетти». В Верону, город Ромео и Джульетты, из Америки приезжает молодой и весьма циничный полицейский инспектор Сайрус А. Вильям Ликок. Желая изучить работу уголовной полиции в странах, которые он считает более или менее цивилизованными, Сайрус путешествует по Европе. Всё повергает беднягу в уныние, методы полиции его разочаровывают, а знакомство с культурными ценностями навеивает скуку. Последний пункт его путешествия — Верона, и молодой человек отправляется туда с печальным смирением, не догадываясь, в каких событиях он окажется замешанным.

А ждёт его знакомство с Ромео Таркинини, маленьким полным человеком «с завитыми и напомаженными волосами, с загнутыми вверх и нафиксатуренными усами», облачённым в пикейный жилет, лакированные ботинки и гетры снежной белизны. Его вид приводит Сайруса в замешательство, и виной тому вовсе не огромный галстук Ромео, пришпиленный булавкой с тремя

жемчужинами, а занимаемая им должность комиссара полиции. Встреча этих абсолютно разных людей становится началом недолгой вражды, перешедшей по мере совместного расследования преступления в крепкую дружбу. По ходу повествования меняются и взгляды Сайруса на многие вещи. Ему понравятся итальянская кухня, методы работы итальянских полицейских, и он влюбится в прекрасную итальянскую девушку. Любовь, как это и положено в Вероне, сыграет основную роль в развитии сюжета.

Это же светлое чувство станет роковым для главного героя второго романа «Ну и наворотили вы, инспектор!». Кристофер Мортлок, прослуживший в полиции Скотланд-Ярда десять лет, умудрился так и не завести себе друга, ибо был недоверчив и скрытен. Жена, надежд которой он не оправдал, без сожаления покинула его, повышения по службе не предвиделось, но тут случилось невероятное — Мортлок влюбился. Увы, судьба не была благосклонна к нему, любимая оказалась: а) замужем и б) преступницей. Отчаяние толкает Мортлока на крайний шаг.

Вот такие вполне жизненные истории случаются с героями литературных произведений. Хотя, что такое художественная литература, как не описание самых разных сторон нашей жизни?

Леонид Семенихин

Убийство серийного сыщика ⁴

Миллионы читателей и телезрителей скорбят о невосполнимой утрате: из жизни ушёл инспектор Морз, главный персонаж популярнейших детективных романов и одноимённого сериала. Его создатель Колин Декстер по всем правилам подготовил публику к смерти героя, продемонстрировав тем самым, как изменились писательские технологии со времён Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро.

Убит и воскрешён

В 1892 году истёк срок контракта, в соответствии с которым писатель Артур Конан-Дойл должен был обеспечивать один популярный журнал рассказами о Шерлоке Холмсе. К этому времени Конан-Дойл успел возненавидеть своего героя — по мнению писателя, сыщик не оставлял ему времени на создание серьёзных литературных произведений. А потому, когда журнал предложил ему продлить контракт, Конан-Дойл пошёл на хитрость: он запросил такой высокий гонорар, который должен был отпугнуть редакторов. Но те согласились, и писателю пришлось ещё два года заниматься нелюбимым делом. Именно тогда Конан-Дойлу пришла в голову мысль убить Холмса. Идея была блестяще воплощена в жизнь в 1894 году — в рассказе «Последнее дело Холмса». И следующие одиннадцать лет стали самыми тяжёлыми для писателя. Его оскорбляли, ему угрожали, к нему подсылали депутации от народа, требуя одного — признать смерть Холмса ошибкой и исправить её. В 1902 году писатель предложил компромиссное решение — в свет вышла знаменитая «Собака Баскервилей», считающаяся сейчас одним из самых популярных произведений «холмсианы». Но тогда отношение к ней было совсем иным, поскольку, вопреки ожиданиям, Конан-Дойл не оживил Холмса, а всего лишь познакомил читателей с делом, случившимся задолго до гибели детектива. Народ не принял по-

---

⁴ Коммерсантъ Власть, 12.12.2000 года.

смертных мемуаров. Более того, читатели устроили настоящий бойкот Конан-Дойлу, отказываясь покупать его романы до тех пор, пока он не оживит великого сыщика. И в 1905 году писатель сдался. Вышел первый рассказ из новой серии о Шерлоке Холмсе, в котором он поведал своему другу Ватсону, как ему удалось избежать гибели.

Рассказы о Холмсе продолжали выходить до 1927 года — эта серия завершилась лишь за три года до смерти самого писателя.

Читатели так и не смогли смириться с неожиданной гибелью Шерлока Холмса. Поэтому Конан Дойлу пришлось его оживить.

Убит и обещен

Судя по всему, Агата Кристи извлекла урок из истории борьбы Конан Дойла с Шерлоком Холмсом, которому при поддержке читателей удалось не только воскреснуть, но и ещё много лет держать писателя на привязи. «Королева детектива» убила и обесчестила своего героя после своей кончины.

«Из Англии пришло сообщение о смерти Эркюля Пуаро, бельгийского детектива, раскрывшего бесчисленное количество преступлений в детективах Агаты Кристи». Так начиналась статья, опубликованная 6 августа 1975 года на первой полосе The New York Times, сделавшая Пуаро единственным в мире литературным героем, который удостоился некролога на первой полосе всеми уважаемой газеты. Перечислив заслуги бельгийского сыщика, газета сообщила о том, что последний роман Агаты Кристи, содержащий историю смерти Пуаро, — «Занавес» — изда-

тельства Коллинза в Лондоне и Додда в США выпустят только после смерти писательницы. Сразу же ставший сенсацией роман «Занавес» открыл страшную тайну, которую тщательно скрывали от публики издатели Агаты Кристи: писательница ненавидела любимого миллионами героя.

Мысль убить Пуаро и заняться милой её сердцу мисс Джейн Марпл пришла в голову Агате Кристи в конце 1939 года. А в 1940-м она передала издателям рукопись романа «Занавес», в котором глубокий старик Пуаро умирает в поместье Стайлс-Корт, том самом, где в 1920 году началась его карьера частного детектива. Издатели, однако, попросили Агату Кристи отложить публикацию: популярность усатого бельгийца была на подъёме. Вынужденная снова вернуться к похождениям Пуаро, писательница, слегка переделав роман, убрала его в сейф. Но мысль об убийстве знаменитого сыщика не оставляла её всю жизнь.

В 1977 году, вскоре после смерти Агаты Кристи, в свет вышли два романа — «Спящее убийство», в котором престарелая мисс Марпл раскрывает очередное убийство без каких-либо последствий для своего здоровья, и «Занавес», тотчас ставший скандально знаменитым. Эркюль Пуаро, прикованный к инвалидному креслу, в парике и с накладными усами (настоящие выпали от старости) привёл читателей в смятение. Смерть детектива их огорчила. Но ещё сильнее поразил публику финал романа, в котором старинный друг Пуаро капитан Гастингс с ужасом узнаёт, что лицемер Пуаро сам совершил убийство, лишь прикидываясь при этом, будто расследует это преступление. Таким ужасным способом Агата Кристи отомстила своему герою за то, что в течение полувека была вынуждена следить за его приключениями.

«Занавес» признан критиками одним из лучших романов Кристи. Но публика считает иначе. Роман редко переиздаётся, его никогда не экранизировали и мало переводили. Фанаты Агаты Кристи делают вид, что такого романа не существует. Похоже, месть «королевы детектива» не только ударила по знаменитому сыщику, но и бросила тень на посмертную славу писательницы.

Мысль убить Эркюля Пуаро (слева) и заняться милой её сердцу мисс Марпл (справа) пришла Агате Кристи в 1939 году. Но ещё сорок лет его смерть скрывали от читателей.

Убит и похоронен

Колин Декстер, автор серии детективных романов о старшем инспекторе управления оксфордской криминальной полиции Морзе, тщательно продумал и умело срежиссировал кончину героя. Убить его автору было, пожалуй, даже труднее, чем именитым предшественникам: инспектор Морз был ещё и главным действующим лицом популярнейшего телевизионного сериала.

Впервые появившись в романе «Последний автобус в Вудсток», вышедшем в 1975 году, старший инспектор Морз стал самым популярным литературным детективом конца XX века. Романы об инспекторе Морзе переведены на десятки языков, около полусотни компаний купили права на показ телевизионных версий романов. Джон Со, игравший Морза в сериале, стал самым высокооплачиваемым телеактером Великобритании и третьим (после Дэвида Суше и Джоан Хиксон — телевизионных Эркюля Пуаро и Джейн Марпл) по узнаваемости британским актёром. Колин Декстер, до того известный лишь в узком кругу университетских профессоров английского языка и литературы, стал всемирно известным писателем и миллионером. Его энтузи-

азма, однако, хватило лишь на пятнадцать лет. В 1992 году Декстер впервые заговорил о том, что с Морзом пора покончить. Продюсеры телекомпании Central Television предложили ему убить Морза в последнем романе и, соответственно, в последнем эпизоде сериала. Нет, сериал не утратил популярности, но раз уж Декстер всё равно решил прикончить Морза, почему бы не сделать это красиво? Декстер идею принял, усвоил и развил.

Он решил действовать осторожно, постепенно, от романа к роману, приближая своих читателей (и телезрителей) к неотвратимому финалу. Сначала Морз заболел диабетом, затем у него случился инфаркт, после которого он вернулся на службу и пробыл с читателями ещё пару лет. И только в прошлом году Декстер официально объявил, что в 2000 году выпустит последний роман об инспекторе Морзе. Публика отказывалась этому верить и не верила даже после того, как в газетах появились предварительные рецензии на книгу «День, полный сожалений» — последний из серии романов о старшем инспекторе Морзе. Не вери-

ли и представителям телекомпании, подтвердившим, что в ноябре они раз и навсегда «закроют» телесериала. Однако читателям и зрителям пришлось смириться с неизбежным. Сначала миллионы прочли о смерти Морза в британских, американских, канадских, французских и даже в индийских газетах. А затем, как и намечалось — в ноябре 2000 года, мастерски поставленную смерть кумира в прямом эфире наблюдали все телезрители Великобритании. Старший инспектор Морз умер от сердечного приступа через несколько минут после ареста очередного убийцы.

Убийство инспектора Морза было растянуто на четыре романа. Перед смертью он заболел диабетом и перенёс инфаркт

Что бывает, когда их оставляют жить

Если героя детективного литературного сериала оставить в живых, то рано или поздно он перестанет быть таким, каким его задумал автор.

Ниро Вулф впервые появился на свет в романе американского бизнесмена и писателя Рекса Стаута «Fer-de-Lance» в 1934 году. С тех пор Стаут выпускал в среднем по одному роману в год. Смерть писателя в 1975 году несколько не повлияла на жизнь его героев. Несмотря на неоднократно высказывавшееся желание самого Стаута похоронить Ниро Вулфа вместе с ним, романы о нью-йоркском детективе продолжают выходить. Теперь их с согласия наследников Стаута пишет ушедший на покой журналист Роберт Голдсборо. Как и Стаут, он выпускает в среднем по одному роману в год, и они становятся всё менее и менее правдоподобными: Ниро Вулф середины 90-х годов ничем не отличается от Вулфа 30-х. Романы Голдсборо неизменно раскритиковываются газетчиками и поклонниками «настоящего Вулфа», однако имеют грандиозный успех у публики. Убивать Вулфа Голдсборо не собирается, утверждая, что это просто невозможно: Вулф бессмертен и живёт вне времени.

Жюль Мегрэ исчез, но этого никто не заметил

Судьба **Жюля Мегрэ**, героя многочисленных романов бельгийского писателя Жоржа Сименона, печальна: его исчезновение не было замечено. Первый роман о Мегрэ Сименон написал в 1931 году, последний — 40 годами позже, в 1971 году. После этого автор прожил ещё 15 лет, с удовольствием давая интервью

и рассказывая истории о самом себе (больше всего он любил рассказывать о том, что за всю жизнь у него было 20 тыс. любовниц). Никто не спрашивал его о том, что, собственно, произошло с комиссаром Мегрэ, а сам он никогда этому не удивлялся — во всяком случае, публично.

*Перри Мейсон пережил себя,
а Майк Хаммер (справа) — своего создателя*

Перри Мейсон, адвокат, герой многочисленных романов американского писателя Эрла Стенли Гарднера, впервые появился в 1934 году. В 1973 году вышел последний роман о нём, написанный самим Гарднером. После смерти писателя адвокат продолжал жить в качестве героя сразу нескольких телесериалов, шедших по разным телеканалам, причём сюжеты не имели ничего общего с произведениями Гарднера. А начиная с 1989 года известный автор литературных триллеров Томас Частейн начал регулярную публикацию своих романов, «основанных на персонаже, созданном Э. С. Гарднером». В своих романах Частейн отошёл от привычного формата романов Гарднера, а потому истинные мейсонисты их покупать отказываются. Тем не менее, произведения Частейна пользуются большой популярностью.

Майк Хаммер, частный детектив, созданный мастером американского «жесткого» детектива Мики Спиллейном в 1947 году, до сих пор остаётся самым популярным героем американских детективов. Отношение автора к своему персонажу остаётся неизвестным. Мики Спиллейн до сих пор выпускает по роману в год, а также участвует в создании сценариев для бесконечного телесериала о Хаммере. Убить Хаммера Спиллейн и не пытался. Его герой — зеркало общественных настроений. Например, в разгар холодной войны писатель, сожалея, что не может заставить своего героя отправиться в Кремль и уничтожить как можно больше коммунистов, находит выход и противопоставляет Хаммеру группу советских агентов в США, которых супергерой в конце книги расстреливает из автомата (роман «Одной одинокой ночью»).

раздел третий

ПУСТОЙ ДОМ

(эпоха Шерлока Холмса)

Владимир Абаринов

113 лет с Джеком Потрошителем

Новая сенсационная разгадка тайны серийного лондонского убийцы взбудоражила мир. И, кажется, снова понапрасну

Американская романистка Патриция Корнуэлл недавно объявила на весь мир о том, что раскрыла одно из самых загадочных в истории криминалистики преступлений — установила личность Джека Потрошителя. Сообщения об этом крупнейшие средства информации опубликовали в ряду важнейших. Корнуэлл утверждает: страшный убийца-маньяк — известный английский художник Уолтер Сиккерт.

113 лет прошло с тех пор, как таинственный серийный убийца на несколько месяцев поверг Лондон в панический страх. После этого мир не раз перевернулся, погибли царства и возро-

дились царства, неизмеримо более страшные преступления совершены и совершаются, а тайна Потрошителя по-прежнему волнует умы.

Провал инспектора Абберлайна

В пятницу, 31 августа 1888 года около четырёх часов полуночи вагоновожатый Чарльз Кросс, направляясь на работу по тёмной и пустынной улице Бакс Роу в лондонском районе Уайтчепел, увидел лежащую на спине на мостовой женщину с задранными юбками. Решив, что она мертвецки пьяна, он попытался привести её в чувство, но женщина оказалась мертва: у неё было перерезано горло. В морге выяснилось, что у несчастной вскрыта ещё и брюшная полость. Пострадавшая была опознана: Мэри Энн Николс, 43 лет. Она была запойной пьяницей и зарабатывала на пропитание себе и пятерым детям проституцией.

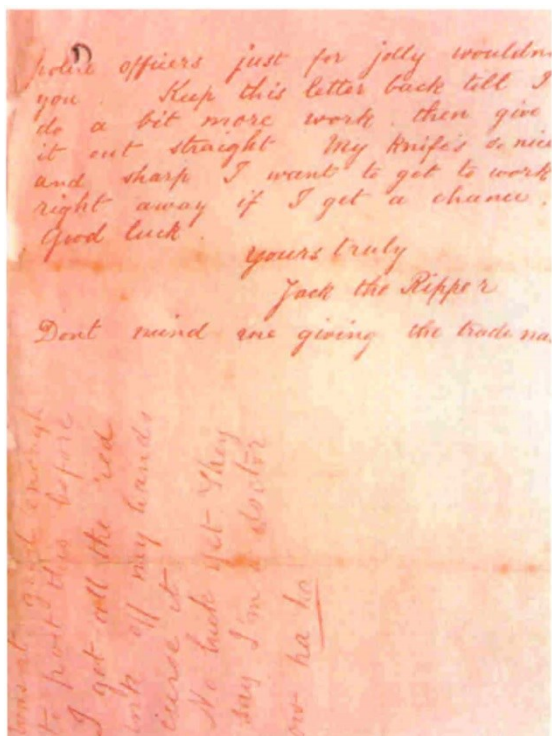
Лондонский Ист-Энд, где расположены кварталы Уайтчепела, в викторианские времена был позором Англии: около 900 тысяч человек ютились здесь в страшной тесноте и нищете, по соседству с бойнями, наполнявшими воздух невыносимым смрадом, а улицы нечистотами. По оценке полиции, в 1888 году в Уайтчепеле было около 1200 проституток. Это не считая тысяч женщин, которые подрабатывали на панели, что называется, от случая к случаю.

Дело принял к производству многоопытный ветеран лондонской полиции инспектор Фредерик Джордж Абберлайн. Не успел он толком вникнуть во все обстоятельства, как на восьмой день после первого убийства, в субботу, 6 сентября, на улице Хэнбери произошло новое. На этот раз жертвой стала проститутка Энни Чэпмен. Юбки, как и в первом случае, были задраны, извлечённые из брюшины кишки аккуратно уложены на мостовую. Полицейский врач Джордж Бэгстер Филлипс, судебный медик с 23-летним стажем, отроду не видевший ничего подобного, заключил, что преступник неплохо разбирается в анатомии.

Версии ограбления и сексуального насилия инспектор Абберлайн сразу исключил: обе жертвы были слишком бедны, никаких следов надругательства на трупах не обнаружено. Оставалась версия серийного убийцы-маньяка.

В истории британского правосудия это был не первый серийный киллер, однако первый, который действовал в большом

городе в эпоху всеобщей грамотности и превращения прессы в социально-политическую силу. Газеты изо дня в день вели хронику расследования, излагали всевозможные слухи, критиковали власти, раздували панику и, наоборот, пытались её пресечь. Такого освещения своей работы британская полиция ещё не знала. Она отнюдь не считала себя обязанной сообщать репортёрам подробности расследования, и газеты в итоге были заполнены самыми невероятными версиями, вымышленными от первого до последнего слова. Ползли, к примеру, слухи о некоем «Кожаном фартуке» — еврее-сапожнике, вымогающем деньги у проституток под угрозой смерти.

Почерк убийцы. Злодеяния автора этого письма вдохновляли художников в прошлом — вдохновляют и сегодня (кадр из фильма «Из ада»).

Вскоре, однако, убийца сам придумал себе прозвище. 27 сентября в лондонское агентство новостей Central News пришёл конверт, адресованный «боссу». Письмо, написанное красными чернилами, грамотно и глумливо, извещало адресата, что его автор намерен в ближайшее время продолжить свою «работу». Внизу листа стояла подпись: «Искренне Ваш, Джек Потрошитель».

Редактор решил, что это чья-то скверная шутка (феномен, хорошо известный современным сыщикам), и не стал сообщать о письме в полицию. Спустя два дня он передумал. В час ночи 30 сентября во дворе дома по улице Бернер был обнаружен труп женщины, позднее идентифицированной как Элизабет Страйд.

Полицейские и врач ещё находились на месте преступления, когда на расстоянии четверти мили от него, на Митр-сквер, констебль обнаружил новую жертву. И снова — перерезанное горло, вспоротый живот, задранные юбки. Вырезанные из трупа матка и левая почка исчезли. Звали несчастную Кейт Эддоуз.

Скотланд-Ярд немедленно широко распространил факсимиле послания Джека Потрошителя, опубликовав его в своих листовках и отправив в газеты. Впоследствии сыщики признавали это своей ошибкой: публикации привели к огромному числу подражателей. Детективы потеряли массу времени, изучая сотни писем за подписью Джека.

Потрошитель по Фрейду

Лондон охватила паника. Королева Виктория, следившая за делом с самого начала, не раз звонила министру внутренних дел, осведомляясь о ходе расследования. Она отправила премьер-министру лорду Дизраэли гневную телеграмму, требуя «решительных действий». Но Скотланд-Ярд и без того сбивался с ног.

Из газетных версий стремительно выростал зловещий миф о Потрошителе. Он по сути дела стал сублимацией подавленных страстей общества. Атмосфера позднего викторианства с его культом внешних приличий, вытесняющих всё «неприличное» в нравственное и социальное подполье, описана несколькими убийственными фразами у Мишеля Фуко. Недаром его «История сексуальности» начинается главой «Мы, другие викторианцы». Фуко так формулирует социальную философию викторианской эпохи: «Если уж и в самом деле нужно дать место незаконным

формам сексуальности, то необходимо их направить куда-нибудь туда, где их можно будет снова включить если не в производственный цикл, то, по крайней мере, в процесс получения выгоды». Фуко блестяще показал, что власть и сексуальные перверсии нуждаются друг в друге, получая взаимный импульс, совершенствуясь и образуя «нескончаемые спирали».

Журналист лондонской *Pall Mall Gazette* Уильям Стэд стал первым, кто, освещая уайтчепельские убийства, написал об их сексуальной подоплёке и в качестве возможной модели предложил феномен доктора Джекиля и мистера Хайда. Повесть Стивенсона, опубликованная двумя годами ранее, как нельзя лучше выражала раздвоенность сознания позднего викторианца. Она мгновенно превратилась в бестселлер, открыв дорогу новому течению в английской литературе — за «Странной историей д-ра Джекиля и м-ра Хайда» последовали «Дракула», «Портрет Дориана Грея» и «Остров доктора Моро». Публика увидела в Хайде воплощение сексуального подполья своего собственного сознания, хотя текст, казалось, не давал никаких к тому оснований (о чём, кстати, неоднократно заявлял сам автор). В августе 1888 года в Лондоне состоялась премьера спектакля по стивенсоновскому «триллеру». Исполнитель главной роли Ричард Мэнсфилд играл Хайда именно как сублимацию тайных помыслов Джекиля. Автор инсценировки добавил отсутствующего в повести персонажа — невесту доктора, которая погибает от рук Хайда; тем самым в сюжет был введён скрытый мотив гомосексуального влечения, что само по себе было уголовным преступлением в викторианской Англии. Мэнсфилд был настолько убедителен, что его самого стали подозревать в том, что он и есть Потрошитель. Меньше чем через месяц после премьеры, в середине сентября, пьеса была запрещена. Последний спектакль был благотворительным — в пользу ночлежных заведений для бездомных женщин.

Вернёмся, однако, к статьям Стэда. Сама гипотеза о том, что Потрошитель неуловим по той причине, что в обычной жизни ничем не отличается от добропорядочных членов общества, была абсолютно нова. Стэд говорил о садизме как о «мании», которой «страдает» уайтчепельский убийца. Такого взгляда на проблему публика дотоле не знала. Это был лексикон предшественника Фрейда, великого венского психиатра Рихарда фон Крафт-

Эбинга, чья *Psychopathia Sexualis* вышла первым изданием в 1886 году. В одно из последующих изданий Крафт-Эбинг, кстати сказать, включил случай Потрошителя.

От Льюиса Кэрролла до Пахоменко

Вплоть до 1892 года продолжалось расследование пяти убийств (ещё одна жертва Джека Потрошителя, Мэри Кэлли, погибла в ноябре 1888 года), совершённых таинственным маньяком. В 1892 году дело было закрыто за недостатком улик. Инспектор Абберлайн вышел в отставку в том же году.

Энтузиасты, сыщики-любители и профессионалы, историки и литераторы, криминологи и психологи возвращаются к делу Потрошителя и поныне. Люди, увлечённые тайной кровавого маньяка, называют себя рипперологами (от *ripper* — потрошитель). Они проводят ежегодные международные конференции и выпускают специализированные журналы, последний из которых начал выходить в 2000 году в Австралии.

За десятилетия, миновавшие с тех пор, появилось множество новых, неожиданных, парадоксальных и скандальных версий. В число подозреваемых попал даже Чарльз Латуидж Доджсон, он же Льюис Кэрролл, автор «Алисы в Стране чудес». Против него нет ровно никаких свидетельств. Хитроумный автор версии, зная страсть Кэрролла к игре слов, построил обвинение на анаграммах. Переставляя буквы в одном из отрывков Кэрролла, он превратил его в довольно связный текст, заключающий в себе признание Джека Потрошителя. При этом, правда, любителю анаграмм пришлось заменить три буквы. Оппоненты подняли его на смех и, дабы продемонстрировать абсурдность приёма, точно таким же манером поступили с начальной фразой «Винни Пуха».

Щедрую дань Потрошителю отдал кинематограф, начиная с Альфреда Хичкока (1926, «Квартирант») и кончая «Молчанием ягнят»: образ Ганнибала Лектера, конечно же, в сильной степени навеян лондонским маньяком. Наконец, недавно уайтчепельского убийцу «поймал» любимец русской читательской публики Эраст Фандорин — как оказалось, фамилия киллера лишь одной буквой (точнее, отсутствующей «р») отличается от фамилии главного редактора «Еженедельного Журнала».

*В лабиринте версий. Кого только не считали Потрошителем!
Слева направо: Л. Кэрролл, принц Альберт и Уолтер Сиккерт
(выше — одна из его работ).*

Джек голубых кровей

Одна из самых изошённых версий гласит, что Потрошителем было лицо королевской крови — принц Альберт Виктор Кристиан Эдуард, герцог Кларенский, внук королевы Виктории,

старший сын принца Уэльского (будущего короля Эдуарда VII). По другой версии, принц не убивал сам — это делали подосланные его бабкой придворные.

Герцог Кларенский, не умри он от инфлюэнцы в 1892 году в возрасте 28 лет, стал бы британским монархом. Поговаривали, что в поисках плотских утех он часто навещался в знатные кварталы Ист-Энда. Во время одной из таких вылазок, утверждает молва, принц Эдди познакомился с продавщицей табачной лавки, ирландкой Энни Крук. Он снял для неё квартиру, вскоре Энни забеременела, и пара вроде бы тайно обвенчалась в католическом храме.

Узнав о случившемся, королева якобы потребовала положить конец роману принца с женщиной низкого происхождения. Исполнение приказа было поручено королевскому лекарю сэру Уильяму Галлю. Доктор Галль будто бы поместил Энни в психиатрическую лечебницу. Тем временем её новорождённую дочь нянчила Мэри Келли, она же дала ей имя Элис Маргарет. От Мэри о тайной связи принца Эдди узнали её подруги Мэри Энн Николс, Энни Чэпмен и Элизабет Страйд. Кто-то из них (а может, все вместе) решил попытать счастья, шантажируя королевское семейство.

За дело опять взялся доктор Галль, заставив Келли и её подруг замолчать навеки. Он же придумал Джека Потрошителя, дабы отвести подозрения от истинного убийцы. Один из вариантов сюжета гласит, что доктор исполнял во время убийств некий масонский ритуал. Кейт Эддоуз была убита им по ошибке.

Женщина по имени Энни Элизабет Крук — реальное лицо. Ровно никаких доказательств её связи с принцем Эдди не существует. Тем не менее, именно эта версия стала наиболее популярной. В прошлом году на экраны вышел фильм «Из Ада» компании «20 век Фокс» с Джонни Дэппом в роли инспектора Абберлайна и Хитёр Грэм в роли Мэри Келли, в основу которого легла именно версия «королевского заговора».

Основательная женщина.

Патриция Корнуэлл, готовя очередной детектив, изучает останки мужчины, застреленного в начале XVII века.

Открытие Патриции

Патриция Корнуэлл наряду с Джоном Гришэмом и Томом Клэнси входит в тройку самых высокооплачиваемых авторов криминального чтива в США. Славу и деньги принёс ей в 1991 году роман *Postmortem*, в котором перед читателем впервые предстала судмедэксперт Кей Скарпетта, ставшая главным действующим лицом серии, написанной от первого лица. Корнуэлл не понаслышке знает свой предмет. Она была полицейским репортёром в Северной Каролине, затем шесть лет работала в офисе главного судмедэксперта штата Вирджиния, служила в полиции и прошла подготовку в Академии ФБР. Её излюбленный сюжет — серийный убийца.

Корнуэлл говорит, что впервые занялась делом Потрошителя, размышляя, не поручить ли его своей героине. И увлеклась настолько, что решила и впрямь разгадать загадку. В декабре прошлого года она объявила в интервью телекомпании ABC, что добилась своего — тайны Джека Потрошителя больше не существует.

Авторы детективов нередко выступают в роли сыщиков-любителей по делам давно минувших дней, но это сугубо литературные экзерсисы, не претендующие на статус юридического документа. Однако Патриция Корнуэлл задумала применить современные методы криминалистики, какими не располагал инспектор Абберлайн, и всерьёз докопаться до убийцы. Она не говорит, каким образом она вышла на след, но её главным подозреваемым стал выдающийся художник Уолтер Сиккерт.

Уолтера Сиккерта (1860-1942) многие искусствоведы считают лучшим английским живописцем после Тернера. Почему взор маститой детективщицы обратился к Сиккерту? Оснований, по её словам, более чем достаточно. «Он любил прогуливаться по улицам Уайтчепела по ночам, в густом тумане, — говорит Корнуэлл. — Его натурщицами были проститутки».

Но какая сила, по мнению Корнуэлл, превратила его в маляка? По сведениям Корнуэлл, Уолтер Сиккерт перенёс в детстве несколько мучительно болезненных хирургических операций на пенисе, повлёкших за собой сексуальные проблемы. Далее: «Его вторая жена умерла внезапно якобы от болезни в 1920 году. Он очень быстро кремировал её, что было необычно в то

время. На её похоронах он открыл урну, опустил туда руку и забросал пеплом стоявших рядом людей».

Само собою разумеется, Корнуэлл внимательно присмотрелась к полотнам Сиккерта. У него в самом деле есть серия картин, выбивающихся из ряда его традиционных сюжетов. Серия написана в 1908-1909 годах и носит общее название «Камдентаунское убийство». В лондонском пригороде Камдентаун, где жил тогда Сиккерт, в 1907 году произошло убийство, аналогичное уайтчепельским. Сцена на всех полотнах одна и та же: бедный интерьер, кровать, на ней нагая женщина, рядом сидит или стоит полуодетый — в жилете, но без пиджака — мужчина.

Сиккерт жил в Лондоне в период убийств, у него была студия в Уайтчепеле. Зверства прекратились после того, как он надолго уехал во Францию и Италию. И наконец, убийство в Камдентауне. Сиккерт был на месте преступления и сделал набросок трупа. Романистка убеждена, что он оказался там не случайно: «Труп жертвы оставался в ночлежке в течение нескольких часов, необходимых полицейскому медику для исследования, после чего был доставлен в морг. Меня поражает это замечательное совпадение: Сиккерт не только оказался поблизости в нужное время, у него ещё и оказался при себе альбом для эскизов».

Всё это звучит ничуть не убедительнее других версий. Корнуэлл нужны были неопровержимые улики. Писательница взялась за дело с необыкновенным размахом. Она привезла в Лондон команду американских криминальных экспертов, в том числе графолога и микробиолога, скупил 32 картины Сиккерта и стол, на котором художник смешивал краски, в надежде найти на них отпечатки пальцев или даже частицы ДНК. В общей сложности она потратила на свой проект 4 миллиона долларов из собственного кармана. Ценители изящных искусств пришли в ужас, узнав, что Корнуэлл изуродовала некоторые холсты в поисках вещественных доказательств, и объявили её действия актом вандализма.

Налицо скромный результат. Патриция Корнуэлл со своими экспертами обнаружила водяные знаки, идентичные знакам на писчей бумаге, которой пользовался Уолтер Сиккерт. Но дело в том, что бумага произведена одной из крупнейших фирм того

времени Perry & Sons, продукцией которой пользовались сотни англичан.

Корнуэлл, впрочем, обещает разрешить все замысловатые проблемы в книге, которую сейчас пишет. В ней она, вероятно, попытается развенчать версии предшественников. Об одной из них её спросили в ходе декабрьского интервью ABC — о «королевском заговоре». «Королевский заговор — полный вымысел», — неожиданно резко и безапелляционно ответила она. Так вот, может быть, в чём дело?

Сто лет спустя. Теперь в Уайтчепеле имя серийного убийцы используют в качестве рекламной приманки.

И снова Виндзоры

Дело в том, что Уолтер Сиккерт имеет непосредственное отношение к версии «королевского заговора». В 1973 году человек, называющий себя Джозефом Сиккертом и утверждающий, что он внебрачный сын художника, дал интервью телекомпании ВВС. Он рассказал, что в январе 1942 года на смертном одре отец поведал ему историю «королевского заговора». Энни Крук была натурщицей Сиккерта. Сиккерт познакомил с ней принца Эдди, а впоследствии вступил в тайный брак с их дочерью. От этого брака якобы и родился в 1925 году Джозеф.

Однако Джозеф — не единственный свидетель. В 1990 году известная английская писательница Джин Овертон-Фуллер опубликовала книгу «Сиккерт и преступления Потрошителя». Это на самом деле и есть первоисточник версии Корнуэлл. Автор ссылается на свою покойную мать, которая узнала тайну Потрошителя в 1948 году от ученицы Сиккерта Флоренс Пэш. Та, в свою очередь, слышала её непосредственно от мэтра. Флоренс

Пэш, впрочем, отнюдь не утверждала, что Сиккерт признался ей в убийствах. Она лишь излагала версию «королевского заговора».

Королевская семья, как мы помним, начиная с королевы Виктории живо интересуется делом Потрошителя. По некоторым сведениям, королева-мать владеет коллекцией раритетов, связанных с делом Потрошителя, которую собирал для неё не кто иной, как Энтони Блант, её главный консультант по вопросам искусства, выдающийся искусствовед и агент КГБ, один из участников знаменитой «кембриджской пятёрки» — группы «кротов», работавших в 30-70-е годы на советскую разведку.

Уж не в опровержении ли «королевской» версии состоит подлинная цель проекта Корнуэлл? Напомним, что романистка получила от британских властей беспрецедентное право экспертизы оригиналов документов, к которым до сих пор не допускали ни одного рипперолога.

...Американские рипперологи созывают в апреле свою очередную конференцию. На повестке дня — происки Патриции Корнуэлл. Желаящие участвовать могут обратиться к организаторам по адресу conference@casebook-productions.org. Мероприятие называется «Уикенд с Джеком Потрошителем».

Вашингтон, 8.2.2002

Джек Потрошитель? Никакой мистики

«Отец» Э. П. Фандорина не верит в причастность принцев и художников к уайтчепельским убийствам.

— Почему, на ваш взгляд, тайна личности Джека Потрошителя до сих пор, что называется, волнует умы? Ну мало ли на свете нераскрытых преступлений...

— Зверские серийные убийства, разумеется, происходили и до Потрошителя — в том числе с куда большим количеством жертв и ещё более жестокими изуверствами. Так что ничего нового, небывалого в убийстве нескольких уайтчепельских проституток не было. Кроме одного: это была первая из подобных криминальных историй, раздутая прессой до размеров Вселенской Новости.

Для иллюстрированных таблоидов и даже для уважаемых изданий публикация материалов, связанных с Джеком Потрошителем, оказалась сверхприбыльным делом и многообещающим открытием — так сказать, первой масштабной акцией приближающегося века СМИ.

— Убеждает ли вас версия Патриции Корнуэлл? Если нет, то какая из существующих версий кажется вам наиболее убедительной? И, наконец, отвлекаясь от конкретных версий: как вы себе представляете личность Джека Потрошителя и его побудительные мотивы?

— Я полагаю, впрочем, совершенно бездоказательно, лишь на основании установленных фактов и общего социально-

культурного фона викторианской эпохи, что подлинная история Дж. П. скорее всего совершенно банальна. Ни августейшие особы, ни люди искусства в ней не замешаны. Что-нибудь в таком роде: некий человек из буржуазной семьи, с медицинским образованием, заразился сифилисом от дешёвой уличной проститутки, свихнулся на этой почве и стал истреблять блудниц, мстя этим несчастным женщинам за свою погубленную жизнь. А прекратились убийства из-за того, что преступник умер или покончил с собой. В общем, ничего мистического или inferнального. Версия истории Джека Потрошителя, изложенная в моей повести «Декоратор», — вариация романтическая, до некоторой степени основанная на реально существующей гипотезе. Некоторые рипперологи считают, что «уайтчепельский монстр» был русским медиком по фамилии Педаченко, который работал в больнице для проституток, а убийства прекратились, когда он вернулся в Россию. Ну а тут, сами понимаете, — Эраст Петрович Фандорин, с ним шутки плохи.

— Как вы относитесь к попыткам энтузиастов расследовать старые дела типа дела Потрошителя, какой в этом смысл?

— Меня, как и многих, возбуждает аромат тайны, особенно исторической, тайны, раскрыть которую шансов немного. К тому же, как известно, очень часто бывает, что исследователи ищут одно, а находят нечто совсем иное, куда более важное.

— Писательское ли это дело — преступления расследовать? Взялись бы вы за расследование настоящего преступления?

— Не дело, не взялся бы и не берусь. Хотя иногда получаю письма с просьбами подобного рода. Я — сочинитель сказок. А не сыщик. У меня нет ни знаний, ни права для того, чтобы делать из невыдуманной трагедии игру в детектив.

Михаил Свердлов

Ужасная гипотеза Стивенсона⁵

Работу над «Странной историей доктора Джекила и мистера Хайда» можно считать одним из удивительных приключений Роберта Луиса Стивенсона (1850-1894). Дело было осенью 1885 года в приморском местечке Борнмут. Писатель приходил в себя после очередного лёгочного кровотечения. Ему настоятельно советовали не разговаривать, воздержаться от сильных эмоций и побольше спать. Во сне и явилась больному идея его будущей повести: призрачные человечки разыграли перед ним сюжет с превращениями. «Кошмарная история!» — воскликнул он, проснувшись, и тут же начал писать. Вдохновение победило болезнь: через несколько недель Стивенсон закончил повесть, принёсшую ему всемирную славу.

«Странная история» Стивенсона начинается как *детектив*. У читателя создаётся впечатление, что он следит за началом расследования. Иначе к чему такая точность в описаниях, такое внимание к деталям? Точность нужна в разгадывании *криминальной загадки*, где любая деталь может стать ключевой.

В один воскресный день адвокат Аттерсон и его дальний родственник Энфилд случайно заходят на некую тихую улочку. В этом месте читателю лучше быть настороже — слишком уж подробны указания автора: «Через две двери от угла, по левой стороне, если идти к востоку, линия домов нарушалась входом во двор, и как раз там высилось массивное здание». Какое слово останавливает читателя? «Линия домов нарушалась...» Это «нарушение», «разрыв» прямой линии неспроста: здесь завязка «странной истории».

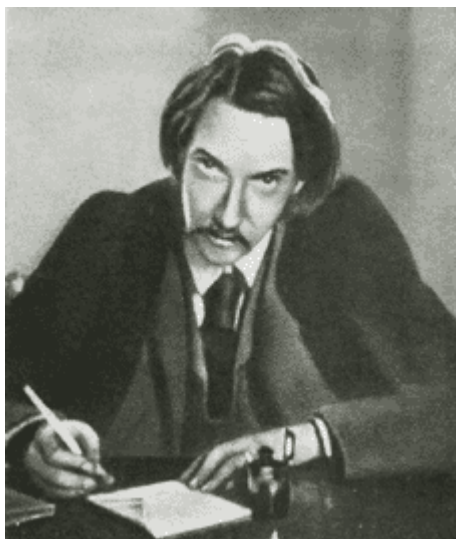
Все дома на этой улице сияют: ставни выкрашены, дверные ручки вычищены до блеска. И вдруг — «слепой лоб грязной стены», без окон, без звонка или молотка в «тёмных разводах две-

---

⁵ г. «Литература» № 10 / 2003 г.

ри». Читатель догадывается: за этой дверью скрывается какая-то тайна.

История, рассказанная Энфилдом, вызывает то же впечатление контраста, что и описание улицы. Именно на этой улице он увидел, как невысокий мужчина отталкивающей наружности вдруг «хладнокровно наступил на упавшую девочку и даже не обернулся на её громкие стоны». Когда же Энфилд и родственники девочки потребовали от негодая компенсацию, тот привёл их именно к этой двери. Оттуда он вынес требуемый чек на немалую сумму, подписанный чужой рукой — рукой человека, хорошо известного своими добрыми делами. Неприглядный дом, омрачающий приветливую улицу. Мерзавец, пользующийся кредитом от имени всеми уважаемого общественного деятеля. Один контраст за другим — и вот уже читатель предчувствует что-то зловещее, скрывающееся за внешним благообразием.

Обратим внимание: как только Энфилд заговаривает о «странной истории» двери, у Аттерсона «слегка меняется голос». Почему? Потому что джентльмен, подписавший чек, хорошо известен нотариусу: это его клиент и друг доктор Джекил. Имя злодея, наступившего на девочку, также знакомо Аттерсону. Но откуда? Из завещания, что хранится в сейфе у адвоката: всё

имущество доктора Джекила в случае смерти или исчезновения последнего переходит «его другу и благодетелю Эдварду Хайду». Вот где узел, который надо распутать: что связывает почтенного человека с чудовищем в человеческом облике? «Позорная тайна», «тень какого-то старинного греха»?

Аттерсон начинает вести наблюдения за дверью. Но напрасно он надеется на зрение, напрасно успокаивает себя, будто стоит ему только взглянуть в лицо мистера Хайда — «и тайна рассеется, утратит свою загадочность, как обычно утрачивают загадочность таинственные предметы, если их хорошенько рассмотреть». Нет, наблюдательность здесь не поможет. Облик Хайда ускользает даже от самого внимательного взгляда.

Аттерсону приходится скорее полагаться на слух: «воцарилась тишина», «вдруг раздались приближающиеся шаги, необычные и лёгкие», «ничьи шаги не привлекали его внимания так резко и властно», «шаги быстро приближались». Так прислушиваются к чему-то странному и страшному. Звуки ночных шагов

вызывают смутное ощущение опасности, приближающейся беды. Вместо того чтобы привести Аттерсона к разгадке тайны, они уводят его воображение в мир кошмарных сновидений: «Эта фигура... ещё быстрее, ещё стремительнее — с головокружительной быстротой — мелькала в запутанных лабиринтах освещённых фонарями улиц». Аттерсон не может справиться с этим головокружением, его расследование не находит выхода из этих лабиринтов.

Может быть, настоящее расследование начнётся с убийства? Оно не заставило себя ждать: убит член парламента сэр Денверс Кэрю. Вроде бы всё есть для разворачивания детективной интриги: и показания свидетельницы, и улики, и полицейский инспектор. Но нет главного — вопроса: кто убил? Преступник известен с самого начала: свидетельница узнала мистера Хайда, улики тоже против него. Загадка в другом: убийство кажется немотивированным, беспричинным.

При обыске на квартире Хайда инспектор не упустил ничего: ни горстки пепла, ни обуглившегося корешка зелёной чековой книжки, ни обломка сломанной трости — той самой трости, которая послужила орудием убийства. Сможет ли инспектор решить уравнение, составленное из разбросанных вещей, прочитав разрозненные факты как шифр? Нет, ему не удалось сделать и первого шага — составить объявление с описанием преступника. В образе Хайда было что-то неуловимое, в приметах — призрачное. Более того: совершив преступление, он «словно растаял». Следствие же запуталось, не успев начаться.

Поведение Джекила ещё менее поддаётся объяснению. С каким чувством он говорит о Хайде? То впадая в отчаянье: «Вы не понимаете, в каком я нахожусь положении. Оно крайне щекотливо, Аттерсон, крайне щекотливо и странно, очень странно». То впадая в легкомыслие: «Стоит мне захотеть, и я легко и навсегда избавлюсь от мистера Хайда».

Клятвы Джекила после преступления Хайда искренни: «Даю вам слово чести, что в этом мире я отрёкся от него навсегда». Но при этом письмо Хайда, которое доктор вручил Аттерсону, подложно: его написал сам Джекил.

После исчезновения Хайда доктор сначала деятелен и бодр, общителен и открыт. Но затем — ещё более замкнут, чем прежде. Вот Аттерсон видит Джекила сидящим у окна и загова-

ривает с ним. Тот рад другу, но вдруг — лицо доктора искажается, и он исчезает, захлопывая окно.

Чем ближе к развязке, чем больше мы знаем о Джекиле и Хайде — тем загадочнее становится история. Удивительно, но и развязка не проясняет ситуацию. Как-то вечером к Аттерсону является перепуганный дворецкий Джекила — Пул; он просит нотариуса о помощи. Пул утверждает: в доме доктора творится что-то странное. Дворецкий убеждён, что хозяин исчез, что в кабинете доктора скрывается кто-то другой. Аттерсон и Пул взламывают дверь в кабинет и обнаруживают труп Хайда; тот только что покончил жизнь самоубийством.

Но где же сам Джекил? Аттерсон приступает к поискам. Вот он тщательно осматривает кабинет, задерживаясь взглядом на каждой детали: чайник, чайный столик, чайный прибор, кучки белой соли на стеклянных блюдечках, камин, богословский трактат на каминной полке, вращающееся зеркало, конверт, лежащий на столе. Вот он методично обходит все помещения дома и лаборатории: анатомический театр, чуланы, подвал... Пул даже топает по каменным плитам лаборатории: не замуровано ли тело Джекила под этими плитами?

Третья попытка расследования упирается в дверь — ту самую загадочную дверь, только с внутренней стороны. Аттерсон поднимает и рассматривает сломанный ключ, покрытый ржавчиной. Это кажется символичным: не сломан ли ключ к загадке двери? Вот уже и круг замкнулся: в начале истории Аттерсон глядел на дверь снаружи, в конце — глядит на неё изнутри. А задача по-прежнему остаётся неразрешённой. «Я ничего не понимаю»; «У меня голова идёт кругом», — только и может сказать нотариус. Нет, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» — не детектив.

Повествование порой напоминает свидетельские показания: в изложении событий автор стремится к точности, в описаниях — чрезвычайно внимателен к деталям. Все эти подробности увиденны глазами здравомыслящих людей — Энфилда, Аттерсона, друга Джекила доктора Лэньона. Но ни подробно изложенная хроника событий, ни детальное описание не приближают читателя к разгадке. *Зачем же тогда они нужны?*

Чтобы «странная история» показалась читателям достоверной, чтобы он поверил в неё. И при этом — чтобы он ломал

голову и сомневался вместе с героями. Автор заставляет читателя до самого конца цепляться за рациональное истолкование невероятных событий, ждать, что всё разрешится самым естественным образом. Но в то же время автор внушает читателю ощущение необъяснимого ужаса.

Какие *художественные средства* использует писатель для нагнетания страха? *Пейзаж и портрет*.

В пейзажных сценах повести последовательно развёрнута метафора «вторжение тьмы». С самого начала в «туманном лике городской луны» чувствуется смутная угроза. Ожидание чего-то страшного усиливается звуковым *лейтмотивом*: «глухое рычание Лондона».

Далее — туман всё наступает и наступает, «проникая даже в дома». И вот уже Лондон во власти тумана, «распластавшегося над утонувшим городом». Грань между явью и сном, реальностью и фантастикой стёрта в захваченном туманом городе. Ближе к развязке пейзаж становится всё более «беспросветным» — уже не в городском, а в космическом масштабе. Вот «бледный месяц опрокинулся на спину, словно не выдержав напора ветра». Ещё час — и «луну затагнули тучи, и стало совсем темно». Мир погрузился во тьму.

Нарастает тревога. Аттерсон теряет свою обычную «устойчивость». Изменяется до неузнаваемости и Пул, всегда столь солидный и невозмутимый. Лица персонажей отмечены одной печатью: щёки Лэньона утратили румянец, лицо Пула побелело, бледны и Аттерсон с Энфилдом. Это знаки смертельного страха. Перед чем?

Вот что мы узнаём из исповеди Джекила: он обнаружил, что облик человека определяется его духовной сущностью, что телесная оболочка человека находится в полной зависимости от сочетания в нём нравственных *элементов* — добра и зла. Он стремится разделить телесно-духовное единство личности: чтобы «расселить» доброго и злого «в отдельные тела». Тогда «дурной близнец пошёл бы своим путём, свободный от высоких стремлений и угрызений совести добродетельного двойника, а тот мог бы спокойно идти своей благой стезёй, творя добро согласно своим склонностям...» На деле же, когда доктор Джекил находит способ химически воздействовать на свой организм, ему удаётся выделить из себя только чистое зло. Приняв один препарат, он пре-

вращается в чудовище, которому даёт имя Хайда; приняв другой, возвращает себе облик и характер Джекила.

Нет, наука не объясняет тайны; в самой научной деятельности доктора скрывается какая-то страшная тайна. Обратим внимание: научное открытие Джекила оказывается сродни магии. По собственному признанию, его исследования тяготеют к «области *мистического и трансцендентного*». В поисках связи между телом и духом доктор как будто возвращается к истокам современной науки. Многое в поисках Джекила перекликается с эпохой XVI-XVII веков, когда научный эксперимент был подчас неотделим от тайного, мистического знания. Даже термины, употребляемые доктором, были бы вполне уместны в устах какого-нибудь астролога и алхимика XVI столетия — *элементы, эманация*.

У Джекила немало общего с *Фаустом*. Как и чародей XVI века, Джекил соединяет страстное стремление к познанию с «нетерпеливым стремлением к удовольствиям». Оба — доктора медицины. Творя чудеса при помощи дьявола, Фауст предстаёт в общественном мнении XVI века «гнусным чудовищем и зловонным вместилищем многих бесов». В душе Джекила, совершившего «необыкновенное, неслыханное открытие», Лэньон также обнаруживает «бездну гнуснейшей безнравственности». Об изысканиях Фауста его учёные современники отзывались с резким неодобрением: «Искусство его... дело пустое... легковеснее, чем мыльный пузырь». Вот и о Джекиле его коллега доктор Лэньон говорит: «увлёкся нелепыми фантазиями», «сбился с пути — я говорю о пути разума».

Но есть ли в сюжете Стивенсона решающий эпизод фаустовской драмы — договор с дьяволом? Ещё раз проследим за мистером Хайдом. При встрече с ним или при мысли о нём всякий раз поминают чёрта: «держался он хладнокровно, будто сам Сатана»; «из зыбкого смутного тумана... внезапно возник сатанинский образ».

Стараясь не упоминать имя Хайда, Пул путается в местоимениях — то ли «он» («he»), то ли «оно» («it»). Вот и Джекил в своей исповеди говорит о делах Хайда не от первого лица — «я», а в третьем лице — «он», при этом называя своего злого двойника «чистым воплощением зла», «исчадием ада», «адским духом».

Аттерсон размышляет: почему лицо Хайда ускользает от описания, не складывается в единый образ; почему один его вид уже вызывает такую ненависть и омерзение? «Тут кроется что-то другое... Что-то совсем другое, но я не знаю, как это определить». В оригинале эта фраза звучит страшнее и многозначительнее: «There is something more» — тут что-то большее; «if I could find a name for it» — если б я смог найти для этого имя. И вдруг Аттерсона осеняет: «Или всё дело просто в том, что чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно её преобразует? Пожалуй, именно так, да-да, мой бедный Гарри Джекил, на лице твоего нового друга явственно видна печать Сатаны».

Сюжет «продажа души дьяволу» зашифрован в тексте «Странной истории». Попробуем восстановить его. Когда Джекил вплотную подошёл к своему открытию, он встал перед выбором («у рокового распутия») — добро или зло, рай или ад. Какие силы вызовит магический препарат из недр души — ангельские или дьявольские?

Дурной исход предопределён. Вроде бы сказано вскользь: «извечное проклятие человечества», но в этих словах — указание на *первородный грех*.

Уже в самом замысле доктора Джекила — вызов и бунт. Как и Фауст, «захотевший постичь все глубины неба и земли», Джекил совершает адамов грех — стремится к запретному знанию.

В легенде о Фаусте дьявол воздействовал на душу грешника не только соблазном познания, но и соблазном власти. Вот и Джекил движим не только инстинктом учёного, но и волей к могуществу: прикрывшись личиной Хайда, доктор, уважаемый общественный деятель, сможет грешить свободно и безнаказанно. Соблазн силён: «не устояв перед искушением, я превратился в раба». В раба — чьего? Кто соблазнитель? То, что неясно в переводе, гораздо яснее в оригинале: «my new power tempted me until I fell in slavery» — новая сила во мне искушала меня, и я попал в рабство. «To fall», «пасть», — этим глаголом обозначается грехопадение. Грешник «падает» — попадает в рабство к дьяволу.

Джекил признаётся: «я понял, что стал... рабом таившегося во мне зла». И вновь перевод не передаёт всего драматизма этой фразы. Обратимся к английскому тексту: «I knew myself... sold a slave to my original evil». Доктор не просто «стал рабом», а «продал себя в рабство». И зло, завладевшее учёным, не просто «тайлось» в нём. Это «изначальное» зло — соблазнившее не только его, но и Адама («первородный грех» по-английски — «original sin»). Вот так, намёком, игрой слов, автор даёт понять: воплотив своё открытие, доктор Джекил *«отверг добро» и продал душу дьяволу.*

Фауст гордился тем, что по договору «ему сам дьявол должен покориться». Джекил столь же самонадеян, полагая, что обладает полной властью над Хайдом, «воплощением чистого зла». Но вскоре доктору предстоит убедиться: его душа во власти дьявола, и возмездие неизбежно. Однажды утром Джекил обнаруживает, что превратился в Хайда без воздействия препарата — так зло начинает брать верх над доброй волей учёного.

Какое же возмездие ждёт Джекила? Ещё при жизни — ад. В самом начале повести Энфилд пророчески заметил: «В наведении справок есть какой-то привкус Судного дня».

Пройдёт немного времени — и Судный день настанет для Джекила. За его преступление ему суждено претерпеть поистине

адские муки — муки постепенного перерождения, неуклонного превращения в Хайда, «духа ада».

«Это действительно страшная книга»; «Лучше иметь дело с призраком, упырём или даже вампиром, чем встретиться с мистером Эдвардом Хайдом» — таковы были первые отклики критиков. В чём же суть открытия Джекила, так испугавшего современников Стивенсона?

Вспомним, что Джекил говорит о своих отношениях со злом: «*my original evil*» — зло, изначально присущее мне. Эксперимент, проведённый доктором над своей душой, показал: зло свойственно человеку, заложено в нём. Более того: в состоянии полной свободы человек более склонен ко злу, чем к добру.

Опыт Джекила как раз и состоит в том, чтобы освободить себя от запретов и сдерживающих механизмов культуры. Что будет, если выпустить человеческие инстинкты на волю, вернуть человека в естественное состояние? Согласно *фантастической гипотезе* Стивенсона, человек тогда превратится в чудовище.

В доказательство ужасной гипотезы душа Джекила вывернута наизнанку, его низкие инстинкты даны через увеличительное стекло. Ведь вовсе не из преисподней, а из души самого учёного возник мистер Хайд, в ком обычные людские пороки доведены до своего полного развития, до предела.

Итак, не изобретение магического препарата, а *обнаружение в душе человека угрозы роду человеческому* — вот в чём суть открытия доктора Джекила. Дьявол таится в человеке, как джинн в бутылке, — и горе тому, кто освободит его!

Многие современники Стивенсона сетовали на то, что «Странная история» лишена света, лишена надежды. *Но так ли это?*

Зло в повести уравновешено добром. Современники этого не заметили, обманутые первым предложением повести: «Мистер Аттерсон, нотариус, чьё суровое лицо никогда не освещала улыбка, был замкнутым человеком, немногословным и неловким в обществе, сухопарым, пыльным, скучным...» Сосредоточив всё внимание на тайне Джекила и Хайда, упустили из виду Аттерсона. Так и должно быть: зло бросается в глаза и будоражит воображение, а добро творится в тишине — буднично и незаметно.

Присмотримся к Аттерсону. Некоторые привычки нотариуса представляются странными: он любит тонкие вина, а пьёт

при этом простой джин; любит театр, но запрещает себе туда ходить. Он не ищет приключений и легко мирится с однообразием своей жизни. Он сдержан. «Гм», — так реагирует он на чрезвычайно важное для него известие. Усмешка его — «скрытая», в минуту волнения голос его меняется только «слегка». Такие персонажи как будто обречены на роли второго плана в романах и повестях.

Скучен ли Аттерсон? Нет, он только кажется скучным, потому что не стремится самоутвердиться и выйти на первый план. Его дело в другом — в служении людям. Бесстрастен ли Аттерсон? Он смиряет свои вожеления и страсти, но с тем большим рвением вникает в дела своих друзей и клиентов. Когда от Аттерсона требуется помощь, от его обычной сухости не остаётся и следа: мысль «лихорадочно работает», воображение творит. Нотариуса мучают беды ближних, волнуют их страхи.

Почему Аттерсон выглядит столь суровым, почему он так строг к себе? Инстинкт добра подсказывает нотариусу, сколь опасно потворствовать своим слабостям и порокам. Он как будто чувствует: в каждом таится дьявол, и в нём тоже. Размеренная жизнь, однообразие привычек и умеренность в удовольствиях — всё это необходимые меры предосторожности. Сдерживать всё личное, эгоистическое в себе и все силы души устремлять ко благу ближних — таков рецепт Аттерсона в его борьбе с дьяволом. Такова антитеза эксперименту Джекила.

Говоря об Аттерсоне, автор скуп на эпитеты. Зато каждый из них важен. Вот доброжелательность нотариуса названа «все-ленской»; мы можем уже из этого заключить, сколь многим он помог и готов помочь. Вот его молчание названо «плодоносным»; значит, одно его присутствие «освежает мысли» и лечит души.

Получается, что не всё так мрачно в повести Стивенсона. Аттерсон противостоит тьме, на него вся надежда. Последними словами доктора Джекила становятся слова раскаянья, последним его поступком становится акт доброй воли — завещание на имя Аттерсона. Джекил знает: нотариус употребит завещанное ему состояние на добрые дела.

«Странная история» даёт читателям не только формулу зла. В образе Аттерсона выведена формула добра: строгость к себе, терпимость и благожелательность к другим, помощь нуждающимся в ней.

раздел четвёртый

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

(современная Шерлокиана)

А.Н. Королёв, С.И. Митюшкин
Следствие ведёт Шерлок Холмс
(Пародийный детектив)

Авторы и издательство выражают искреннюю благодарность за содействие в выпуске этой книги спонсорам, которых до сих пор разыскивают.

«Следствие ведёт Шерлок Холмс» — это роман-пародия молодых, но ещё подающих надежды московских авторов, которые весело и непринуждённо попытались изложить общеизвестные приключения великого сыщика в юмористической манере.

Книга запрещена Министерством образования, как сильноедействующее отвлекающее средства, и рекомендовано Министерством здравоохранения при запущенных случаях плоскостопия юмора и как профилактическое средство для широкого круга читателей.

Предисловие

В своё время по стране триумфальным шествием прокатились книги незабвенной серии «Библиотека пародии и юмора», такие как «Похождения штандартенфюрера СС фон Штирлица», «Приключения Василия Ивановича Чапаева в тылу врага и на фронте любви» и другие.

Имена Павла Асса, Нестора Бегемотова, Сергея Ульева, Бориса Леонтьева и других авторов этого цикла прочно закрепились на полках и в умах народных. Их книги были наполнены

первоклассными пародийными приёмами и искромётным юмором. Многие строчки впоследствии приобрели статус анекдотов и афоризмов. Эти книги разошлись огромными тиражами (включая «пиратские») и всегда жанру литературной пародии сопутствовал успех и признание.

Вот и мы решили попробовать на вкус пародийное повествование и выбрали своей мишенью, пожалуй, самого великого детектива всех времён и народов — Шерлока Холмса и его непутёвого друга доктора Ватсона.

Огромное влияние на наш труд оказал бессмертный фильм «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», который приковывал к экранам в восьмидесятые, не потерял успех в настоящее время и, мы надеемся, будет продолжать радовать истинных ценителей жанра. Этот эпохальный сериал, выполненный в великолепном стиле мастерами отечественного кинематографа, помимо его художественных достоинств отличался прекрасным юмором, усиленным блистательной игрой великолепного тандема актёров. Надо признать, что создателям фильма удалось перевести великого Артура Канон Дойла на советские рельсы, не только наделив героев подчас комичной манерой поведения, но и отразив английский стиль жизни. В итоге получилось вполне самостоятельное произведение, схожее с произведением Канон Дойла лишь героями и частично сюжетными линиями. Отечественная начинка, оказалась гораздо вкуснее заморского оригинала.

В наших «Записках» читатель, если постарается, сможет отыскать пародию именно на вышеуказанный фильм. Мы лишь попытались немного усилить те юмористические этюды, которые в нём присутствуют и дополнили повествование, акцентируя внимание, по нашему мнению, на смешных сторонах жизни непревзойдённого сыщика Шерлока Холмса и его неповторимого друга доктора Ватсона.

Авторы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Старый друг лучше незваного гостя

1. Поздний визитёр

Вечерние улочки Лондона были мрачными и пустынными. Редкие, но меткие прохожие торопились по своим делам, а бравые, но легавые полисмены неторопливо прохаживались по брусчатке, озираясь по сторонам и опасаясь встречи с лондонскими хулиганами.

Вдоль невысоких бордюров были аккуратно разбросаны кучи конского навоза, который с успехом заменял в то время выхлопные газы. По крышам невысоких домов шастали тёмные тени не то трубочистов, не то грабителей, воровавших дефицитную черепицу. По улицам от фонаря к фонарю быстро передвигались обслуживающие их керосинщики, следя за тем, чтобы какие-нибудь сообразительные обыватели не сообразили сливать дорогостоящее топливо из искусственных светиль. Обыватели попроще уже давно сидели в окружении своих семей, попивая чай у потрескавшегося камина и смотрели на огонь, думая как скоротать этот вечер и чем занять завтрашний день.

Где-то на западе слышался сдавленный, надрывный вой. Это местный лондонский потрошитель отбивался от домогательств очередной молоденькой нимфоманки.

У Букингемского дворца дремал караул, а в самом дворце вяло плелись очередные интриги. Английская жизнь текла по своим законам размеренно и неспешно. Биг-Бен упрямо отсчитывал время по Гринвичу. Девятнадцатый век неумолимо катился к закату, что не добавляло оптимизма людям, кому выпало жить в это время.

Одинокий кэб с пьяным возницей, обдавая грязью и без того замызганные фасады зданий, лихо подкатил к дому № 221-Б по Бейкер-стрит. Из коляски выпал небольшой трёхстворчатый шкаф. Из шкафа вышел человек в сером клетчатом пальто и шляпе и, расплатившись с невменяемым извозчиком, принялся толкать свой багаж к дверям дома. Мужчина был откровенно среднего роста и таких же способностей. Он тяжело дышал и отдувался в пшеничные усы, поминутно обливаясь потом из золотистой фляги.

2. Встреча друзей

Шерлок Холмс сидел за столом и увлечённо препарировал лягушку. В уютном углу негромко потрескивала миссис Хадсон. Лягушка бесовестно прыгала по глубокой тарелке, и скальпель постоянно скользил по китайскому фарфору. Подобное проявление неповиновения весьма обижало великого сыщика, привыкшего во всех вопросах достигать глубин и желавшего видеть подноготную всех явлений. За этим занятием Холмса и застал звонок в дверь. Лягушка воспользовалась паузой и, спрыгнув со стола, подалась под шкаф, очевидно, просить политического убежища у мышей.

Оставшись без ужина, Холмс невыразительным взглядом взирал на вошедшего, но, узнав в нём доктора Ватсона и, выпив дежурную рюмку коньяку, сразу повеселел.

Во время последнего наводнения, вызванного разливом Темзы, доктора Ватсона постигла страшная беда. У него сгорел дом. Жена доктора закатила грандиозный скандал, и он послал её к чёртовой бабушке. Жена, видимо обидевшись, сразу собрала сгоревшие вещи и ушла жить к матери.

Шерлок Холмс радостно встретил доктора, которого не видел уже целых часа полтора:

— О, Ватсон, а вы, по-моему, поправились.

— Это я опух, — сухо ответил доктор.

— Как пожар? — сочувственно поинтересовался Шерлок Холмс.

— Чёрт возьми, Холмс! Как вы догадались?

— Элементарно, дорогой друг, элементарно. Это так же просто, как стибрить с кухни миссис Хадсон блинчики с мясом.

С кухни раздался писклявый голосок домовладелицы:

— Мистер Холмс! Вы не видели мои блинчики?

Холмс, судорожно пряча блюдо со стола за пазуху доктору, прикрикнул в ответ:

— Нет, миссис Хадсон, ни сном, ни духом, — и, обращаясь уже к Ватсону, сказал, — ну, что же, дружище, раздевайтесь.

— Благодарю, — ответил доктор и, сняв брюки, повесил их на деревянную вешалку.

В комнату вошла миссис Хадсон и спросила:

— Господа, я вам ещё нужна?

Ватсон философски изрёк:

— Всякая поганка в лесу к чему-нибудь назначена, — и добавил. — Вы бы не могли распаковать мой багаж?

— Хорошо, любезнейший мистер Ватсон, — прошамкала домовладелица и скрылась в прихожей.

— Как это чудесно, что вы зашли, доктор. Я вам не рассказывал, что меня всю ночь беспокоили москиты, представляете Ватсон? — увлечённо начал Холмс.

— Кусали? — переспросил Ватсон.

— В дверь стучали, — коротко ответил Холмс, глядя на дверной проём, в котором появилась миссис Хадсон, страшно кряхтя и толкая перед собой трёхстворчатый шкаф.

Доктор Ватсон проследил направление взгляда великого сыщика и, спохватившись, убрал с дороги стул. Вновь сев в кресло и расслабившись у камина, он счёл необходимым поблагодарить заботливую хозяйку:

— Вы очень любезны, миссис Хадсон, будьте, пожалуйста, осторожны, это красное дерево. Этот шкаф мне дорог как память об одной актрисе. Ах, молодость, молодость, какой пылкий я был тогда, почти как огонь, — Ватсон ударился в воспоминания и не обращал внимания на не на шутку занимавшиеся башмаки, — А помните, Холмс, как мы прекрасно соседствовали с вами, живя здесь, под одной крышей?

— Помню, — поморщился Шерлок Холмс, неторопливо подходя к романтически настроенному доктору и, выливая ему на ноги графин водки.

— И я, — слышался сдавленный хрип миссис Хадсон, пытавшейся затолкать шкаф на второй этаж, где находилась комната для гостей, по винтовой лестнице.

— Да, кстати, — опомнился Ватсон, — раз уж вы всё знаете о пожаре, то вы наверняка не откажите мне пожить у вас годик, другой.

Холмс от неожиданности приоткрыл рот и оторопел, а доктор Ватсон продолжил:

— Хотя, конечно, что я спрашиваю, какие счёты между друзьями. Простите, я не хотел вас обидеть этим вопросом. Итак, я занимаю свою любимую комнату, так что потрудитесь вынести оттуда вашу коллекцию восковых фигур.

Холмс задумчиво, как бы про себя промолвил:

— Да, теперь мне так просто не обделаться, — и уже доктору сказал, — да, дорогой доктор, но мне кажется, что вам здесь будет неудобно. Вы привыкли жить в домашнем уюте, тишине и покое, а у нас здесь постоянные посетители, полиция, настройщики скрипок...

Доктор прервал загибающего пальцы Холмса:

— Ну что вы, это вовсе мне не мешает. Скажу вам даже больше, я решил сам заниматься здесь своей врачебной практикой, и все мои любимые пациенты теперь будут навещать меня прямо здесь, на дому. Правда, великолепная идея?

— Я так рад, — процедил Холмс сквозь зубы, — Но, доктор, видите ли... я ужасно храплю.

— А я мочусь под себя, — простодушно сказал Ватсон и весело залился. — Дорогой Холмс, в честь того, что всё так удачно решилось, приглашаю вас после ужина ко мне, немного побоксируем, вспомним золотые годы.

3. Примирение

Шерлок Холмс к ужину не вышел. Он разыскивал свои боксёрские перчатки, готовя в уме те весомые аргументы, которыми он вновь попытается отвадить, нагрянувшего как сосулька на голову, доктора.

Холмс появился у Ватсона во всеоружии. Вставная челюсть блестела в косопадающих лучах лампы, а в каждой перчатке было зажато по кастету.

Доктор с теплотой и радушием принял позднего гостя и, нацепив перчатки на скорую и нескорую, после ранения руки, занял позу увядающего лотоса. Звон разбившейся на кухне тарелки возвестил о начале первого раунда.

Необычайная топотня и треск ломающейся мебели привлёк внимание любопытствующей миссис Хадсон, которая решила подняться в комнату доктора Ватсона.

Взглядом профессионального рефери она оценила обстановку и сказала:

— Мистер Холмс! Вы помните, что у доктора ранено плечо?

— Миссис Хадсон, вы ненаблюдательны... Я ни разу не пустил в ход левую руку, так что шансы равны, — сбивая дыхание, ответил Холмс, добивая хлюпающего Ватсона ногами.

Ватсону не оставалось ничего, кроме как выбросить полотенце. Это было любимое полотенце миссис Хадсон и она, вскрикнув, побежала подбирать его на улицу. С трудом приходя в себя, доктор произнёс:

— Да, всё как в старые добрые времена. Холмс, я считаю, что за это надо выпить.

Шерлок Холмс с интересом наблюдал за тем, как Ватсон переломал все штопоры в доме. Доктор, славившийся своим умением находить сложные выходы из простых ситуаций, измельчив, наконец, пробку столовым ножом и, затолкав её по частям в бутылку, разлил игристое вино. Вино быстро впиталось в персидский ковёр. Великий сыщик догадался подставить бокалы под фонтанирующего Ватсона.

Друзья выпили. Холмс, тщательно пережёвывая кусочки пробки, сказал, имея в виду переезд доктора:

— Этого нельзя делать.

Появившаяся с полотенцем, повязанным вокруг головы, миссис Хадсон заметила, перед уходом на кухню:

— Послушайте его Ватсон.

Доктор Ватсон поспешно отвлёкся от бокала:

— Да, конечно, слушаю вас, Холмс.

Шерлок Холмс понял бесперспективность дальнейших споров и, устало махнув рукой, сказал:

— Ладно, чёрт с вами, наливайте.

В комнату, скрипя суставами, вошла миссис Хадсон и сообщила Холмсу:

— Ваша почта, сэр!

— Спасибо, положите куда-нибудь, — устало попросил Холмс, на секунду отрываясь от созерцания вина.

Миссис Хадсон вздохнула и привычно бросила в камин пачку корреспонденции. Огонь живо подхватил плотные конверты и листочки, нагоняя на друзей романтические мысли и воспоминания.

— О чём вы задумались, Ватсон, — спросил внимательный Шерлок Холмс.

— Да вот, думаю где раздобыть слоновий бивень, — оторвался от размышлений доктор, навсегда теряя нить.

— Зачем вам бивень, дружище?

— А я бы его сейчас загнал и жил бы припеваючи, — мечтательно ответил Ватсон.

— Дорогой друг, куда бы вы его себе не загнали, радости вам это не принесёт, поверьте, не в этом счастье, — философски изрёк Холмс, глядя на огонь.

— Вы полагаете? — усомнился доктор.

— А давайте проверим, — сыщик вышел из оцепенения и поднялся с кресла.

— Ну что вы, Холмс, я вам доверяю, как своей памяти! — спохватился Ватсон. — Я вижу, что вы становитесь сифологом, простите, философом, Холмс.

— Может быть, немного, — сознался Шерлок Холмс, вновь усаживаясь в кресло. — Нам с вами необходимо взбодриться. Давайте проверим, как идёт освоение вами моего уникального дедуктивного метода. Для разминки, Ватсон, отгадайте три несложные загадки: мягкий, стоптанный, на ногу надевается. Что это?

Доктор напрягся. Жилы на лбу вздулись, и он выдавил из себя:

— Не знаю.

— Ну, это же так просто. Это тапочек, — улыбнулся Холмс, — Попробуем ещё раз. Пара мягких, стоптанных, на ноги надеваются. Отгадывайте.

Доктор Ватсон повторил усилие и уже более уверенно произнёс:

— Не знаю.

— Соберитесь, Ватсон, это же два тапочка, — объяснил Холмс. — Ладно, давайте что-нибудь попроще. Ну, например, им топят камин, на «б» начинается, на «ревно» кончается. Что это, Ватсон?

— Три тапочка!!! — воскликнул доктор, просияв от своих открывшихся способностей.

— Ватсон, — растеряно пробормотал Шерлок Холмс. — Где вы видели три тапочка одновременно? Ну, да ладно, оставим это. Я вам никогда не рассказывал, как я воевал на стороне древних викингов? — спросил Холмс, чиркнув спичкой, желая раскурить трубку.

— Нет, — удивлённо ответил Ватсон.

Спичка в руке Холмса погасла, и он зажёл новую:

— А почему вы не спросите меня почему?

— Почему? — быстро спросил исполнительный Ватсон.

— Что «почему»? — переспросил Шерлок Холмс, чиркая третьей спичкой.

— Ну, вы же сами просили спросить, — растерянно оправдался доктор.

— Да нет, спросите, почему я вам этого не рассказывал, — уточнил сыщик, истратив весь коробок.

— Так почему же вы мне этого не рассказывали? — справился с поставленной задачей сообразительный Ватсон.

— Это элементарно, Ватсон, — торжествовал великий сыщик. — Я вам не рассказывал этого, потому что я никогда не воевал на стороне викингов.

Ватсон был поражён необъятностью ума Шерлока Холмса. Позже он запишет в своём дневнике об этом разговоре: «Холмс опять меня сделал, как ребёнка».

— Что ж уже поздно, — сказал проницательный Шерлок Холмс, видя, что за окнами забрезжил рассвет. — Ватсон, скажите, вы спите с открытой форточкой?

Доктор густо покраснел и признался:

— Нет, Холмс, я сплю один.

— Я так и думал, — заключил Холмс, сладко потягиваясь и вытягивая ноги в камин.

— Спокойной ночи, Холмс! — благожелательно высказался доктор Ватсон.

— Спи спокойно, дорогой Ватсон, — ещё более благожелательно отозвался Холмс.

Наступило утро.

4. Частная практика Доктора Ватсона

Шерлок Холмс в глубокой задумчивости играл на скрипке шестую сюиту Шостаковича, в которой частенько проскакивали его собственные соображения.

Доктор Ватсон бесшумно, как кошка, с револьвером в дрожащей после вчерашнего руке, крался по лестнице, ведущей со второго этажа в гостиную. Его не выдавал ни похрустывающий сустав левой ноги, ни поминутно выпадающие из барабана патроны. Барабан тоже не выдавал доктора. Увидев Холмса, играющего на скрипке, доктор разочарованно опустил пистолет себе на правую ногу и, вдоволь напрыгавшись на левой, хмуро спросил:

— Холмс, вам не спится?

Холмс, прекратив истязать творение итальянских мастеров, ответил:

— Ватсон, вы же говорили, что любите музыку.

— Музыку? — изумился доктор. — Я думал, что вы себе что-то прищемили. Ну, довольно об этом. Не пора ли позавтракать?

— Самое время, — поддержал друга великий сыщик и отправился на поиски ложки.

В это время в комнату вошла миссис Хадсон в запотевших очках, с трудом неся в руках армейский котёл.

Доктор Ватсон уселся за стол, в радостном нетерпении потирая руки.

— Что у вас на завтрак, миссис Хадсон? — весело спросил он.

— Ваша любимая овсянка, — по-хозяйски ответила миссис Хадсон.

Больше овсянки Ватсон ненавидел только пауков и своих пациентов. Поэтому он, деликатно отодвинув тарелку на пол, со слабой надеждой спросил:

— А больше ничего нет?

Миссис Хадсон возмутилась до глубины души и, как всякая оскорблённая в патриотических чувствах англичанка, заявила:

— Доктор, вы меня удивляете! Ну ладно мистеру Холмсу простительно не понимать элементарных вещей, но вы-то, вы-то. Да будет вам известно, что овсянкой питались наши предки и предки их предков!..

Выслушав полторачасовую содержательную лекцию, смысл которой сводился к лозунгам «Овсянка — есть жизнь!» и «Жизнь — есть овсянку!» доктор, поковыряв холодную кашу и сославшись на жуткие боли своих пациентов, отправился ни солоно, ни пресно похлебавши, в свою комнату, где его ждал чудом уцелевший во время пожара мешок сухарей. При этом он учтиво поблагодарил заботливую домохозяйку словами:

— Спасибо, было очень вкусно, но в колледже нас учили всегда немного недоедать.

Нашедший же тем временем свою любимую штатную ложку, Шерлок Холмс умял за милую душу и обе щеки весь котёл и теперь наслаждался в кресле чтением прессы, укрывшись с головой войлочным пледом. Он откровенно скучал. Его тренирован-

ный мозг никак не мог смириться с вынужденным бездействием, но, к сожалению, мир не совершенен, и громких преступлений в Лондоне не совершалось уже более двух месяцев. Не тянуло ни на кокаин, ни на подвиги.

В прихожей раздался звонок, и послышалась привычная брань миссис Хадсон, предлагавшей посетителю вытереть ноги. В комнату вошёл человек невысокого роста и такого же мнения о себе.

— Добрый вечер! — поздоровался незнакомец, галантно снимая шляпу с вешалки.

— Добрый, добрый, — приветливо отозвался Шерлок Холмс, мимоходом поглядывая, как за окном клубился утренний туман. — Меня зовут Шерлок Холмс, а вас?

— А меня нет, — с гордостью ответил посетитель.

— Потрудитесь изложить мне суть своего дела, — деловито перешёл Холмс.

— Понимаете, у меня проблемы в очень пикантной области, — сбивчиво начал трудиться незнакомец.

— Жена изменяет, — понимающе снизил голос Шерлок Холмс, — понимаю, не волнуйтесь, мы их застукаем. Мой друг, доктор Ватсон, большой специалист по наружному наблюдению. Припоминаю случай, когда он, заgrimировавшись, шпионил за одной очень влиятельной особой в обезьяннике нашего зоосада, — предавшись воспоминаниям, Холмс невольно рассмеялся. — Так его там приняли за своего, мы его на силу отбили.

— Как, разве вы не доктор Ватсон? — удивился человек.

— Конечно, нет. Разве можно спутать меня с этим эскулапом? — возмутился Холмс. — Вы имеете честь беседовать с выдающимся человеком нашего времени, великим сыщиком и человеком с уникальным аналитическим умом! — Шерлок Холмс явно увлёкся.

— А я по объявлению, у меня подагра, — объяснился пациент. — Могу я видеть доктора Ватсона?

— А у вас что, ещё и со зрением проблемы? — растерянно спросил сыщик и добавил. — Вам на второй этаж, дверь справа, — он был явно расстроен, что незнакомец оказался не источником пищи для его алчущего загадок ума, а банальным пациентом доктора Ватсона.

Тем временем пациент поднимался по скрипучей лестнице, постоянно оглядываясь и что-то бормоча. Он остановился у двери и постучал. На пороге появился доктор Ватсон в наброшенном на скорую руку сюртуке. Оба после короткого приветствия скрылись в глубине комнаты.

— Почему вы не запираете вашего шизофреника? Мне кажется это опасно, что он разгуливает по дому, — опасно косясь на дверь, высказался пациент.

— Ну что вы, это Шерлок Холмс, мой хороший друг и победитель собаки Баскервилей, — пояснил Ватсон. — На что вы жалуетесь?

Пациент с недоверием поглядел на доктора и сказал:

— Мне, пожалуй, пора, — и, пятась к двери, опрокинул стул.

— Ну куда же вы? Мы же ещё не приступили к составлению анамнеза! — кричал вдогонку доктор Ватсон, но пациент уже скатывался вниз по лестнице, бормоча:

— Да они тут все ненормальные!

Впечатляющий образ музицирующего на скрипке Холмса только подтвердил его опасения, а вид миссис Хадсон в противогазе морящей тараканов в прихожей развеял всякие сомнения.

Шерлок Холмс допилил смычком скрипку и бросил её останки в камин. По лестнице не торопясь, погружённый в свои неглубокие размышления, спускался доктор Ватсон, недоумевающий по поводу столь скоро отбытия наверняка перспективного пациента. В гостиной воцарилась тишина, которую изредка нарушал помповый насос миссис Хадсон и визг не сдающих своих позиций насекомых.

— Вы видели, Холмс, какой странный пациент? Мне кажется у него инфлюенция. Интересно, почему он сбежал? — никак не мог взять в толк Ватсон.

— Это к вам приходили из муниципалитета, — с уверенностью сказал Холмс, зная недалёкость своего друга. — Убедившись, что у вас всё в порядке, он поспешил по своим делам, вы же знаете, что чиновники очень занятые люди.

Зная феноменальные способности Шерлока Холмса, доктор Ватсон не стал утруждать себя дополнительными расспросами и, вздохнув, уселся в кресло.

— Скажите лучше, как вы спали, Ватсон? — потребовал отчёта Шерлок Холмс.

— Меня всю ночь мучили клопы, — мрачно признался доктор.

— Но у нас нет клопов, — изумился Холмс, едва не проглотив собственную трубку.

— Ничего, я с собой привёз, — пояснил предусмотрительный Ватсон. — Это то немногое, что мне удалось спасти после пожара, — доктор всплакнул, утирая слёзы и сопли новенькой жилеткой Холмса, лежащей сверху стопки свежевыглаженного миссис Хадсон белья.

— Да, я вижу, что нам с вами, дорогой друг, необходима перемена обстановки. Нам нужно какое-нибудь запутанное дельце, которое бы прочистило нам мозги от лондонского тумана, — оживился Холмс, закуривая трубку.

— Не помешало бы. Поскольку вы обладаете непрерываемым авторитетом, после того, как раскрыли десять из пяти самых громких преступлений Англии за последний год, я полностью доверяюсь вам — успокоился Ватсон. — А для начала я, пожалуй, разожгу камин.

— Бог вам в помощь. Моя скрипка долгое время усаждала наш слух, пусть теперь она нас ещё и обогреет, — подытожил Холмс, тоже усаживаясь в кресло. — Я вот о чём подумал, Ватсон...

— Простите, Холмс у вас огоньку не найдётся? — суетливо спросил Ватсон.

— Почему вы меня всё время перебиваете, — возмутился детектив.

— Но здесь же кроме вас никого нет, выбирать не приходится, — в оправдание заметил доктор Ватсон.

— А, тогда ладно, — успокоился Холмс, глубоко затягиваясь.

Доктор Ватсон в это время был не на шутку увлечён поиском материала, пригодного для растопки камина. Увидев на столе недочитанную Холмсом газету, он обратился к сыщику:

— Холмс! Вам это ещё нужно?

— Пока жгите, я потом дочитаю, — не отвлекаясь, вымолвил сыщик, погружённый в тягостные раздумья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Письмо

5. Новое дело

— Ватсон, пишите! Дорогой премьер министр! Хочу довести до Вашего сведения информацию конфиденциального характера, — стал надиктовывать Шерлок Холмс, мерно вышагивая взад-вперёд в такт словам.

В это время доктор Ватсон суматошно носился по гостиной в поисках хоть малого клочка бумаги, пригодного для записи. Так ничего и не найдя, он стремглав помчался по лестнице в свою комнату, и минут через пять вернулся оттуда с кипой бумаги, но, зная, что иногда Холмс может говорить очень долго, по пути ещё забежал в комнатку с эмалированной мебелью конкретного назначения и табличкой «WC».

— ...С уважением и надеждой на скорое разрешение нашего дела. Доброжелатель, — с пафосом закончил Шерлок Холмс.

Доктор Ватсон, появившийся из уборной с длиннющей пёстрой, бумажной лентой, был готов к стенографированию. Тщательно записав каллиграфическим почерком последние слова, он обратился к своему другу:

— Простите, Холмс, вы не повторите всё, что было между «Дорогой премьер-министр» и «Доброжелатель».

— Мой дорогой Ватсон, если бы я не знал вас столько времени, я бы подумал, что вы — идиот. Однако мы, слава богу, не первый день знакомы, так что записывайте, — и Холмс повторил. — « Дорогой премьер министр! Хочу довести до Вашего сведения информацию конфиденциального характера. Из источников, близких к минеральным, мне стало известно, что Англия в опасности. Мориарти оплёл преступными сетями весь Лондон. Тем временем, парламент — коррумпируется, «тори» — упростируют, «виги» — пьянствуют, народ — безмолвствует, полиция — бездействует, а Лестрейд — жлобствует. Так продолжаться больше не может. На этом фоне стал возможен разгул преступности, причём, как организованной, так и дезорганизованной, а также спонтанной.

Из всего вышеизложенного с совершенной очевидностью следует вывод о необходимости привлечь к благому делу борьбы с криминалом самых известных частных сыщиков города.

С уважением и надеждой на скорое разрешение нашего дела. Доброжелатель» Точ-ку поставь-те, — необычно растягивая слова, завершил мысль Шерлок Холмс, заложив правую руку за край сюртука на груди, а в левой — держа трубку. Его прищуренные глаза и, устремлённый в грядущее, взгляд при этом выдавали недюжинный ум этого человека.

Ватсон так залюбовался задумчивым видом своего друга, что сам не заметил, как поставил дату и расписался под всем свежезаписанным.

Через полтора с половиной часа Холмс как всегда вышел из оцепенения и, подойдя к доктору, пробежал глазами по писанине. Волосы медленно затопорщились у него на бровях и он, неожиданно разбудив Ватсона, вскричал:

— Как, доктор, вы что же это, написали письмо на китайском?!?

— А что ж вы меня не предупредили, — растерянно развёл руками доктор Ватсон и, достав англо-китайский словарь, принялся за перевод.

Прошёл час. В старинном механизме настенных часов что-то заскрежетало, и они пробили дыру в стене.

— Холмс, вы должно быть опять сочтёте меня полным тупицей, но я ни как не возьму в толк для чего это всё, — нарушил повисшую в воздухе паузу Ватсон, устав художественно ковырять гусиным пером в ухе и отпустив на волю гогочущую птицу.

— Вы помните историю клерка Хьюго из Ноттингемшира? — решил проверить эрудицию доктора Шерлок Холмс.

— А-а-а, — протянул ноги доктор, — это тот, который открыл ювелирный магазин на углу Трафальгара?

— Да, да, но сработала сигнализация, и его повязали, — уточнил педантичный Холмс.

— Не помню, — с сожалением в голосе заключил доктор Ватсон.

— У вас отменная память. Ну что вы, друг мой, обратитесь к судебным архивам, поверьте вы не пожалеете потерянного времени.

Доктор Ватсон уже пожалел, что имел неосторожность и вышел из своей комнаты.

— Кстати, у меня подобралась прекрасная коллекция на букву «Х», — порадовал друга Холмс. — Сейчас вам всё станет ясно, — с некоторым сомнением сказал сыщик, подойдя к антресоли и становясь на стремянку.

— Этот прохиндей, — продолжал рассказ Холмс, пытаясь отмычками открыть амбарный замок, на который хозяйственная миссис Хадсон закрывала в доме всё, включая табакерку и утятницу, — был настолько ловок, что когда у него дела шли из рук вон плохо и с клиентами был полный штиль, он сам придумал дутое предприятие, выпустил липовые ценные сертификаты и, таким образом, облапошил даже видных финансовых воротил с Уолл-стрита, — в этот момент дужка замка соскочила и на Шерлока Холмса обрушалась вся его картотека, а также семейный альбом миссис Хадсон. Погребённый под нахлынувшим на него счастьем, Холмс прохрипел засуетившемуся Ватсону:

— Я немного поработаю с архивами, а вы займитесь письмом.

Исполнительный доктор, прихватив со стола письмо, кинулся в прихожую, а из неё на улицу, по пути пытаясь попасть рукой в непослушный рукав пальто.

Тем временем, Шерлок Холмс, нацепив на нос очки, сортировал карточки своей бесценной коллекции маньяков, убийц, пропойц, конокрадов, чинодралов, мздоимцев и прочей нечисти. Рассыпанный альбом семейства Хадсон мешал ему в этом занятии, пока гениальный сыщик не нашёл ему достойное применение. Аккуратный Холмс, любящий во всём порядок, подклеивал фотографические снимки предков и самой миссис Хадсон на карточки своей коллекции. Получалось очень художественно.

Через некоторое время появился запыхавшийся доктор и доложил:

— Письмо доставлено. Я проследил за почтальоном и довёл его до самого дома премьер-министра.

— Надеюсь, вы себя не выдали? — поинтересовался Шерлок Холмс, не отвлекаясь от своего занятия. — А то прошлый раз, когда вы вели наблюдение в публичном доме, переодевшись в сутану итальянского падре, весь Лондон более месяца не мог забыть эту историю.

— Да, да и я был крайне удивлён, встретив в этом заведении вас, — попытался таким образом оправдаться Ватсон.

— Я же вам уже объяснял, что зашёл туда лишь для того, чтобы забрать забытую накануне трость, — бил противника логикой непревзойдённый аналитик.

— Ах, да, простите мои нелепые подозрения, — спохватился доктор и густо покраснел, измазавшись вишнёвым джемом.

Тем временем Шерлок Холмс завершил сортировку и захихнул ящички картотеки обратно на антресоль, зафиксировав дверцы в закрытом состоянии.

— Значит письмо отправлено, — констатировал Шерлок Холмс, подходя к столу. — Тогда объясните мне, почему оно лежит на столе?

Доктор Ватсон тоже подошёл к столу и тупо уставился на лежащий на краю конверт.

— Какого цвета был конверт письма, которое вы отправили, — с тревогой в голосе спросил Шерлок Холмс.

— Розового, — блеснул потрясающей зрительной памятью доктор Ватсон.

— Боже мой, мой любимый цвет! — воскликнул сыщик и упал в обморок.

Отпоив своего впечатлительного друга нашатырным спиртом, доктор Ватсон поинтересовался:

— Не сочтите меня тугодумом, но что случилось?

— Ватсон! Отправив это письмо, вы совершили страшную ошибку! — Холмс был не на шутку взволнован и даже разгневан.

— Я?! Но вы же сами ... — начал удивляться Ватсон.

— Это же элементарно, Ватсон! Вы отправили не то письмо! В розовом конверте содержался написанный мной донос на моего любимого брата Майкрофта, где я обличал его в интригах против государственного устройства, взяточничестве и шулерстве. Единственной целью этого письма было выбить из этого скупердяя ссуду на моё содержание, я, знаете ли, немного поиздержался.

Ещё бы доктору было не знать этого, ведь Шерлок Холмс постоянно брал у него взаймы и никогда не отдавал небольшие суммы денег, суммарно равные годовому бюджету Палаты Лордов.

— Это письмо не должно было попадаться никому на глаза кроме моего дражайшего брата, — добавил Холмс.

— А что же теперь делать? — растерянно спросил доктор Ватсон, как всегда не понимающей происходящего.

— Мы с вами немедленно отправляемся на операцию по изъятию письма из дома премьер-министра, — порадовал друга Шерлок Холмс, заряжая револьвер.

— Но это же не законно, — предположил Ватсон.

— А вы думали, — подтвердил сомнения доктора решительный сыщик. — Надеюсь, вы не боитесь нарушить закон?

— Шутите что ли? Да я клопов давил и на нарах миской брился, — успокоил Холмса вопрошаемый. — Что ж, мы так долго жили под одной крышей, а теперь, если повезёт, будем делить одну камеру, — философски изрёк доктор Ватсон.

— Имейте в виду, как бы там сегодня не получилось, моя койка — ближняя к окну, — заявил предусмотрительный Шерлок Холмс, нахлобучивая на голову свою любимую шляпу «здравствуй и прощай», имевшую два козырька, спереди и сзади.

— Джентльмены! Без обеда я вас никуда не выпущу! — заявила миссис Хадсон, появившись в дверях с дымящейся кастрюлькой и взведённым двуствольным ружьём.

— Мне борщ и бифштекс, — коротко и ясно распорядился Холмс.

— В одну тарелку? — роняя очки в кастрюльку, переспросила миссис Хадсон.

— Как обычно, — подтвердил Шерлок Холмс.

Доктор Ватсон, который всегда был менее прихотлив в еде, уже спокойно поглощал ароматный суп, хрустя толстыми линзами.

В этот момент дверцы антресоли распахнулись, и на стоящую внизу миссис Хадсон обрушилась недавно отсортированная картотека великого сыщика.

Не теряя времени, Шерлок Холмс засобиравшись на опасное предприятие.

— У вас есть бесшумная обувь? — спросил он у доктора.

— Да, — ответил тот и кивнул в сторону стоящих в прихожей кованых сапог со шпорами.

— Тогда поспешим, — решительно сказал Холмс и направился к выходу, перешагивая через барахтающуюся под завалом миссис Хадсон.

— Когда мы должны быть там? — поинтересовался доктор, не перешагивая через мисс Хадсон.

— А сколько на ваших? — вскинув левую руку, спросил детектив.

— Половина, — лаконично сообщил доктор Ватсон.

— Тогда в ровно, — расставил все точки над «i» Холмс.

6. Мастера взлома

Дом премьер-министра, по какому-то необычному стечению обстоятельств, располагался в элитной части Лондона. Друзья решили, что будет целесообразно поймать кэб, тем более, что Ватсон сгибался в три погибели под тяжестью саквояжа Холмса со всем необходимым инструментарием. Холмс считался крупным специалистом по ловле преступников и кэбов, но сегодня, видимо, клёва не было.

— Холмс, по-моему, мы зря ждём дилижанс. Он ходит только по праздничным дням, — промямлил усталый Ватсон.

— А у меня сегодня день рождения, — капризно продолжал упорствовать великий сыщик.

Продрогнув на холодном ветру и обсудив насущные проблемы транспортных путей и сообщения, друзья всё же сумели на перекладных добраться до места назначения. Однако осмотрительный Холмс решил высадиться за два квартала до назначенного дома. Для этого, правда, пришлось отъехать на несколько миль от места посадки. Ватсон не одобрял план Холмса, поскольку саквояж был достаточно тяжёл и, как назло, не был снабжён колёсиками. Но, подчиняясь гению своего друга, он стически выдержал все испытания и упал только под забором дома премьер-министра, написав на нём кровью «Дошёл!».

— Ватсон! Вы лезьте через забор, а я буду стоять здесь и привлекать внимание, — изложил хитроумную диспозицию Шерлок Холмс. — Вам необходимо выяснить как можно больше подробностей о жизни обитателей этого дома, которые могли бы помочь в выполнении нашей миссии.

Ватсон кивнул в знак несогласия и высказал своё мнение:

— Я не вижу в этом особых проблем. Вы знаете, я вообще последнее время плохо вижу.

Кряхтя, Ватсон принялся штурмовать неприступную двух-верхшковую стену. Вдоволь насладившись этим экстравагантным зрелищем, Холмс одёрнул приятеля и указал на пролом в стене. Ватсон горячо поблагодарил друга за помощь и скрылся на враждебной территории.

Уже совсем стемнело. Оставшийся посреди улицы Холмс стал прогуливаться вдоль забора, отдавая честь и подмигивая полисменам, охраняющим ворота. Часа через два ему удалось их убедить в своей полной невменяемости. Войдя таким образом в доверие, Холмс почувствовал себя раскованно и стал напевать «Боже царя храни!». Запоздалый прохожий, имевший неосторожность идти по этой улице остановился и ошалело уставился на вконец распоясавшегося Холмса.

— Сударь, что же это вы смотрите на меня, как баран на новые ворота? — прервав ужасающее пение, поинтересовался Шерлок Холмс, в душе радуясь произведённому впечатлению.

— Ну какой же я Вам «сударь»? — сразу заспешил удалиться прохожий.

Наконец вернулся доктор Ватсон. Он был весь измазан в грязи и в разорванных брюках.

— Ватсон! Неужели это вы?! — ужаснулся Шерлок Холмс.

— Вот и я смотрю и думаю: я это, или это не я? — растерянно пробормотал Ватсон.

— Что вам удалось узнать? — перешёл сразу к делу сыщик.

— Так и знал, что что-нибудь обязательно забуду, — хлопнул себя ладонью по лбу Ватсон и вновь скрылся за оградой.

Вернулся он, когда уже даже сумерки перестали сгущаться. Дремлющий в обнимку с фонарным столбом Шерлок Холмс держал ухо на пульсе и был готов выслушать отчёт о произведённом осмотре.

— Ватсон, вас только за смертью посылать, — по-дружески пожурил Холмс приятеля за нерасторопность.

— Опять, чёрт возьми. Про неё-то я и забыл, — Ватсон хлопнул себя по лбу. — Не беспокойтесь, это я мигом, — он уже хотел вновь скрыться в проломе, но Холмс схватил его за рукав.

— Что удалось выяснить? — теряя терпение, спросил Холмс.

— Я узнал о нём всё: от его имени, до отчества его дочери, — с гордостью поделился Ватсон

— А у него есть особые приметы? — записывая бесценные крупницы сведений доктора Ватсона, пустился в расспросы Холмс.

— Походка, — вкрадчиво сообщил доктор.

— Что походка? — недопонял детектив.

— Как у капитана Сильвера.

— Да, это нам очень поможет, — удовлетворился ответом Шерлок Холмс. — Нам пора приступать к делу.

— Нет!

— Да!

— Нет!

— Да!

— Ну ладно, что я спорю что ли? — согласился с непреклонным Холмсом доктор и начал доставать марлевую повязку. — Пора надеть маски.

— Нет, маски мы наденем, когда нас поймают, — осадил рвение коллеги всезнающий сыщик.

— Зачем? — недопонял доктор Ватсон.

— Это же элементарно, Ватсон! Чтобы нас не узнали.

— Гениально, — Ватсон застыл в восхищении.

Две сгорбленные тени быстро пересекли лужайку возле дома и слились со стеной оранжереи.

— А что мы будем делать дальше, — сгорал от нетерпения доктор Ватсон.

— А теперь, мой друг, я прошу вас соблюдать полнейшую тишину и подать мне ломик из саквояжа, — шёпотом попросил Шерлок Холмс.

Доктор, порывшись в кажущейся бездонной таре, подал любимый инструмент Холмса.

— Ватсон, не скрипите так зубами, помните — главное в нашем деле — это тишина! — потребовал Холмс и аккуратно разбил ломиком стекло дверного проёма.

Чтобы не стучать от страха зубами, доктор запихал себе в рот свой чистый, в некоторых местах, носовой платок.

За углом дома раздался приветливый лай караульной собаки, и перед взломщиками предстало исчадие ада в лице огромного дога, который приветливо вилял хвостом и раскатисто щёлкал зубами.

— Опять собака Баскервилей! — проглотив платок, тихо воскликнул доктор и упал без чувств.

— Это Нора, — пояснил отключившемуся Ватсону сыщик, забирая из холодеющих рук доктора саквояж. — Мы очень любим салат-оливье.

Достав глубокое блюдо одного кушанья, Холмс принялся потчевать, доброжелательное животное.

— Соли не хватает, — подвёл он итог, убирая складную ложку и вытирая тонкие губы.

Доктор с трудом пришёл в себя и приподнял голову, но, увидев в двух шагах от себя измазанную майонезом собачью морду, вновь вскрикнул и обмяк.

Шерлок Холмс вздохнул, выпрямился, отряхнул брюки и, помахав собачке рукой и, взяв под мышку саквояж с инструментом, взвалил упитанного доктора Ватсона на спину.

Доктор Ватсон пришёл в себя оттого, что рядом раздался дикий скрип. Он лежал рядом с садовой лейкой, заботливо накрытый листом рубероида. Шерлок Холмс пытался тихонько приоткрыть дверь, ведущую из оранжереи в дом, но она предательски издавала зловещие звуки, всякий раз пресекая его попытки.

— Ватсон, у вас случайно нет масла, чтобы смазать механизм? — в некотором раздражении спросил Холмс, заметив шевеление своего друга.

— Есть, — сказал предусмотрительный доктор.

— Капните сюда, — попросил детектив.

— Но у меня кусочком, — озадачил Холмса Ватсон.

— Дайте его сюда, — слизав масло, Холмс всё-таки открыл дверь и торжественно объявил немного оглушённому Ватсону:

— Запомните, друг мой, зажмуриться — лучший способ ничего не слышать. Не будем терять времени.

Крадучись пробираясь по огромному залу, Холмс оступился, но схватившись за плечо верного Ватсона удержался и предостерёг:

— Осторожнее, мой друг, не падать!

— Хорошо, — согласился доктор и зацепил ногой стоящую посреди зала жестяную банку с краской.

Холмс, успев подпрыгнуть на руки к Ватсону, внимательно наблюдал за белым пятном, занимавшем всё большее оперативное пространство.

— У них, видимо, ремонт, — заключил он. — Смелее, доктор, идёте к двери.

Ватсон, сгибаясь под тяжестью Холмса, услужливо взявшего в руки саквояж, прошлёпал по краске через весь зал. В конце пути Холмс легко соскочил вниз и заинтересовался дверным замком. Провозившись с ним около полчаса, Холмс начал выходить из себя.

— Разрешите мне, — неожиданно попросил доктор Ватсон.

— Вам?!? — изумился Холмс, выронив связку отмычек.

Доктор легонько толкнул незапертую дверь, которая не замедлила отвориться.

— Bravo, доктор, — Холмс залюбовался работой Ватсона. — Вы прирождённый взломщик!

Ватсон заскромничал и зарделся.

— Кстати, летом Лувр ограбили, это не Ваша работа? — проявил профессиональную любознательность сыщик.

— Ну что вы, преступника же тогда даже не поймали, — испуганно проямлил Ватсон.

— Правильно, вы же здесь, — усмехнулся Холмс, скрываясь в дверном проёме. — Возьмите эту отмычку, она может нам пригодиться.

Предусмотрительный и педантичный доктор Ватсон, войдя, закрыл за собой дверь, дважды повернув в скважине обретенную отмычку.

— Хоть глаз выколи, — констатировал Шерлок Холмс, зажигая припасённую для такого случая спичку. Прямо перед собой он увидел немигающий взгляд полисмена. Доктор Ватсон за спиной сыщика вскрикнул и лишился чувств. Холмс хладнокровно погасил спичку и задумался.

— Дом неплохо охраняется, — сделал блестящий вывод великий теоретик. — Ватсон, если Вам нетрудно, накройте полисмена платком.

Как по приказу пришедший в себя Ватсон вскочил и исполнил распоряжение Холмса. Холмс вновь зажёл ту же спичку и с удовлетворением убедился, что полисмен даже не шелохнулся.

Проблем с дверью в гостиную у Холмса и Ватсона не возникло, потому что дверь, по недоразумению, не была предусмотрена при строительстве.

7. Найденное письмо

Два тёмных силуэта медленно продвигались по длинному коридору. Доктор Ватсон в темноте наткнулся на зеркало и испуганно шарахнулся в сторону.

— Холмс! За нами кто-то следит! — отчаянно зашептал он.

— Ватсон! Не мелите воду на чужой мельнице, — как всегда глубокомысленно ответил детектив. — Кому мы нужны?

Ватсон серьёзно задумался, мысленно загибая пальцы.

— Ватсон! Посветите мне, пожалуйста, — попросил детектив, пройдя вперёд по коридору метров на пятнадцать и оставив от доктора, на стрёме.

Ватсон, не сходя с места, услужливо зажёл спичку.

— Спасибо, — буркнул Шерлок Холмс и, зная творческую натуру доктора, предостерёг, — смотрите, не устройте пожар.

Друзья бесшумно пробирались по гостиной. Холмс, как правый лощман, прокладывая путь по сорванному в уборной плану пожарной эвакуации. Ватсон немного замешкался, в крошечной темноте разглядывая произведения возрождённой живописи.

— Не днём, не ночью от них нет покою! — слышалась из темноты реплика, одобренная замысловатым ругательством.

— Кто здесь? — дрожащим голосом успел спросить темноту доктор, перед тем как упасть в обморок.

— Угу, — гордо заявил о своём присутствии попугай из угла комнаты.

Вовремя подоспевший Шерлок Холмс подхватил падающего доктора Ватсона и прошептал:

— Ватсон, накройте клетку платком.

— Хорошо, — слабо согласился доктор и на подкашивающихся ногах направился в прихожую, чтобы снять свой платок с головы полисмена. Из арки, в которой он скрылся, через некоторое время слышался уже знакомый вскрик и звук падающего на паркет тела. Через некоторое время появился Ватсон и накрыл клетку с ворчащей птицей.

— Слава богу! — слышалось из-под платка.

— Ватсон, дайте мне отмычку, — раздался где-то рядом озабоченный шёпот Шерлока Холмса.

— Я её, кажется, потерял, — порывшись в карманах сыщика, ответил Ватсон.

— Ну как же вам удалось её потерять, ведь я вам доверил под персональную ответственность, — расстроился Холмс.

— У меня дырка в кармане, — пояснил доктор.

— Почему? — озадаченно спросил детектив.

— А я долго ищу в нём деньги и поэтому прорываю, — доктор был прост, как правда.

— Купили бы себе кошелёк, — нравоучительно назидал Шерлок Холмс.

— Были бы деньги, купил бы, — грустно вздохнул Ватсон.

Ещё немного поковырявшись шпилькой, вытащенной из пучка, в замке секретера, Холмс плюнул на это дело. Это оказалось дело Груздева. Холмс повернулся к притихшему доктору и сообщил, широко разведя руками и сбивая китайскую вазочку эпохи второй династии Юнь:

— Безнадёжно.

В этот момент лицо великого сыщика стало белее кокаина. Он словно проснулся в одной постели с собакой Баскервилей.

— Боже мой, Ватсон! Взгляните на свои ноги! — неистово зашептал Холмс.

Доктор послушно опустил голову, вскрикнул и уже по привычке углубился в себя. Весь пол, где имел удовольствие пройтись доктор Ватсон, был заляпан чёткими, аккуратными следами белой краски в форме его обуви.

— Немедленно вытирайте платком следы! — распорядился Холмс, когда Ватсон в очередной раз пришёл в себя.

Доктор кивнул и, сорвав носовой платок с клетки, наживил его на первую подвернувшуюся в темноте швабру. Его усердный мартышкин труд поразил воображение Шерлока Холмса. Ватсон вытирал следы, а ногами между тем постоянно следил. Но, махнув рукой, детектив не стал прерывать производственный порыв доктора Ватсона, а сам стал вновь колдовать над замочком секретера. Старый, но добрый ломик сказал своё веское слово, и замочку уже не суждено было закрываться никогда. Холмс аккуратно открыл крышку и вытащил из открывшегося межстеночного пространства кипу писем и бумаг.

Увлёкшийся меж тем Ватсон уже углубился в другие комнаты дома, беспрестанно стуча шваброй и царапая лакированный паркет. Откуда-то из коридора послышалась его требова-

тельная просьба, обращённая к доблестному представителю Скотланд-Ярда, поднять ноги и позволить протереть пол.

«А здорово доктор замаскировался, общение со мной не прошло для него даром», — мелькнуло в голове великого сыщика. Он чиркнул спичкой и, прикурив, ей же поджёг одно из писем. Получившийся, таким образом, факел позволил Шерлоку Холмсу заняться чтением корреспонденции премьер-министра. Зацепив за уши дужки очков, он постепенно разбирался в запутанных связях и многоуровневых интригах политической сцены Англии. Попадались и личная переписка. Натыкаясь на подобное письмо, Холмс начинал ехидно хихикать и потирать свободную от свечка руку.

Доктор Ватсон, продолжая свою работу по заметанию следов, вновь появился в гостиной. Где-то раздобыв совок, он принялся сметать осколки, разбитой Холмсом вазочки. Вдруг раздался его негромкий вскрик и вычурное ругательство.

Не отрываясь от интересного чтения, Холмс поинтересовался:

— Ватсон! Вы порезались?

— Нет, даже наоборот, — успокоившись, ответил Ватсон и продолжил свои мероприятия по приведению территории в порядок. Он даже ухитрился полить искусственные цветы и покормить свежим мясом попугая.

Тем временем, Шерлок Холмс зачитывался отдельными строками исследуемых документов. Некоторыми местами он густо краснел и пускался в пространные комментарии. Доктор Ватсон безмолвно соглашался. Смахивая пыль и подсвечники с каминной полки, он вспомнил, что до сих пор не удосужился вынести мусор, что незамедлительно исправил.

Шерлок Холмс перебрал все бумаги и, так ничего и не найдя, сделал неутешительный вывод:

— Я закончил.

— Я тоже, — похвастался Ватсон, устало опираясь на швабру, после того как вымыл весь дом.

Холмс с горечью бросил бесполезные письма обратно вглубь секретера, порезав при этом палец об острый край бумаги.

— Чёрт, я порезал палец, дайте мне платок, — обратился он к доктору, который при виде крови уже стал подумывать повторить свой коронный приём.

Расторопный доктор, желая оказать пострадавшему первую медицинскую помощь, так как последующей уже не потребуется, сорвал со швабры свой платок и заботливо протянул его другу. Холмс, быстро перетянув шлангом вену, сделал перевязку.

— Господа! Что вы здесь делаете? — одновременно с зажигающимся светом лампы, раздался строгий женский голос, и в комнату вошла в одной вышитой ночной рубашке, с небрежно брошенной на неё норковой шубкой, супруга премьер-министра. Это Холмс определил по небольшой татуировке на запястье, а также по тому, что стену комнаты украшало панорамное полотно, где была изображена супружеская чета.

— Доброй ночи, — галантно пожелал Шерлок Холмс и, обращаясь к уже пять минут находящемуся без сознания доктору Ватсону, укоризненно попенял:

— Ватсон! Вы меня удивляете, как вы можете лежать в присутствии дамы?! Стыдитесь!

Ватсон как по команде быстро вскочил и, поклонившись женщине, объяснил:

— Простите, запонку искал.

— Но у вас же не было запонок, — выдал приятеля, не любящий несоответствий, Холмс.

— Но я думал, может, здешний хозяин потерял, — вывернулся находчивый Ватсон.

— Я так и не получила ответа, — пожаловалась, всё это время переминающаяся с ноги на ногу, женщина, и предупредила, — я зову полицию!

— Подождите, — Холмс решил взять управление на себя. — Видите ли, мы с работы вашего мужа. Я статс-секретарь Канцелярии её Величества Ватсон, а это старший референт нашего департамента, мистер Карцер. Простите наш визит без предварительного уведомления. Мы не хотели доставить вам неудобств. Дело в том, что ваш муж очень трудолюбив и частенько берёт работу на дом.

— Это факт, — вздохнула женщина, отведя взгляд.

— Так вот, — продолжал развивать паническое наступление Холмс. — Он взял письмо Её Величества, делопроизводство по которому ещё не закончено.

— Пока что это ничего не объясняет, — нетерпеливо сказала бдительная женщина.

— В самом деле? — удивился Холмс, не привыкший, чтобы его слова подвергались сомнению. — Мы с коллегой просто хотели тихо изъять письмишко и даже не беспокоить государственный сон Вашего дражайшего супруга. Кстати, вы не знаете, где он может хранить секретные письма?

— В шкатулочке, в спальне, — живо ответила женщина, вполне удовлетворённая версией Шерлока Холмса.

— Вы бы не могли принести нам эту шкатулочку, если, конечно, это вас не затруднит и не потревожит сна вашего мужа? — рассыпаясь в вежливости, попросил Шерлок Холмс.

— Одну минуту, — кокетливо пообещала супруга премьер-министра и удалилась.

Аккуратный доктор Ватсон засёк на солнечных часах указанное время.

Вскоре послышался грохот и в дверях появился пышный зад женщины, которая тащила за собой огромный комод красного дерева. Доктор Ватсон вскрикнул и упал в обморок, нервы у него явно сдавали.

Шерлок Холмс быстро наткнулся на искомый конверт и, изъяв его, придерживая вялого Ватсона, горячо поблагодарил гостеприимную женщину за пособничество. Она тоже в знак доброжелательности присела в глубоком реверансе. В этой пикантной позе её и застал приступ радикулита. А друзья, тем временем, уже были в прихожей.

8. В этом деле главное — вовремя смыться

Оказавшись за стенами дома премьер-министра, Шерлок Холмс и Ватсон смогли вздохнуть свободно. Великий детектив даже не преминул сделать дыхательную гимнастику. Доктор же, нервно переминаясь, сказал с видом заговорщика:

— Холмс, я вас ненадолго покину, — и скрылся за углом оранжереи.

Очень скоро оттуда послышался визгливый собачий лай, одновременно с которым вылетел доктор, по пути приводя себя в порядок.

Проявляя чемпионские спринтерские качества, оба друга неслись по направлению к забору. Холмс на бегу, в перерывах между приступами одышки, бросил вопрос:

— Ватсон, ну и зачем вы разбудили спящую собаку?

Ватсон, проявив несвойственную ему находчивость, быстро вскарабкался на вершину дерева. Наконец, почувствовав себя в безопасности, он позволил себе немного расслабиться и тут же сорвался вниз. Не тратя времени на процесс прихода в чувство, он живо нагнал своего друга. Сзади послышался громкий, грубый голос представителя Скотланд-Ярда:

— Стоять! Руки на капот! Оружие на снег! Стреляю без разбора!

— Хорошо, что среди нас нет детей, — возрадовался Шерлок Холмс на бегу. — А то он сейчас промахнётся и будет страшно ругаться.

Ватсон неожиданно ловко развернулся и, сорвав с ноги сапог, запустил им на голос. Оттуда не замедлил послышаться женский вскрик.

— А теперь, когда нас узнали, можно надеть маски, — Шерлок Холмс был как всегда последовательным в своих поступках.

Друзья перемахнули изгородь и, мётлами заметая следы, ещё долго носились по узким лондонским улочкам, каждый в своём направлении. Столкнувшись, в конце концов, в одном из тупиков, друзья отдышались. Шерлок Холмс, оглядел доктора Ватсона и, приподняв маску, спросил:

— Где ваша туфля? А-а? Очевидно, в руках полиции. Кстати, на ней были ваши инициалы?

— Нет, только наш адрес, — поспешил успокоить друга Ватсон.

— Да, Ватсон, имейте в виду, что когда нас поймают, вы будете сидеть в тюрьме и болеть синяками, — пообещал хмурый сыщик.

— А вы? — с надеждой спросил доктор.

— И я, — согласился Холмс и возмущённо добавил. — Нет, действительно чёрт знает что. Всю жизнь ловить преступ-

ников, иметь такие отмазки и вляпаться, как последний медвежатник! Ладно, пойдёте к дому.

— Зачем? — недоумевал Ватсон.

— Сухари сушить! — зло пошутил Шерлок Холмс.

9. Разбор полётов

Неудачливые поделщики угрюмо вошли в дверь дома № 221-Б по Бейкер-стрит.

— Меня никто не спрашивал, миссис Хадсон? — деловито осведомился доктор Ватсон у выскочившей из кухни миссис Хадсон.

— Приходил ваш старый пациент с ревматизмом, сказал, что заглянет завтра, если не подохнет, — уведомила доктора хозяйка.

— Как у нас уютно, — устало потягиваясь, заметил Холмс, вешая пальто и проходя в гостиную.

— Да уж, — съязвила миссис Хадсон, помогая раздеться доктору. Она целый день обогревала дом, путём сжигания бесценной картотеки Шерлока Холмса.

Друзья расположились в креслах и, налив немного шотландского виски, расслабились. Холмс раскурил трубку и стал по привычке топить камин теннисными туфлями. В прихожей раздалась знакомая возня, приведшая друзей в состояние мелкой дрожи.

— К вам полиция, господа, — злоратно сообщила миссис Хадсон.

— Ватсон, только не суетитесь! — тихо взмолился Шерлок Холмс.

— Понял, — сухо ответил доктор, собравшись в комок.

— Чего это вы тут разглядываете? — спросил вошедший инспектор Лестрейд, снимая кепку и метко бросая её на голову восковому чучелу Шерлока Холмса. Кепка, повинувшись руке мастера, вылетела в распахнутое окно.

— Ничего мы тут не разглядываем, — затараторил Ватсон. — Почему вы думаете, что мы тут сидим и чего-то разглядываем. Вы прям, наверное, думаете, что мы тут всё время сидим и что-то разглядываем.

— Хотите рюмочку коньячку? — попытался выручить ситуацию находчивый Шерлок Холмс.

— Ну, отчего же рюмочку, — смутился Лестрейд.

Доктор Ватсон дрожащими руками живо наполнил бокал.

— Как продвигается ваше расследование дела о контрабанде наркотиков? — Холмс предпринял корявую попытку увести разговор в нужное русло.

— Ах, да, должен признать, мистер теоретик, что хотя вы и были непоследовательны в своих рассуждениях, но оказались правы. Папу Римского пришлось отпустить. У него алиби. После умело проведённого допроса моими сотрудниками он признался, что в это время обчистил две лондонские помойки, — горестно сообщил опечаленный Лестрейд, потягивая креплённый напиток.

— Ну, не расстраивайтесь, инспектор! — самодовольно утешал Холмс служаку правосудия.

— Кстати, помните нашумевшее дело маньяка из Страсбурга? — высморкавшись в скатерть, и взяв себя в руки, продолжил Лестрейд.

— Да, припоминаю, — Холмс вёл тонкую игру.

— Так вот, вы угадали, высказав тогда теорию о том, что «голову следует держать в холоде, а ноги в тепле». Представьте, когда мы нагрянули к нему в логово, оказалось, что в погребе он держал отрезанные головы своих жертв, а в духовке подвшивал их конечности, — порадовал присутствующих инспектор.

Доктор Ватсон при этом, спешно отставив бокал, рванулся к распахнутому окну и, высунувшись наполовину, стал издавать необъяснимые звуки.

— Не обращайтесь внимания, — обратился к Лестрейду Холмс.

— Да нет, ничего, — озадаченно произнёс Лестрейд. — Просто я оставил под вашими окнами двух констеблей... Ну и ладно, мистер Холмс, я к вам по делу.

— А я-то думал, зашли просто виски на халяву попить, — искренне удивился Шерлок Холмс, поправив в камине подмётку.

— Сегодня двое террористов проникли в дом премьер-министра, — начал рассказ инспектор.

— Что вы говорите!?! — вернулся доктор Ватсон.

— Да, более того, эти негодяи выкрали секретное письмо, которое поступило лишь днём и премьер не успел с ним ознакомиться.

— Ай-яй-яй, — облегчённо вздохнул Шерлок Холмс.

— Да, но у нас куча улик, — чувствуя понимание, продолжал Лестрейд. — Во-первых, следы краски на полу.

— Следы? — удивился Холмс, с тревогой поглядывая на Ватсона, который в недоумении пожал плечами.

— Да, эти бездари изрядно наследили, правда, следы немного затёрты, — поделился инспектор. — Во-вторых, обнаружен носовой платок злоумышленников.

— На нём были инициалы? — заволновался Шерлок Холмс, нервно выпуская из ушей аккуратные колечки густого, едкого дыма.

— Слава богу, нет, — стёр пот со лба доктор Ватсон.

Холмс похолодел.

— Я вижу, ваш друг успешно осваивает ваши приёмы, мистер Холмс, — поразился способностям доктора Лестрейда. — Да, действительно, кроме следов крови, краски и птичьего помёта на платке ничего не обнаружено. И самое главное, мы нашли саквояж с преступным арсеналом этих мерзавцев.

— Да, улик действительно многовато, — хмуро сопя и бросаая на доктора, забывшего инструменты, неодобрительные взгляды, постановил Шерлок Холмс. — И что же вы хотите от меня?

— Мистер Холмс, может быть вы поучаствуете в этом деле? — заискивающе попросил инспектор. — Это будет несложно, ведь нам даже известны приметы одного из преступников. У него усы, шрам на лбу в виде креста и татуировка на щеке.

— Ну, такие неопределённые приметы, они подойдут кому угодно, хотя бы миссис Хадсон, — отмахнулся Шерлок Холмс. — Или вон, Ватсону, — таким образом Холмс в который раз бессовестно заложил доктора Ватсона. — Словом, я отказываюсь от этого дела, вы и без меня их поймаете.

— Господа, я взываю к вашему патриотизму! — с надрывом взмолился Лестрейд.

Доктор Ватсон вскочил и отдал салют, а заодно звучно щёлкнул пальцами ног, чтобы привлечь внимание Шерлока Холмса, из дырявых карманов которого выпало злосчастное письмо. Доктор незаметно кивнул на розовый конверт. Проницательный сыщик с пятого раза понял намёк и подтолкнул ногой письмо под кресло, а инспектор подумал, что у Ватсона нервный тик.

— Но что же делать, ведь это могло быть письмо, имеющее определяющее значение для нашей страны, — убивался Лестрейд.

— А на счёт письма я вам могу сказать определённо, письмо несётся к месту назначения со скоростью, на которую только способен пароход, идущий на дно.

— Но это только предположение, — усомнился подозрительный инспектор.

— Нет. Это больше. Это почти гипотенуза! — высокопарно изрёк Шерлок Холмс, и назидательно потряс указательным пальцем.

— Гипотеза, — поправил Лестрейд.

— Если вы такой умный, сами распутывайте это дело, — вспылил Шерлок Холмс, поняв в этот момент, что Лестрейд ему надоел. Осознав это, Лестрейд, в свою очередь, засобиравшись и, попрощавшись, удалился.

В комнате повисла гнетущая пауза.

— Вы думаете, он не заметил туфлю в камине? — нарушил молчание беспокойный доктор Ватсон.

— Полагаю, что нет, — проснулся Шерлок Холмс

— А может ему подсказать? — предположил сообразительный доктор.

— Вы, что давно в тюрьме не были? — поинтересовался сыщик.

— Я там никогда не был, — растерянно признался Ватсон и загрустил.

— Но всё равно подсказывать мы не будем, — категорически заключил Холмс, поставив точку в этом деле.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сокровища Агры

10. Шутки гения

Это утро Шерлок Холмс вынужденно посвятил безделью. После удачного завершения эпопеи с письмом его могучий мозг вновь покрывался паутиной. Два мощных жёрнова его мозга бездействовали. Перерешав для разминки по третьему разу кроссворд и придумав две новые модификации вечного двигателя, Холмс загрустил.

От нечего делать великий детектив нехотя взял со стола кувшин с кипячёной водой и в меланхолическом настроении медленно направился вверх по лестнице.

Остановившись у шероховатой двери, скрывавшей за собой комнату доктора Ватсона, он остановился и занёс сухопарую руку, намереваясь постучать, очевидно, чтобы предложить спящему другу попить водички. Но вдруг почему-то осёкся и передумал.

Взгляд великого сыщика опустился и упал на стоящие у порога выходные штиблеты доктора. Мозг непревзойдённого Холмса работал исправно, не допуская сбоев.

Равнодушно наполнив лодочки Ватсона до самых краёв свежей кипячёной водой, Холмс удалился в свои апартаменты. Это называлось «шутка гения».

В эту ночь доктор Ватсон спал плохо. Ему снился Холмс. Несколько раз доктор вскакивал в горячем поту и хватался за холодный револьвер. Подержав немного оружие у виска, он вновь засыпал.

Проснувшись на рассвете, Ватсон увидел мерзкого горбатого старика, который беспардонно копался в его вещах. Доктор вежливо обратился к нему, не скрывая недоумения:

— Простите, любезнейший, но я вас раньше никогда не видел.

— Я вас тоже, — неприятным голосом буркнул старик, не отрываясь от своего занятия.

Ватсон озадаченно задумался. Что-то было не так. Но что? Тягостные раздумья прервались знакомым покашливанием.

Старик достал трубку и закурил.

— Ну, вы, Ватсон, прямо как ребёнок! — улыбаясь и отклеивая накладную бородку, произнёс распрямившийся Шерлок Холмс.

— Поразительно, Холмс! — изумился доктор, когда врачам удалось вернуть ему дар речи.

— Это ещё что, у меня в комнате целый арсенал различных театральных штук, — сообщил Холмс и добавил. — Хотите посмотреть? Пойдёмте, пойдёмте, — сыщик подхватил под руки упирающегося доктора. — Это очень интересно!

Доктор Ватсон, обречённо заложив руки за спину, последовал за приглашающим Холмсом. За порогом он опустил ноги в благодатную влагу, таящуюся в его обуви. Доктор, который после пожара всегда ложился спать в непромокаемых носках, не без удовольствия отметил свою предусмотрительность.

Шерлок Холмс уже ожидал Ватсона, широко раскрыв дверь в свою засыпальницу. Доктор с содроганием погрузился в укутанную в полумрак доселе неведомую комнату.

По стенам висели мрачные произведения итальянских живописцев, в футуристических тонах. По спине доктора Ватсона пробежал холодок, когда он остановился у портрета какого-то висельника, принадлежащего кисти Боччони. Сдвиги и наплывы форм друг на друга рождали в нём множественность впечатлений, общая направленность которых сводилась к стремлению покинуть это помещение.

Шерлок Холмс катал по столу искусственный глаз. На невысоком тёмно-вишнёвом серванте стояли стеклянные колбы и склянки, откуда за доктором внимательно наблюдали заспиртованные головы не только людей, но и животных. Ватсона начало подташнивать.

— Зачем вам глаз? — спросил он у Холмса.

— Чтобы видеть, — не стал обманывать Холмс, но, проследив взгляд доктора, прикованный к столу, поделился. — Знакомый офтальмолог подарил после того, как я блистательно развенчал его неосновательную теорию о том, что в сетчатке жертвы отпечатывается образ преступника. Полная ерунда. Я провёл массу исследований, — с этими словами Холмс открыл нижний ящик стола, который был доверху наполнен однотипными прозрачными шариками, с чёрными точками по бокам.

Ватсон, не в силах смотреть на это аппетитное зрелище, отвернулся. В этот момент его взгляд привлекла книжная полка, висящая на стене. Полка просто ломилась от его «записок». Ватсон не мог оторваться от этой трогательной картины, а в это время Шерлок Холмс что-то живо, с интересом рассказывал и громко смеялся. Ватсон тоже расхохотался, так как всё прослушал. Доктор увлёкся настолько, что даже стал захлёбываться. Но верный друг оказался на чеку и своевременно нанёс ему наотмашь пару звонких оплеух. Смех доктора, как-то сам собой, перерос в горькие всхлипывания.

— А это моя химическая лаборатория, — не обращая внимания на расстроившегося доктора, продолжал презентацию Холмс, подойдя к небольшому столику у самого окна и поспешно убирая в карман небольшой пакетик с очищенным утром морфием.

На столе стояла специальная химическая аппаратура, состоящая из колб, эластичных трубочек, системы сообщающихся сосудов, нескольких мензурок и пипеток, в целом образующих взаврадашний самогонный аппарат.

— Значит в этом мире вы и живёте, — порадовался бытовой обустроенности своего друга немного успокоившийся доктор.

— Именно, — с гордостью отвечивший великий детектив, всыпая в одну из колб из мерного стаканчика какой-то белый порошок, похожий на сахарную пудру, а также вливая туда же недопитый чай.

В колбе пошла бурная необратимая реакция, с шипением и выделением ядовитых газов. Сиреневая пена поползла по внешним краям ёмкости и капала на разъедаемую поверхность стола.

— Пойдёмте отсюда доктор, — спокойно взяв доктора под локоть, Холмс направился к двери. — А то наши с вами скальпы придётся искать на другой грани земного куба.

За затворившейся дверью послышалась серия взрывов и звон бьющихся стёкол.

— Но по данным современных учёных земля круглая, — прицепился к последней фразе Холмса вкрадчивый доктор.

— Хоть параллелепипедная, я не настаиваю, — выразил своё отношение к современным достижениям научной мысли великолепный сыщик и гениальный алхимик своего времени.

— А что это было? — постепенно отходил Ватсон.

— Элементарный лиофобный коллоид дисперсных систем, — пояснил Холмс, спускаясь по лестнице, и с воодушевлением предложил. — А не сыграть ли нам в шахматы, Ватсон?

Доктор Ватсон обречено кивнул. Он не любил играть в шахматы с этой аналитической машиной, никогда не допускающей ошибок. Холмс постоянно жульничал, а если замечал подобные ходы со стороны оппонента, то страшно обижался и мог по несколько минут не разговаривать.

Быстро расставив фигуры, друзья начали партию и новую бутылку коньяка. Шло время. Часы пробили десять, а со стены упал барометр. Ватсон, обкуренный самой вонючей трубкой из коллекции Шерлока Холмса, сладко посапывал в кресле, несколько нависая над доской и, время от времени, падая всем телом на фигуры.

— Вам мат, доктор! — разрезал тишину торжествующий голос великого сыщика, который разыграл великолепную комбинацию с использованием двух «дамок» и трёх ферзей, взятых у доктора за фук.

От неожиданности доктор в очередной раз упал на доску и рассыпал все фигуры. Только этим можно объяснить, почему эта великолепная партия не вошла в учебники и была безвозвратно потеряна для шахматного мира.

11. Хлопотный день

Утром доктор Ватсон нашёл на столе адресованную ему записку от Шерлока Холмса. Почёсываясь, доктор пробежал по листу мятой бумаги привычным, ничего не понимающим взглядом.

«Ватсон! Завтракаю в «Сохо». Прихватите стамеску, ломик, наш старый фонарь и кулёк марихуаны. Классно проведём время».

Как и предписывалось в инструкции, Ватсон появился в ресторане с маркированным мешком на плече и с фонарным столбом под мышкой. Во рту он ожесточённо сжимал ломик, а из заднего кармана пиджака торчала гнутая стамеска.

Несмотря на своё небольшое замешательство, связанное с таким неожиданным и помпезным появлением доктора, Шерлок Холмс продолжал нордически поедать холодное мясо, тщательно

пережёвывая в избытке содержащиеся в нём хрящи, не вынимая изо рта трубку.

Швейцар, стоящий при входе в рестораник, услужливо обратился к доктору Ватсону:

— Ваше пальто, сер!

— Конечно моё! Чьё же ещё?! — оскорблённо возмутился доктор, проследовав дальше своим курсом.

Ватсон разгрузился рядом со столиком Холмса, и устало присел напротив сыщика.

— Всё принесли? — тихо спросил Холмс и подавился.

Доктор незаметно кивнул и услужливо постучал приятеля ломиком по спине.

К столику, грациозно покачивая бёдрами и подносом, расплёскивая свежий ароматный кофе на посетителей, подошла молоденькая симпатичная официантка.

— Что господа будут заказывать?

— Кровавую Мери, — коротко и ясно заказал кровожадный Холмс.

— Пепендале с соломинкой, — выпендрился перед девушкой доктор.

Опешившая официантка смутилась до потери сексуальности и переспросила:

— Простите, я здесь недавно. Вы мне не напомните, как это готовят?

Доктор Ватсон расплылся в довольной улыбке. Он явно ожидал подобной реакции и, поманив официантку поближе, сам приблизился к её выдающимся округлостям.

— Берёте дольку апельсина, — заговорщически начал он, — нежно поливаете её белым вином...

— Ватсон! Не морочьте голову! — не выдержал Шерлок Холмс и, обратившись к заслушавшейся официантке, подвёл итог. — Нам два пива и сделайте физиономию посимпатичнее.

Девушка вздёрнула носик и удалилась. Больше друзья её в этот день не видели.

— Чёрт! — обжёгся доктор заказанным кофе со льдом. — А я ведь специально попросил чуть тёплый!

— Ну что вы так переживаете, — Холмсу всегда удавалось сохранять самообладание. — Просто подуйте.

— Если бы я хотел подуть, я бы заказал тромбон! — продолжал возмущаться Ватсон.

— Доктор, — вкрадчиво обратился Шерлок Холмс, активно орудуя ножом и вилкой в тарелке доктора Ватсона и не обращающая внимания на взвинченное настроение своего друга, — вы были вчера на «Свадьбе Фигаро»?

— Да нет, — оторвался от своих переживаний Ватсон, — ограничился телеграммой.

— Понятно, — сказал Холмс после некоторой паузы, во время которой он даже перестал жевать и курить, изучая взглядом своего друга. — Вы хотите мне помочь?

— Конечно, — живо согласился Ватсон. — Тогда я смогу без зазрения совести написать в своих гениальных рассказах, что лично принимал участие в расследовании!

— Хорошо, хорошо, только не стоит так кричать, — пытался утихомирить вошедшего в азарт Ватсона детектив. — Вам нужно будет съездить в клуб «Диоген» на углу Пацифик-стрит и получить от моего дражайшего братца инструкции.

Доктор Ватсон кивнул и опрометью кинулся к выходу. Холмс же остался продолжать услаждение своей ненасытной утробы.

Через четверть часа тяжёлые двери ресторана со звоном растворились, и в зал влетел запыхавшийся доктор Ватсон. Ни один мускул не дрогнул на лице великого сыщика. Их свело судорогой. Очень скоро он вновь стал ощущать себя и тихо спросил:

— Неужели так быстро?

— Нет, Холмс, я просто хотел спросить, могу ли я взять двуколку? Это будет гораздо быстрее, — высказал своё рациональное предположение сообразительный доктор Ватсон.

— Чёрт вас возьми, Ватсон! Я думал вы уже на месте, слушаете моего невыносимого родственника, а вы в это время стоите передо мной! — Холмс немного погорячился, но, моментально успокоившись, добавил. — Берите хоть дирижабль!

Ватсон глубоко задумался. Поймать свободный дирижабль в Лондоне было делом далеко не простым. От этих размышлений его отвлек подошедший официант, который дежурно спросил:

— Доктор что-нибудь будет заказывать?

— А с чего вы взяли, что я доктор? — начал допрос поражённый Ватсон.

— Просто у вас на шее стетоскоп, и я предположил...

— Довольно! — прервал его лепет доктор Ватсон и быстро удалился, нацепив чёрные очки и наигранно натываясь на острые углы столиков.

Шерлок Холмс облегчённо перевёл дух. Доктор Ватсон не самым благоприятным образом влиял на его пищеварение. Аппетит пропал. Холмс, ожидая его возвращения, принялся складывать из салфетки смешные, а иногда переходящие границы пошлости, фигуры.

Вместо аппетита вернулся великолепный доктор Ватсон. Шерлок Холмс уже с трудом реагировал на происходящее. Доктор присел и залпом допил свою чашечку. Оглядываясь по сторонам, доктор спросил сыщика:

— Простите, Холмс, а как я узнаю вашего достопочтенного брата?

Холмс со шлепком возложил белую ладонь на широкий, могучий лоб и спокойным, бесстрастным голосом сказал:

— Очень просто, вот его фотография, — он протянул желтоватый листок доктору.

Доктор принялся тщательно изучать оборотную сторону фотокарточки.

— А, если это не поможет? — спросил он осторожно, отдавая себе отчёт о своих способностях.

— Тогда вы громко спросите, кто из присутствующих Майкрофт Холмс, — старался предусмотреть все варианты Холмс. — Понятно?

— Как обычно, — успокоил друга Ватсон и вдруг громко обратился ко всем посетителям ресторана. — Кто из присутствующих Майк...

— Не здесь, — зашипел Холмс. — Это Вы сделаете в клубе «Диоген»!

Доктор Ватсон насадил на вилку последний малосольный корнишон и тщательно посолив его из солонки, захрустел, подводя тем самым конец своей трапезе.

— Официант! Счёт! — снимая до неузнаваемости заляпанную салфетку, крикнул Ватсон.

— Ваш счёт, господин доктор! — как из-под земли возник небритый молодой человек с переброшенной длинной салфеткой через левую руку.

— А как вы узнали, что я доктор? — удивился Ватсон, расплачиваясь.

— Я просто заметил, что вы размешивали чай скальпелем, — разъяснил официант, пересчитывая считанные чаевые.

— Ну ладно, — взял на вооружение Ватсон и удалился, оставив Холмса наедине с ростбифом.

Шерлок Холмс закурил и немигающим взглядом уставился на входные двери. Он ожидал очередного визита доктора с секунды на секунду. Но нерасторопный доктор Ватсон появился лишь вечером, при этом немного прихрамывая и неся в руках кипу каких-то бумаг. Он с шумом отодвинул стул и тяжело сел на освободившееся место и бережно кинул на стол принесённые бумаги.

— Что это? — даже Шерлок Холмс, при всём своём непрекаемом дедуктивном методе, не мог представить, что притащил этот мастер шприца и пипетки.

— Как что? — удивился доктор. — Инструкции, за которыми вы меня посылали! Вам надо что-то делать с памятью. При вашей работе забывчивость равноценна смерти.

— Как инструкции, — выронил изо рта трубку Шерлок Холмс. — Я думал, что вы их и выполните!

— Ну что же вы меня не предупредили?! — расстроился доктор Ватсон, считавший своё ответственное задание выполненным с блеском.

— Пойдёмте домой, — миролюбиво предложил Шерлок Холмс, незаметно вколов себе в вену смертельную дозу морфия.

— Пойдёмте, — поспешно поддержал доктор, поднимаясь и жестом подзывая официанта.

— Чего изволите, господин доктор? — с поклоном спросил официант.

— Как вы узнали, что я доктор! — побагровев, закричал Ватсон.

— Простите, но вы же сегодня у нас в третий раз, я просто запомнил, — испуганно стал оправдываться официант, уже даже и не думая предъявлять счёт.

Друзья вышли из ресторана и, не спеша, направились к Бейкер-стрит. Доктор волок за собой фонарный столб, принесённый утром, отбивая при этом ритм по брусчатой мостовой. Зачем он понадобился Шерлоку Холмсу? Доктора так и подмывало задать свой очередной вопрос, но детектив шёл с таким непреклонным и суровым видом, что даже Ватсон не стал рисковать.

12. Прекрасная незнакомка

Шерлок Холмс сидел в гостиной и бережно протирал замшевой тряпочкой любимую и незаменимую лупу. Лупа переливалась спектральным отражением в косопадающих солнечных лучах. Сыщик залюбовался своей работой.

В гостиную вошла со злорадствующим видом миссис Хадсон:

— Ну что, мистер Холмс, доигрались? Доктор Ватсон назло вашим скрипичным увлечениям начал учиться игре на волынке.

Сверху раздались невообразимые звуки, как казалось, передвигаемой мебели.

— А разве у него есть слух? — удивился сыщик.

— В том-то всё и дело! — ещё раз упрекнула хозяйка Холмса и вышла.

Сыщик отложил лупу и ещё раз прислушался к утробным звукам. Доктор пытался воспроизвести гамму. Холмс тяжело вздохнул и подумал вслух:

— Вот правильно говорят: «заставь дурака богу молиться, он ему и лоб разобьёт».

В прихожей гостеприимная миссис Хадсон тем временем охаживала очередного посетителя. Холмс улыбнулся белёсыми губами и записал новую лингвистическую форму, только что найденную домохозяйкой для выражения своего отношения к отдельным объектам материального мира.

— Доктор! Живот болит! Жуткие рези! — мученически вскричал вошедший уже немолодой мужчина в высоком цилиндре.

— Наверное, съели что-нибудь? — участливо поинтересовался Шерлок Холмс, откладывая оптическое стекло.

— Да, ягодки в парке, — не стал долго вилять возмутитель спокойствия.

— Какие? — с неподдельным интересом Холмс, считавший себя самым знающим краеведом, развернулся вместе с креслом в сторону умирающего.

— Не разглядел, — жутко страдая, ответил тот.

— Ну, дорогой мой, так вам же к окулисту надо! — нашёл блестящее решение Холмс. — Вот вам адресок, — сказал он, протягивая посетителю карточку своего любимого патологоанатома.

Несчастный, оглашая дом благодарными стенаниями, рысью выскочил на улицу.

— Какой интересный человек, — вслух подумал сыщик и вдруг заметил нерешительно стоящую посреди комнаты юную девушку в кружевном сереньком платьице и с двумя огромными чемоданами под мышками, которые она с невероятным грохотом элегантно опустила на пол.

— Здравствуйте, мистер Холмс, — скромно сказала девушка и густо покраснела.

— Здравствуйте! Вы, что тоже ягодок обожрались? — приветливо предположил великий детектив.

— Ну что вы! — смутилась девушка. — Мне посоветовала обратиться к вам моя тётушка Марлоу, меня зовут Мэри Морстен.

— Марлоу... Марлоу, — мозг Холмса набирал обороты. — А, это та, что я взял год назад на кармане в Суссексе! — наконец восторженно вспомнил он.

— Что это вы там о сексе? — послышалось со стороны лестницы, по которой, не спеша, в зелёном халате из парчи, спускался доктор Ватсон.

Он не ждал ответа и поэтому продолжил:

— Представляете, Холмс, — сказал он, в упор не замечая, стоящую посередине гостиной очаровательную, кроткую девушку, — вот уже скоро неделя, как я дал объявление в «Таймс» по поводу своей медицинской практики.

— Что вы говорите? — заинтересовался сыщик, также забывая о посетительнице.

— Да, да, — ударился в воспоминания доктор. — Я так и написал, что молодой, импозантный доктор, с ранением левой руки, без полезных привычек ждёт богатых пациентов.

— Какой слог, — восхитился Холмс, скрестив руки на груди.

— Но до сих пор ни одного, даже самого завалящего параноика, — убивался доктор Ватсон.

— Может быть, вам не стоило помещать своё чудо английской словесности на полосе, где печатают некрологи? — высказал смелое предположение Шерлок Холмс, выбивая трубку.

— Вы считаете? — уточнил недоверчивый Ватсон, спотыкаясь о чемоданы миловидной гостьи и совершая немислимый кульбит.

— Познакомьтесь Ватсон, это мисс Морстен, — приятным хриплым голосом представил Холмс, с особой добротой глядя на бранящегося доктора, пытающегося высвободить застрявшую в каминной решётке ногу. — А это доктор Ватсон.

— С вашего позволения я покину вас, — с опаской поглядывая на девушку и за две версты обходя её чемоданы, неприветливо буркнул Ватсон.

— Если ваш друг останется, он окажет мне неоценимую услугу, — тихо подала голос мисс Морстен.

— Да, но Холмс, по-моему, никуда и не собирался уходить, — оборачиваясь, пробубнил Ватсон, видя, что его друг был накрепко прикован к креслу качалке ремнями безопасности.

— Я имею в виду вас, мистер...

— Ватсон, его зовут доктор Ватсон, — повторил Холмс и закашлялся, явно не рассчитав крепости табака.

— Как неужели тот самый, у которого недавно сгорел сумасшедший дом? — сочувствующе злорадствовала юная леди.

Ватсон недовольно поморщился и, вернувшись, сел рядом с Шерлоком Холмсом, демонстративно развернувшись к огню нетопленного со вчерашнего вечера камина.

— Мы вас внимательно слушаем, мисс Морстен, — сказал Холмс, пихнув локтём Ватсона, что означало «когда я вернусь, всё мне расскажете», и ушёл к себе в комнату.

Видя вопросительный взгляд девушки, Ватсон пояснил:

— Не бойтесь, у моего друга феноменальный слух. Сейчас вы в этом сами убедитесь.

Из комнаты раздались невообразимые звуки, похожие на звуки передвигаемой и при этом распиливаемой мебели, и через

несколько минут на пороге с торжественным видом появился Холмс с новенькой скрипкой.

— Ну что же вы молчите, мисс Морстен? Дело в том, что я привык слушать рассказы своих незатейливых посетителей под аккомпанемент хорошей музыки, — в этот момент доктор Ватсон не выдержал и прыснул. — Да, да, ХОРОШЕЙ музыки, а не то, что вы сейчас сказали, Ватсон.

— Ну разумеется, — стал серьёзным доктор и с этими словами достал из кармана две маленькие затычки для ушей, припасённые как раз на этот случай.

Не обращая на это внимания, Холмс сказал:

— Поэтому, мисс Морстен, говорите громче и отчётливей, а то я плохо слышу.

— Ну, я право немного смущаюсь, — часто заморгала и скромно потупилась девушка.

— Обещаю, что в этом доме над вами никто не будет смеяться, — сказал Ватсон, с трудом сдерживая хохот.

— Пожалуй, я начну издалека... — неуверенно сказала мисс Морстен, усаживаясь на край одного из чемоданов.

— А мы с Ватсоном никуда и не торопимся, ведь так? — спросил Холмс и поглядел на доктора, зная, что тот с утра собирался за сигарами.

Ватсон сидел и напряжённо перелистывал географический атлас Англии. В это время его отсутствующий взгляд беспорядочно бегал в разные стороны. Ватсону уже полчаса мучительно хотелось в туалет.

— ...Мой отец служил в одном полку в Индии, — начала рассказ мисс Морстен, доставая вязание. Этот процесс сопровождался ужасающими звуками скрипки. — Об этом человеке ходит немало легенд. Например о том, как один из разведывательных отрядов под его командованием заблудился в индийских тропических джунглях и, спустя 15 лет, был случайно найден в одной из пустынь Австралии, где он всё это время безуспешно воевал с одним из местных мирных туземных племён, будучи уверенным, что находится в Индии. Ну да что вам рассказывать, вы и сами наверняка всё знаете, — мой отец был неординарный человек. А вот ещё был презабавнейший случай...

Минут через сорок Ватсон понял, что если он не выйдет отсюда немедленно, то вскоре ему будет уже всё равно, победил

отец этой идиотки туземцев, или же сдался на диету людоедов. И вот, когда мисс Морстен с упоением рассказывала об очередном приключении своего отца, Ватсон предпринял отчаянную попытку вырваться из комнаты.

В это время композиция Холмса достигла своего апогея. Он с таким усердием теребил последнюю целую струну на скрипке, что та не выдержала и лопнула. Неожиданно наступившую на пальцы Ватсона, судорожно цеплявшиеся за подоконник, тишину прервал короткий крик и глухой удар. Холмс, не спеша, подошёл к открытому окну и выглянул вниз. На тротуаре, распластавшись, лежал Ватсон и искал спички.

— Куда же вы, доктор Ватсон? — раздался из окна истошный вопль мисс Морстен.

Ватсон вскочил как ошпаренный и скрылся из виду.

— Никогда не видел его в такой потрясающей спортивной форме, — с завистью сказал Холмс, закрывая окно.

Через несколько минут явно повеселевший доктор появился в дверях гостиной.

— Надо было навестить одного пациента-паралитика на Чарлингтон-стрит, — непринуждённо оправдался Ватсон и сел на место.

— Да-а-а, — протянул Холмс, поправляя ажурной оловянной кочергой занимавшуюся в камине скрипку. Скрипка перестала заниматься и быстро разгорелась. — И как же вам удалось покрыть расстояние в 6 миль за 3 минуты.

После долгих и мучительных расчётов Ватсон понял всю невразумительность своей версии и сказал:

— Ну, ... видите ли, он так меня заждался, что сам решил зайти ко мне. Вот я и встретил его по дороге....

Тут доктор запнулся и решил не губить и так откровенно слабенькие аргументы. Пытаясь отвлечь внимание друга, он спросил:

— И чем же там у вас всё закончилось, мисс ...э-э-э...?

— Морстен, — напомнила посетительница, о которой Холмс уже немного позабыл.

— Ах да, это неважно, давайте дальше.

— Осталось рассказать самую незначительную часть моей истории. После очередного исчезновения в джунглях Индии 14

лет назад, мой отец неожиданно объявился в Лондоне и остановился в гостинице «Лэнем», о чём тут же написал мне. Однако пока я туда добралась через два года, он снова исчез.

— Когда это случилось? — быстро спросил Холмс и вскочил из кресла.

— 10 лет назад, — напрягла память гостя.

— Да, по горячим следам найти его вряд ли удастся, — разочарованно сказал он, вешая своё пальто обратно.

— А как формулировал диагноз вашего батюшки его лечащий врач? — неожиданно встрял в разговор между Холмсом и незнакомкой доктор Ватсон.

— Кстати, познакомьтесь, это доктор Ватсон, мой ассистент, — сообщил Холмс. — Продолжайте, мисс Морстен.

— Я бы и сама не волновалась: для отца 10 лет это не срок. До этого он исчезал и на более долгое время. Но очень скоро после его исчезновения мне пришла посылка — огромная пустая коробка. Я уже собралась её выкидывать, как вдруг оттуда выпала жемчужина. С тех пор каждый день я получала точно такую же коробку с точно такой же жемчужиной внутри. Вот, посмотрите сами, — и мисс Морстен придвинула поближе два чемодана, — я показывала одну из жемчужин ювелиру, он сказал, что это очень редкий и дорогой сорт.

— Ну, насчёт редкости теперь можно поспорить, — сказал Холмс, отрешённо глядя на очумевшего от вида жемчуга Ватсона.

— Кстати, совсем забыла, а это может быть важным, я не говорила вам, что рядом с моим домом расположились цыгане? — вспомнила девушка.

— Говорили, — бровью не повёл Холмс.

— Когда? — удивилась Мери Морстен.

— Только что, — сухо ответил сыщик.

— Понятно. И последнее, — мисс Морстен захлопнула крышку чемодана так, что доктор едва успел отдёргнуть засунутые по локоть в драгоценности руки, — сегодня утром ко мне пришло вот это письмо. Прочитайте его.

— Благодарю, — сказал Шерлок Холмс, взяв письмо. — И конверт, пожалуйста. А то я, знаете ли, большой филателист. Так, на штемпеле Лондон, Юго-запад. В углу отпечаток большого мужского пальца...

— Это мой... — застенчивым голосом прервала его посетительница.

— В самом деле? — Холмс с подозрением посмотрел на руки мисс Морстен. — Ну, да ладно, — продолжил он. — Бумага высшего сорта. Конверт — шесть пенсов за пачку?! — Холмс наткнулся на ценник. — Я не дал бы и одного...

— Может вы уже прочтёте письмо?! — остановил его нетерпеливый Ватсон. — Хватит измываться над конвертом.

Холмс отодрал от конверта десятипенсовую марку, вернул его мисс Морстен и начал с выражением читать письмо. Оно было следующего содержания:

«Если Вам нечего делать, будьте сегодня вечером у третьей колонны у входа в театр. Если не боитесь, возьмите с собой двух самоубийц — будет весело. С вами поступили справедливо. Но это должно быть исправлено. Только не говорите полиции, иначе всё пропадёт.

P.S. Тут уже и без них половина пропала.

Искренне Ваш, Доброхот».

— Что вы думаете обо всём этом, Ватсон? — спросил Шерлок Холмс, закончив чтение и поклонившись аплодирующим мисс Морстен и миссис Хадсон.

— По-моему, это приглашение на какую-то оргию, — сказал доктор с видом человека, сделавшего открытие, тянущее на Нобелевскую премию.

— Почему вы так решили?

— Ну, прежде всего, такое письмо мог написать только неменяемый или обкуренный человек.

— Браво, Ватсон, вы в совершенстве познали мой дедуктивный метод. Только где вы видели, чтобы оргии устраивались в театрах? — спросил Холмс, вновь углубляясь в письмо.

— А может это модерновая постановка? — в докторе проснулся профессиональный строитель версий.

— Не исключаю такой возможности, — по обыкновению срезал под корень приятеля Холмс. — Что меня сейчас действительно беспокоит, это то, как мы найдём место встречи, — задумчиво произнёс он, рассматривая письмо на просвет, пытаясь найти хоть какой-нибудь намёк.

Ватсон насторожился.

— Вы что же и впрямь решили туда пойти? — нервно спросил он у Холмса. — Это же явная ловушка!

— Не волнуйтесь так, Ватсон, вы идёте с нами, — успокоил его Холмс.

— Да-да, вы знаете, я так обрадовалась, когда увидела, что вы не один, мистер Холмс, — неожиданно заговорила мисс Морстен, упорно игнорируя доктора. — Я живу в Лондоне всего пятнадцать лет совсем одна и друзей у меня нет. Это очень любезно со стороны вас и вашего друга, что вы согласились пойти со мной.

Ватсон понял, что его мнение интересует окружающих меньше всего, и решил не тратить напрасно сил.

— Насколько я знаю, в Лондоне находится почти три десятка театров, — Шерлок Холмс посмотрел на часы. — До полуночи у нас осталось всего 10 часов. Не так и много времени, чтобы найти нужную колонну. Мисс Морстен, мы с доктором Ватсоном будем ждать вас ровно в шесть на Бейкер-стрит. За это время я попытаюсь что-нибудь выяснить.

— Хорошо, — мисс Морстен схватила чемоданы с драгоценностями со сноровкой опытного грузчика и, попрощавшись, вышла.

— Кстати! — голос Холмса догнал её в прихожей. — Я забыл сказать, что дело очень сложное!

— Что же делать, — обернувшись, задумалась девушка.

— Не исключаю, — выстраивал план действий великолепный Шерлок, — что нам с доктором Ватсоном..., надеюсь, вы не забыли Ватсона? Так вот, возможно нам придётся провести ночь в вашей спальне.

Доктор, знавший благочестивый нрав своего друга даже не покраснел. Зато покраснела девушка:

— А как же я? — с трудом подбирая нужные слова, вымолвила она.

— Вы будете с нами, — непринуждённо сообщил Холмс.

— Хорошо, — сразу обрадовалась девушка и весело поскакала по ступенькам.

— Какая очаровательная девушка, — умилённо вздохнул доктор Ватсон, наблюдая из окна, как кэбмен, кряхтя, запикивает полуцентнеровые чемоданы в кэб.

— Очаровательная? — переспросил Холмс — истинный ценитель прекрасного. — Я бы скорее отдал предпочтение миссис Хадсон. И вообще, нам пора заняться делом. Надо зайти на почту навести кое-какие справки.

13. Ловля на живца

Через полчаса тщетных попыток поймать кэб у дверей своего дома, Ватсон, наконец, убедил Холмса пройти полтораста метров, разделявших Бейкер-стрит и почтовое отделение, пешком. Всю дорогу сыщик шёл и громко вспоминал по имени всех кэбменов в округе, которых знал, а знал он почти всех.

Ватсон, пытаясь успокоить своего друга, сказал:

— Холмс, если вы не прекратите, то нас заберут в полицейский участок.

Через пару секунд доктор пожалел о своей угрозе, ибо Холмс с несвойственным для него темпераментом и уж совершенно неожиданным зычным голосом принялся излагать свои взгляды на методику профессиональной деятельности современной полиции.

— ... этому Лестрейду и его матери! — весьма образно закончил мысль великий сыщик и вдруг, понизив голос, очень кстати спросил:

— Кстати, Ватсон, вы не помните Картрайда? Это такой славный смышлёный мальчуган, работающий на почте.

Ещё бы Ватсон не помнил Картрайда. На задания, которые Холмс любил давать этому « славному смышлёному мальчугану » Ватсон регулярно тратил добрую половину своего заработка. Но и вторая, недобрая, половина недолго залёживалась в его кармане. Дело в том, что Шерлок Холмс славился на всю Англию не только своим необыкновенным аналитическим умом, но и потрясающей щедростью: он почти никогда не брал со своих клиентов никаких денег. Разумеется, это его качество нравилось всем кроме двух человек: доктора Ватсона и Майкрофта Холмса, у которых он их постоянно « одалживал ». Поначалу Ватсон пытался вести счёт этим « долгам », но, когда сумма перевалила за тысячу фунтов, плюнул на это занятие, поскользнулся и сбился. Теперешнее упоминание о Картрайде не очень обрадовало доктора, — денег у него было и так немного, впрочем, как и пациентов, но они уже подошли к почте, и отступить было поздно.

— Пожалуй, я останусь здесь на улице, — сказал он Холмсу.

— Нет, Ватсон, вы мне можете понадобиться. И к тому же, что вы будете делать на улице? — спросил Холмс, уже кладя руку на бронзовую ручку двери.

— Ну, ... постою на шухере, — ответил доктор, не найдя ничего лучшего.

— Мы же пришли справки наводить, а не грабить, — укоризненно сказал Холмс, разбив последнюю надежду Ватсона.

Тем временем, за стеклянной дверью, которую держал Холмс, скопилась небольшая, но внушительная очередь. Холмс широко раскрыл дверь, и напирающая толпа вывалилась на мостовую. Перешагивая через замешкавшуюся старушку, путающуюся в длинном платье, друзья проникли в помещение.

Хозяин почты, ещё с порога завидев Шерлока Холмса и его неизменного спутника, понял, что ближайšie несколько дней ему придётся обходиться без помощи Картрайда, которому он, между прочим, исправно платил 10 шиллингов в день. Однако этой суммы было явно недостаточно, что удерживать его от поручений сыщика, щедро платившего из кармана доктора Ватсона. Ватсона хозяин почты не любил ещё больше.

— Добрый день, — вежливо и безразлично поздоровался Шерлок Холмс.

— Ещё издевается. Какой к чёрту добрый! — подумал в ответ почтмейстер, но вслух произнёс только последнее слово. — Добрый, добрый, — для верности повторил он, и обречено добавил. — Зачем к нам сегодня пожаловали?

— А я, собственно, не к вам, — сказал Холмс, по-хозяйски пару секунд поковырявшись отмычкой в замке двери и заглянув в служебное помещение, предусмотрительно запертое хозяином на ключ.

— А, Картрайд, как раз вы-то мне и нужны! — обрадовался сыщик, увидев за дверью мальчишку, который сидел и перетасовывал пачку писем подобно колоде карт. — Бросьте заниматься чепухой, у меня к вам чрезвычайно важное дело. — Он взял из рук юного почтальона корреспонденцию и вручил их, почтмейстеру, окончательно потерявшему дар речи от такой наглости.

— Письма не ждут, — напутствовал его Холмс и вновь обернулся к Картрайду, — Слушайте меня внимательно, — невозмутимо продолжил сыщик, отведя отрока в сторонку и, доставая из кармана скомканный листок бумаги, на котором было что-то неразборчиво написано. — Это список из 28 театров Лондона, запомнили?

Подержав список перед лицом мальчика в течение нескольких секунд, Холмс убрал его обратно в карман. За это время Ватсон, стоявший рядом, с трудом успел разобрать лишь первое название. Но Картрайда за то и любили, что он редко выражал свои мысли вслух. Шерлок Холмс объяснял это его чрезвычайным умом и сообразительностью, Ватсон — наоборот.

— Вы переоденетесь женщиной невысокого роста, — продолжал сыщик, проведя ребром ладони где-то в районе пояса мальчика, отчего тот слегка поник и присел на корточки, — и будете прохаживаться перед входом в каждый театр с табличкой на груди, на которой будет написано « мисс Морстен ».

— Я, что же буду расхаживать по городу голым? — не выдержал Картрайд.

— Почему? — недоумённо спросил Холмс, уже обдумывая эту идею.

— Ну вы же сами сказали «... на груди, на которой будет написано «мисс Морстен», — повторил он.

— А, Ватсон? Как вам этот милый мальчуган? — Холмс с гордостью потрепал едва было разогнувшегося Картрайда и уже снисходительным тоном, каким он обычно говорил с доктором Ватсоном во время занятий дедуктивным методом, добавил:

— «Мисс Морстен» должно быть написано на табличке, а не на груди. Вам понятно?

— Да, сэр.

— Ну так вот, — удовлетворённо сказал сыщик, затягиваясь трубкой, предварительно перевернув смешную вывеску «No Smoking!» надписью к стене. — Вы должны обойти все вышеуказанные театры. Объектом вашего внимания будут подозрительные мужчины, стоящие у третьей колонны слева от входа, — Холмс сделал привычный жест Ватсону, чтобы тот достал деньги. — Вот вам на это двадцать восемь шиллингов, а также справа от входа — вот ещё двадцать восемь шиллингов.

— А деньги-то зачем? — спросил не по годам смыслённый Картрайд.

— В самом деле..., — Холмс на секунду задумался и сгрёб шиллинги в свой бездонный карман. — И вообще, что вы меня всё время перебиваете, я ещё не договорил! — он был явно не в духе, но каким-то невероятным усилием воли сумел взять себя в ещё дрожащие после вчерашнего руки и продолжил. — Рано или

поздно к вам должен подойти человек и спросить нечто похожее на: «А где же ваши друзья, мисс Морстен?» или «Что это за идиотская табличка у вас на шее, мисс Морстен?» или ... ну, в общем вы поняли, — остановился сыщик. — Вы, не вступая с ним в переговоры, побежите к ближайшему почтовому отделению, откуда и телеграфируете мне на Бэйкер-стрит, где конкретно с вами флиртовали и, главное, как выглядит этот негодяй. — Холмс выдержал пятиминутную паузу и, глядя на тупо стоящего Картрайда, добавил: — Это всё. Можете приступать.

— Мистер Холмс, разрешите я выполняю это поручение бегом! — с жаром попросил будущий обладатель толстой сумки на ремне.

— В добрый час, — великодушно позволил детектив.

Когда несколько озадаченный мальчишка всё-таки ушёл, сыщик повернулся к не менее озадаченному Ватсону и, не выпуская из правой руки трубки, дружески похлопал того по плечу, отчего весь пепел из неё высыпался и ровным слоем покрыл идеально вычищенное клетчатое пальто доктора.

— Ну что же, дорогой Ватсон. Нам осталось только вернуться домой и ждать телеграммы. В крайнем случае, узнаем обо всём из криминальных сводок «Таймс».

14. Ожидание смерти подобно

«Доброхот» достаточно быстро клюнул на нехитрую выдумку великого сыщика. По дороге обратно Холмса снова разобрало ехать в кэбе, поэтому, когда нанятая на последние деньги Ватсона повозка под вечер подкатила на Бэйкер-стрит и друзья поднялись в гостиную, телеграмма уже лежала на столе. Холмс с нетерпением пробежал по ней глазами.

— Смотрите, Ватсон, какой оказывается Картрайд многообещающий актёр, — выдавил он из себя, не в силах удержаться от смеха. — Его попытались изнасиловать, не задавая никаких вопросов у 23-х театров из 28-ми, а задать вопрос, не попытавшись изнасиловать, умудрился только один идиот.

— Но как же мы найдём среди всех этих насильников нужного нам? — схватился за голову доктор.

Холмс перестал смеяться и печально посмотрел на него, покачав головой:

— Вы не перестаёте меня удивлять, Ватсон!

— Ну что вы, Холмс, вы мне льстите, — зарделся стеснительный доктор.

— Возможно, — ещё более удручающе сказал сыщик, но мысль о столь удачно начатом деле снова вернула ему хорошее настроение и он, расслабившись, улёгся в кресле.

Приблизительно через полчаса звуки подъезжающего к дому кэба вывели Холмса из состояния оцепенения, в которое он обычно погружался глубоко над чем-нибудь задумавшись. Поначалу это очень нервировало доктора Ватсона, — сыщик часами мог не подавать никаких признаков жизни, только лишь его трубка, прочно зажатая в зубах, выпускала тонкую струйку дыма. В таких случаях Ватсон в панике бежал к себе в комнату за клещами и стамеской, крича на ходу: «Миссис Хадсон, вызовите скорее доктора!» Несмотря на свою собственную привязанность к курению, доктор был убеждён, что табак рано или поздно доконает Шерлока Холмса и неоднократно спорил с ним об этом на деньги, поэтому в качестве первой медицинской помощи считал необходимым удалить трубку из его ротовой полости. Однако сделать это без помощи слесарных инструментов не представлялось никакой возможности, Ватсон неоднократно убеждался в этом на собственном опыте, — зубы Холмса рефлексивно ещё крепче стискивали прочное чёрное дерево. Миссис Хадсон, прибежавшая на крик Ватсона, в отличие от него знала, что в этих временных «релаксациях» сыщика нет ничего страшного, но когда видела того сбегающего вниз по лестнице со стамеской и клещами в руках, то с криками убегала вызывать доктора. В итоге, когда Шерлок Холмс всё-таки приходил в себя, он каждый раз заставлял над собой пыхтящего от натуги Ватсона, тщетно пытающегося вытащить трубку у него изо рта. А, так как трубка была самой дорогой ему вещью в доме, то это вызывало в сыщике целую волну негодования и небезосновательных обвинений в адрес доктора в том, что тот хотел завладеть ею во время его отсутствия.

Но доктор Ватсон быстро учился на своих ошибках. На изучение этой ему потребовалось проведение всего одиннадцати экспериментов и поэтому, на сей раз ничего подобного не произошло.

Холмс встал из кресла и, разминая затёкшие от долгого мыслительного процесса конечности, посмотрел на настенные часы, стрелки которых уже почти неделю показывали 6 часов.

— Какая потрясающая пунктуальность! — сказал он, когда в дверях вдруг появилась утренняя посетительница с неизменными чемоданами в руках и, обращаясь к доктору, спросил. — У вас всё готово?

Ватсон достал из кармана свои часы на цепочке и посмотрел на них: стрелки также показывали ровно шесть. Он с недоверием поднёс механизм к уху. К сожалению, затычки, которые доктор забыл вытащить из ушей после утреннего исполнения Холмсом композиции на скрипке, позволяли услышать только звук, сопоставимый по звучанию с сиреной портового ревуна. Поэтому, сочтя свои часы также неисправными, Ватсон с чувством ударил ими по столу и снова поглядел на циферблат. Стрелки, словно на компасе, слегка покачнулись и зафиксировались в положении « половина шестого ». Доктор с удовлетворением засунул часы в карман и подытожил:

— Всё готово.

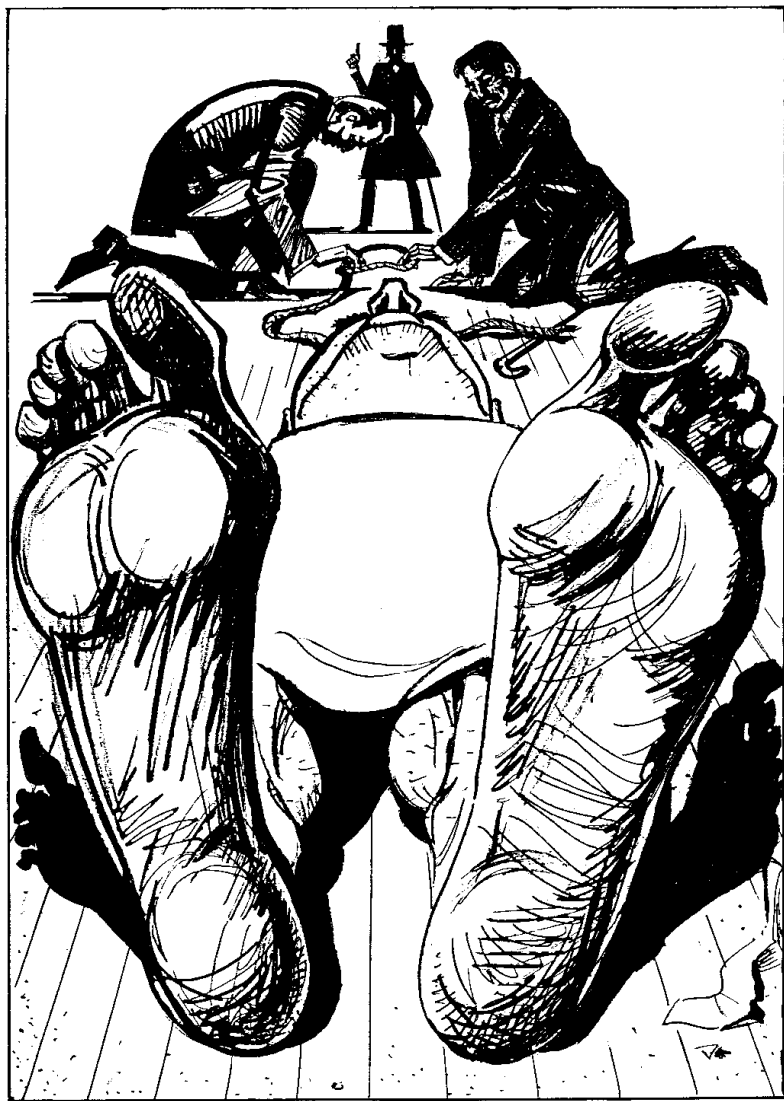
— Чудесно, — сказал Холмс и обратился к Мисс Морстен. — Позвольте вас подвезти.

— Да, вы очень любезны, — кротко ответила девушка.

— Ватсон! Поймайте кэб, — распорядился сыщик и галантно пропустил вперёд девушку с чемоданами наперевес.

15. Место встречи изменить легко

В кэбе было уютно, но тесно. Чемоданы с жемчугом, стоявшие на сиденьях, занимали более половины необходимого пассажирам пространства, и доктору Ватсону всю дорогу пришлось стоять на ноге Шерлока Холмса. Для него это положение было тем более удручающим, что крыша салона едва позволяла находиться там приняв упор сидя, к тому же никто, даже слепой, но очень милый возница, даже не подозревали, куда они направляются. Шерлок Холмс же, знающий всё, горделиво сохранял молчание, делая вид, что погружён в глубокие раздумья, а на самом деле, пытаясь вспомнить улицу, указанную Картрайдом в телеграмме. Подобная неопределённость начинала надоедать даже такому закалённому человеку, обладающему недюжинной выносливостью как доктор Ватсон.

— Скажите, — собрав все силы в кулак, вежливо обратился он к мисс Морстен, — зачем вы взяли с собой это ... чемоданы?

— Какой вы чудной! — искренне изумилась та. — Не могу же я оставить такие ценности без присмотра в камере хранения?!

— Мы у цели! — сообщил Холмс, разрушив завязывающиеся отношения между доктором и юной леди.

Процесс выхода из коляски занял некоторое время и сопровождался забавными комментариями и прибаутками кэбмена весьма фривольной направленности. Он весело подбадривал пассажиров, ещё не зная, что ему сегодня так и не заплатят.

— Это здесь, — однозначно заключил Холмс, уверенным шагом приближаясь к третьей колонне от входа. — Малыш Картрайд всё очень точно описал. А вот и он сам.

К приближающейся процессии подбежало юное дарование, по пути отбиваясь от прилипчивых охотников за автографами.

— Вы молодец Картрайд, — дал точную характеристику Холмс и, снимая с шеи сияющего мальчика нелепую табличку, торжественно водрузил её на мисс Морстен. — Вот так-то лучше, — удовлетворился он и вновь обратился к почтальону. — Где это место?

Картрайд подвёл компанию к одной из колонн и широким жестом указал на облюбованное им произведение архитектуры. Шерлок Холмс довольно быстро сориентировался на местности и сделал вывод, что искомого человека здесь не наблюдается. Он поднял голову вверх и долго сосредоточенно смотрел на венчавшую верх колонны мраморную капитель, будто силясь разглядеть там притаившегося таинственного незнакомца.

— Смотрите, здесь что-то написано, — проявила чудеса наблюдательности мисс Морстен.

Холмс зевнул, поднял выпавшую трубку и нагнулся, чтобы разглядеть приклеенное на уровне колен объявление.

— Почему объявление наклеено так низко? — задал он вопрос всем присутствующим.

— Это сделал ребёнок, — дал скоропалительный ответмышлёный Картрайд.

— А вы как думаете, Ватсон? — спросил Холмс, изучая обрывок бумаги при помощи лупы.

Доктор Ватсон, польщённый таким вниманием со стороны гениального сыщика, подражая неподражаемому стилю Шерлока Холмса, задумался.

— Руководствуясь вашим методом, осмелюсь предположить, что это карлик, — сказал он, и сам испугался смелости своей мысли.

— Нет, — заключил Холмс, давая понять, что мнение женщины его волнует, так же как и сами женщины. — Просто

человек, наклеивший это объявление, был пьян настолько, что на другом уровне оно и не может быть.

— С чего это вдруг? — посмел усомниться немного обиженный доктор.

— Объявление наклеено вверх ногами, — пристыдил доктора за невнимательность детектив.

— Вы превзошли самого себя! — восторженно воскликнул доктор Ватсон.

— Да подождите вы! — Холмса немного утомило бесконечное преклонение доктора. — Здесь написано, что встреча переносится к четвёртой колонне.

— Нам никогда его не найти! — опечалился Ватсон и захныкал.

— Половина загадки решена, — подвёл промежуточный итог великий сыщик, замечая тёмную фигуру, прислонившуюся к соседней колонне, держащей крышу театра, и с интересом наблюдавшую за происходящим.

Долгожданная встреча состоялась. Шерлок Холмс отпустил Картрайда, и вся компания не торопясь подошла к мёрзнувшему человеку.

16. Ночные бдения

— Приветствую вас, мисс Морстен, — сказал любезный незнакомец.

Девушка опустила чемоданы на землю, на которой как раз оказалась ступня доктора Ватсона, и протянула руку.

— Какая у вас нежная рука, — удивился человек, прикладывая губами к кожаной перчатке девушки.

Доктор Ватсон залился пунцом. С каким бы удовольствием он сейчас подрался с этим типом, столь вольно обращавшимся с этим нежным цветком, но его удерживал чемодан, стоявший на его ноге.

— Кхе, кхе, — напомнил о деле Шерлок Холмс.

— Прежде чем перейти к делу, вы должны дать мне слово, что ваши друзья не служат в полиции, потребовал этот странный незнакомец.

— Честное пионерское! — искренне ответил за девушку доктор.

Удовлетворившись ответом, человек соизволил представиться:

— Меня зовут Таддеуш Шолто.

— Это ничего не объясняет, — заметил Шерлок Холмс.

— Но я думал, вам это будет интересно, — несколько ступевался Шолто, отчего его пшеничные усы поникли и обвисли. — Мисс Морстен, вы что-нибудь знаете о своём отце?

— Боже мой! — воскликнула девушка, покрасневшись. — Неужели вы знаете, где он?

— Не волнуйтесь, он умер, — успокоил девушку новый знакомый. — Но дело не в этом. Ваш папаша и мой предок одно время воевали в одном полку и участвовали в австралийской кампании, — начал безынтересный рассказ Таддеуш Шолто, жестом приглашая молодую женщину и её провожатых к стоящему за углом кэбу. — Там они каким-то образом стали владельцами огромного богатства. Мой батя очень скоро вышел в отставку и отправился в Лондон, прихватив с собой заветный сундучок. Приблизительно через полгода и ваш папа, мисс Морстен, вернулся в Англию.

— Будьте добры, помедленнее, — взмолился доктор Ватсон, конспектирующий повествование. Шерлок Холмс шёл последним, заложив руки за спину и делая вид, что рассказ нового знакомого его мало занимает.

— Так вот я и говорю, — продолжил Шолто, открывая дверцу коляски и приглашая всех внутрь. — Два однополчанина решили поделить сокровища, но на радостях так напились, что сердце вашего папочки не выдержало, и он случайно трижды ударился виском об острый край ларца.

— Боже мой! Папочка всегда был не равнодушен к рому, — всхлипнула мисс Морстен.

— Не убивайтесь так, — отвлёкся от блокнота доктор Ватсон, подавая девушке свой легендарный платок, — это не эффективно.

— Конечно, не убивайтесь, — выразил солидарность с Ватсоном Таддеуш Шолто. — Мой отец, вместе со слугой, похоронили вашего папу по всем формальностям церемониала. А чтобы вы не испытывали нужды, мы с братом стали время от времени высылать вам кое-что из найденных сокровищ. Но потом, по

трезвому размышлению, мы решили, что нас может спасти от разорения только равный раздел найденного богатства.

— Поздравляю вас, мисс Морстен, теперь, получив половину драгоценностей, вы станете самой перспективной невестой Англии, — сообщил Холмс, похлопывая обмякшего доктора Ватсона по плечу.

Личная коляска Таддеуша Шолто не шла ни в какое сравнение со старыми обшарпанными лондонскими кэбами. Это великолепное творение человеческой мысли было оснащено ультрасовременным двигателем, представлявшим собой пятёрку модернизированных лошадей, развивавших мощность в десять лошадиных сил, против всего лишь трёх — у обычных кэбов. А максимальная скорость в двадцать миль в час позволяла уходить от любого преследования, даже бегом. Комфортабельный салон также был более вместительным и, доктору Ватсону на сей раз даже не пришлось стоять — он весьма удобно устроился на полу, в ногах у своего друга Шерлока Холмса. Рядом с сыщиком на мягких, обитых кожей сиденьях, подпрыгивая на дорожных кочках, лежали чемоданы мисс Морстен. Напротив, в развратной позе развалился Таддеуш Шолто. Сама мисс Морстен, сидевшая рядом с новым знакомым, забилась в угол коляски и испуганно поглядывала на него оттуда.

Всё это очень не нравилось доктору Ватсону. Он то и дело бросал гневные взгляды на своего соперника, но Шолто ловко уворачивался и ни один из них так и не достиг цели.

Вскоре дилижанс выехал из центральной части города, и всё вокруг потонуло во тьме, лишь изредка прорезаемой светом фонарей. Монотонный стук копыт действовал усыпляюще, и постепенно все, включая кучера, кроме Холмса и Шолто, погрузились в состояние полудрёмы. Таддеуш, пользуясь темнотой и интимностью обстановки, пытался ухаживать за мисс Морстен, но та никак не реагировала на его старания, откровенно храпя в ответ. Минут через двадцать, Шолто с ужасом обнаружил, что это был доктор Ватсон. Такое открытие напрочь отбило у него всякое желание на ближайшую неделю, и он без чувств откинулся на спинку сиденья.

Шерлок Холмс, тем временем, сидел и немигающим взглядом смотрел прямо перед собой. По всему было видно, что он умер. Однако это было не так. Приблизительно на второй час

путешествия его голос внезапно прервал мирные похрапывания доктора:

— Проезжаем Гарден-сквер.

От неожиданности Ватсон мгновенно проснулся и вскочил на ноги, ещё плохо понимая, где он находится. Крыша дилижанса, выполненная из искусно уделанного красного дерева, не без труда выдержала удар головы доктора. Ни один мускул не дрогнул на его перекошенном лице, и лишь изрядная доля самообладания и нежелание будить кучера и мисс Морстен, избавили присутствующих от душераздирающего крика. Но Холмс словно не заметил этого и снова изрёк:

— Пересекаем Мерриленд-стрит...

Немного успокоившись Ватсон высунул распухшую голову в окно, дабы подышать воздухом. Дилижанс ехал по весьма раздолбанной просёлочной дороге. Вокруг, насколько хватало взгляду, простирался густой лес.

— Выезжаем на Бермингем-лэйн, — вновь раздался невозмутимый голос изнутри.

Ватсон не стал возражать, голова сильно гудела, а вот соображал он слабо. Ещё раз пристально взглядевшись в чёрную стену леса, он залез обратно и вскоре снова умиротворённо уснул.

17. Дом Таддеуша Шолто

Дом Таддеуша Шолто представлял собой небольшое мрачное сооружение и оставлял унылое впечатление. Возможно, это было связано с тем, что экипаж подъехал к фасаду в третьем часу ночи. Мисс Морстен сильно укачало, а доктор Ватсон, наслушавшийся рассказов мистера Шолто, похрапывал как ребёнок.

Выгрузившись из коляски, компания двинулась к зданию по еле заметной дорожке. Доктор и не думал просыпаться и вольготно расположился на угловатом плече верного друга.

Внутренняя обстановка дома была ещё более мрачной. Даже воздух был пропитан стилем древнего Востока. Везде стояли фигурки Будды в самых замысловатых позах. По углам комнаты чадил лампадки с какими-то вонючими травками, создавая невыносимо приятный аромат. Атмосфера взбодрила даже доктора Ватсона, который сразу же заинтересовался коллекцией кривых сабель, украшавшей персидский половичок, висящий на

стене. Таддеуш Шолто ловко скинул ботинки и наступил в красные тапочки с загнутыми вниз мысками. Накинув коричневый халат, прошитый золотыми нитками, хозяин дома с проворностью обезьяны влез на мягкую подушечку, лежавшую посреди комнаты в окружении себе подобных. Шерлок Холмс из этого про себя сделал вывод, что Шолто страдает запущенной формой геморроя. Сыщик хмыкнул и снял свою шляпу.

Расширив дверной проём чемоданами, тихо вошла мисс Морстен.

— Располагайтесь, друзья! — гостеприимный хозяин широким жестом указал на свободные подушечки.

Приняв приглашение радушного хозяина, гости расположились, на приготовленных местах вокруг большого, выгнутого кальяна, с несколькими отводными трубками. Рядом стоял небольшой кувшинчик розового фарфора.

— Вы не возражаете, если я покурю? Я нервничаю, а мой кальян прекрасное успокаивающее средство, — сказал мистер Таддеуш и, сделав несколько глубоких затяжек, тяжело повалился назад, бормоча что-то несуразное.

— Допрос подсудимого придётся отложить до утра, — констатировал Шерлок Холмс, заинтересовавшись содержимым кувшинчика и звучно отхлёбывая первоклассное саке. Зажигательная смесь моментально обожгла слизистую оболочку, но уравновешенный Холмс даже не моргнул. Посидев некоторое время с таким стеклянным взглядом, он, скрипя суставами, поднялся.

— Мне нужно уладить кое-какие формальности. Я вас ненадолго оставляю наедине, — намекнул Шерлок Холмс, не считающий сводничество уголовно наказуемым преступлением. Подмигнув доктору, он вышел.

Доктор Ватсон и мисс Морстен сели на разные края стоящего в гостиной дивана и стали обмениваться многозначительными взглядами. Доктор был более опытным и поэтому выменял несколько редких экземпляров.

Между ними постепенно росла стена взаимопонимания, а междиванное расстояние неумолимо сокращалось.

— В вас есть что-то удивительное и необъяснимое, — с жаром признался усатый ловелас.

— Ну, в каждой женщине должна быть какая-то загадка, — скромно стала кокетничать милая мисс Морстен. — Во мне, например, без окон, без дверей...

— О, это не ко мне, — галантно оборвал её отставной доктор. — Вот мой друг, Шерлок Холмс, он большой мастер разгадывать загадки!

— Но при чём тут ваш друг, — округлив прекрасные светлые глаза, изумилась юная красавица. — Я думала...

— О, вы не знаете Шерлока Холмса! — высокопарно произнёс доктор Ватсон. — Это удивительный человек! Я вам о нём немного расскажу.

Около пяти часов к ряду Ватсон воздавал хвалу своему другу, лишь ненадолго прерываясь на чай. Мисс Морстен старалась слушать разошедшегося Ватсона. Её русая головка лежала на руке, которая, в свою очередь, опиралась локтём на край стола. И вот, под утро, когда девушка уже клевала носиком заварного чайника, доктор Ватсон сказал:

— Шерлок Холмс, к тому же, прекрасный пасечник, у него в комнате стоят три великолепных улья. Кстати, выходите за меня замуж.

От неожиданности локоть мисс Морстен соскользнул, и она не сильно ударилась об угол стола. Прикрывая левой рукой правый глаз, другой она удивлённо подняла на доктора Ватсона. Тот пояснил:

— Мне просто показалось, что вы меня совершенно не слушаете. Вот я и решил это проверить, не обращайтесь внимания. А по поводу вашего дельца не переживайте, Шерлок Холмс обязательно распутает этот клубок!

— Да уж, пожалуйста! — кивнула мисс Морстен, протягивая Ватсону моток запутанных ниток.

— А завтра я вам расскажу о химических склонностях моего друга, — увлечённо пообещал Ватсон.

— Вы что хотите из меня всю кровь высосать? — испугалось юное создание.

— Нет, ну что вы, — признался доктор, кивнув. — Так, всего одну пробирочку.

— Да я так просто предложила, — подёрнула плечиком мисс Морстен. — Мужчины разные бывают. Вот у меня был случай... — перехватив инициативу, девушка стала излагать длин-

ные малоинтересные этапы своего извилистого жизненного пути. Даже привыкший выслушивать своего занудного и наркологический не выдержанного друга доктор на вторые сутки стал испытывать усталость.

18. Близнец — покойник

Шерлок Холмс и Таддеуш Шолто вернулись практически одновременно. Хозяин дома отбросил ногой кальян и, не совсем оправившись от его наркотического действия, пробормотал:

— Вы кто?

— Не валяйте дурака! — вспыхнул Холмс, который не любил попусту терять время. — Где сокровища?

Громкий и уверенный голос детектива протрезвил голову Шолто и он, быстро вскочив на ноги, заявил:

— А сейчас мы отправимся к моему брату. Ларец находится у него.

Коляска уже ждала торжественную процессию на улице. По пути в дом брата Таддеуш Шолто не закрывал рта.

Это удалось лишь к концу поездки и то не без хирургического вмешательства доктора Ватсона.

— Видите ли, — продолжил он свой вчерашний рассказ, едва все успели рассестись по своим привычным местам и дилижанс рванул с места, — в последние годы своей жизни мой батюшка страдал сильным склерозом. Он забыл практически всё, в том числе и то, куда он дел сокровища. Жизнь отца превратилась в сплошные муки воспоминаний, — он увядал на глазах. Но вот однажды, когда я сидел в своей комнате и курил, отец внезапно ворвался и в панике закричал, чтобы я скорее бежал за братом и привёл его. На его лице было столько отчаяния и счастья одновременно, что я стремглав бросился искать Бартоломью. Через пять минут мы с братом уже стояли в дверях, с тревогой глядя на отца. Он стоял в центре комнаты, держась за спинку стула, и воздевал указательный палец к небу...

— Наверное, к потолку, — перебил Шолто доктор Ватсон.

— В моей комнате в то время шёл ремонт, и потолка не было, — пояснил Таддеуш.

— Понятно, — сказал Ватсон, делая пометку в блокноте.

— Притом отец всё время повторял: «Я вспомнил! Я вспомнил!» Мы с братом терпеливо ждали. Наконец батюшка успокоился и, торжественно поглядев на нас, произнёс: «Дети мои, я спрятал сокровища...» И в этот самый момент с ним случился очередной приступ склероза. На этот раз его ослабленный организм не выдержал такого горя и вскоре отец умер, так больше ничего и не вспомнив. После его смерти мы с Бартоломью пе-

рерыли весь сад и даже частично лес, но никаких сокровищ не нашли. Мне это занятие изрядно надоело, но неугомонный брадец принялся обшаривать и отцовский дом. Он посчитал, что если взять высоту потолков 2-х этажей и прибавить к ним толщину переборки, то получится величина на целых 3 метра меньшая, чем высота дома снаружи. Я сказал Бартоломью, что делать замеры пальцами достаточно неточно и что всё дело в погрешности. Но он не стал меня слушать и размахнувшись пробил тростью дырку в потолке своей комнаты.

И с этими словами Тадеуш Шолто что есть силы ударил своей тростью в крышу дилижанса. Второго удара крыша не выдержала и проломилась, оставив достаточно наглядную дыру.

— Да, приблизительно так она и выглядела, — после некоторой паузы сказал Шолто, мысленно подивившись своим физическим способностям. — И, представьте себе, из образовавшегося отверстия сверху на Бартоломью свалился небольшой, но увесистый сундучок со стропилами. Вот сейчас мы с вами, мисс Морстен, и едем туда, чтобы получить вашу законную половину хранящихся в нём сокровищ.

Тем временем, дилижанс подъехал к усадьбе Бартоломью Шолто. Тадеуш Шолто проворно выскочил на дорогу и принялся остервенело трясти ограду и без тени смущения выкрикивать глупости. Добравшись до калитки, представлявшей собой три наспех сбитые доски, он начал колотить в неё тростью. Ворота, находившиеся рядом, были открыты и противно скрипели створками на ветру, но сейчас они мало интересовали перевозбуждённого мистера Шолто. Он явно вошёл в раж и постепенно подключил к процессу все доступные ему конечности. Мисс Морстен с доктором Ватсоном с интересом наблюдали за происходящим, стоя у дилижанса. Холмс же решил не терять понапрасну времени, достал из кармана лупу и, пройдя через ворота, принялся изучать территорию сада. Минут через сорок старания мистера Шолто возымели своё действие: на верхнем этаже дома, расположенного в глубине сада, открылось окно и появился чей-то силуэт с фонарём.

— Убирайся отсюда или я сброшу на тебя гадюку! — раздался хриплый вопль. — Если конечно доброшу, — послышалось после короткой паузы: от ворот до окна было добрая сотня ярдов.

Таддеуш Шолто не сразу отреагировал на эти реплики и продолжал осаждать калитку. Лишь вмешательство Ватсона заставило его остановиться и обратить внимание на человека в окне.

— Мак-Мурдо! Это я, Шолто! — сразу обрадовался он и стал приветственно махать руками, словно Робинзон, завидевший на горизонте пиратский корабль. Однако в кромешной тьме это было явно излишним.

— Я сказал: убирайся! — раздалось в ответ. — Мистер Шолто уже давно у себя в кабинете и не желает никого видеть!

— Какой же ты остолоп, Мак-Мурдо! Я же Таддеуш, Таддеуш Шолто! И я предупредил своего брата о нашем визите!

Ветер усилился, и перекикиваться приходилось на пределе голосовых связей.

— Мне надоело с тобой пререкаться! Хозяин не предупреждал меня ни о каких братьях! Я уже кидаю гадюку!

Послышался истошный вопль, и что-то длинное и увесистое шлёпнулось в заросли кустарника, не долетев метров тридцати до ворот.

— Бедная змея, — сочувственно проговорила мисс Морстен и расплакалась.

— Какая страшная смерть, — печально произнёс доктор Ватсон и снял шляпу.

Таддеуш Шолто, которого тоже до глубины души поразила увиденная сцена, что есть мочи крикнул в темноту:

— Предупреждаю тебя Мак-Мурдо! Если ты сейчас же не выйдешь и не откроешь нам калитку, я тебя потом из-за земли достану!

— Из-под земли, — спокойным голосом поправил грамотный Ватсон.

— Неважно! Всё равно достану! — не унимался Шолто.

В ответ послышалось грязное ругательство, силуэт исчез из проёма окна и тут же появился у ворот, успев с достоинством подравнять садовым секатором заросли левкоев.

Обезображенное многочисленными ссадинами и шрамами лицо просунулось между досками калитки, и два здоровенных «фонаря» под глазами осветили в ужасе сбившихся в кучку посетителей. Даже Ватсону, лично знавшему покойную собаку Баскервилей, было не по себе.

— А это вы, мистер Таддеуш, — пробубнила голова, — простите, но ваших спутников я не пропущу. Они могут быть вашими друзьями, но, вместе с тем, являться кредиторами моего хозяина.

— К-к-кто это т-т-тебя так о-т-т-тделал, Мак-Мурдо? — нашёл в себе смелости вымолвить мистер Шолто.

Нависла зловещая пауза.

— Что, неужели не помните? — раздался голос из глубины сада, и к воротам вышел Шерлок Холмс, успевший излезть за это время всю территорию усадьбы, включая сам дом. — Помните Оствордский вокзал и ваш знаменитый апперкот, вы выбрали тогда мне правый клык, а левый я потом долго лечил.

Судя по всему, Мак-Мурдо всё вспомнил, потому что, услышав добродушный голос Холмса, он сильно вздрогнул и обернулся. Раздался жуткий треск, — прочно засевшая между досок калитки голова сторожа выдернула её с корнем, и удовлетворённый Шолто с победным видом пересёк границу усадьбы.

— А, мистер Холмс, как же мне забыть ваш знаменитый удар поддых, — засуетился Мак-Мурдо. — Нанесли бы вы мне его сейчас, я бы вас сразу заметил.

— Ну, если вы настаиваете, — сказал Холмс, нехотя снимая перчатку.

— Да что вы, я же пошутил, — испугался сторож.

Таддеуш Шолто, наоборот, осмелел и, схватив Мак-Мурдо за калитку, стал его допрашивать:

— Скажи-ка нам, к чему все эти нелепые предосторожности? Окопались так, что можно подумать. И вообще, почему меня — Таддеуша Шолто и моих друзей заставляют стоять на улице?

— Извините меня, мистер Шолто, шлятся здесь всякие мальчишки, деваться от них некуда.

— Странно всё это, — загадочно протянул Ватсон, оглядывая тёмную стену леса, окружающего усадьбу на многие мили.

— А всё-таки лучше поздно, чем никогда! — философски изрёк Холмс, неожиданно отправляя Мак-Мурдо в глубокий нок-аут и проходя дальше по дорожке. — Вот видите, Ватсон? — обратился он к доктору. — Когда моя теперешняя профессия станет окончательно невостребованной, я уйду в профессиональный спорт.

— Позвольте вас спросить, мистер Холмс, а кто вы по профессии, — насторожился Таддеуш Шолто.

— У меня много разных талантов, — уклонился Холмс.

В доме гостей встретила всхлипывающая служанка, которая бросилась навстречу к вошедшим и заголосила:

— Мистер Таддеуш! Вы должны подняться к брату! По моему, с ним случилось нечто ужасное! Сколько раз я подглядывала за ним в замочную скважину, но никогда не видела у него такого страшного лица!

— Я сейчас, — бросил Шолто и быстро взбежал по лестнице.

— Такое ощущение, что здесь прокладывали метро, — сказал Холмс, глядя из окна в сад.

— Боже, мой! — отвлёк от логического анализа великого детектива испуганный голос, скатывающегося по лестнице Шолто. — По-моему, с братом беда!

Все, кроме мисс Морстен, кинулись вслед за ним. Собранный у двери в комнату Бартоломью Шолто консилиум поочерёдно заглядывал в замочную скважину. Придя к общему выводу, что, не проникнув в комнату, им ничего установить не удастся, все, кроме Холмса, отошли в сторону. Сыщик поковырял зубочисткой в замке, и дверь со зловещем скрипом отворилась.

— Меня терзают смутные сомнения, — тихо заикнулся Таддеуш Шолто. — Кто же вы всё-таки по профессии?

— Я многогранен, как стакан, — дал исчерпывающий ответ Холмс и первым вошёл внутрь.

Перед ними предстала ужасающая картина. Посреди комнаты в кресле сидел Таддеуш Шолто, с немигающим взглядом и пепельно-белым цветом лица.

— Вы близнецы? — озадаченно спросил Холмс.

— Он на три часа меня старше, — оправдался Таддеуш Шолто. — Боже мой! Бедный Бартоломью! Чёрт, и сокровища пропали, они стояли здесь на стропилах. Ах ты, и стропила тоже пропали!

— Знаете что, перестаньте причитать, — рассудительный и хладнокровный Холмс через лупу, прямо с порога, стал разглядывать обстановку комнаты. — Я бы на вашем месте вызвал полицию.

— Правильно, мистер Холмс! — обрадовался Шолто, пятась к двери. — Так они не станут меня подозревать, ведь я был последним, кто видел брата живьём.

— Если не считать убийцу, — Холмс ничего не упустил из виду.

Когда Таддеуш Шолто убрался, Холмс стал действовать быстро и решительно.

— Ну вот, у нас полчаса, чтобы заняться делом. Ватсон, садитесь в кресло и не следите, — отдал он распоряжение.

— Очень мне надо за вами следить, — обиженно фыркнул доктор, с ногами забравшись на кресло.

Быстро обследовав комнату, Холмс оглядел труп.

— Как вы думаете, Ватсон, что это? — спросил он, изучая шею покойного.

— Похоже на шип какого-то растения, — дал заключение последователь Гиппократ.

— А это и есть шип Кариуры, вытащите его... Осторожно, он отравлен, — сказал Холмс, видя, что доктор, чертыхаясь, выдёргивает шип уже из своей ладони.

— Что вы думаете по этому поводу? — спросил сыщик.

— Дайте мне сориентироваться, — задумчиво протянул Ватсон.

— Прошу вас, — Холмс услужливо протянул ему компас, а сам продолжил осмотр. — Записывайте, доктор, — попросил он, оглядев комнату. — На столе лежит надкушенная груша.

— Какая груша? — не расслышал Ватсон.

— Боксёрская, — повторил сыщик, изучая бардак на столе.

— Боже мой! Ватсон, взгляните! — неистово вскричал Шерлок Холмс, прочитав какую-то бумагу на столе. — Это знак четырёх перекрещенных сабель!

— Что вы говорите, — не поверил ушам Ватсон и уточнил. — И о чём нам это говорит?

— Я чувствую в этом захватывающем деле почерк доцента! Доцента Мориарти!!! — глаз сыщика горели праведным азартом.

— Да, почерк действительно корявенький, сразу видно, что не профессорский, — Ватсон тоже взглянул на листок. — А кто такой Мориарти?

— Вот так всегда, — Холмс был раздосадован. — Этот злодей опутал всю страну преступной сетью, а о нём никто даже не слышал! Это самый великий преступник, когда-либо живший на туманном Альбионе, — принялся рассказывать Холмс. — Подумать только, а ведь мы вместе с ним учились в колледже для некурящих детей в Стрэгшире. Он уже тогда делал успехи на ниве нарушения закона, а я увлекался криминологией. На выпускном вечере я предъявил ему первое обвинение, — Холмс подошёл к окну и внимательно осмотрел подоконник. — Да, обвинение, в спекуляции в особо мелких размерах. Этот подонок продал российскому императору крупную партию золотых аглицких блох, которых эти варвары подковали.

— Какой подлец! — негодовал слушающий с открытым ртом доктор Ватсон. — Вы знаете, Холмс, мне сейчас почему-то захотелось поймать этого проходимца и стукнуть его по лицу.

— Не горячитесь, — попросил Холмс, не понаслышке знающий темперамент доктора Ватсона.

— А какое отношение этот прохвост имеет к сокровищам? — спросил Ватсон, взявший себя в руки.

— Это же элементарно, Ватсон! — в очередной раз подивился недалёковидности доктора Шерлок Холмс. — После блошиного дела Мориарти был сослан в Австралию, где живёт много-много диких кенгуру, на исправительные работы по возведению первой в мире ветряной гидроэлектростанции. А отец мисс Морстен, как раз, воевал вместе с майором Шолто в тех краях.

— Блестяще, Холмс! — Ватсон был поражён величием друга. — Вы превзошли самого себя!

Холмс торжествующе закурил и выпустил сизый дымок, но доктор Ватсон не замедлил добавить бочку дёгтя:

— А кто же был четвёртым? Вы сказали, что знак из четырёх сабель.

— Это же примитивно, Ватсон! — устало ответил Холмс. — Конечно же, вождь тамошних туземцев, Ахмет Агра. Это, кстати, были его сокровища, которые он нажил непосильным трудом по сбору непомерных податей со своего племени.

— Холмс! Вы как будто сами там были! — удивлённо сказал Ватсон.

Шерлок Холмс загадочно улыбнулся.

— Так вы считаете, что это Мориарти проник сюда и уработал несчастного Бартоломью Шолто? — не унимался доктор Ватсон.

— Без сомнения! — Холмс блаженно вдыхал табачный дым. — Это он и его одноногий ассистент.

— Так их было двое? — Ватсон открывал для себя всё новые стороны этого загадочного дела.

— Элементарно, друг мой! — сказал Холмс, записывая мысль доктора. — Видите на подоконнике земля? — спросил непревзойдённый следопыт, опрокидывая цветочный горшок.

Ватсон надел очки и вооружился восьмикратной лупой Шерлока Холмса.

— Вижу! — возопил он, наклоняясь к самому подоконнику, напугав даже покойника.

— На земле чётко видны следы, — продолжил криминалистическую лекцию великий детектив. — Вот эти два — это следы горничной. А вот эти три — следы преступников.

— Вы прямо как будто читаете по книге! — не уставал поражаться доктор Ватсон.

— Проще вяленой свёклы, — скромно отмахнулся Холмс, пряча блокнот.

— Не сочтите меня ослицей, Холмс, но я никак не возьму в толк, зачем Мориарти потребовался одноногий помощник?

— А брать в долг и не надо, — терпеливо принялся объяснять сыщик. — Кто-то ведь должен был убить Шолто. Поэтому Мориарти первым проник в дом, через слуховое окно, а затем, уже из окна спустил верёвочную лестницу своему подельнику.

— А почему он не устранил его сам? — не уставал от своих глупых вопросов доктор.

— Видите ли, — утомлённо разжёвывал Холмс. — У Мориарти, ещё со времён колледжа, пробудилась страсть к театральным эффектам. Дело в том, что мы участвовали в тамошней самодеятельности и играли в местном драмкружке. Я, кстати, там исполнял партию первой скрипки, — с гордостью дал справку многоплановый Шерлок. — Мориарти же всегда доставалась роль массовой или пенька, на который в тяжких думах усаживался главный герой пьесы, перед тем как повеситься. Роль, как вы понимаете, малоперспективная, слов мало. Вероятно, нереализованный актёрский потенциал стал проявляться в преступной де-

тельности, — Холмс задумчиво выпустил струйку дыма и поинтересовался. — Вам не кажется, что моя теория грешит против логики?

— Нет, всё кристально ясно, — сказал Ватсон, сиюминутно забыв вспомнить хронологию событий.

— Правда? — недоверчиво переспросил Холмс и подошёл к месту, над которым был пролом в потолке. — А что у нас тут? Он подставил стул, и вскоре его ноги исчезли в проломе. Доктор смотрел на потолок, вслушиваясь в шарканья над головой. Вдруг послышался страшный грохот и приглушённая просьба:

— Ватсон, если вас не затруднит, посветите мне!

Ватсон резво взобрался на чердак и запалил ночник. Друзья осмотрелись.

— Да здесь прорва следов! — обрадовался сыщик, ползая на коленях в вековой пыли. — Ватсон, смотрите какой интересный след.

Доктор тоже встал на карачки и наклонился к полу.

— Понюхайте след... Чем пахнет? — спросил Холмс, доверяясь обонянию доктора Ватсона.

— Вашими носками, — поморщился доктор.

— А сейчас? — переспросил Холмс, поспешно пряча носки за пазуху.

— Дёгтем, — безошибочно определил Ватсон.

— Ничего странного не замечаете? — поинтересовался Холмс. — Вот сравните, — и он поставил рядом с отпечатком свою голую ступню.

— У вас ногти не стрижены, — обнаружил доктор.

Холмс стыдливо убрал и поджал ногу, отчего стал похож на беременную цапель.

— А что ещё вам бросилось в глаза?

— У вас пальцы вместе, а здесь растопырены, — провёл повторную экспертизу Ватсон.

— Вот! А теперь запомните, Ватсон, — нравоучительно сказал Холмс. — Не всё то золото, что пахнет дёгтем!

— Гениально, — восхитился доктор, даже не пытаясь понять мысль Шерлока Холмса. — Я это запишу!

— Сделайте одолжение, — разрешил Холмс и спросил. — Видите бутылку с креозотом?

— Да, я уже в него вляпался, — сообщил доктор.

— Так вот, преступник сделал то же самое. Кстати, у вас есть чистый носовой платок? — поинтересовался сыщик.

— Есть, — сказал доктор, роясь в карманах.

— Макните его в креозот, — распорядился Холмс.

Доктор выполнил распоряжение сыщика и неожиданно вспомнил:

— Холмс, я должен увести из этого ужасного дома мисс Морстен, ей нельзя здесь больше оставаться. Она и так столько натерпелась, бедная девочка.

— Захватите мои носки, когда пойдёте вниз, — попросил Холмс, продолжая изучать следы. За его спиной неуклюжий доктор, вскрикнув, свалился в пролом. Шерлок Холмс, не отрываясь от своего занятия, напутствовал его:

— Когда загипсуете свою ногу и будете возвращаться, зайдите на Каверзли-стрит 12 и скажите тамошнему хозяину, что нужен Тори.

— А кто это? — с трудом поднимаясь на ноги, спросил пришедший себя Ватсон.

— Как, вы не знаете Тори? — удивился сыщик и выронил лупу. — Это прекрасный пёс, обладающий абсолютным слухом, — объяснил он, слизывая с лупы чёрную жижу. — Нюх у него послабее, но для нашего дела сойдёт.

— Хорошо, — подтвердил Ватсон и выбежал из комнаты.

19. Тори — это не только ценный мех

Доктор Ватсон, поухаживав за мисс Морстен, прибыл на Каверзли-стрит к утру следующего вечера. Он постучался в невысокую ржавую калитку и огляделся. На этот раз судьба, в лице Шерлока Холмса, забросила его в самые настоящие трущобы. Низкие, покосившиеся домики, давно нуждавшиеся в капитальном сносе, лишь усиливали это впечатление. Ватсон повторил напоминание о своём присутствии. Со стороны дома № 12 слышался несмолкаемый разноголосый гомон. Первым заорал петух, его поддержал лай, по меньшей мере, дюжины собак, которым вторил медвежий рёв и муравьиный писк. К крикам почти сразу же присоединились голоса всех соседей, проживающих по этой улице. Апофеозом стал, вступивший в исполняемую композицию последним, писклявый голос неприятной тональности, принадлежащий хозяину этого зверинца.

— Убирайся отсюда, грязная тварь! — приветливо послышалось из разбитого окошка.

— Но я бы хотел... — сделал попытку всё объяснить доктор Ватсон.

— Некогда мне с тобой разговаривать, — оборвал его всё тот же противный голос. — Если ты не уйдёшь, я отправлю почтового голубя в муниципалитет!

— Но Шерлок Холмс... — вновь попробовал вступить в переговоры, не на шутку испугавшийся Ватсон.

— Ё-ё-ё! — раздалось со стороны дома, и послышался звон ключей и лязг открываемых клеток, и через секунду калитку уже открывал старичок, ещё более мерзкий, чем его голос. — Что же вы не сказали, что вы от мистера Холмса? Прошу, прошу вас.

Доктор вошёл вслед за стариком в дом, где сразу пахло свежим запахом хлорки, гниющих овощей и навозом.

— У вас здесь очень уютно, — оглядываясь, сказал доктор.

— Держитесь поближе к леопарду, он не ужинал, — предостерег старичок, проходя дальше вдоль длинного коридора клеток с орущими, жующими и спящими животными. — Простите мне мою грубость, здесь полно проходимцев, вроде вас. Не обращайтесь внимания на змею, она ядовитая, поэтому я её выпускаю гулять по дому.

— А не боитесь, что убежит?

— Змеи не бегают, у них нет ног. Так чем же я могу помочь мистеру Шерлоку Холмсу?

— Ему нужна собака, — ответил доктор, вырывая свой котелок у цепкой верещащей макаки.

— Ему нужен Тори, — уточнил старичок. — Этот рассадник блох живёт здесь, клетка между сдохшим удавом и сусликом-паралитиком. Давайте так, я открываю клетку и прячусь, а вы тщетно пытаетесь поймать это отродье. Правда здорово?

Доктор не разделял веселье этого назойливого старичка и пошёл на решительные меры. Выхватив у него связку ключей, он распахнул клетку и выволок на свет божий, забившегося под миску зверя, в котором с трудом угадывалась собака, но без труда поросёнок. Хозяина зверинца Ватсон затолкал в клетку и запер её на ключ, подперев на всякий случай клеткой с леопардом.

— Смотри у меня! — погрозил он пальцем притихшему зоологу и удалился.

В доме Бартоломью Шолто доктор Ватсон появился как раз, когда его там никто не ждал. Это не смутило доктора и он, небрежно бросив на руку полисмену, требующему у него доку-

менты, своё пальто и кашне, застучал каблуками по лестнице. Тори едва поспевал за ним.

В комнате, где произошло убийство, Ватсон застал своего друга, вольготно разместившимся в кресле напротив покойника. Холмс курил трубку и потягивал тёмный глинтвейн из высокого бокала.

— А, Ватсон. Привезли, — догадался пронизательный сыщик, видя чёрно-белый клубок у ног доктора. — Жаль, что вы немного опоздали. Мы тут были свидетелями фонтанирующей активности нашего старого знакомого, инспектора Лестрейда, — и Холмс подмигнул немигающему Бартоломью. — Он арестовал всех, включая брата покойного, слуг и некоторых соседей. Кстати, мы с вами тоже под подозрением.

— И где же этот тупоголовый фараон? — обозлился на власть Ватсон.

— Они все отправились в участок для дачи ложных показаний, — весело рассмеялся Холмс.

— Не все! — раздалось из-за спины доктора Ватсона, и в комнату вошёл маленький человек, представлявший собой инспектора Лестрейда — гордость королевской охраны. — В полицейском дилижансе не было места, поэтому я решил остаться и продолжить расследование на месте, — пояснил он, сверкая хитрыми, но глупыми глазами.

— Какова ваша рабочая версия? — из профессионального любопытства поинтересовался Шерлок Холмс.

— Вообще-то это секрет, — заважничал Лестрейд, но, как и у всех бездарей, страсть выплеснуть свою глупость пересилили служебную тайну. — Братец уработал, тут вопросов нет, его работа. Убил, а после этого скрылся. Всё просто как день!

— Да, — многообещающе согласился Шерлок Холмс, и поддержал инспектора. — А потом покойник встал и закрыл дверь.

— Опять мистер теоретик всё испортил, — с досадой выпалил доблестный служитель пробкового шлема. — Но я сейчас же найду с другой стороны и вновь сплету сеть.

— Удачи, инспектор! — всхрапнул Холмс, подавая спицы для вязания.

— Я ни как не возьму в толк, — не обращая внимания на иронию, Лестрейд начальственным шагом пересёк комнату. —

Как это могло случиться? Я Вас спрашиваю! — повысил голос инспектор, обращаясь к покойнику. — Ведь не улетели же они отсюда на воздушном шаре!

— Может на самолёте? — ехидно поучаствовал в развитии версии Шерлок Холмс.

— Не мелите чепуху, — возмутился Лестрейд, записывая смелую гипотезу Холмса. — Мы тут не в игры играем... Я понял! Всё просто, как амёба! Преступников впустил сам убиенный, это же очевидно! Как вы могли этого не заметить!

— Да, а потом покойник опять встал и закрыл дверь, — спокойно зарезал версию Лестрейда непреклонный Шерлок.

— Чёрт, а какая была версия! — убивался инспектор.

— А хотите, Лестрейд, я скажу вам, как убийца сюда проник? — коварно улыбнувшись, предложил Холмс.

— Хочу.

— Через слуховое окно.

— Что? — не расслышал инспектор.

— Слуховое окно! — перешёл на крик сыщик, сложив ладони рупором.

— Что? — снова переспросил Лестрейд.

— Всё! Ладно, удачи вам, инспектор! Нам с доктором пора собачку выгуливать, — поднялся Холмс и подошёл к доктору. — Доктор, ждите меня на улице под окнами, а я попробую проделать путь преступника по крыше.

Доктор кивнул и удалился. Шерлок Холмс под удивлённым взглядом инспектора скрылся в потолочном проёме и вылез через слуховое окно.

Великолепный сыщик всего восемь раз сорвался с крыши, следуя по следам преступника.

— Здесь и шею сломать недолго, — пробормотал Холмс, сломав любимую предпоследнюю ногу.

Доктор Ватсон уже дежурил под окнами дома и убеждал прохожих в том, что ничего интересного не происходит. Дело шло споро, и рядом с ним уже толпилась группа зевак.

— Ватсон, что это рядом с вами? — спросил передышающий Холмс, сидя на бронзовом флюгере.

— Бочка, — оглядевшись, отвечивал народный целитель.

— А крышка на ней есть? — продолжал интересоваться Холмс, теперь уже пытаюсь слезть с цепкой железяки.

— Есть! — крикнул Ватсон, услужливо снимая крышку.

— Чудесно! — возрадовался Холмс, прыгая солдатиком, тщательно прицелясь. Только сейчас он со всей полнотой ощутил, что креозот не только невыносимо вонюч, но и вполне пригоден для мягких приземлений.

Потирая ушибленную голову, Холмс философски изрёк:

— Человеческий мозг — это пустой чердак!

Когда детектив, не смотря на всевозможную посильную помощь доктора, всё же выбрался из бочки и с него стекла чёрная, смолистая жижа, он попросил Ватсона:

— Доктор, дайте Тори понюхать ваш платок, пропитанный креозотом.

Ватсон послушно кивнул и, высморкавшись, вытер платок о морду ошарашенной собаки.

— Видите, доктор, какой толковый пёс! Тори взял след, поспешим! — восхитился Холмс, наблюдая за тем, как бедное животное заметалось, с визгом пытаясь зажать лапами нос.

Тори долгое время водил за нос двух друзей по трущобам и помойкам. У доктора даже возникла мысль, что эта ушастая каракатица принимала самое активное участие в партизанском движении. За время этой импровизированной утренней пробежки доктор Ватсон уже в совершенстве освоил преодоление препятствий и демонстрировал завидную технику.

Посреди Винстоун-Роуд друзей ждала огромная лужа. Тори преодолел её вплавь, а вот друзья почему-то остановились и демонстрировали странную нерешительность. Шерлок Холмс решился первым и, опираясь на забор, прошёл по самому краю берега. Героический пример своего друга вдохновил на свершения доктора Ватсона. Он попробовал таким же манером перебраться, но изменчивый и непредсказуемый забор неожиданно поддался давлению и доктор вместе с ним с брызгами и бранью упал в лужу. В завершении для полноты ощущения доктора накрыла изгородью. Лишь благодаря дружеской помощи, с трудом сдерживающих хохот, Холмса и Тори доктору удалось перебраться, и компания продолжила свой тернистый путь. Наконец, собака остановилась у высокого, занимающего обширную площадь особняка и глупо залаяла.

— До чего же тупая псина, — вырвалось у доктора.

— Не скажите, Ватсон, я в очередной раз поражён мудростью Тори. Он напомнил мне, что я хотел зайти к Милвертону и уладить кое-какие дела, а он живёт именно в этом доме.

— А кто это, Милвертон? — спросил живой вопросительный знак.

— Как, вы не знаете Милвертона? — глаза Холмса округлились как два пенса. — Доктор, вам нужно читать классику! Это же король шантажа!

— Простите, Холмс! Я, видимо, пропустил сообщение о его коронации, — стыдливо оправдывался Ватсон.

— Подождите меня здесь, Ватсон. В дом я вас не приглашаю, знаю, что вы всё равно откажитесь, — сказал Холмс, вручая доктору кожаный поводок.

Прикусивший язык Ватсон, нахмурено засопел, но Шерлок Холмс был уже далеко и барабанил кулаком по кованым дверям. Через некоторое время в доме зажёгся свет, и из окна третьего этажа вылетела и глухо шмякнулась об землю мёртвая гадюка.

Холмса впустили. Доктор с отвращением привязал к ограде ненавистную собаку элегантным морским бантиком. Сам он заложил руки за спину и прогуливался вдоль дома, насвистывая лирические мелодии и изучая малопривлекательные окрестности. Он сам не заметил, как перелез ограду и оказался в палисаднике дома Милвертона.

Тем временем, отвязавшийся каким-то невообразимым образом Тори, отвязно помечал близлежащие, приглянувшиеся ему столбы, а столбов лежало немало.

Покружив по прилегающим к дому угольям, доктор неторопливо взошёл по каменной, покрытой мхом и средневековой благородной плесенью лестнице с массивными балясинами. Отдышавшись, он вдруг задумался и, развернувшись, спустился по ней вниз.

Ватсон решил поразить Холмса своими успехами на ниве дедукции и старательно пересчитал количество ступенек, тщательно загибая пальцы. Полученный в итоге результат доктор записал химическим карандашом на манжете и победно улыбнулся. Теперь Холмсу не придётся упрекать его в невнимательности. Сменив репертуар с лирических мелодий на победный марш, доктор занялся исследованием архитектуры дома. Здесь его возо-

ру предстала замшелая, горделиво простирающаяся ввысь, сырая стена, густо увитая плющом. Короче высокая стена.

Взгляд наблюдательного доктора привлекло движение в одном из окон. Он подошёл поближе и вперился сквозь плотно закрытые ставни. С детства зная, что подслушивать нехорошо, он благородно заткнул уши и начал подглядывать.

В комнате шёл жаркий спор, перемежавшийся взаимными оскорблениями и рукоприкладством. Хозяин дома, толстый, лысый человек с пышными бакенбардами и добрым прыщавым лицом торговался с Шерлоком Холмсом, нацепившим нелепую испанскую бородку.

Шерлок Холмс с достоинством рвал на себе парик и бумаги на столе. Милвертон твёрдо стоял на своём и не уступал. На его столе царил рабочий беспорядок. Ватсон не видел друга в таком возбуждении со времён пёстрой ленты.

Рассветало. Наконец, Шерлок Холмс взял себя в руки и, прекратив бесноваться, стал с презрением бросать на сукно стола пачки фунтов стерлингов.

Милвертон, противно улыбаясь, вылез из-под купюр и протянул Холмсу вязанку писем, перетянутых шёлковой ленточкой. Шерлок Холмс просиял и, торжествуя отхлестав ими Милвертона по заплывшей физиономии, с достоинством удалился. В дверях он столкнулся с недоумевающим доктором Ватсоном.

— Что я видел, Холмс! — возмутился праведным гневом виртуоз клизмы и подверг друга остракизму. — Как вы можете поощрять шантажиста! Это же позор!

— Не волнуйтесь так, доктор. Вы же видели, что я хотел убить его ножкой кровати, — попытался утихомирить распяляющегося доктора Холмс.

— Как это не волнуйтесь! — не мог остановиться раскрасневшийся Ватсон. — Почему мы не воспользовались нашим проверенным способом и не выкрали эти письма? — продолжал прирождённый взломщик.

— Эх, доктор, — тяжело вздохнул Холмс, откусывая край одного из конвертов. — Если бы вы знали содержание этих писем, вы бы поняли, почему я не пожелал рисковать. — Холмс тщательно пережёвывал плотную и пресную продукцию целлюлозно-бумажной мануфактуры.

— Хорошо, это меняет дело, но прошу заметить, что я выражаю категорический протест, — нахохлился доктор.

— Я это запомню, — пообещал Холмс и подавился маркой с ликом неувядающей королевы Виктории. — Кстати, Ватсон, у вас соли не будет?

— Вот, пожалуйста, — доктор подобрел и протянул Холмсу карманную сахарницу.

— Большое спасибо, — кивнул Холмс. Хотя он и не любил пряные специи, но горчица оказалась очень кстати.

Из подворотни с лаем выскочил Тори. Доктор, пожелавший поймать поводок, был встречен непониманием со стороны четвероногого следопыта и схвачен за рукав. После непродолжительной борьбы доктор победил. У него остался поводок, а в зубах у Тори его рукав. Друзья побрели по широкой стороне улицы. Холмс беспрерывно икал. Вдруг он повернулся к доктору и сказал:

— Давайте проверим вашу ненаблюдательность, доктор.

— Может быть не здесь? — застеснялся мастер пипетки.

— Нет, именно здесь! — Холмс был непрекаем. — Вот скажите мне, сколько ступеней было на лестнице, ведущей в дом Милвертона?

Ватсон бросил уничтожающий взгляд на зловредного пса, доевшего рукав со спасительной записью и теперь икавшего в унисон с Холмсом.

— Не обратил внимания, — выдавил он из себя по капле.

— Это плохо. В нашем деле, это просто недопустимо! — нравоучительно размазывал доктора по мостовой Шерлок Холмс, так и не сказав, впрочем, сколько же было ступеней.

— А я вот не зря потратил время, — похвастался он. — Милвертон в споре со мной выложил на блюдечке своего шефа. Когда я сделал филигранный ход, заявив, что близко и неоднократно знал родню самого Милвертона, а также родных и близких доцента Мориарти, в особенности их достопочтенных матушек, и что вскоре я лично поближе узнаю самого Мориарти, он огрызнулся, что для этого мне придётся перекрыть Темзу от Весторгского моста до Нотемшинского шлюза, — Холмс победно развёл бровями. — Теперь вам всё понятно?

— Нет, — поддержал воодушевление своего друга Ватсон.

— Ну это же элементарно, Ватсон! — по обыкновению пустился в объяснения Холмс. — Тем самым он выдал нам местонахождение Мориарти, а, следовательно, и сокровищ.

— Ах, вот оно что! — догнал мысль Холмса способный последователь дедукции.

— Теперь мы с вами знаем, где его искать, — заключил Холмс, заигрывая с Тори, поддав мыском консервную банку и жизнерадостно прыгая на одной ноге.

— Правда? — удивился доктор, увлекаемый безудержным псом в сторону.

— Разумеется, — Холмс не стал дожидаться вороха сопутствующих вопросов. — Где-то в районе Весторгского моста и нашёл своё прибежище наш криминальный гений.

— Это блестяще, Холмс! — восторженно воскликнул вернувшийся доктор. — Я даже не стану пытаться у вас о том, как вы до этого додумались.

— Ну что же, Тори! — махнув рукой на Ватсона, обратился Холмс. — Ведите нас!

И друзья поспешили к набережной медлительной Темзы, волоча за собой, упирающуюся всеми лапами собаку.

20. На Темзе туман

Друзья вышли на невысокую набережную, незаметно переходящую в песчаный пляж, с удобными отмелями.

— А знаете, Ватсон, пойдёмте драться с Мориарти, — неожиданно затейливо предложил Шерлок Холмс. — Я буду его бить, а вы меня держать.

— Так мы и идём, — подтвердил серьёзность намерений Ватсон.

Над старушкой Темзой, как водится, клубился густой туман, отчего у доктора Ватсона заныло его любимое плечо. К туману прибавился мутный дым, выпускаемый неизменной трубкой Шерлока Холмса. Он шёл впереди, как всегда уверенный и непонятным образом ориентирующийся в этом молоке. Несчастный Тори, и без того не знавший маршрута, теперь окончательно растерялся и беспрестанно выл, влачимый неумолимым доктором. У собаки тряслись прожилки, и она, время от времени, слизывала конденсирующуюся влагу с длинных, свернувшихся в трубочки ушей.

Доктор весь напружинился и старался не упустить из виду маячившую впереди щуплую спину своего друга. Несмотря ни на что ему это удалось. Доктор тщетно вглядывался в туманную пелену. Холмс исчез. Напрасно Ватсон требовал от Тори проявить сознательность и отыскать их провожатого. Пёс жался к ногам, дрожал и выказывал полную профнепригодность. Неожиданно на плечо доктора легла чья-то костлявая рука. Доктор похолодел, а

Тори взвизгнул и потерял сознание, безжизненно повиснув на коротком поводке.

— Простите, вы не знаете, как пройти к астрономическому институту Бергольца? — раздался сзади хриплый, простуженный голос.

— Нет, — в ужасе прошептал доктор Ватсон, не в силах пошевелиться.

— Странно, а на вид такой интеллигентный человек, — слышалось после паузы.

Доктор скосил глаза и обнаружил за спиной мужской силуэт. Лишь когда незнакомец вылил из трубки накопившуюся воду, обдав брызгами доктора до колен, Ватсон признал в нём великолепного Шерлока Холмса.

— Боже мой, Холмс! Как вы могли нас так кинуть! — возмутился доктор, постепенно отходя от ярких переживаний и, поднимая на поводке всё ещё инертного Тори. Он потряс в воздухе несчастным животным для усиления своих слов.

— Извините, мой неподражаемый Ватсон, я просто забежал немного вперёд, чтобы прояснить обстановку, дабы не подвергать вас возможным опасностям.

— Холмс, по-моему, вы мне не доверяете, — закапризничал Ватсон, по-своему истолковавший действия друга.

— Почему, я же доверил вам даже ключ от моей комнаты, — удивился Холмс.

— Да, но он к ней не подходит, — продолжал обижаться доктор.

— Хорошо, тогда я доверю вам, пожалуй, пойти разведать обстановку в стороне от Босконской заводи, — Холмс был великодушен. — Ступайте, но будьте осторожны! — напутствовал он доктора.

Воодушевлённый таким расположением великого сыщика, Ватсон просиял и скрылся в тумане. Через некоторое время он вернулся весь мокрый. С доктора стекали потоки грязной воды, а сам он пах тиной и рыбными деликатесами. Маленький Тори был похож на грязную губку.

— Знаете, Холмс, там творится нечто невообразимое! — начал объяснять Ватсон, но Шерлок Холмс прервал его, похлопав по плечу, подняв при этом фонтан брызг:

— Да, Ватсон, вы просто молодец. Как хорошо, что мы не пошли в ту сторону, а то могли бы до нитки промокнуть, — и после короткой паузы добавил. — А так промокли только вы. Идёмте, друг мой, не будем терять времени.

Долгие и бесполезные блуждания друзей по берегу вялотекущей Темзы продолжались ещё около часа.

— Чёрт, так мы ничего не добьёмся, — не выдержал, наконец, Шерлок Холмс, возглавлявший шествие, ловко перепрыгивая через выплывший из тумана столб.

— Да, но... — отозвался в ответ ковыляющий сзади Ватсон.

— Но что? — так и не дождался конца фразы сыщик и обернулся.

За его спиной невозмутимо стояла собака, радостно скаля пасть, отчего её вид делался ещё более отпугивающим. Чуть поодаль на песке в замысловатой позе валялся доктор.

— И какая же сволочь здесь столбов навтыкала, — с досадой изрёк Ватсон, кряхтя, поднимаясь на ноги.

— Сами вы, сэр, столб! — раздался чей-то обиженный голос.

— Кто здесь? — насторожился Холмс и схватился за револьвер Ватсона.

— Кто здесь? — слабым голосом переспросил доктор Ватсон и схватился за сердце.

Столб, оказавшееся при ближайшем рассмотрении через лупу Холмса всего лишь ребёнком, пошевелился. Единственное, что в этом ребёнке сразу бросалось в глаза, это его невероятные размеры и бесчисленные наколки, покрывавшие все видимые части тела. Чёрное изорванное пальто, одетое на голое тело, и косматые лохмы, ниспадающие до плеч, придавали ему необыкновенное сходство с куском неотёсанного бревна.

— Славный мальчуган, — заключил Шерлок Холмс, закончив осмотр и убирая лупу в карман. — Как тебя зовут?

— Джим, — пробасил ребёнок.

— А что ты здесь делаешь? — перехватил инициативу в свои руки осмелевший доктор, грозно выглядывая из-за плеча сыщика.

— Загораю, — испугалась детина и приготовилась зареветь.

Холмс недовольно посмотрел на своего несдержанного друга и, утешая мальчика, ласково спросил:

— Чего ты хочешь?

— Шиллинг, — грозно произнёс тот, вытирая слёзы.

Сыщика поразила такая расчётливость. Так бесцеремонно он не брал денег даже у Ватсона:

— А ещё чего? — спросил он снова.

— Два шиллинга, — автоматически ответил мальчик.

В глазах Холмса загорелось упрямство:

— А ещё чего ты хочешь?

— Три шиллинга...

Доктор Ватсон не сразу заподозрил неладное в столь безобидном диалоге и тщательно записывал содержательную беседу. Через полчаса сыщику неожиданно надоело это занятие, и, оставившись на сумме в 128 шиллингов, он произнёс:

— Всё, Ватсон, выдайте этому малышу 128 шиллингов.

У доктора отвисла челюсть. Он попытался опротестовать результат, но при взгляде на малыша Джима, нависшего над ним и протянувшего свою ручищу, его собственная рука как-то сама собой поползла во внутренний карман пальто и отстегнула честно проигранные деньги.

Великий сыщик, тем временем, успешно завершив подготовительный этап, непосредственно перешёл к болезненному процессу вытягивания информации.

— Скажи-ка, Джим, не видел ли ты здесь каких-нибудь подозрительных людей? — спросил он, не особо надеясь на удачу: туман на Темзе стоял почти всегда, да и это «почти», распространялось только на время ночных солнечных затмений по ви-сокосным годам.

Мальчик изо всех сил напрягся, пытаясь что-нибудь вспомнить и активно помогая этому процессу почёсыванием затылка.

— Да, проходили тут одни, — наконец неуверенно произнёс он. — Первый был более проворным, с каким-то ящиком в руках и в чёрном плаще, а вот второй ... — со стропилами — так об меня споткнулся, что я до сих пор никак не отойду.

Ватсон презрительно фыркнул.

— Ну так вот я и говорю, — продолжал Джим. — Тогда первый подошёл ко мне и спросил...

— А почему собственно первый? — перебил его сыщик.

— Так у него на плаще была такая большая цифра один. Это я сразу заметил и тогда ещё подумал «Что за странная склонность к театральным эффектам?»

— Прямо так и подумал? — спросил удивлённый доктор Ватсон.

— Ну да. Сроду в голове таких мыслей не было, а тут вдруг взял и подумал... И ещё, думаю, не иначе как доцент.

— А это ещё почему, — Ватсон был окончательно поставлен в тупик.

— Да говор у него такой противный, неправильный, половину букв не выговаривает. Ну никак до профессорского не дотягивает.

Шерлок Холмс многозначительно взглянул на друга и снова обратился к допрашиваемому:

— И что же он тебя спросил?

— Он спросил, где находится катер «Диана».

— Ну и ... — выжидающе напрягся сыщик.

— Где он находится, теперь я уже не знаю, — эти негодяи его угнали, а раньше он находился вон там, — и мальчик указал рукой куда-то в туман.

— А чего же ты им про него рассказал? — усмехнулся доктор Ватсон.

— Так он уже третий год стоял на мели. Кто же мог подумать, что на нём ещё можно плавать!

— Так, так, — задумался сыщик. — А как выглядел твой катер?

— Такой красный, с большой рваной дырой в корме. А труба такая зелёная и гнутая, с двумя жёлтыми полосками.

— Какая неприметная посудина, трудно будет найти, — Холмс не ожидал такого потока информации и в надежде обернулся к доктору, но, наткнувшись на целиком отсутствующий взгляд, осёкся.

— Так ты говоришь синий с оранжевой трубой? — наугад спросил он у Джима, пихая локтём рассеянного друга.

— Красный, сэр, с зелёной трубой.

— Ах да, всё время путаю эти цвета.

Убедившись, что Ватсон тщательно зафиксировал информацию на песке, Холмс добавил:

— Больше он ничего не сказал?

— Он назвал своё имя, сер.

— Замечательно! И какое?

— А я не запомнил, — непосредственность поражала воображение.

— Ну, теперь мы можем идти, — подытожил Холмс, небезосновательно полагая, что с худого мира, хоть шерсти клок, и это лучше, чем с доброй ссоры — рыбка без труда. Он, встав на мыски Ватсона, погладил на прощание мальчика по квадратной голове и стремительно исчез в тумане. Доктор едва поспедал за ним, а Тори за доктором.

— Ну что же, всё ясно, — разговаривал сам с собой Шерлок Холмс, быстро шагая в противоположную от Темзы сторону.

— А почему мы не преследуем Мориарти? — поинтересовался доктор.

— А куда он теперь денется? — занимался шапкозакидательством великий сыщик.

— Понятно, — остался в недоумении Ватсон.

Что до Тори, то его вообще уже мало занимала эта история, он уже битый час прицеливался к кустам и одиноко стоящим деревьям, но быстрый темп его спутников не позволял ему осуществить задуманное.

— Кстати, доктор, помните дело о похищенных клише? — неожиданно спросил Шерлок Холмс, проходя мимо серого трёхэтажного дома, каких навалом на окраинах Лондона.

— Конечно, как такое забыть? — слукавил Ватсон, роясь в своих записях.

— Мне кажется, я разрешил эту загадку с телом около железной дороги, — сообщил сыщик.

— Как, прямо сейчас? — удивился доктор.

— Именно, — отверг недоверие Холмс. — Зайдём в этот дом, я вам сейчас всё покажу.

Поднявшись по замусоренной и заплёванной лестнице, компания стала стучаться в дверь под номером восемь на третьем этаже. Дверь отворила испуганная хозяйка, кутаясь в тапочки и махровый халатик.

— Здравствуйте, — дипломатично кивнул головой Шерлок Холмс, вешая на неё своё пальто, и бесцеремонно прошёл в ком-

нату, не утруждая себя снятием обуви. — Смотрите, Ватсон, — послышалось оттуда, и доктор с Тори поспешили на голос.

Холмс решительным движением руки выставил оконную раму и приступил к следственному эксперименту.

— Помните дом, через арку которого проходили пути железной дороги? Так вот я берусь утверждать, что тело уже убитого служащего министерства финансов было положено на крышу поезда, примерно вот так, — Шерлок Холмс схватил с кровати белоснежную подушку и, вытянув руки из оконного проёма, разжал их.

Проследив траекторию полёта, Ватсон нахмурился и, сведя брови на переносице, понёс окоlesiцу, возразив:

— Но простите меня, Холмс, если всё было так, как вы говорите, то тело, положенное вдоль крыши вагона, менее устойчиво, чем оно же, но положенное поперёк, — доктор Ватсон, возмнил себя крупным исследователем. Он взял вторую подушку и проиллюстрировал сказанное её торжественным выбросом.

Тем временем Тори облюбывал длинную штору и всё-таки бессовестно осуществил замышленное ещё у реки.

— Видите ли, Ватсон, вы забыли детали. Тело ведь нашли рядом с железной дорогой, причём на повороте, значит, оно скатилось оттуда, потому что было положено вдоль, — завершил логическую проработку вопроса великолепный аналитик, выбрасывая в окно последнюю подушку.

— А может, он просто ворочался, — уже неуверенно рассматривал оставшиеся нюансы доктор Ватсон.

— Не думаю, — привёл последний аргумент, который было труднее всего перешибить, Шерлок Холмс.

Сняв с плечей ошарашенной хозяйки этого гостеприимного дома своё пальто, Холмс раскланялся и в окружении друзей вышел на улицу.

— Вы гений, Холмс! — опустилс до банальности доктор Ватсон.

— Вы записывайте, записывайте, — попросил Шерлок Холмс, зная, что на добрую память доктора Ватсона рассчитывать не приходится. — Ну что же, вы, пожалуй, отправляйтесь домой, а я отвезу Тори.

— Хорошо, — согласился доктор.

— Дорогу найдёте? — обеспокоился судьбой друга Холмс.

— Обижаете, — нахохлился Ватсон, в растерянности озирая туманные окрестности.

— Ну и чудесно, — Шерлок Холмс взял у доктора поводок и направился в северном направлении.

Когда через пару часов Шерлок Холмс вошёл в дом на Бейкер-стрит, он встретил доктора Ватсона в прихожей и поприветствовал друга:

— Здравствуйте Ватсон! А что, сегодня на обед у миссис Хадсон, марципаны?

Ватсон озадаченно нахмурился и с трудом вымолвил:

— Но, чёрт возьми, Холмс, как вы догадались?

— Это элементарно, друг мой, — Холмс ловко скинул ботинки и метко швырнул их в угол. — У вас сахарная пудра на ушах.

Доктор Ватсон облегчённо выдохнул:

— Ну что вы, это просто перхоть.

— Сколько я вам должен за ремонт газового рожка? — спросил Холмс, проходя в комнату.

— А как вы догадались, — доктор Ватсон откровенно не поспевал за сыщиком.

— Дорогой доктор, это же элементарно, — Холмс накинул халат на острые плечи, и снисходительно пояснил. — Утечку газа я почувствовал за квартал до дома.

— Вы неподражаемы, Холмс, — доктор решил записать этот удивительный случай для своих мемуаров. — Кстати, этот газовщик был глуп и неотёсан.

Шерлок Холмс горделиво хмыкнул и прошёл в дальний угол гостиной, где прятал кiset с табаком.

— А по-моему, этот газовщик просто весельчак, смотрите, какие смешные рожи он вырезал перочинным ножом на моём секретере.

Со свистом, матерщиной и гиканьем в комнату ввалилась шабля малолетних уголовников. Доктор Ватсон едва успел спрятаться за гардину, а миссис Хадсон вымыть полы.

— А-а-а, детишки, — обрадовался большой друг детей, Шерлок Холмс. — Я позвал вас само собой не просто так, нашедшему катер с зелёной трубой, доктор Ватсон платит гинею!

Таким образом Шерлок Холмс уже второй год прокатывал лондонскую гольфьбу, бессовестно используя непосильный детский труд этих бандитов.

Пугая миссис Хадсон приветливым улюлюканьем, малолетняя шайка выкатилась на улицу и ещё долго оглашала окрестности восторженными непристойными выражениями.

— Кстати, Холмс! — своевременно опомнился доктор. — Что вам удалось узнать?

— Всё, — категорично заявил детектив, двигая вишнёвый сервант и ловко уворачиваясь от падающих с него фарфоровых фигурок. — Сейчас, я отправляюсь на сложное дело, которое должно нас вплотную приблизить к развязке.

— Я иду с вами! — мужественно заявил отважный доктор Ватсон.

— Нет, вы будете гораздо полезнее здесь, если будете вскрывать всю почту на моё имя, — Холмс кивнул на два мешка почтовой корреспонденции, ютящихся в углу комнаты.

Доктор Ватсон вздохнул и принял за непосильную, но столь необходимую сейчас работу.

— Надеюсь, вы вернётесь с победой, — с высокопарной безнадежностью напутствовал он перевоплощающегося тем временем Холмса.

— Замётано, мачту вам в... глотку, — хрипло огрызнулся, вошедший в образ, Шерлок Холмс, вырядившись одноногим шкипером.

21. Табаньте, Лестрейд, табаньте!

Доктор Ватсон сидел в треугольных очёчках и мечтах за читательским столом и задумчиво перебирал письма. Его нечистые мысли витали вдалеке от Бейкер-стрит. Перед очками назойливо маячил воздушный силуэт Мери Морстен. «Какой изумительный должен быть эритроцитный баланс у этой малышки!» — упрямо вертелось в черепной коробке из-под обуви. Доктор стал вспоминать, как грациозно она тащила свои неизменные чемоданы, как заманчиво трясла своими амбициями в подпрыгивающем на ухабах кэбе.

Из этих сладостных грёз Ватсона вывел зычный шёпот охрипшей от холодного грога миссис Хадсон, требующей от кого-

то предъявить документы и сдать оружие. После небольшой заминки перед доктором возник инспектор Лестрейд.

— Здравствуйте доктор, а мистера Холмса ещё нет? — тихо спросил вошедший.

— Нет, — съязвил Ватсон и отвернулся, делая вид, что занимается делами государственной влажности.

— Я вижу, мистера Холмса нет дома, — продолжил разговор наблюдательный Лестрейд.

— Нет, к сожалению, — не стал путать следствие Ватсон.

— Ну что ж, я подожду его, — порадовал инспектор.

— Да, да, конечно, там за дверью имеется замечательная скамеечка, её буквально утром покрыли свежей олифой, сделайте одолжение, — рассыпался в хороших манерах доктор Ватсон.

— Знаете, доктор Ватсон, мне порой кажется, что приятнее поговорить с вашими очками, нежели чем с вами, — ответил любезностью Лестрейд.

— Как поживает Тобби? — дежурно спросил невосприимчивый к критике Ватсон.

— Тобби сгубила эта дурацкая таблеточная диета, — расстроился инспектор.

— Простите, я не знал, — смутился доктор.

— Да, в субботу были пышные похороны. Весь Скотланд-Ярд собрался. Всё честь по чести, парад, почётный караул, салют, — скупая и скаредная слеза скатилась по морщинистому от беспробудного пьянства лицу Лестрейда.

— Королева была? — участливо осведомился доктор Ватсон.

— Нет, но прислала своего мужа с соболезнаваниями и причитаниями.

— Какое горе, какое горе, — убивался доктор, потев очками.

— А не предложить ли вам мне немного выпить? — тактично заметила гордость и опора трона её королевского величества.

— Ну, если немного... — вслух подумал гостеприимный Ватсон.

— Виски, пол стаканчика, — подсуетился с подсказкой Лестрейд, кивая на стоящую на столе трёхлитровую пивную кружку с закрывающейся металлической крышкой. Доктор вздохнул, но покорно вылил в неё четыре полулитровые бутылки первоклассного слаборазбавленного, дегазированного шотландского виски.

— А вы не выпьете со мной? — блаженно обливаясь благо-
словенной влагой и удовлетворённо вытирая поникшие усики и
без того несвежим рукавом, спросил инспектор.

— Я бросил, — поморщился доктор Ватсон.

— А вот я не добросил, — не без удовольствия признался
Лестрейд, пьянея.

Доктор Ватсон подошёл к окну и долго задумчиво взгляды-
вался куда-то вдаль.

— Так, Холмс опять взялся за трубку, — заключил он по-
сле затянувшегося молчания.

— С чего вы взяли? — оживился Лестрейд, подтягиваясь
на подлокотниках кресла.

— Вы что не видите, какой сегодня смог? — сказал доктор,
закрывая тяжёлые ставни.

Милую беседу прервал вывалившийся в горящий камин из
трубы красный мешок. При ближайшем рассмотрении это ока-
зался Санта Клаус, который судорожно туша длинную бороду,
кряхтя выбрался и поправил на голове чепец.

Инспектор Лестрейд, проявил верх самообладания и выбе-
жал на кухню, сушить штаны. Доктор Ватсон спокойно вытащил
часы на якорной цепочке и убедился в том, что до Рождества це-
лых двенадцать месяцев.

— Здравствуйте, Холмс! — поприветствовал он нагрывав-
шего гостя.

— Здравсьте, — бросил сыщик, приводя себя в порядок и
пытаясь отодрать качественно приклеенную бороду.

— Какой-то сумасшедший дом, — послышалось со стороны
кухни и в комнату вошёл растерянный инспектор в одолженных
у миссис Хадсон панталонах. Увидев Шерлока Холмса он снова
захотел проявить чудеса самообладания, но поскольку его штаны
уже потеряли свою незапятнанную репутацию, рисковать не
стал.

— Мистер, Холмс! Не узнал, неопознанным будете! — вос-
кликнул он.

— Здравсьте, инспектор, — Холмсу пришлось воспользо-
ваться опасной бритвой, для удаления со своего лица чужерод-
ной материи.

— А я вот его сразу узнал, для нас, сыщиков, это элементарно, — подколот представителя Скотланд-Ярда осмелевший Ватсон.

— Я вас удалю из комнаты! — пригрозил Холмс, показывая доктору горчичник.

Доктор Ватсон обиженно заскрипел коньками по лестнице, стуча клюшкой по перилам.

— Скажите, Лестрейд, ваш револьвер при вас? — спросил Холмс, уставившись немигающим взглядом на панталоны инспектора.

— Ну раз на мне галифе, значит и задний карман на них присутствует, — начал философствовать Лестрейд. — А раз задний карман присутствует, то он не пустует, а раз он не пустует, то с большой долей вероятности можно предположить, что в нём что-то лежит... А что вы спросили?

— Ничего, ничего, продолжайте, — Шерлок Холмс не стал разочаровывать инспектора и стал набивать трубку.

Лестрейд взял кочергу, чтобы помешать угольки в камине, но кочерга потянула за собой с десяток шампуров. Видя недоумённый взгляд инспектора, Шерлок Холмс пояснил:

— Это память о старине Ройлоте, будучи в гневе, он вязал прекрасные венки.

— Так что там с нашим делом? — отбросив гнутые железки в огонь, спросил Лестрейд.

— Теперь мы можем брать их тёпленькими, — устало сказал он, видя замешательство сбившегося с мысли инспектора. — Я всё узнал.

— Каким же образом? — удивился доктор Ватсон, вернувшийся после отбытия двухминутного штрафа.

— Элементарно, Ватсон, не будь я, чёрт возьми, Шерлоком Холмсом! — объяснил Шерлок Холмс.

— Ах, вот оно что, — понимающе протянул доктор, довольствуясь ответом.

— Итак, что мы имеем? — занялся риторикой Шерлок Холмс, нежась в любимом кресле. Доктор Ватсон весь обратился в слух, тщетно пытаясь запомнить хотя бы часть сказанного великим детективом для своих трудов по жизнеописанию сыщика.

Неподражаемый сыщик деликатно возложил ноги на стол и взглядом почесал пятку. В ответ на заботу, пятка одобрительно развонялась.

Холмс звучно поскрёб в затылке. Не помогло. Видя устремлённые на него глазницы доктора и инспектора, Шерлок Холмс стал действовать более решительно:

— Скажите мне, любезнейший Лестрейд! Вы сможете обеспечить нам быстроходное полицейское судно?

— Но сейчас же нерест, рыбалка запрещена! — возмутился поборник интересов защиты окружающей среды.

— В самом деле нерест?.. — удивился Холмс. — Тьфу ты, при чём тут рыбалка? У вас ветер в голове! Нам нужно судно, чтобы осуществить захват злоумышленников.

— Чего-чего, а судно я вам обеспечу, если будете настаивать, — Лестрейд проявил себя мастером иронии.

— Я говорю про катер! — стал выходить из себя Холмс, не признающий юмора.

— А-а-а, — разочаровался Лестрейд. — Конечно, найдётся.

— Нас ждёт великая река! — торжественно произнёс Шерлок Холмс, вставая, и три джентльмена поспешили к выходу.

По дороге к пристани Шерлок Холмс изложил те немногочисленные и малоинтересные сведения, которые ему удалось выяснить, рискуя жизнью. Лестрейд и Ватсон были поражены торжеством логики Холмса.

Пристань была пуста.

— Ну? И где? — с иронией спросил Холмс.

— Всё в порядке, — поспешил успокоить инспектор и указал на кусты вдоль берега, где пряталась полицейская баржа, доверху гружёная песком. На ней суетились матросы в полицейской форме.

Троица неспешно подошла к ржавой громадине и устремилась к трапу.

Шерлок Холмс шёл последним и, видя, что Лестрейд показывает удостоверение дюжему констеблю, поспешно вставил:

— Пропустите, это со мной!

— Да-а-а, — многозначительно оценил величавую посудину Холмс.

— Это самый скоростной полицейский катер на реке, — важно сообщил Лестрейд, довольный произведённым впечатлением. — Двадцать семь человек личного состава!

— А зачем так много, — не укладывалось в голове профессионального сыщика.

— Один рулит, двадцать шесть воду вычерпывают, — менее важно ответил инспектор. — Там в трюме жуткие течи, даже крысы разбежались и живут теперь на капитанском мостике.

— Да, наша правоохранительная система не перестаёт меня поражать, — вздохнул Шерлок Холмс.

— У нас самая передовая судебная система! — ревностно завизжал Лестрейд. — Ещё ни один присяжный не был куплен!

— В массовом порядке, — тихо добавил Шерлок Холмс и громко спросил. — Скажите, Лестрейд, а есть на этом судне что-нибудь, что выдавало бы его принадлежность к полиции?

— Да, — огляделся Лестрейд. — Песок.

— Придётся разгрузить, — покачал головой Холмс и сел на лежащие штабелем спасательные круги.

К вечеру выдохнувшиеся полисмены кончили сгружать песок за борт, отчего баржа оказалась прочно сидящей на искусственно сделанной песочной мели. Теперь вся команда пыталась стащить её на воду. Всё это время Шерлок Холмс невозмутимо сидел и задумчиво курил трубку. Неожиданно он подумал вслух:

— Как бы нам их всё же взять без шума и пыли?

— У меня есть план! — огорчил Лестрейд.

— У вас?! — в один голос воскликнули Холмс и Ватсон.

— Да, да, — подтвердил важный инспектор. — Мы незаметно подойдём к выходу из бухты и перережем им пути.

— НЕЗАМЕТНО!!! — повторил Шерлок Холмс. — На этом-то?! — и он топнул по дощатой палубе баржи.

Матросы в машинном отделении восприняли этот стук как сигнал и стали разводиться пары.

— Всё продумано, — продолжил Лестрейд, довольный выказанной ему поддержкой, и воткнул в палубу сломанную где-то по пути ивовую ветвь. — Вот, это для конспирации. Голова не только для того, чтобы её брить каждое утро!

Шерлок Холмс подошёл к Лестрейду и пожал его маленькую руку.

— Спасибо, инспектор! Если бы не вы, то мне, наверное, совсем нечем было бы заняться, и я бы умер от передозировки морфия.

В этот момент из кубрика высунулся чумазый усатый полисмен в одном шлеме и подтяжках и, обливаясь горячим потом, обратился к собравшимся с банальной просьбой:

— Огоньку не найдётся?

Шерлок Холмс сердобольно одолжил голому как правда стражу закона свою дымящую трубку. Тот с воодушевлением исчез в тёмном чреве баржи, а через два с небольшим часа из трубы повалил густой чёрный дым с привкусом табака.

Холмс и Ватсон тем временем развлекались тем, что слушали рассказы Лестрейда о его подвигах на охоте. Друзья, минутно уличая рассказчика во вранье, дружно смеялись, что только раззадоривало полицейскую ищейку.

— Да, Лестрейд, этот ваш рассказ про полёт над гнездом медведя ещё смешнее, чем публикации «Таймс» о ваших подвигах на страже правопорядка, — в голос смеялся Шерлок Холмс, похлопывая для равновесия Ватсона по колену. Трясущийся от хохота Ватсон убрал ноги в сторону и Холмс припал ухом к палубе, растянувшись и делая вид, что прислушивается.

— Холмс, — захлёбывался не теряющий бдительности Ватсон, — взгляните, здесь ещё смешнее — какой-то полоумный уже четверть часа машет несвежей простынёй на берегу.

Ватсона поддержал как всегда отстающий в понимании происходящего инспектор Лестрейд.

Шерлок Холмс стал, напротив, серьёзен и холоден.

— Господа, это нам знак! — торжественно произнёс он.

— Да, конечно, это знак свыше, — Ватсон и Лестрейд перестали смеяться и стали горячо молиться, протирая коленями штаны о давно не драенную, по причине борьбы с дедовщиной в полиции, палубу.

— Перестаньте паясничать! Это знак того, что, если вы будете также сообразительны, то катер и сокровища уйдут за кордон, — Холмс в двух словах обрисовал мизансцену. Сказанное возымело действие. Доктор Ватсон и Лестрейд забежали по палубе, создавая панику и попеременно выкрикивая:

— Задраить все люки!

— Отдать носовые!

— А где швартовы?!
— Отдали швартовы!
— Прими конец!
— Полундра!
— Кит по правому борту!
— Кинуть ему спасательный круг!
— Шлюпки на воду!
— Йо-хо-хо!
— И бутылка пива!
— На бордаж!
— Под ним струя светлей лазури, — с выражениями продекламировал доктор Ватсон.

— Врагу не сдаётся лихой сухогруз,
Нас в плен брать никто не желает, — скандировал представитель Скотланд-Ярда.

— Пидастры, пидастры, — в эйфории картавил Ватсон.
— Командовать погружением буду я! — заявил Лестрейд.
— И я!
— И я того же мнения!

Из кубрика испуганно выглянул констебль и спросил, сохраняющего нейтралитет в этом безумии великого детектива:

— Я, это... Чего делать-то?

— Полный вперёд, — распорядился Шерлок Холмс, не обращая внимания на бесчинства вынужденных попутчиков, и впери орлиный взгляд вслед приближающемуся катеру преступников. Баржа медленно тронулась с места, с трудом противостоя попутному течению.

Мориарти заметил своих преследователей и теперь помирал от смеха, на пару со своим напарником. Чтобы продлить момент торжества, он развернул катер и несколько раз пронёсся перед самым носом полицейского корыта, демонстрируя полнейшее неуважение к закону и морали и показывая лишённые смысла и приличий знаки.

— Ещё немного и мы их настигнем, — проскрежетал зубами взявший себя в руки инспектор Лестрейд, помогая констеблю толкаться веслом ото дна.

— Конечно... если вытащим якорь, — спокойно уточнил Шерлок Холмс, продолжая курить.

Баржа набирала ход. А вражеский катер, издеваясь, по замысловатой синусоиде петлял перед самым носом.

Хитроумный инспектор выхватил револьвер и стал целиться ниже ватерлинии. По счастливому стечению обстоятельств, это оказалась ватерлиния катера злоумышленников.

— Лестрейд! Я вижу, что вы очень любите пострелять, — обратился к нему Шерлок Холмс.

— Люблю, — лихо паля в белый свет, как в копеечку, признался инспектор.

— Так чего же не научитесь? — хмыкнул Холмс и вновь увлёкся погоней.

— Именем Королевы, сдавайтесь! — воспользовавшись псевдонимом, вдруг крикнул смелый доктор Ватсон.

— Учтите, — поддержал друга Шерлок Холмс, сложив руки рупором, — доктор дважды не повторяет!

— Почему, — искренне удивился инспектор, перестав стрелять.

— Потому что сразу забывает сказанное, — пояснил ему Холмс.

Напряжение возрастало с каждой секундой. Все были настолько увлечены погоней, что на взрыв котлов никто не обратил внимания.

— Ватсон! Держите меня, — крикнул Холмс, свешиваясь через перила.

— Как держать, — испугался доктор, забывший взять в это путешествие смирительную рубашку и смирительные брюки с одной штаниной.

— Бережно! — азартно крикнул Холмс и от удовольствия, как охотничий фокстерьер, высунул язык.

Холмс и Ватсон стреляли из револьвера доктора по очереди. Ватсону приходилось стрелять особенно быстро, потому что, когда он отпускал ноги сыщика и целился, тот, в свою очередь, постоянно норовил упасть за борт.

Полицейская баржа, поймав быстрые потоки ветра парусиновым кепи Лестрейда, на три корпуса обогнала преследуемую лодку, но, к счастью, села на мель. Катер Мориарти тоже постигла редкая удача, потеряв управление, он воткнулся в илистый берег.

Лестрейд самоотверженно налёг на вёсла, но долго лежать на вёслах ему не дали, так как погоня зашла в заключительную стадию. Когда преследователи всё же добрались до места парковки катера, они увидели лишь одноногого дикаря, придавленного массивными стропилами, некогда являвшимися прекрасным дополнением к резному ларцу с сокровищами. Однако ни ларца, ни сокровищ, ни тем более доцента преступного мира — Мориарти — на расстоянии зрительного охвата не наблюдалось.

Лестрейд чиркнул спичкой, чтобы просушить вёсла и обратился к мохнатому дикарю:

— Ваша карта бита! Признавайтесь, иначе мы подвергнем вас перекрёстному допросу!

— Напугал ежа голый правдой! — приветливо ответил пойманный.

— Где ларец? — более предметно повёл разговор Шерлок Холмс.

— На дне! — расплылся в добродушной улыбке подследственный.

— А Мориарти? — настаивал Холмс.

— Он ушёл, но он обещал вернуться, — смахнул слезу задержанный, вселив в присутствующих робкую надежду.

22. Всем сестрам — по мозгам

— Вы сапожник, Лестрейд! Я бы не доверил вам даже завязать шнурки доктору Ватсону! — возмущался Шерлок Холмс, предпочитавший делать это сам. — Он был у нас в руках, но благодаря вашей нерасторопности, ему удалось уйти!

Лестрейд успешно делал вид, что не слышит крики Холмса и отдавал распоряжения полицейской команде прочесать граблями речное дно. Полицейские с удовольствием принялись за освоение нового орудия труда и нового рода деятельности.

Очень скоро мокрый и грязный ларец в тине и водорослях стоял посреди палубы на месте где и подобает, то есть на приспособленных для этого стропилах, вытаскивать из-под которых дикаря никто и не собирался.

— Ларец закрыт, а где ключ? — властно потребовал Лестрейд.

— В ларце, — простовато ответил задержанный.

— Не беда, — вмешался в разговор Шерлок Холмс. — Я думаю, что доктор Ватсон справится с замком. Инспектор, мне кажется, что будет правильным позволить ему первому показать мисс Морстен сокровища, ведь половина принадлежит ей.

— Я согласен, — поспешил кивнуть инспектор, не желая возиться со склизким ящиком и готовый на всё, лишь бы все поскорее забыли, что он упустил Мориарти. — Но должен выде-

лить вам охрану из двух полисменов. Эй, Том, Билл! Проводите этого джентльмена!

Доктор зарделся, но сразу побелел, потому что brave, крепкие парни надели на него наручники.

— Надеюсь, вы возьмёте кэб, Ватсон? — поинтересовался Лестрейд, извиняясь за своих сотрудников и орудуя ключом в несмазанных браслетах.

— Ну вот ещё, такие растраты, — набылчился доктор. — Я дотащу сокровища сам.

— Не упустите ваш шанс, — подтолкнул доктора Шерлок Холмс, намекая на что-то важное.

Доктор неожиданно понял недвусмысленный намёк и пристыдил друга:

— Ну, что вы, у меня рука не поднимется.

— Мне бы ваши проблемы, — печально махнул рукой на безнадёжного Ватсона виртуозный детектив.

— Я даже не знаю, как ей всё сказать, — пожал плечами Ватсон.

— А давайте напишем подмётное письмо, — в шутку предложил Холмс и добавил. — Ну ладно, я жду вас на Бейкер-стрит.

Доктор Ватсон торжественно вошёл в дом Мери Морстен и, зацепившись за порог, уронил ларец. Чертыхаясь он поднял непосильную ношу и водрузил её на стол, заляпав речным илом свежую, ещё не надёванную скатерть.

— Какие новости вы привезли нам? — миловидно спросила мисс Морстен, поглаживая пушистого котёнка и радуясь в душе позднему визиту.

— Вечерние, свежий номер, — доктор выложил на край стола мятую газету.

— Вы очень любезны, — раздумянулась юная девушка и погрузилась в чтение, согнав пакостливое животное.

— Должен признаться, что ваше дело очень интересное. Загадочное преступление, страшная тайна, ноги, пахнущие креозотом на месте преступления, одноногий убийца, пропавшие сокровища, труп-близнец... — загибал пальцы доктор.

Видя, что девушка от страха расплакалась, Ватсон подвёл итог:

— Но мой друг — Шерлок Холмс раскрутил это дело, как карусель. Он послал меня к вам, чтобы вы первой открыли этот ларец, — сказал Ватсон, галантно протягивая даме кочергу.

— О, боже мой! — с трудом отрываясь от чтения, воскликнула Мери. — Из-за меня вы подвергались смертельной опасности.

— Да, конечно, но всё позади, — гордо сказал доктор Ватсон, всё это время самоотверженно вскрывавший почту на Бейкер-стрит. — Разрешите вам помочь, — предложил он, видя, что девушка испортила весь маникюр, а также часть педикюра.

— Очень обяжите, — позволила Мери.

Доктор Ватсон принялся увлечённо слесарничать с ларцом. Трижды защебив палец, он сломал кочергу и начал ломать топор. Доктор вошёл в неопиcуемый азарт. Когда ларец под натиском ударов соскочил со стола доктору на ногу, последний взялся за дело всерьёз. Ватсон, оттолкнув Мери Морстен и матерясь, начал пытаться разбить ларец об зеркало.

— Чёртова коробка! — сказал Ватсон, только другими словами.

Изделие индийских мастеров поломалось, поломалось, но, наконец, раскрыло свои тайны. Доктор Ватсон и мисс Морстен склонились над ним, с интересом изучая лягушонка на дне пустого ящика.

— Ну вот, — радостно воскликнул Ватсон. — Теперь, когда вы нищая, я могу вам признаться, что при виде вас у меня начинает щемить сердце.

— Как это романтично! — положила руку на грудь девушка и покраснела, понимая, что сейчас её акции поползут вниз.

— Да, нет, — поспешил успокоить доктор. — Это у меня тахикардия, возрастное знаете ли.

— Какой вы милый, — разругивалась пуще прежнего Мери.

— А вы мне, кстати, не сразу понравились, — откровенно признался Джон Ватсон и подарил Мери цветок, вынутый из внутреннего кармана плаща, — Это вам.

— Благодарю, — потупилась мисс Морстен.

— Нет, я передумал, — доктор неожиданно отобрал флористический объект. — Он мне дорог как память, ещё в колледже

я собирал гербарий, — он невзначай понюхал цветок и поморщился. — Нет, всё-таки это вам.

Доктор Ватсон подошёл к двери и демонстративно захлопнул дверь, лишив возможности полисменов подглядывать. Озадаченные полисмены так и не узнали, что происходило в комнате.

В доме на Бейкер-стрит Шерлок Холмс сидел, укрывшись пледом в кресле-качалке и раскачивался с большой амплитудой. Лестрейд допивал дармовой виски. Дикарь лежал в углу и тихо грыз деловой горбыль, из которого были сколочены стропила, стоящие на нём. Наряд полицейских слушал воспоминания миссис Хадсон о её бурной молодости.

— О, а вот и доктор Ватсон, — обрадовался Шерлок Холмс вошедшему в наручниках.

— Сокровища пропали, — сообщил полицейский, ведущий Ватсона.

— Что за игры, доктор Ватсон?! — возмутился Лестрейд, вскакивая.

— А их там и не было, — заявил Шерлок Холмс, оставаясь в весёлом расположении духа.

— Что за чертовщина? — пытался выяснить инспектор.

В углу раздался глухой и неприятный смех. Это дикарь сломал зуб.

— Ну ты, грязная обезьяна! — обратился к нему Лестрейд. — Говори где сокровища!

— У Мориарти, — сообщил бесценную информацию подследственный.

— А где Мориарти? — не мог уговориться инспектор, ведущий следствие.

— Чтобы я блатного кореша сдал? — возмутился недалёкости Лестрейда дикарь, поудобнее располагаясь под деревянным сооружением.

— Так, начинаем пристрастный допрос, — проинформировал инспектор, кивнув полицейским.

Те повскакивали с мест и, похватав первые попавшиеся пригодные для допроса предметы, навалились на допрашиваемого. Понятно, что Холмс и Ватсон выступали в роли понятых.

— Хорошо, хорошо, я всё скажу! — заверещал дикарь.

— Ну вот, и не таких кололи, — стёр со лба пот Лестрейд и вновь уселся в кресло.

Он подмигнул Холмсу и сказал:

— Видите, мистер теоретик, у нас тоже есть эффективные методы. Это было несложно.

— А вы не хотите его выслушать? — спросил доктор Ватсон.

— Кого? — не понял инспектор Лестрейд.

— Его, — доктор кивнул в угол.

— Да ну его, — отмахнулся инспектор. — Всего доброго, господа.

Лестрейд обратился к хлюпающему дикарю:

— Ну, ты, вставай давай! И иди вперёд, я не хочу, чтобы ты огрел меня сзади своими стропилами, — грубо сказал Лестрейд и, попрощавшись с Ватсоном и Холмсом, ушёл.

— Неправда ли, доктор, вы не сможете со мной не согласиться, что путь к цели гораздо занимательнее, чем её достижение? — спросил Шерлок Холмс, блаженно покуривая трубку и раскачиваясь ещё сильнее.

Доктор действительно не смог не согласиться, потому что упал с кресла и у него не нашлось подходящих слов, но зато появились воспоминания о том, как он однажды, опоздав на пароход, задержавшийся в порту на трое суток, на две минуты, бросился в море и попытался догнать его вплавь. На вторые сутки он выбился из сил, но так и не приблизился к заветной корме даже на сто ярдов.

— Вы знаете, Холмс, она сказала, что любит меня, — разоткровенничался Ватсон, пытаясь перепилить цепочку наручников смывком Шерлока Холмса.

— Да, я знал, что в женщине должна быть какая-то загадка, но чтоб такие шарады, — нахмурил брови Шерлок Холмс. Любовь — это эмоция, противопоказанная холодному, трезвому рассудку, — рассудительно заключил великий Шерлок Холмс.

— Боже, Холмс! Как романтично, какой поэтический слог! — прослезился доктор Ватсон. — Я решил жениться.

— Но сперва вам придётся развестись, — спустил доктора на грешную землю Шерлок Холмс.

— Точно, — вновь восхитился мыслительным способностям своего друга доктор Ватсон и засобирался уходить.

— Жаль, доктор, теперь вы окончательно потеряны для дедукции, — выразил свои чувства Шерлок Холмс и углубился в себя.

Доктор Ватсон попрощался и ушёл улаживать свои семейные делишки. В доме воцарились долгожданные покой и умиротворение.

Миссис Хадсон, шаркая по скрипучему полу, подошла к задумавшемуся о чём-то Шерлоку Холмсу.

— Как странно всё-таки распределился выигрыш, — проскрипела она, напугав великого детектива. — Вся работа была проделана вами, а молодую жену получил доктор Ватсон. Вся слава достанется этому недалёкому фокстерьеру из Скотленд-Ярда. Что же останется вам?

— Да, действительно, — ухмыльнулся Шерлок Холмс, вываливая на стол из-за пазухи сокровища. — Проведём ревизию! — подмигнул он старушке, доставая свою любимую лупу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Отпуск в горах

23. Вести с того света

Доктор Ватсон сидел в своей комнате за новеньким, блестящем от машинного масла «Ундервудом» и ваял свои бессмертные «Записки». От удовольствия, что вспомнил обрывок одного из реальных приключений, он прикусил язык. «Ундервуд» застучал с пушей силой.

В этот момент дверь отворилась и в комнату вошла миссис Хадсон, ведя под руку смертельно раненого пациента.

— Доктор, ваш любимый больной, снова побывал на охоте, — отрапортовала милая старушенция, устало бросая дырявое тело в кресло и утираясь замызганным фартуком в кровоподтёках и овсянке.

— Отлично, отлично, — пробормотал доктор, не отрываясь от своих нетленных творений. — Какой сюжет, великолепно...

В комнату вбежал Шерлок Холмс весь искусанный пчёлами.

— Представляете, доктор! Мне удалось запихнуть в улей две матки одновременно! — вскричал он, сияя опухшим лицом.

— А зачем, — растерянно спросил доктор, оторопев и подняв голову.

Шерлок Холмс глубоко задумался, но вдруг заметил уже остывшего посетителя:

— Добрый день, простите, доктор, вы заняты. Не буду вам мешать, — Холмс удалился, а доктор Ватсон вновь поддался влиянию музыки.

Дело неумолимо подошло к вечеру. Шерлок Холмс и доктор Ватсон сидели в гостиной после бездарно проведённого дня. В камине догорали сегодняшние рассказы великого биографа великого сыщика, отчего создавалось впечатление тепла и уюта.

В гостиной царилла благодушная атмосфера. Шерлок Холмс увлечённо читал газету, не выказывая признаков жизни. Доктор Ватсон сидел напротив и прятался от своей молодой супруги. Попутно он, после приключения на воде, жутко страдал морской болезнью. Он ещё не знал, что предприимчивая Мери Морстен наняла великого сыщика для слежки за своим муженьком.

Шерлок Холмс неожиданно оторвался от «Таймс» и обратился к доктору, что пишущему в блокноте:

— Ватсон! Должен вам сказать, что вы пошлый писака! В вашем последнем рассказе я выглядел полным идиотом! — беззлобно сделал замечание непревзойдённый аналитик, вытирая сальные ручонки некогда белоснежным кашне доктора.

— Ну что вы, Холмс, вы несправедливы к моему литературному гению, — совсем не обиделся доктор, закончив рисовать греческий профиль своего друга в блокноте и теперь старательно выводящий химическим карандашом рядом обидное слово.

— И вообще, мне кажется, что вы против меня что-то затеиваете, — у Холмса был ярко выраженный приступ параноического синдрома.

— Ну что вы, я же не стану рубить сук, на котором сижу, — сбивчиво оправдывался Ватсон.

— Да, вот «суком» меня давно не называли, — про себя вслух подумал Шерлок Холмс.

Желая поменять нежелательное направление разговора, грозящее перерасти в масштабный конфликт со взаимными оскорблениями, рукоприкладством и битыми стёклами, доктор Ватсон заговорил на нейтральную тему:

— Дружище Шерлок, а что нам скажет ваш безупречный метод по поводу погоды?

— После обеда может быть дождь, — лаконично пошёл на перемирие Холмс.

— Не исключено, и что вы предлагаете?

— Предлагаю сегодня не обедать, — Холмс был как всегда великолепен.

— А как насчёт долгосрочного прогноза? — не унимался Ватсон.

— Будет слякоть, — ударился в предсказания Холмс.

— А солнце будет? — увлёкся доктор.

— Будет, — не стал оспаривать Холмс, — но его не будет видно.

— Но даже это не сможет омрачить нам праздник. Как всё же чудесно, что это опасное дело завершено, — утопал в оптимизме доктор Ватсон.

— Мне представляется, что это дело ещё потребует ручной доводки, — сузив глаза, глубокомысленно сообщил Шерлок Холмс.

— В смысле, его следует довести до ручки? — попытался уточнить Ватсон.

— В смысле точку ставить рано, — коротко сказал сыщик.

— Боже мой, что вы говорите!?! — удивился доктор.

— Доктор, эта ваша детская неожиданность..., простите, непосредственность меня поражает, — оставил Ватсона без объяснений Шерлок Холмс.

Так прошёл день. Холмс сидел, глядя в огонь камина, и курил трубку. Доктор дремал, делая вид, что изучает периодическую прессу. На кухне миссис Хадсон уже второй час пробивала раковину.

Шерлок Холмс привстал и взял с каминной полки любимую скрипку. Из кармана халата он вынул складной смычок. Из нагрудного кармана смокинга доктора Ватсона сыщик выдернул белоснежный платок и, протря им старинный инструмент, любовно прижал его подбородком к грациозному корпусу скрипки. Холмс заиграл печальную мелодию, опрокидывая смычком бокал на свежестеленную скатерть, и хрипло затынул романс:

*Скатерть белая
Залита вином.*

*Доктор Ватсон спит
Беспробудным сном...*

— Не сплю, не сплю, — с трудом продирая бессовестные глаза, очнулся доктор.

*Очи умные,
Мысли быстрые,
Пред умом моим
Кто же выстоит?..*

Последняя фраза потонула в дружных аплодисментах доктора Ватсона и прибежавшей как на пожар с кухни миссис Хадсон. Любовь и признание благодарных слушателей так и не позволили Холмсу допеть романс до конца. Он отложил скрипку и взялся за вечерний номер «Таймс».

— Ага, вот ещё одно интересное объявление, — Шерлок Холмс добрался до последней полосы. — «Закоренелый доцент купит тиски и удавит знаменитого сыщика».

— Ну, и что же вас привлекло? По-моему, обычное объявление, — удивился доктор Ватсон.

— Не спешите, Ватсон, что-то здесь не так, — задумался Холмс.

Неожиданно со стороны кухни раздался звон разбитого стекла и истерический хохот миссис Хадсон.

Шерлок Холмс отвлёкся от газеты и обратился к встрепетавшемуся доктору Ватсону:

— Как вы думаете, Ватсон, это Венский сервиз или её пенсне?

Доктор не успел ответить, так как в гостиную вошла сама миссис Хадсон с замотанной полотенцем головой, отчего она была похожа на происламски настроенного предводителя басмачества.

Старушка умирала от смеха и несла в каждой руке по половине красного кирпича. Видя состояние домохозяйки, Шерлок Холмс решительно выплеснул ей в лицо содержимое бокала доктора Ватсона.

— Благодарю вас, мистер Холмс, — сказала миссис Хадсон, приходя в себя и облизываясь. — Должна вам сказать, джентльмены, что я уже забыла, как выглядит нормальный лондонский почтальон.

— К сожалению, медицина ещё не научилась излечивать склеротические явления, — печально констатировал эскулап.

— Да причём здесь это? — оборвал его Холмс. — Просто нормальных туда не берут.

— Я не об этом, — продолжила старушка. — Просто от вашей почты, господа, меня бросает в дрожь. То письмо приносит в зубах огромная псина, перепачканная фосфором, то его доставляет странный джентльмен, который сначала забывает свою трость, потом приходит за ней с упомянутой собакой. То послание написано какими-то неприлично пляшущими человечками, так, что даже я не могу разобрать смысл. То ваш брат Майкрофт присылает депешу со слугой таким важным, что тот не считает нужным её доставить. То письмо приносят какие-то голодные немецкие оборванцы, которые воруют варенье и гадят в прихожей.

— Помедленнее, миссис Хадсон, — попросил, конспектирующий в блокноте, доктор Ватсон.

— А сегодня и того пуще, — продолжила польщённая вниманием миссис Хадсон. — Послание влетает через закрытое окно вместе с камнем.

— А вот это уже интересно, — оживился Холмс, — Давайте его сюда.

— Я думаю, что там бомба, — посетовала старушка, протягивая послание, на товарном чеке на покупку гладкоствольного ружья.

— Ватсон, что вы думаете по этому поводу? — спросил сыщик, через лупу разглядывая трофей.

— Поскольку кирпич раскололся на две части, значит, сначала преступник разбил окно первой половиной, а потом вместе со второй уже забросил записку.

— Ошибка, дорогой друг, — улыбаясь, отметил Холмс. — Кирпич раскололся при ударе о затылок миссис Хадсон.

— Как вы догадались? — спросил Ватсон.

— А на нём имеется припухлость, — объяснил сыщик.

— На затылке? — округлил глаза доктор.

— На кирпиче, — спокойно отозвался Холмс. — Что вы можете сказать о самом камне?

Аккуратно взяв из руки Холма половину кирпича, доктор уронил её себе на ногу и, вдоволь напрыгавшись, взялся за изучение предмета.

— Обычный красный кирпич, — скоропалительно заключил медицинский работник.

— Ошибка, доктор, ошибка, — радостно потирал руки Холмс. — Кирпич стал красным от крови миссис Хадсон.

— Да, действительно, — согласился Ватсон, и друзья весело рассмеялись.

— А вы не хотите прочесть, что нам пишут? — сквозь смех спросил доктор Ватсон.

— Ах, да, — опомнился Шерлок Холмс и, хихикая, развернул масляную бумажку.

Его лицо моментально стало бледным и скривилось в ужасной гримасе.

— Что там, — видя состояние друга, доктор быстро наполнил бокал сердечными каплями и столь же быстро его опустошил.

— Проклятый Мориарти! — вскричал не своим голосом Шерлок Холмс. — Он жив! И угрожает мне!

С этими словами Шерлок Холмс вскочил со своего места и, скидывая по пути халат и срывая с вешалки пальто, выбежал из дома.

Доктор по инерции вновь наполнил бокал и, недоумевая, выпил его за здоровье своего приятеля.

24. Далеко едущие планы

Доктор Ватсон так переживал из-за долгого отсутствия своего друга, что за обедом даже отказался от третьего компота. Ватсон терзался в неведении, так как Холмс, как обычно, ничего не объяснил.

Наконец, из прихожей раздался знакомый скрежет наскоро подгоняемых отмычек и в комнату вбежал запыхавшийся основатель дедуктивного расследования преступлений.

Холмс плотно затворил за собой дверь, ведущую из прихожей в гостиную, и закрепил её вешалкой. Затем он рысью пересёк комнату и оказался у окна. На несколько секунд притаившись у гардины, он опасливо выглянул на улицу, вжав голову в плечи. Постреляв глазами по видимой части улицы, Шерлок

Холмс захлопнул ставни, и комнату наполнил загадочный полумрак.

— Холмс, у меня складывается впечатление, что вы чего-то опасаетесь, — воспользовался, наконец, даром речи, наблюдавший до этого за выкрутасами Холмса молча, доктор Ватсон.

— Вы очень наблюдательны, — потрафил доктору Холмс.

— Чего же? — продолжал дознание Ватсон.

— Духового ружья, — сказал Холмс и покраснел.

— Чего? — удивился доктор.

— Духового ружья, — тихо повторил Холмс, но, видя непонимание доктора, пояснил. — Соседский мальчишка купил духовое ружьё.

— И именно поэтому вы так неожиданно покинули родные пенаты сегодня утром? — недоумевал Ватсон.

— Ну, видите ли, Ватсон, мочевому пузырю не прикажешь, — пространно уклонился Холмс и сел в кресло.

— Холмс, — не уставал интересоваться доктор Ватсон, — сегодня утром, до своего исчезновения, вы что-то говорили о кознях Мориарти.

— Ах, — блаженная улыбка мгновенно улетучилась с лица сыщика. Шерлок Холмс вскочил и суетливо заходил по комнате, заложив руки за спину. — Спасибо, что напомнили. Да, угроза поистине реальна. Боюсь, что меня на этот раз не спасёт даже восковая фигура, которую покойный Джеф Тюссо выкрал для меня из коллекции своей супруги, известной держательницы свечного заводика, мадам Тюссо, — Шерлок Холмс кивнул в сторону стоящего в углу манекена, накрытого белым покрывалом.

— А ведь мне пришлось заказать эту восковую куклу специально для такого случая, — с горестью продолжал Холмс.

— Зачем? — свёл брови на переносице доктор Ватсон.

— Чтобы они думали, что я здесь, — хмыкнул Холмс.

— Кто? — глухо спросил Ватсон.

— Вы забыли, что за домом следят? — удивился Холмс.

— Кто? — ещё глуше спросил Ватсон.

— Те, кто хотят нас убить, — Холмс был краток.

— Кто? — Ватсон не отставал от сыщика.

— Прислужники Мориарти, а после вчерашней амнистии, которую объявил наш безмозглый парламент, к ним присоеди-

лись ещё 418 заключённых, которые, благодаря моей протекции, последнее время имели гарантированное бесплатное трёхразовое питание и получасовую прогулку.

— Кто? — нахмурившись, поддерживал разговор Ватсон.

— Что, кто? — не понял в свою очередь Холмс.

— Простите, это я увлёкся, — осёкся доктор. — Так что вы предлагаете?

— Лично я планирую на время покинуть Англию и переждать это тревожное время в какой-нибудь тихой скандинавской стране, — размышлял сыщик.

— А как же я? — забеспокоился доктор.

— А вы будете полезны здесь, если станете вскрывать всю почту на моё имя. Да, и если будет что-то важное...

— То что? — поторапливал Ватсон.

— Делайте что хотите! — выдал карт-бланш Шерлок Холмс, прикидывая, где ему раздобыть дорожный чемодан повместительнее.

— Нет, Холмс, я еду с вами, — засуетился доктор, беспокоясь, что такая перспективная вылазка в заграничное турне состоится без его непосредственного участия.

— Спасибо, друг мой, — скупая мужская слеза скатилась по скупой, морщинистой щеке Шерлока Холмса. — Я знал, что вы меня никогда не покинете. Спасибо, доктор. Одной проблемой стало больше. Теперь нам придётся доставать два разрешения на выезд. Вы же знаете, что, учитывая внешнеполитическую обстановку это представляет сложность. Но я знаю человека, который нам поможет.

В этот момент раздался жуткий треск. Это миссис Хадсон дёрнула любовно запертую Холмсом дверь и сломала дубовую вешалку.

— Господа, вы не возражаете, если я протру? — ради интереса спросила она, приступая к уборке.

— Ради бога, — ответил Холмс, сознавая, что возражать бессмысленно. Несмотря на то, что его всегда привлекали споры с женщинами своей конструктивностью, Холмс питал уважение к этой милой старушонке. — Мы с Ватсоном как раз собирались уходить.

— Кстати, миссис Хадсон! Вы не видели мои брюки? — заинтересовался доктор Ватсон, озираясь по сторонам.

— Вот, пожалуйста, я их немного погладила, — прошамкала старушка, снимая предмет туалета доктора со швабры.

Доктор долго и с неподдельным интересом вертел в руках обретенную вещицу, пытаясь обнаружить забытые стрелки.

— Пожалуй, нам пора навестить моего братца, вы не находите, доктор? — спросил Холмс, вставая.

— Не нахожу, — рассеяно ответил доктор о чём-то о своём.

— Вы просто не там ищите, — подсказал сыщик и направился к выходной двери.

25. Клуб «Диоген»

Клуб «Диоген», в который отправились наши беглецы от приключений, представлял собой, пожалуй, самое закрытое заведение Лондона. И не только потому, что на его дверях всегда висела табличка «Closed». Просто в Уставе этого клуба содержался ряд положений, значительно сужающих круг его членов.

Во-первых, в его стенах были запрещены всякие разговоры. Нарушителей этого правила навсегда с позором изгоняли из членов клуба специально натренированные слуги.

Во-вторых, вступительным взносом здесь считалась государственная тайна, поступающая в крупнейший архив подобного рода документов, депозитарием которого являлся Президент клуба «Диоген». Эти материалы регулярно публиковались в печатном органе клуба, газете «Таймс» в рубрике «Это должен знать каждый».

Третьим обязательным и непреложным условием членства в клубе «Диоген» было наличие у каждого его члена деревянной бочки, в которой и протекала его повседневная жизнь в философских изысканиях и прочем безделье.

Президент «Диогена» был весьма примечательной личностью. Во-первых, он славился наличием комфортабельной, трёхсекционной бочки с автономным паровым отоплением, что вызывало неподдельную зависть и уважение рядовых членов. А, во-вторых, он приходился родным братом Шерлоку Холмсу, чем и объяснялся визит наших друзей в «Диоген».

Всё это Шерлок Холмс поведал, выкатившему от удивления глаза и прикусившему от неожиданности язык, доктору Ватсону, трясаясь в двуколке по направлению к заветной цели пути, где их ждали вождеденные визы.

— И учтите, доктор, — молвил Холмс, подведя мелом черту. Доктор Ватсон повесил на грудь табличку «Учёт» и принялся записывать. — Главное что от вас требуется, это сохранять молчание, усвоили? — спросил Холмс.

Доктор молча таращился на сыщика.

— Прекрасно, — кивнул Холмс. — По-моему, мы приехали, — заключил он. Его тренированный взгляд и вымуштрованный мозг не могли не заметить, что уже четверть часа кибитку не трясёт, и в окне не мелькают новые пейзажи.

После традиционных препирательств с возницей друзья направились к дверям клуба. Доктор для верности купил на углу стакан лимонада. С раздутыми щеками он поспешил вслед за Холмсом.

У парадного входа толпился народ, состоящий из подозрительного вида личностей. Уловив вопросительный взгляд доктора, Холмс коротко их охарактеризовал:

— Это враги.

В толпе раздались одиночные выстрелы. У некоторых работников плаща и кинжала не выдержали нервы, после их разоблачения великим сыщиком.

Холмс в сопровождении Ватсона, раздвигая толпу тростью, приблизился к двери и дёрнул её на себя. Пропустив доктора вперёд, он зашёл следом, бросив презрительный взгляд на обалдевших людей, жаждущих выведать секреты клуба.

Холмс шёл вперёд по длинному коридору, увешанному зеркалами и картинами, за ним семенил Ватсон с раздутыми щеками. Неожиданно Холмс остановился и повернулся к зеркалу. Он долго и трогательно любовался своим отображением. Наконец, он презрительно отвернулся и, поправив галстук, с горечью плюнул. Доктор, подражая кумиру, проделал тоже самое, но напротив портрета какого-то герцога с бородавками и в бигуди.

— Подозрительная обстановка, — загадочно произнёс Холмс, перед тем как друзья вошли в главный зал «Диогена».

Зал представлял собой помещение, отделанное до такой степени, что Лувр казался в сравнении с ним грязным портовым кабаком. Стоящие повсюду в хаотичном порядке бронзовые скульптуры органично дополняли средневековую живопись, развешанную также где попало.

За столами, покрытыми толстым слоем бардового бархата, на мягких дубовых стульях сидели представители высшего общества и молчали.

По бокам от входа в зал органично вписывались в обстановку высокого искусства два стилизованных фонтана. Справа

вписывался мраморный Писающий мальчик, а слева писающая копия Венеры Милосской.

— Доктор, хотите трюк? — с загадочной улыбкой спросил Холмс.

Доктор отрицательно кивнул и растерянно огляделся.

— Тогда смотрите, — Холмс мгновенно сгорбился и, припадая на левую ногу, с шумом ввалился в зал, шокируя присутствующих.

— Джентльмены! — заблеял он не своим голосом. — Подайте цыганскому еврею на кружку горячего шоколада!

За Холмсом едва поспевал доктор Ватсон, стараясь подыграть другу, снявший шляпу и, перевернув её, подсовывал под нос сидящим за столиками диогенцам. У многих сработал рефлекс. Тем временем Холмс настолько вошёл в роль, что, как показалось доктору, даже стал испускать соответствующий запах. Ватсон в очередной раз поразился глубине артистического гения своего друга.

Вышедшие из оцепенения слуги в вышитых золотом ливреях ринулись на перехват возмутителей спокойствия. Не обращая на них своего повышенного внимания, Холмс небрежно кинул на занесённую руку одного из них своё пальто, другому в зубы вручил свою трость, а на третьего нахлобучил свою двухкозырку.

Растерянные слуги в недоумении отправились в гардероб, сдавать вещи.

— По-моему, их подослали, — украдкой шепнул Холмс доктору, оглядываясь. — Вы не находите?

Ватсон утвердительно замотал головой. Сырная голова неожиданно выскользнула у него из непутёвых потных ручонок и, описав красивую дугу, приземлилась на голову дремавшего в уголке старичка. Дрёма сама собой перешла в летаргический сон.

Между тем Холмс продолжал своё триумфальное нашествие в нарушение всех обычаев и установлений клуба. Он то и дело останавливался и, показывая доктору пальцем на приглянувшегося бочкового каустромана, громко извещал Ватсона:

— Смотрите, доктор, типичный шпион! Вот такие, как он предали Англию!

Ватсон внимательно прослеживал направление, указываемое сыщиком и бросал туда весомые презрительные взгляды.

— У меня вообще складывается впечатление, что за нами следят, — продолжал углублять выводы прародитель дедукции и был, как всегда, прав, так как приблизительно шестьдесят три удивлённых глаза были прикованы к нашим героям, и три дюжины их обладателей замерли в оцепенении.

— Запомните, доктор, если что, то вы меня не знаете и знать не хотите и говорить будете только в присутствии консула, — предупредил Холмс, в очередной раз поворачиваясь к Ватсону.

В этот момент доктор Ватсон, который во исполнение директив полученных ранее от великолепного сыщика, вообще говорить не собирался, неуклюже наступил на ногу одного из сидящих за ближним к проходу столиком. Джентльмен в несвежей бабочке пискнул от боли, но сразу же извинился перед аудиторией за свою несдержанность. В ту же минуту он был скручен вернувшимися из гардероба слугами и с треском выдворен из чертогов «Диогена». Треск объяснялся тем, что аккуратный доктор Ватсон после дела о пропавшем письме имел привычку запирать все двери, через которые входил. В этом ему очень помогала подаренная Холмсом универсальная отмычка. Её нашёл на месте преступления и в целостности вернул Ватсону благородный инспектор Лестрейд.

Шерлок Холмс неожиданно подскочил к одному из мирно сидящих членов клуба и, схватив его за грудки, проорал:

— На кого работаешь, сволочь?!

— Я... — попытался было оправдаться несчастный, но его прервали вовремя подоспевшие слуги и, заломив руки, вышвырнули прочь.

— Молодцы, ребята, — одобрил удовлетворённый Холмс, продолжая путь вглубь зала. — Таким не место в нашем клубе!

Наконец ковровая дорожка кончилась и доктор Ватсон, взглянувший из-за щуплой спины Шерлока Холмса, узрел величественный золотой трон, инкрустированный медью, на котором сидел полный человек с острым носом и хитрыми глазками. На неотягощённой волосами голове вместо уместной в такой ситуации короны была чёрная капроновая сеточка поверх купальной шапочки.

Человек внимательно следил за перемещениями Шерлока Холмса и доктора Ватсона и, строго соблюдая установленные

правила, молчал. Это был Президент клуба «Диоген» — Майкрофт Холмс.

Его брат Шерлок уже поднял в приветствии руку и громко-гласно обратился к главному последователю учения о бытовых неудобствах:

— Ну что, всё Родиной приторговываем?

— А ты всё позоришь семью, — констатировал Майкрофт, нарушив обет молчания.

— Чувствуете, какая интрига? — подмигнул Холмс притихшему за спиной Ватсону и, обращаясь к брату, продолжил. — Ты, конечно, недоумеваешь, почему вдруг два этих почтенных джентльмена сообразовали посетить твой отстойник?

— Ну почему же, — спокойно парировал Председатель клуба, — увидев тебя, мой мальчик, я сразу понял, что ты предложишь очередную пакость.

— Ватсон, нас предали! — заявил Холмс и нахмурился. — Он всё знает.

— Здравствуйте, уважаемый доктор Ватсон, — тем временем, сменив тон на доброжелательный, расплылся Майкрофт Холмс. — Не желаете ли баранины под чесночным соусом?

Доктор Ватсон вышел из-за спины Шерлока Холмса и, также глупо улыбаясь, спросил:

— Под каким соусом?

— Под чесночным, — по-прежнему благожелательно повторил Майкрофт.

— Баранины? — переспросил Ватсон.

— Да, да, баранины под чесночным соусом, — терпеливо повторил старший брат великого сыщика.

— Под чесночным? — уточнил недоверчивый Ватсон.

— Да, баранины под чесночным соусом, — начал уставать главный диогенец.

— Спасибо, не хочу, — резюмировал доктор и отошёл в сторону.

— Здравствуй, Шерлок! — елейным голоском пробасил Майкрофт, лицедея перед собой родного брата. Братья обменялись почтительными кивками головы, отчего у Майкрофта сползла на глаза капроновая сеточка.

— Слушай, Майкрофт, — по-деловому начал Шерлок Холмс, пока Ватсон изучал местную архитектуру и пытался от-

колупать античную виньетку от трона Председателя, — мне нужна твоя помощь. Здесь можно говорить?

Майкрофт оглядел аудиторию, которая напряглась в тревожном ожидании и, улыбнувшись кончиками губ, ответил:

— Разумеется.

Вздых облегчения пронёсся по столикам и господа с дальних столиков стали пересаживаться поближе, а самый старейший член клуба, лорд Раскарякис поспешно прилаживал к уху позолоченный слуховой аппарат.

— Ватсон, прикройте окно, — попросил сыщик. — Могут быть провокации.

Доктор Ватсон кивнул и направился к огромному оконному проёму, который скрывался за массивными гардинами с несколько вульгарными оборками. Роялистские узоры на гардинах выдавали политическое кредо клуба. Доктор с трудом отодвинул пыльную гардину. За окном на верёвке висел человек в чёрном сюртуке и смотрел на доктора в театральный бинокль. От неожиданности доктор выдул ему в лицо весь запас лимонада и громко закричал. Облитый лимонадом и униженный шпион рухнул вниз.

— Козни Мориарти! — спокойно констатировал Холмс и вернулся к прерванному разговору с братом. — Нам нужны визы.

— Интересно, кто это за нами шпионил? — не обращая внимания на Шерлока, задался вопросом Майкрофт Холмс.

— Ты имеешь в виду этого отставного сержанта, который болтался у ваших окон? — уточнил Шерлок Холмс.

— Да, этого самого немца, работающего одновременно на две разведки, — подтвердил Майкрофт.

Зал с интересом наблюдал за разворачивающимся поединком и молча делал ставки.

— Так тут всё просто, он имеет пивоваренный заводик по выпуску свечек и увлекается теннисом, — охарактеризовал субъекта Шерлок Холмс.

— Не смотря на сломанную правую ногу, — подтвердил Майкрофт.

— Левую, — тихо поправил изумлённый доктор Ватсон, выглянув из окна.

— Ну, это зависит от того, с какой стороны посмотреть, — парировал Майкрофт Холмс и тут же добавил. — Хочет жениться, — партия переходила в эндшпиль, и он начинал нервничать.

— Особенно весной, — сделал весомое уточнение Шерлок.

— Подагра, — просипел Майкрофт и нахмурился.

— Согласен, — парировал Шерлок.

— Не женат, — продолжал фонтанировать аргументами Майкрофт.

— Холостяк, — исправил неточность брата Шерлок Холмс.

— Себе, — перевёл дух Председатель «Диогена».

— Склонен к простуде, — не унимался Шерлок.

— Пасс, — сдался Майкрофт.

В этот момент господа, сидящие за столиками, как по команде ринулись наперегонки к окнам, чтобы лично увидеть человека, точную личностную характеристику которого они только что прослушали. Пока в толчее и давке эти почтенные джентльмены мяли друг другу бока, Шерлок и Майкрофт Холмсы успели перекинуться парой фраз без свидетелей, и Майкрофт даже что-то положил брату в карман.

— Ну что же, — громко подвёл итог Майкрофт Холмс, — неплохая разминка, наша мама всегда говорила, что ты очень способный сорванец.

— Хотя про тебя я такого не слышал, но должен признать, что ты тоже светлая голова, — потрафил Майкрофту Шерлок.

Майкрофт, польщённый словами брата, блаженно осклабился.

— Представьте, Ватсон, — продолжал развивать мысль Шерлок Холмс, — если бы этот боров не сидел сиднем целыми днями в своей гнилой бочке, мне бы пришлось убираться из Англии, ибо я бы умер голодной смертью из-за отсутствия работы.

— Кстати, Шерлок, мой мальчик, вот тебе задачка, чтобы проверить твою проффригидность — быстро стал говорить Майкрофт. — В ресторане обнаружен труп посетителя. Никаких следов насильственной смерти не обнаружено. Кто убийца? Время пошло.

— А по горячим следам дело раскрыть не удалось? — влез в разговор доктор Ватсон, строча в блокноте.

— Нет, когда вы подъехали, следы уже остыли, — скорректировал условия задачи Майкрофт Холмс.

— Ха! — ухмыльнулся Шерлок. — Это дело на одну поюшку кокаина. Убийством здесь и не пахнет, вообще у вас здесь пахнет рыбой. Просто-напросто произошёл несчастный случай. Официант пожелал этому несчастному приятного аппетита. Тот, начав есть, хотел ответить «спасибо», но поперхнулся и умер.

— Элементарно, Шерлок! — похвалил брата за сообразительность Майкрофт и загадочно добавил. — Значит, как договорились?

— А деньги? — также загадочно спросил Шерлок Холмс.

— Тратьте сколько надо, — широким жестом позволил Майкрофт.

— А на текущие расходы? — продолжал артачиться Шерлок.

— Я не пожалею, — подтвердил Майкрофт.

— А на почтовые марки? — не унимался Шерлок.

— Так! — многозначительно сказал Майкрофт.

— Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя, — спохватился лишённый чувства юмора Шерлок Холмс и, обращаясь к Ватсону, попросил. — Ватсон! Запишите где-нибудь: 47, 92, 38, 69...

Доктор Ватсон, убрав блокнот во внутренний карман пиджака, принялся бегать с ручкой в поисках бумаги, но, так и не найдя ничего подходящего, начал писать на руке. Вслед за ним строчили все присутствующие в зале.

Холмс продолжал диктовать. Доктор Ватсон уже исписал обе руки до плечей, когда Шерлок, наконец, замолк и, пожав руку брату, направился к выходу. За ним поспешил доктор.

Выйдя из гардероба на улицу, друзья поспешили на Бейкер-стрит. Только сейчас доктор Ватсон, руки которого очень болели и чесались после такого массажа перьевой ручкой, осмелился спросить у великого сыщика:

— Холмс, а что это я такое важное записал, наверное, секретные коды или шифры в банке?

— Коды? — переспросил Холмс, на секунду задумавшись. — А, да нет, это просто моему братцу нужны кальсоны разных размеров. Там рост, ширина, знаете ли, — внёс ясность сыщик уже у порога дома № 221-Б.

26. Инструкции великого сыщика

Доктор Ватсон просиживал халат в гостиной за чашкой ароматного вечернего кофе. Мысленно он уже любовался нетронутыми красотами Швейцарских гор и наслаждался кристально чистым воздухом. Судя по звукам, доносящимся из комнаты Шерлока Холмса, великий сыщик утешал вконец расстроенную скрипку. Миссис Хадсон затеяла постирушку и теперь кипятила ведро с бельём на чадящем примусе. Доктор вынул из кармана пиджака толстенькую сигару и, откусив кончик, подавился. Откашлявшись, Ватсон закурил и блаженно затянулся едким, воющим дымом.

Приближение nirваны прервал Шерлок Холмс, неожиданно появившийся на лестнице, ведущей с верхнего этажа в гостиную. Он был серьёзен, бледен и причёсан. Это насторожило доктора Ватсона. В руках у Холмса было по увесистому чемодану.

— Я решил, — сообщил он Ватсону, — будет безопаснее, если я отправлюсь сегодня, дабы не навлекать опасность на этот благословенный дом. А вы, дружище, присоединитесь ко мне уже в поезде.

— А что случилось? — недоумевал Ватсон.

— Пока ничего, — опасливо глядя на зашторенное окно, успокоил Холмс.

— А что может случиться? — скорректировал вопрос Ватсон.

— А что вас так взволновало? — перебил его Холмс.

— Да нет... — мямлил доктор. — Просто вы уходите так внезапно, на ночь глядя. Словно бежите с тонущего корабля.

Шерлок Холмс на секунду задумался, но никаких ассоциаций у него почему-то не возникло. Он продолжил:

— Итак, я рад, что вы одобрили мой план. Теперь слушайте внимательно и запоминай... тьфу ты, что я говорю? Записывайте свою роль в этой истории.

Доктор выхватил блокнот и быстро наточил перьевую ручку.

— Во-первых, — загнул первый палец Шерлок Холмс, — Завтра утром, если, тьфу-тьфу, вы проснётесь, то первым делом возьмите кэб...

— А одеться и позавтракать? — осторожно осведомился доктор Ватсон.

— В кэбе, дорогой друг, в кэбе! — пояснил великий сыщик и продолжил, — Но, ради бога, не берите первый, второй, четвёртый и двадцать седьмой кэбы!

— Почему? — всплеснул бровями доктор Ватсон.

— Для конспирации, — сухо ответил Холмс. — Запомните, что за вами, скорее всего, будут следить.

— А-а-а, — протянул Ватсон, звучно хлопнув себя по намечающейся лысине, отчего на ней остался чернильный отпечаток.

— Вы показываете кэбмену адрес, который будет записан на листе бумажки, а затем сжигаете его вместе с адресом, — детализировал Холмс.

— Кэбмена? А что делать с лошадьё? — уточнил Ватсон.

— Я про листок бумаги. После этого, — продолжал Холмс, загибая второй палец. — Вы заедите в Скотланд-Ярд к инспектору Лестрейду. Если не будут пускать, сошлитесь на меня. Вы скажите Лестрейду, что у вас есть сведения по интересующему его делу.

— Помедленнее, — взмолился доктор.

— По интересующему его делу, — медленно повторил Холмс, но, скользнув взглядом по настенным часам, затараторил. — Он вас спросит какие? Вы скажите, что такие. Он спросит какого? Вы скажите, что такого. Он спросит...

— А если не спросит? — с испугом в голосе осторожно предположил невероятный сюжет развития событий доктор Ватсон.

— А куда он денется? — ухмыльнулся Шерлок Холмс. — Вы что, Лестрейда не знаете?

— Ну да, конечно, — усмехнулся своей несообразительности доктор Ватсон. — Простите, Холмс.

— Так вот, в итоге, вы должны тонко намекнуть ему, что мы уехали в отпуск, и теперь весь груз по поддержанию общественного порядка и устоев государственности ляжет на его плечи. Кстати, постарайтесь это сделать так, чтобы рядом не было никаких острых, тяжёлых и стреляющих предметов. Записали?

— Да, да, — внимал доктор.

— После визита к Лестрейду, вы пообедаете в «СОХО». Там вы выпьете две рюмки... Ясно вам? Только две! — эмоционально подчеркнул Холмс, загибая третий палец.

— Обижаете, — покраснел Ватсон и надулся.

— Обижаю, — согласился Холмс и отобрал у друга насос. — Затем, в «Националь де жавю», вы часика три погуляете по галерее. После чего выпьете чаю на углу.

— Ясно, — кивнул доктор Ватсон.

— Теперь о главном. В двадцать один тридцать шесть вы смешиваетесь с толпой на Трафальгар-сквер, — особо выделил Холмс, загнув четвёртый палец, — и в темпе, переулками, передвигаетесь к железнодорожному вокзалу.

— Но это же не меньше тридцати миль! — испугался доктор.

— Тридцать три, — уточнил самый аналитический мозг Англии. — А кто вам сказал, что мы на прогулку едем?

— Никто, — вздохнув, признался доктор.

— Кстати, а почему до сих пор не повесили упавший барометр? — неожиданно переключился Холмс, загнув пятый палец и азартно прыгая на одной ноге из-за выпавшего из руки чемодана.

— Ах, да, — вспомнил Ватсон, вскочив и подбежав к каминной полке, — Сейчас, сейчас.

— Самое главное, Ватсон, осмотрительность! — гордо вышагивал Холмс вдоль стола, прихрамывая на правую ногу. — Надеюсь, что вы сумеете распознать следящих за вами негодяев.

— Ну, Холмс, вы же знаете, что я неплохой стрелок, — насупился Ватсон, уже долгое время с помощью лупы Холмса не находя отметки для гвоздя. — Зоркость меня никогда не подвела.

— Отлично, тогда, Ватсон, я буду ждать вас в девятом вагоне поезда, следующего в Швейцарию, — сказал Холмс и подхватил чемоданы. Чмокнув в прихожей миссис Хадсон в лоб, сыщик ударился в бег.

После ухода Шерлока Холмса минуло два часа. Доктор Ватсон дремал в кресле, ощущая себя полновластным хозяином дома. Он так и не понял, о какой такой опасности говорил его друг. Данные сыщиком ценные инструкции, Ватсон тщательно записал и уже изготовился при случае опубликовать в качестве брошюры под броским названием «Конспирация: курс молодого бойца». Доктор ещё не знал, да и не мог знать, что под покровом темноты к уютному домику на Бейкер-стрит стягиваются крими-

нальные силы преступного Лондона, направляемые зловещим доцентом Мориарти, чтобы уничтожить великого сыщика.

Доктор снилось, что он провёл великолепную ночь в обществе молоденьких актрис, а дома его ждала с распостёртыми объятями его жена, которая, сомкнув объятия на его чашкой шейке, теперь требует отчёта. Доктор Ватсон начинает лепетать что-то несурзное, а жена бьёт его по бессовестному лицу и кричит громовым голосом: «Врёшь! Врёшь, скотина!».

Доктор вздрогнул и проснулся в холодном поту. Со сна он не даже не разобрал, от чего он конкретно проснулся, то ли от приснившегося кошмара, то ли от хриплого воя миссис Хадсон, которая в ночной сорочке и съехавшем на бок чепце занимала круговую оборону в прихожей.

— Врёшь! Не войдёшь! — блажила старушка, обливая кого-то кипящим маслом из лампадки.

За спиной доктора раздался звон бьющегося стекла. Негодяи в чёрных масках пытались проникнуть в гостиную, находящуюся на первом этаже, с крыши по верёвочным лестницам. Два головореза появились в оконном проёме и выхватили пистолеты. Доктор понял, что сейчас его будут резать. Медлить было некогда. Доктор огляделся вокруг. Оружия нигде не было. На столе лежала только любимая скрипка Шерлока Холмса. Другого выхода не было. Нет, он был, но миссис Хадсон уже давно предусмотрительно завалила его разным ненужным хламом. Доктор Ватсон в отчаянии схватил инструмент уважаемого итальянского мастера и с криком: «Помирать, так с музыкой!», как умел, положил смычком по струнам.

От ужасных звуков пришельцы, выронив пистолеты, без посторонней помощи выбросились в окно. А миссис Хадсон, травя нападающих дустом и анекдотами, одобрительно подмигнула Ватсону.

— Доктор! Смелее! — задорно кричала старушка, вспомнив молодость, — Вы же, если не ошибаюсь, были на войне!

— Да если б не я, — в запале ответил Ватсон, фехтуя кочергой. — Её бы вообще не было!

— Не замай! — озорно прикрикнула миссис Хадсон осаждающим и ожесточённо застрочила на швейной машинке. — Рас-ку-дрявый! — вспомнила старушка своего некогда знакомого майора.

Мориарти бросил в бой лучших медвежатников Лондона, поставив перед ними задачу вскрыть входную дверь этого проклятого дома, которую предусмотрительная миссис Хадсон всегда закрывала на ночь на швабру. Вооружённая воровскими фомками и ломачами эта бригада кинулась на приступ. Усмирив приступ хохота, миссис Хадсон усилила натиск. Вытащенные ею из подполья закатанные банки с помидорами стали громко взрываться, обдавая противников зловонной жижей.

Миссис Хадсон тем временем уже собралась перейти в контратаку, но её тактическим операциям не суждено было воплотиться, так как коварный Мориарти протрубил отступление, спутав все карты. Недовольный ходом операции, он приказал расстрелять каждого семидесятого. Этого несчастного тут же с удовольствием шлёпнули.

Первая атака противника была с честью отбита. Но коварство доцента Мориарти не знало ни границ, ни приличий. Он безжалостно отдал бесчеловечный приказ забросать дом водяными бомбами.

Возникший в результате бомбардировки пожар, смекалистый доктор Ватсон тушил старыми газетами. Миссис Хадсон помогала ему керосином. Самоотверженные усилия защитников дома увенчались успехом. К утру всё, что могло гореть, сгорело, и пожар прекратился.

На помощь героическим осаждённым, как ни странно, пришла полиция. В восемь утра, выпавшись, чинные констебли вышли пройтись по утреннему Лондону. Заметив беспорядки, они, присвистнув, бросились наутёк. Услышав свист представителей закона, приспешники Мориарти кинулись врассыпную, словно крысы из горящей избы.

27. Отбытие

Доктор Ватсон и миссис Хадсон перевели дух. Пришло время воплотить инструкции Шерлока Холмса на деле. Доктор Ватсон обратился к чумазой миссис Хадсон в выгоревшей ночной рубашке:

— Миссис Хадсон, соберите мне завтрак в дорогу, пожалуйста, а я пока пойду в комнату Шерлока Холмса и возьму зонт, ведь в Швейцарии может быть сыро.

— Хорошо, мистер Ватсон, — кивнула домохозяйка, стряхивая с головы остатки чепца.

Доктор поднялся по лестнице и вошёл апартаменты Шерлока Холмса. Покопавшись в папках с надписью «Совершенно секретно», он обнаружил искомый зонт. Звучным хлопком, он плотно затворил за собой дверь и стал спускаться в гостиную. Доктор ещё не знал, что он этого хлопком колбы с реактивами,

стоящие на столике Шерлока Холмса перевернулись, и началась необратимая цепная реакция, с выделением большого количества тепловой энергии. Проще говоря, снова начался пожар.

Доктор Ватсон открывал зонтик уже второй час. Сошедшие с него семь потов ожидаемого облегчения не принесли.

— Миссис Хадсон! Вы не видели моё кашне? — спросил Ватсон, в очередной раз прищемив палец.

— Короткое? — уточнила старушка

— Да, кашнице такое, — показал приблизительный размер доктор.

— Вот, пожалуйста, — старушка услужливо протянула доктору столь необходимый ему аксессуар, похожий на армейскую портянку, сняв его с головы. С некоторых пор она любила повязывать кашне доктора вместо головного убора, чтобы выпадающие волосы не попадали в приготавливаемую пищу.

— Благодарю вас, миссис Хадсон, — взваливая на плечи неподъёмный рюкзак, прокряхтел доктор Ватсон и протёр кашне свои лакированные ботинки. — Ну что же, мне пора. Присядем на дорожку.

Доктор Ватсон и его домохозяйка тяжело опустились на ковровую дорожку. Посидев четверть часа, доктор попытался встать, но этому воспротивился тяжеленный рюкзак. Подняться удалось только благодаря пришедшей в сознание и на помощь миссис Хадсон.

— В добрый путь! Скатертью дорога, — бормотала хозяйка, выпроваживая доктора и не веря своему счастью побыть месяц, другой в одиночестве.

Выйдя на улицу, доктор Ватсон бдительно огляделся. Он не заметил ничего подозрительного, а также открытый водосточный люк. Отряхнувшись и отжав пижамные брюки, он отправился, как и предписывал ему Холмс, ловить кэб. Дело шло тяжело. Во-первых, потому что доктор очень скоро сбился со счёту, а во-вторых, потому что желающих подвести в такую рань человека в одной пижаме, но с рюкзаком, нашлось не много.

Наконец, поймав в уздечку пьяного извозчика, закусившего удилами, доктор вольготно разместился в замызганной коляске и, следуя инструкциям, приступил к завтраку. Кэбмен орал непристойности и скандалил с лошадью. Коляска лихорадочно тряслась и подпрыгивала, и очень скоро доктор был весь в своём

завтраке. Утеревшись кашне, он выглянул в окошко. Местность была незнакомая, но доктор Ватсон, успокоив себя мыслью, что Земля всё же круглая, стал наслаждаться пейзажем.

День неумолимо клонился к вечеру. Доктор Ватсон шестой час колесил в кебе с уснувшим извозчиком по Лондону, пытаясь установить, есть ли за ним слежка. За это время он решил тряхнуть стариной и переоделся в сутану, чтобы его не узнали.

В очередной раз проезжая мимо величественного здания Скотланд-Ярда, доктор Ватсон стукнул в стенку повозки, давая знать извозчику, что следует остановиться. Коляска остановилась, а упавший с козел кэбмен, прихрамывая подошёл к двери за объяснениями и чаевыми.

Увидев внутри своей повозки аббата, он чуть не протрезвел и, цинично показав большой палец, произнёс:

— Ну, доктор Ватсон, вот такой из вас аббат!

В этот день доктору Ватсону пришлось услышать эту фразу от многих встреченных знакомых и незнакомых людей.

Далее события развивались строго противоположно инструкциям великого Шерлока Холмса. Во-первых, к Лестрейду доктора Ватсона не пустили. Ссылки на то, что так сказал Шерлок Холмс, желаемого результата не принесли. Бравые, но недалёкие констебли подняли доктора Ватсона на смех и швырнули подальше от парадных ворот. Лёжа на холодной брусчатке мостовой, доктор Ватсон в пыли потерял часы, что значительно осложнило дальнейшее соблюдение графика, намеченного Холмсом.

Плюнув на Лестрейда и получив пинка от представителей Скотланд-Ярда за оскорбление мундира, доктор побежал обедать в «Сохо». Холмс любезно разрешил Ватсону выпить две рюмки коньку. К ужасу доктора коньяка в «Сохо» не оказалось. Пришлось догонять виски. По одному ему известной формуле, доктор Ватсон рассчитал, что одна рюмка коньяка равна примерно восьмидесяти трём пинтам. Немного позже доктор осознал, что не учёл погрешность и что столько он не осилит физически. Так что и этим пунктом инструкций пришлось пренебречь.

В «Националь де жавю», где Ватсону было предписано часика три погулять по галерее, доктора тоже ждало разочарование. Галерея была закрыта на смену экспозиции. Но полученные от великого Шерлока Холмса установки были выше администра-

тивных препонов. Взломав дверь, доктор проник в помещение и начал прогуливаться по пустынным коридорам.

Часа через два по экстренному вызову сработавшей сигнализации к зданию галереи подъехал усиленный наряд полиции.

Доктор, которому уже порядком наскучили голые стены, был немало удивлён, увидев ворвавшегося в помещение в окружении полицейских инспектора Лестрейда.

— А, это вы, доктор Ватсон, — разочарованно провёл идентификацию инспектор, пряча револьвер.

— Да, это я, — сознался Ватсон.

— А нам сообщили, что какой-то злоумышленник проник сюда преступным путём, — осматриваясь, сообщил инспектор.

— Да нет, знаете ли, уже второй час здесь торчу, ничего подозрительного не заметил, — пожал плечами доктор Ватсон и огляделся.

— Должно быть, сигнализация барахлит, — констатировал Лестрейд и, обернувшись, добавил. — Отбой, ребята!

Полицейские расслабились и устроили, прямо где стояли, привал.

— Кстати, инспектор, Шерлок Холмс велел передать вам, что мы с ним уезжаем в отпуск, — с улыбкой раскрыл планы Ватсон.

— Как! — Лестрейд начал судорожно хватать воздух и, держа руку на сердце, рухнул без чувств.

Довольный произведённым впечатлением, доктор направился прочь, выполнять дальнейшие указания сыщика. Дальнейшие события тоже сопровождали сучки и задорины. Поставленное Холмсом условие, выпить на углу чаю, оказалось весьма сложным для исполнения. Чашки постоянно соскальзывали с угла и, ошпаривая доктору ноги, разбивались на мелкие осколки. Доктор перепробовал все близстоящие углы, составляя недобросовестную конкуренцию местным собакам, но, вконец измучившись и чая не хлебавши, решил двигаться дальше.

Доктор взглянул в блокнот. Далее ему надлежало, смешавшись с толпой на Трафальгар-сквер, исчезнуть из поля зрения.

Ватсон долго ходил по пустой площади, пытаясь смешаться с толпой. Ватсон чувствовал себя неумёхой, поскольку хитроумные пункты бесценной инструкции, которую с такой заботой вы-

пестовал для него непревзойдённый аналитик, летели в тартарары один за другим. Одинокое прохожие, изредка появляющиеся на площади, немного отвлекали доктора от этих мрачных мыслей. Ватсон тут же, сломя голову, кидался к ним и пытался пристроиться сзади или сбоку. Это вызывало обеспокоенность мирных горожан и приводило к их скорому бегству.

Доктор в тоске махнул на всё рукой и решил уже сам нарушить последний пункт сегодняшней программы. Он безвольно вскинул руку и остановил кэб. Садясь в коляску, доктор грустно бросил вознице:

— К вокзалу. Плачу пол гинеи, если довезёте за двадцать минут.

— А, чёрт с ним! — в запале отмахнулся извозчик и петлял ещё три часа по самым значным местам Лондона. Ватсон не знал, что только благодаря этому ему удалось оторваться от преследующих его от самого дома шпииков Мориарти.

Наконец, оказавшись на вокзале, доктор Ватсон не на шутку заволновался. Поезда, следующего в Европу, нигде не было.

— Скажите, а поезд на Швейцарию уже ушёл? — сбивчиво обратился Ватсон к сотруднику станции, дежурящему рядом с хромированным колоколом. По длине ресниц, выправке и погонам, Ватсон догадался, что перед ним человек, знающий толк в железной дороге.

Тот не на шутку задумался и через некоторое время подтвердил надежды доктора Ватсона:

— Ушёл.

— А куда? — забеспокоился доктор, озираясь.

— Туда, — сориентировал его станционный смотритель, кивнув в сторону уходящих за поворот и скрывающихся в городских постройках рельсов.

— Как же так, а у меня билет, — недоумевал доктор, демонстрируя на случай недоверия, розовую бумажку.

Служащий без малейшего интереса посмотрел на доктора, прокомпостировал билет и зевнул.

— А следующий когда? — не унимался пытливый формалиновый кудесник логопедической ложечки.

Смотритель думал ещё дольше, но, наконец, сдвинув форменную фуражку набекрень, он понёс форменную околесицу:

— Через четверть часа, с шестого пути, — бесстрастно бросил он и задремал.

Доктор очертя голову кинулся искать шестой путь. Но все его усилия были тщетны. Не поддаваясь панике доктор решил считать рельсы. Полученный результат ещё больше расстроил Ватсона. Рельсов было одиннадцать, а учитывая, что в Англии, как и в любой нормальной стране, была в чести двухколейная железная дорога, то плоды многосложных исследований нисколько не утешали. К тому же оставляла сомнение избранная система координат и начальная точка отсчёта.

— Вы не подскажите, где шестой путь? — осторожно, стараясь не раскрыть своё инкогнито, обратился доктор к вокзальному грузчику.

— Да пошёл ты! — сослался на обеденный перерыв рабочий.

Разговор не склеился. У доктора поднялось давление и опустились руки.

На пути, который по всем расчётам должен был быть шестым, нагло стоял поезд, на стекле машиниста которого висела табличка «На Ноттингемшир». Доктор потерял остатки надежды, и устало сел на холодные рельсы. Видимо, поездка на отдых для него окончится здесь — в труппах Лондонского вокзала.

Неожиданно за стеклом паровоза, следующего на Ноттингемшир, появился заспанный машинист, который сменил старую табличку на «Европейский экспресс» и, до пояса высунувшись из форточки, громко свистнул в золочёный свисток.

— Начало шестого свистка соответствует времени отправления поезда! — хрипло сообщил он, пытаясь влезть обратно.

Доктор даже подпрыгнул от неожиданности и кинулся искать пресловутый «девятый вагон», где его должен был ждать Холмс.

Оказавшись у вожделенного купе, доктор с удивлением обнаружен, что в купе, которое они должны были делить с Шерлоком Холмсом, уже сидит какой-то интеллигентного вида старичок с козлиной бородкой и не менее противной бородавкой на носу. В руках у него был свежий номер газеты «Лондонский подросток». Увидев доктора, старичок противно ощерился и, приподняв шляпу в приветствии, вновь углубился в чтение.

Доктор Ватсон хотел сказать, что это место занято, и только он приоткрыл рот, как попутчик, не отвываясь от газеты, отчеканил:

— Без четверти двенадцать, — чем надолго озадачил доктора.

Доктор сел на свободное место и стал заниматься несвойственным для него делом. Он стал думать. «Не случилось с Холмсом чего недоброго?» — свербела у доктора одна и та же мысль.

— Ватсон, скажите, на ваш новый статоскоп был гарантийный талон? — неожиданно раздалось с соседнего сиденья.

Доктор даже не успел изумиться тем, что перед ним сидел великолепный Шерлок Холмс и курил трубку, потому что начал судорожно думать, что ответить.

— Да, кажется, — неуверенно напряг память доктор.

— Ну, значит и он сгорел, — улыбнулся Холмс, для смеха переклеив бородку на чубук трубки. — Здесь пишут, что Мориарти спалил дотла наш с вами уютный домик и Миссис Хадсон требует от властей Лондона компенсацию. Правда, забавно?

— Правда, — поморщился Ватсон, недоумевая, почему дом всё-таки сгорел, если они с домохозяйкой всё потушили.

Но его мысли отвлек Шерлок Холмс, который высунулся из окна и купил букетик нежных фиалок у проходящей мимо поезда цветочницы. Понюхав цветы, он бережно положил их во внутренний карман пиджака и нежно погладил оттопырившийся было лацкан.

— Зачем вам они? — спросил залюбовавшийся этой трогательной сценой Ватсон.

— Как это «зачем»? Мы с вами вернёмся приблизительно через месяц, а через месяц у миссис Хадсон день рождения, — твёрдо ответил Холмс, выпустив струйку дыма.

Ватсон был в который раз поражён предусмотрительностью сыщика.

Наконец, паровоз присвистнул, выпустил пары и медленно тронулся. Шерлок Холмс пронзительно взглянул на Ватсона и с расстановкой произнёс:

— Знаете, Ватсон, я очень опасный спутник, так что вы можете ещё успеть покинуть поезд.

— Ну что вы — возмутился доктор, вспыхнув, — ... А, кстати, где здесь стоп-кран?..

28. «Постой, паровоз, не стучите колёса!»

Шерлок Холмс и доктор Ватсон двигались по направлению к, пожалуй, самой спокойной европейской стране. Однако великого сыщика преследовало беспокойство, что его преследуют. Поэтому он несколько раз выступал инициативой того, что они с Ватсоном под самыми невероятными предложениями пересаживались из поезда в поезд. Наконец, Холмс успокоился. Но не надолго. От его внимания не могло уйти обстоятельство, что чай приносит тот же самый проводник, что и в самом первом поезде. Холмс уже хотел было построить какую-нибудь смелую гипотезу, но доктор Ватсон потащил его обедать.

Выйдя из вагона-ресторана, друзья отправились искать вагон-туалет, а через час они уже сидели в своём уютном купе и любовались пейзажем за окном.

— Пересекаем швейцарскую границу, — авторитетно сообщил Холмс.

Из-за двери купе стали доноситься истошные крики лотошника, который, шляясь по вагонам, предлагал контрабандные товары:

— Горячий кофе! Горячий плов! Горячее мороженное! — неслось по поезду.

Дверь в купе наших путешественников распахнулась и на пороге возникла прыщавая физиономия лотошника:

— Господа! — обратился он, пытаясь изобразить подобие любезности, — Что я могу для вас сделать?

— Удавиться, — коротко выразил пожелания Холмс и решительно захлопнул дверь. — По-моему, здесь становится не безопасно, — поделился он подозрениями с доктором. — Ватсон, подумайте, как бы мы могли незаметно покинуть поезд?

Ватсон думал недолго. Приподнявшись, он, что было сил, дёрнул стоп-кран. Жуткий скрежет застопоренных колёс, высекающих снопы искр об рельсы, заглушили панические крики, переходящие в визг, которые в свою очередь прерывались глухими звуками падающих с полок тел и тюков.

Небольшой чемоданчик сорвался с верхней полки, и, не причинив никакого вреда, звонко отскочив от макушки доктора, упал на пол вагона, сделав в нём сквозную пробоину. Доктор узнал бы этот чемодан из тысячи — это был его чемодан.

— Блестяще, мой дорогой друг! Вы нашли изумительное решение, теперь мы выберемся отсюда незамеченными, — ликовал Шерлок Холмс, хлопая в ладоши.

— Вы думаете? — осторожно спросил доктор, потирая макушку.

По коридору в панике бегали люди.

— Ватсон, быстро лезьте в пролом! — заторопился Холмс.

Доктор, осторожно и с опаской держась за неотшлифованные края сотворённого им отверстия, богатые на заусенцы, скрылся под вагоном.

Холмс, не дожидаясь пока напарник осмотрится на местности и отползёт в сторону, бросал в дыру чемоданы и рюкзаки. Доктор Ватсон, придавленный к шпалам, как черепаха панцирем, с трудом пополз к хвостовому вагону. Сзади он вскоре услышал громкий удар и замысловатые ругательства Холмса.

— Что случилось? — проявил любознательность доктор, не имея возможности оглянуться из-за вещей, скопившихся у него на горбу.

— Доктор! — проскрежетал зубами Холмс между стенаниями. — Я, кажется, сломал ногу.

— Откройте рот, скажите «А», — по старой врачебной привычке приготовился к осмотру пациента Ватсон.

Сзади послышалось низкое «А-а-а-а».

— Спасибо, доктор, уже значительно легче, — прохрипел Холмс и пополз следом за Ватсоном.

Доктор Ватсон под тяжестью чемоданов стал выдыхаться, когда до конца состава оставался один вагон.

— Доктор, — шипел сзади Холмс, — Вы что, не выспались что ли?

— Конечно, не выспался! — вспылил доктор Ватсон, который всю прошлую ночь стоял насмерть.

— Ничего, выспитесь ещё, ваше дело молодое, смягчился Холмс и приободрил доктора.

Выбравшись в сажу и мазуте из-под хвостового вагона, друзья, схватив в руки вещи, кинулись вниз по железнодорожной насыпи и скрылись в лесу. Некоторое время их преследовал голый кочегар, размахивая совковой лопатой. Он выражал недовольство тем, что из-за резкого торможения он вместо угля ока-

зался в топке. Но вскоре он отстал и заблудился. Говорят, что впоследствии он примкнул к местным партизанам.

Тем временем, по другую сторону от железнодорожной насыпи, по, идущей параллельно железнодорожному полотну, просёлочной дороге, заражая окружающую среду зловонным смрадом разбавленной солянки и пугая дичь и насекомых противными звуками квакающего клаксона, следовал самодвижущийся экипаж предводителя криминального сообщества Англии — доцента Мориарти.

Мориарти подал знак, и собачья упряжка остановилась, сам доцент в чёрном плаще с фиолетовой подкладкой и в жёлтом цилиндре степенно вылез из-под оленьих шкур.

Погонщик собак, поправив меховой капюшон, тоже вылез размять унты. Поглядев на измождённых погоней животных, он покачал головой и, оглушая окрестности горловым пением, отправился в лес, чтобы задать собакам ягеля.

Тем временем, величественный Мориарти неторопливо карабкался на осыпавшуюся песочную насыпь. Потеряв цилиндр и щедро наполнив ботинки песком и мелким гравием, он горделиво подошёл к митингующим пассажирам.

— Что здесь случилось? — негромко спросил он ближайшего пожилого и лысого мужчину в одной туфле. Вторую он держал в руке и размахивал ей как гранатой в такт словам.

— Вы посмотрите на него! — вскричал возбуждённый пассажир и постучал себя туфлей по лбу. — Он ещё спрашивает, что случилось! А ещё вырядился как индюк! Нет, вы видели, «что случилось?»! Тоже, небось, такой же, как эти два негодяя! Мало того, что лотошник в туалете удавился,... — за это убивать надо!

Мориарти мало чего понял, а, тем временем, к человеку с туфлей присоединились и другие пассажиры поезда.

— Дайте мне его сюда! Я покажу, как это делается! — верещала великовозрастная дама в соблазнительном белье. Видимо, решительные действия доктора Ватсона застали её за чем-то интеллектуальным.

Доцент Мориарти медленно пятился к краю насыпи по мере наступления на него народных масс. Их возмущённый разум кипел. Мориарти со всей ясностью ощутил, что сейчас придёт конец его блестящей уголовной карьере. Наступив на зыбкий край насыпи, доцент покатился вниз, путаясь в собственном плаще.

За ним уже мчались негодующие люди, которым нужно было на ком-нибудь выместить то, что у них накопилось.

Резво вскочив на ноги, Мориарти кинулся к своему транспортному средству с диким криком:

— Оглы-Бельда!!! Заводи!

На крик откликнулся верный водитель Мориарти, который тотчас выскочил из леса, хотя всё это время утопал в болоте в полумиле на северо-запад. Подбежав к собакам, он наскоро затолкал им в пасти колючие ветки багульника, поджёл и, запрыгнув на шкуры, замер с кнутом в руке.

Мориарти ещё предстояло преодолеть около 40 ярдов по прямой, но он не искал лёгких путей и решил сделать крюк, чтобы пустить тех, кто за ним гнался, по ложному следу. Однако то, что предводитель английского преступного сообщества хитроумно обогнул две одиноко стоящие осинки, почему-то не сбило с толку преследователей.

В этот момент в экипаже Мориарти проснулся его верный телохранитель — полковник Моран, известный, как лучший в Европе охотник на слонов. Он выполз из-под оленьих шкур, сладко потянулся, напялил очки и оценил ситуацию.

— Ёшкин слон! — выругался полковник и вскинул свой двуствольный «Леопард».

Грянул дуплет. Доценту Мориарти потребовалось немало усилий и везения, чтобы избежать дробового заряда. Наконец, он запрыгнул на шкуры и заорал на ухо Оглы-Бельде:

— Жми!!!

— Понял, хозяин, зачем кричать, всё понял, — тихонько пропел водитель упряжки и, пожав руку доценту, не снимая варежки, стегнул собак. Те взвыли и потащили за собой тяжёлые сани.

— Чёрт возьми, — находясь ещё в шоке, твердил Мориарти, когда опасность миновала. — Скотланд-Ярд в грош не ставил; главарей, как шестёрка давил, а тут чуть было не засыпался.

29. Ориентирование на местности

— Холмс! Где мы? — раздвигая ветви колючего кустарника, растерянно спросил доктор Ватсон уверенно идущего впереди по звериной тропе Шерлока Холмса.

— Сориентируемся по звёздам, — предложил гениальный детектив. — Ватсон, вы видите Полярную звезду?

— Не вижу, — признался доктор, щурясь от палящего полуденного Солнца.

— Да, и я что-то не замечаю. Всё ясно, — заключил Холмс, — мы в южном полушарии!

— Это потрясающе! — изумился доктор, получив потрясение мозга. Теперь он вздохнул свободней.

— Элементарно, друг мой, элементарно, — осклабился Холмс, но вдруг насторожился и спросил. — Кстати, а что это за жуткие крики?

— Птицы, Холмс, — безошибочно определил доктор Ватсон, вытирая лопухом рукав пиджака.

— Не просто птицы, Ватсон, — назидательно поправил доктора сыщик, вытряхивая из трубки птичий помёт, — а перелётные! И о чём нам это говорит?

— О том, что уже осень, — пожал плечами в нерешительности Ватсон, — Пора окна заклеивать, да картошку копать.

— Нет, это нам говорит, что север в той стороне, откуда прилетели эти бестии, — заключил сыщик, пытаясь вспомнить, откуда появилась стая.

— Блестяще, Холмс, — выдохнул Ватсон, фиксируя вывод Холмса в блокноте.

Тем временем стая поднявшихся на крыло вальдшнепов, которых вспугнули наши путешественники, сделав круг над лесом, возвращалась на отсиженные места.

Местность вокруг была с довольно глубокими оврагами, густо заросшими деревьями и кустарниками, что не облегчало ориентирование и откровенно затрудняло дорогу путникам.

Поплутав по косогорам около часа, Холмс начал сомневаться в правильности выбранного направления. Не желая показывать Ватсону своих подозрений, он решил преподать доктору очередной урок:

— Ватсон, а вы умеете ориентироваться по солнцу?

— Разумеется, нет, — пробурчал доктор.

— Ну это же очень просто, — выбрал любимую струну Холмс. — Когда мы с вами входили в лес, то солнце было справа.

— С чего вы взяли? — уставший Ватсон с трудом соображал.

— Элементарно, дружище, войдя в лес, мы шурили правый глаз, — торжествовал Холмс. — Так вот, чтобы нам не сбиться с

пути и выйти, наконец, к этому проклятому перевалу, солнце должно быть по-прежнему справа. Понятно?

— Конечно, — слукавил доктор, еле передвигая ноги.

— Так что там у нас с солнцем? — решил закрепить усвоенное материала сыщик.

— А, чёрт его знает, на небе тучи, — произнёс Ватсон, стирая рукавом крупные капли пота со лба и выжимая усы.

Действительно, небо заволокла тёмно-серая пелена, грозящая извергнуть на всё живое годовой запас влаги.

— Скажите, Холмс, — обозначил своё присутствие доктор Ватсон. — А Мориарти со своими приспешниками нас здесь не найдут?

— Полагаю, что нет, — положив глаз на лежащее слева бревно, ответил Шерлок Холмс, решив сделать привал.

— Но вы же говорили, что это очень опасные и непредсказуемые люди, — подзуживал неунимающийся Ватсон.

— Кто? — вспылил Холмс. — Да они ещё трупов-то толком не нюхали!

— А что я, я молчу, — попытался поспешно оправдаться Ватсон.

Шерлок Холмс, проявив не свойственные для него эмоции, потерял бдительность и не заметил хитроумную ловушку коварного Мориарти. Только поэтому он и не попал в неё.

Доктор Ватсон, последние четверть часа по-философски задумчиво грызший яблоко, наконец, заметил, что оно гнилое.

Немного передохнув, друзья отправились дальше в направлении, где, по их мнению, находился заветный перевал, за которым их ждала уютная гостиница.

Оголодавший за время пути, Ватсон бросился в гущу леса догонять распутившего хвост перепела, но его остановил окрик Холмса:

— Оставьте его, Ватсон, он же при исполнении!

— При исполнении чего? — остановился доктор, проводив взглядом ополоумевшую птицу.

Супружеского долга, — пояснил Холмс. — У них сейчас брачный период, охота запрещена.

— Да, но мы можем умереть от голода, — пытался оправдать своё браконьерство последователь Гиппократ.

— Наберите грибов, сварим уху, — посоветовал хозяйственный Холмс.

— Ой, какая ящерка! — пришёл в восторг доктор Ватсон, нагнувшись.

— Где? — Холмс взял, висящий на груди доктора, цейсовский бинокль на ремне и, не меняя позы, притянул к глазам. Ватсон, словно пудель на ошейнике, обречённо повис. Вдоволь насладившись видом дохлой ящерицы, Холмс изрёк с претензией на гениальность:

— Да, удивительно, сколь многообразен животный мир этого края.

Друзья двинулись дальше. Следуя выбранным бездорожьем, они поднимались всё выше и выше по горной гряде. Вскоре лес, укутавший подножие гор кончился, и на пути стали попадаться лишь одинокие уродливые сосны.

Выйдя на ровное горное плато, друзья остановились, чтобы оглядеться вокруг. Холмс достал позорную трубу и стал вглядываться вдаль, свободным глазом он в это время озирал близлежащую местность. Доктор Ватсон смотрел через свой бинокль на выглянувшее из-за облаков солнышко.

Неожиданно Холмс стал уменьшаться в росте.

— Что с вами, Холмс? — испугался доктор Ватсон.

— Ничего, обыкновенное горное болото, — погрузившись по щиколотку, ответил Холмс и закурил трубку, продолжая оседать.

— Боже мой, что же делать, — забегал вокруг этого гиблого места Ватсон. — На помощь! Помогите! Человек тонет!

— Доктор, — спокойно обратился Холмс, глядя куда-то вдаль, — ваши призывы бесполезны, поскольку ближайшее жилище отсюда милях в двадцати.

Этот аргумент немного успокоил паникующего доктора. Он перестал бегать и присел на камешек. Холмс уже был по пояс в затагивающей его жиже.

— А знаете, Холмс, — неожиданно прервал торжество момента доктор Ватсон радостным голосом, — оказывается нужный нам перевал немного севернее, а это действительно высокогорное болото.

— Это вам сейчас пришло в голову? — равнодушно поинтересовался сыщик, предчувствуя неминуемый конец.

— Нет, это я сейчас в карту посмотрел, — сообщил гордый доктор. — Но вы не волнуйтесь, я сейчас же отправляюсь за помощью!

— В добрый путь, — напутствовал его сыщик, растрогано отплёвываясь из-за подкатившего к горлу комка и подступившего болотного месива. Он понимал, что доктор явно переоценивает свои скоростные качества и не имеет полного представления о природе болота. Доктор скрылся из виду, а скоро и его душераздирающие крики о помощи смолкли.

Шерлок Холмс тяжело вздохнул и стал выбирать. По счастливой предусмотрительности у него оказался небольшой бумажный пакетик морфия — продукт многолетних лабораторных исследований. Вводить это средство внутривенно не было времени, поэтому Холмс хладнокровно высвободил руку с заветным пакетиком и запихнул себе в рот. Тщательно разжевав, сыщик выплюнул пакетик и почти сразу почувствовал необычайную лёгкость во всех членах. Болото наступало и уже захватило рубезж верхней губы Холмса. Сыщик бросил прощальный взгляд на небо. По нему медленно плыли облака причудливой формы. Холмс задержался на них стекленеющим взглядом. И тут ему показалось, что одно облако очень похоже на его заклятого врага — доцента Мориарти, который зло смеётся над сыщиком. «Я не должен дать ему возможность уйти!» — мелькнуло в голове Холмса, и он попытался подпрыгнуть, чтобы достать этого врага человечества. На удивление, попытка удалась, и Холмс взлетел. «Такая гибкость образовалась» — подумал он и взмахнул руками. Холмс парил как горный орёл, поднимаясь всё выше и выше. Облако-Мориарти нахмурилось и попыталось уплыть за ту сторону горизонта. «Ага! Попался!» — воскликнул Холмс, и, набросившись на него, стал нещадно рвать на части. Когда от ненавистного доцента осталась лишь горстка перистых облаков, Холмс удовлетворённо хмыкнул и с победным настроением, совершив горделивый вираж, спустился на твёрдую землю недалеко от места старта. Хлебнув из фляжки, и выбив из головы остатки дурмана, он облегчённо вздохнул и не без удовольствия отметил, что все свойства морфия пока ещё не известны науке. Теперь, когда опасность миновала, нужно было искать доктора Ватсона.

Найти доктора стоило немалых трудов, поскольку хаотические перемещения Ватсона не поддавались ни анализу, ни логи-

ке. Лишь многолетнее знание повадок доктора, незаменимая лупа и масса следов, оставленных на рыхлой земле, позволили опытному сыщику отыскать Ватсона.

— Подождите, доктор! — Шерлок Холмс окликнул мечущегося по поляне Ватсона.

— Не мешайте, сэр, мне нужно найти кого-нибудь, кто бы помог выручить из болота моего друга! — отмахнулся Ватсон.

— Ватсон, вы что, меня не узнали? Это же я — Холмс.

— Этого не может быть, — с пафосом объявил вотум недоверия своему зрению Ватсон. — Холмс утопает в болоте, я это проверил.

— А я кто, по-вашему, — снисходительно улыбнулся гениальный сыщик.

Вопрос поставил доктора в тупик, но он скоро нашёлся и предложил пройти сыщику проверку:

— Если вы действительно Холмс, то должны точно знать скольких преступников вы посадили в кутузку в прошлом году?

— О-о-о, — протянул Холмс. — И не сосчитаешь.

— Боже мой, Холмс, это вы! Какое счастье, вы живы! — разрыдался от счастья доктор и кинулся обнимать обрётённого друга. Холмс тоже прослезился и высморкался.

— Как же вам удалось спастись? — не верил счастью Ватсон.

— И сам не знаю, — не стал уточнять Холмс. И друзья, взяв свои вещи, отправились дальше.

Даже того сухаря как Холмс пробрали красоты природы. Остановившись на крутом косогоре, он обратился к Ватсону, болтавшемуся на страховочном тросе двумя метрами ниже:

— Посмотрите, какие облака!

— Да, они напоминают мне цвет ваших лёгких, — не упустил случая провести воспитательную работу наш мистер-Парацельс.

Неподалёку был слышен гул падающей воды. Друзья, у которых заканчивался запас пресной воды, а пить морскую не было ни малейшего желания, решили наполнить фляги. Слух не солгал и вскоре доктор Ватсон и Шерлок Холмс, стоя на небольшом каменном карнизе, любовались красотами Захолуйского водопада.

Чтобы набрать воды, было решено кому-то одному спуститься на тросе на несколько метров вниз, где водяной поток

разветвлялся и произвести водозабор было сподручней. Жребий как всегда выпал доктору. Он был хмур и зол, но пошёл на это ответственное дело, не снимая рюкзака. Обвязав доктора Ватсона тросом, и столкнув его вниз, Шерлок Холмс стонал, но держал.

Доктор Ватсон с присущей ему аккуратностью и инициативностью не только набрал полфляги ледяной воды, но и уронил рюкзак со всеми необходимыми вещами в бушующую пучину.

— Ладно, чёрт с ними, завтра достанем, — вытащив Ватсона, решил Холмс, одним глотком осушив флягу доктора Ватсона.

Теперь перед друзьями встал вопрос, как перебраться на другую сторону широкой трещины, разделяющей две горные вершины. Они стали готовиться к переправе. Дело спорилось. Проспорив более двух часов, Холмс достал верёвку и, привязав один её конец к камню, перекинул его на другую сторону. Второй конец он крепко сжал левой рукой. По-дружески подтолкнув доктора, Холмс сказал.

— Вперёд, Ватсон, и не волнуйтесь, если что, я за вас отомщу.

Воодушевлённый Ватсон осторожно ступил на дрожащую на ветру верёвку. Шерлок Холмс не смог оставаться равнодушным и подбадривал друга со слезами на глазах:

— Умоляю вас, доктор, осторожней! Ватсон, ради бога, осторожней. Термос в рюкзаке не разбейте!

Несмотря на поддержку, Ватсон, балансируя, дотянул до другого края пропасти. Настало время Холмса. Он привязал свой конец верёвки к растущей над бездной карликовой берёзке бантиком и решительно пересёк расщелину. Наконец, переправа благополучно завершилась, и друзья отправились дальше.

Едва заметная тропинка, протоптанная местными каскадёрами, самоубийцами и прочими «горячими головами» сделала очередной крутой поворот и резко оборвалась вниз. Доктор Ватсон, залюбовавшись красотами Альп, уже хотел было отправиться вслед за тропинкой, но его остановила быстрая и крепкая рука товарища.

Перед друзьями открылся живописнейший вид на простирравшееся несколькими десятками метров ниже небольшое горное плато. Доктор стоял, опершись на скалу и с видом полководца,

величественно осматривал окрестности через свой армейский бинокль — то небольшое из вещей, что осталось у него после инцидента у водопада.

Шерлок Холмс также не преминул воспользоваться оптикой и, достав из кармана лупу, принялся осматривать каменистую поверхность скалы у своих ног. Через пару минут кропотливого изучения он удовлетворённо выпрямился, сложил лупу и, убрав её, произнёс:

— Ну что же, похоже, мы, наконец, нашли место для ночлега.

Доктор Ватсон нехотя оторвался от бинокля и изумлённо поглядел под ноги сыщику, потом медленно перевёл взгляд на него:

— Вы что, хотите заночевать здесь? — в голосе Ватсона чувствовался испуг. — Но вы же знаете, что я до смерти боюсь комаров! — захныкал он.

— Успокойтесь, друг мой, в миле отсюда есть прекрасная гостиница, — Холмс указал пальцем куда-то вниз.

Ватсон снова схватился за бинокль и стал напряжённо вглядываться в указанном направлении. Через некоторое время он действительно заметил на дальнем краю плато небольшую лачугу и удивлённо воскликнул:

— Но, чёрт возьми, Холмс! Как вы её заметили?

Сыщик предвосхитил этот вопрос, — его лицо приняло наигранно задумчивое выражение:

— Долго объяснять. Сейчас времени нет, — сказал он, незаметно выбрасывая отодранную от указательного столба табличку с надписью гостиницы, и резво устремляясь вниз по практически отвесному склону.

Чем ближе друзья подходили к гостеприимчивой гостинице, тем более мрачной она казалась. Это трухлявое и покосившееся от времени строение стояло на самом краю горного плато, причём задняя его часть угрожающе нависала над пропастью. Небольшие порывы ветра настолько сильно сотрясали всю конструкцию, что было абсолютно не понятно, как она до сих пор стоит. А кровавый цвет закатного неба на заднем плане придавал картине какую-то особую зловещность.

— «Последнее пристанище», — по слогам шёпотом прочитал вывеску над входом доктор Ватсон, под которой красовались шесть аккуратно нарисованных краской звёздочек.

В ответ строение заунывно закрипело и доктор, вскрикнув, затрясся.

— Скажите, Холмс, — выдавил он, наконец, — а разве существует шестизвёздочная классификация гостиниц?

— А кто вам сказал, что это классификация? Это количество умерших посетителей, — зловещим голосом протянул сыщик и, улыбнувшись, направился к двери — его явно забавляло поведение доктора.

30. «Последнее пристанище»

С жутким скрипом, эхом отозвавшимся в горах и разбудившим всё живое в радиусе нескольких миль, друзья отворили входную дверь и невозмутимо вошли внутрь гостиницы. Откуда со второго этажа послышался громкий мат постояльца.

— Нельзя ли потише! — добросовестно вторило ему раскатистое горное эхо.

Холмс взглянул на висящие на стене часы, показывающие, что время уже за полночь:

— Спать давно пора, — огрызнулся он и, подойдя к гостиничной стойке, принялся размеренно стучать кулаком по звонку.

Минут через десять в вестибюле стал собираться народ. Каждый держал в руках какой-либо увесистый предмет. У одного это был раскидистый канделябр, у другого — длинная кочерга, у третьего — деревянная бита для игры на бирже. Ватсон с несвойственной ему быстротой сообразил, что все эти люди вряд ли вышли сюда лишь затем, чтобы поприветствовать его и вручить принесённые с собой вещи в качестве подарка. Глядя на их заспанные, но от того не менее злые лица, доктор затравленно прижался к своему другу и приготовился крепко зажмуриться. На Холмса же эта сцена похоже никак не действовала, — с точностью метронома он продолжал выстукивать по звонку в ожидании хозяина гостиницы.

Неожиданно в рядах собравшихся пронеслось лёгкое волнение.

— Ну, где этот дятел!?! — послышался знакомый голос.

Толпа расступилась, и на передний план выступил человек огромных размеров с нахмуренными бровями и дробовиком в руках.

У Ватсона не вызывало особых сомнений, что именно ему принадлежала приветственная речь, произнесённая со второго этажа по случаю их шумного появления в этой гостинице. Человек стоял в одних семейных трусах, на которых была изображена стая забавных диких уток, вспархивающих из камышовых зарослей, и шляпе с торчащим из неё облезлым страусиным пером.

— Охотник, — мелькнуло в голове у доктора, едва сдержавшего свой смех.

В зале наступила гробовая тишина, изредка нарушаемая ударами Холмса по уже не функционировавшему звонку. Ватсон осёкся. Человек ничего не ответил и лишь ещё сильнее нахмурил брови, отчего часть волосяного покрова на голове окончательно сдвинулась на лоб. Раздался звук передёргиваемого затвора, и прямо перед глазами доктора нервно замаячило отверстие дула.

— Холмс! — пронзительно взвизгнул Ватсон, чувствуя, что у него сдают нервы.

Произнесённое имя, а точнее фамилия, произвело громоздкий эффект: человек перестал прицеливаться в упор, угрюмое выражение лица сменилось на удивлённое, и весь волосяной покров медленно переполз со лба на затылок.

— Шерлок Холмс! Как же это я вас сразу не узнал, — затараторил охотник извиняющимся тоном. — Всадили бы вы мне из своей двустволки как тогда, — я бы вас сразу узнал! Эх, да что там говорить, — такие как вы зарывают таланты в землю.

— Где-то я всё это уже слышал, — подумал мало разбирающийся в происходящем доктор Ватсон и недоверчиво покосился на невозмутимо стоящего рядом друга. Уже столько раз за время их совместной жизни доктор был убеждён, что знает Шерлока Холмса, как свои облупленные пять пальцев, и столько же раз великий сыщик умудрялся разубеждать его в этом.

Однако, последняя фраза, произнесённая человеком с ружьём звучала как-то не так, — то ли её автор был настолько пьян, что чего-то перепутал, то ли собравшиеся вокруг, не проспавшись как следует, плохо соображали, но некий зловещий скрытый смысл, содержащийся в ней, подействовал на толпу отрезвляюще. Бросая тревожные и настороженные взгляды на

Шерлока Холмса, весьма вяло отреагировавшего на появление охотника, люди, перешёптываясь, стали постепенно расходиться. Последним ушёл восвояси сам охотник. Некоторое время он ещё предпринимал безуспешные попытки как-то заговорить с сыщиком, но при виде того, что его присутствие полностью игнорируют, пыл охотника постепенно пошёл на убыль, и, наконец, обиженно всхлипнув, он повернулся и медленно побрёл прочь, волоча за собой по полу дробовик.

В это время Шерлок Холмс финальным ударом вогнал-таки несчастный звонок в крышку стойки, оставив в ней большую рваную дыру. В гостинице впервые со времени прихода двух друзей воцарилась вождеденная тишина. Бить больше было некуда.

— Ватсон, дайте мне ваш ботинок, — после некоторой паузы произнёс Холмс.

— Зачем? — наивно спросил ничего не подозревающий доктор.

— Перестаньте задавать глупые вопросы, — нетерпеливо сказал сыщик. — Давайте ботинок.

Ватсон уже было нехотя нагнулся затем, чтобы снять с ноги свой изрядно обтрепавшийся в дороге через Альпы башмак, но идти на крайние меры Шерлоку Холмсу не пришлось. Как раз в это время за соседней стенкой послышались шаркающие звуки, и раздался чей-то разбитый голос:

— Ну иду я, иду! Ну зачем же так стучать!

Дверь, расположенная за стойкой медленно распахнулась, и на пороге показался хозяин «Последнего пристанища» собственной персоной, в белой ночной рубашке до пят, сползшем на бок белом колпаке до ушей и белых тапочках до колен. В руках он держал гнутый деревянный подсвечник.

— Господи прости! — воскликнул доктор Ватсон и спешно перекрестился.

— Ради бога не кричите так громко! — произнёс хозяин умоляющим голосом. — У меня и так голова после вчерашнего раскалывается.

— А что здесь собственно произошло? — осведомился Шерлок Холмс, мгновенно достав свою незаменимую лупу и с интересом осматривая собеседника.

— Как, разве вы не знаете? — искренне удивился тот. — Обмывали шестую звезду нашей гостиницы.

При этих словах Ватсон побледнел как смерть и медленно обмяк на стойке.

— Это он от радости, — улыбаясь, пояснил сыщик, глядя на вопросительное лицо хозяина. — Очень, знаете ли, впечатлительная натура. Ничего, дайте ему нашатырю, сейчас оклемается.

— Ой, мы, кажется, вчера весь выпили, — виновато заговорил владелец гостиницы.

— Вы что, с ума сошли?! — ужасаясь, вскричал Шерлок Холмс. — Его же нюхать надо!

— Ну, это может быть у вас там его и нюхают, а мы здесь не аристократы какие-нибудь, у нас народ простой, провинциальный, — обиделся хозяин.

Холмс безнадежно махнул рукой:

— Ладно, ну тогда хотя бы дыхните.... Да не на меня! — закричал он, теряя равновесие от заполнившего помещение запаха перегара и роняя изо рта трубку.

— Виноват, — некоторое время хозяин собирался с духом и, наконец, что есть мочи выдохнул в лицо лежащему без чувств Ватсону.

Адская смесь пива, рома, всевозможных видов спиртов и вин и ещё чёрт знает чего подействовала мгновенно. Подобно плотно скрученной пружине тело доктора сделало в воздухе серию невообразимых пируэтов и в судороге распрямилось. Минут через сорок, вслед за сознанием, к Ватсону вернулся и дар речи.

— Что это было, Холмс? — с трудом выговорил он.

— А, забудьте, друг мой, — улыбаясь, ответил сыщик.

— Да я и так ничего не помню.

— Ну, вот и славно, — Холмс дружески похлопал Ватсона по плечу, вытряхнув на того очередную порцию пепла из своей трубки. — Кстати, милейший, — повернулся он к хозяину, — нам срочно нужно два номера в вашей гостинице. Время уже позднее, а у нас с Ватсоном на завтра очень интенсивная программа отдыха.

— Очень сожалею, джентльмены, — хозяин развёл руками, — но на данный момент у нас только один пустующий номер... Зато двухместный... — его заплывшее от беспробудного

пьянства лицо, расплылось было на секунду в заигрывающей улыбке, но тут же заплыло обратно.

— Ну, меня-то двухместный номер вполне устроит, — проигнорировал намёк великий сыщик, — а вот где же расположится Ватсон... Впрочем, — задумчиво протянул он, оглядываясь, — я смотрю здесь у вас стоит замечательный диванчик.

И с этими словами Холмс указал на выдавший виды диван, стоявший в углу вестибюля гостиницы.

— Ну что вы так разволновались, друг мой, — принялся он успокаивать, начавшего было отнекиваться Ватсона. — Вы же военный человек. Вам не привыкать к тяготам походной жизни. Ну ничего, я буду часто вас навещать.

— Честно — честно? — Ватсон поднял голову и вытер намернувшиеся слёзы.

— Честно — честно, — пообещал сыщик.

— А вы будете мне писать?

— Обязательно.

— А можно я сам вас навещу? — не унимался доктор.

— А вот это уже лишнее, — вдруг отрезал Шерлок Холмс.

Трогательная сцена прощания закончилась и сыщик обратился к хозяину гостиницы:

— Проводите меня в мои апартаменты, милейший.

— Да, конечно-с.

Хозяин снял с крючка на стене единственный на всю гостиницу ключ и жестом пригласил Шерлока Холмса пройти за ним.

Всю ночь Ватсону не спалось. Мешало исключительно всё: начиная от больно врывающихся в бока оголённых диванных пружин и жуткого храпа спящего за соседней стенкой хозяина и, заканчивая бесконечным снованием неугомонных постояльцев, ибо туалет в «Последнем пристанище» запирался в полночь, а единственный, но зато большой, ночной горшок находился аккуратно под диванчиком доктора Ватсона. На многочисленные жалобы страждущих жильцов хозяин отвечал, что когда получит десятую звезду, туалет будет работать круглосуточно.

Вдобавок ко всем невздам к середине ночи разыгралась страшная буря, и доктор почувствовал, что начинает замерзать. Холодный альпийский ветер беспрепятственно проникал сквозь

сантиметровые щели в стенах гостиницы и со свистом гулял по коридору.

— Немедленно прекратите свистеть! — не выдержав, вскричал Ватсон.

Свист стих, но теплее не стало. Попытки заткнуть щели носками и брюками также успеха не принесли, — через огромные зазоры одежда проваливалась наружу и быстро уносилась прочь, подхватываемая ветром. Больше у доктора Ватсона с собой ничего не было: по всеобщему и единогласному настоянию Шерлока Холмса весь уцелевший багаж в целях безопасности был перенесён к нему в номер. Окончательно околел от холода, доктор не выдержал и решительно направился к Холмсу.

Минут через пятнадцать непрерывного стука в дверь, та, наконец, отворилась. В проёме, кутаясь в пальто Ватсона, с крайне недовольным видом стоял сыщик. Вся решительность мгновенно улетучилась.

— Холмс, я тут... — замялся доктор, неотрывно глядя через его плечо на уютно потрескивающий в комнате камин. Наконец, это придало Ватсону дополнительный импульс, и он выпалил: — Короче, я замёрз.

— Это всё? — выжидающе спросил сыщик.

— Да... — опять неуверенно проговорил доктор, решив, что про диван пока говорить не стоит.

— Ну, дорогой мой друг, вы, ей богу, как ребёнок. Какой же это холод? — пустился в рассуждения Шерлок Холмс, подбрасывая в камин полено. — Вот я-то почему-то не мёрзну.

Ватсон задумался, явно поставленный в тупик этим обстоятельством.

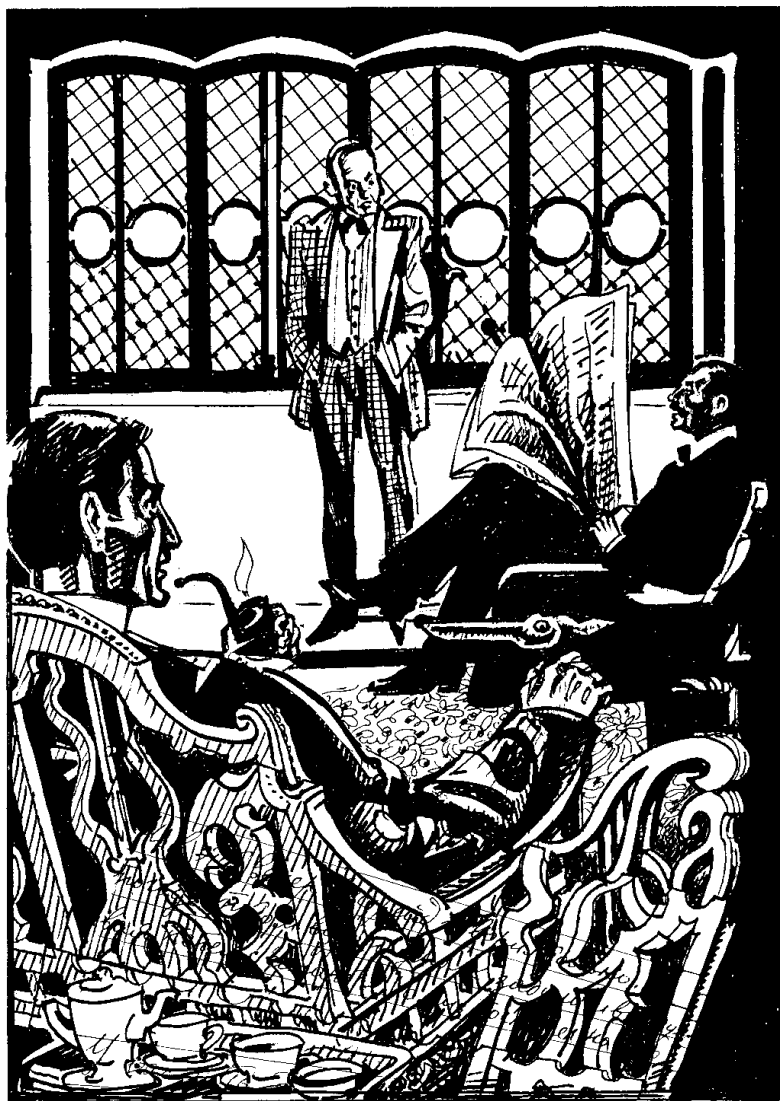
— А? Почему я не мёрзну? — продолжал наседавать сыщик.

Ватсон насупил, но молчал.

— Молчите? То-то же. Вот идите и подумайте!

Холмс захлопнул дверь, оставив доктора Ватсона наедине со своими размышлениями.

— А то холодно ему, видите ли, — проворчал он, усаживаясь поближе к камину, и подкидывая новое полено.

Однако едва ему удалось это сделать, как в дверь снова постучали. Сыщик на секунду потерял концентрацию, и подкинутое полено с грохотом упало на пол, отдавив ему ногу. Превозмогая боль и матерщину, он поднялся и открыл дверь. Ватсон стоял в той же позе.

— Вы ещё здесь? — нахмурился Шерлок Холмс. — Я же велел вам идти и подумать.

-Я уже подумал, — поспешно ответил Ватсон.

— Ну и что же?

— А вы не могли бы повторить вопрос?

Холмс ожидал от доктора всего что угодно, но эта фраза застала его врасплох.

— Прекратите морочить мне голову, Ватсон, — набравшись терпения, сказал он. — Идите спать!

— Ну, тогда дайте мне хотя бы моё пальто, — захныкал доктор, с успехом проваливший второй раунд переговоров.

— Какое ваше пальто? — Холмс сделал непонимающий вид.

— В котором вы сейчас стоите.

— В самом деле? — сыщик с показным удивлением внимательно осмотрел себя через лупу. — Действительно, ваше пальто. Интересно, как оно здесь оказалось?.. — озадаченно протянул он.

Наивный Ватсон только удивлённо развёл руками. Повисла пауза.

— Ну что же, берите.

Холмс разочарованно снял с себя пальто доктора, из-под которого показалось его собственное, и отдал своему незадачливому другу. Со счастливой улыбкой доктор схватил честно выклянченную одежду и заторопился к себе, пока сыщик не передумал.

Ночь тянулась невыносимо долго, и доктор Ватсон изо всех сил пытался уснуть, — от этого он даже немного согрелся. Наконец, часа через полтора его усилия были вознаграждены. Однако поспать удалось недолго. Очень скоро его уже всюю тряса Шерлок Холмс.

— Ну что случилось? — сонным голосом пробормотал ещё не до конца проснувшийся доктор. — Положите меня на место.

— Вставайте немедленно, Ватсон! — бесновался сыщик. — Как вы можете спать! У меня кончились дрова!

— Какие ещё дрова? Что вам нужно? — не открывая глаз, брыкался доктор.

— Которыми топят камин! — Шерлок Холмс начал выбиваться из сил.

— Вы хотите утопить камин? — сопротивлялся Ватсон. — Сволочи!

— Да он невменяемый! — в ужасе пролепетал сыщик и, собрав в кулак последние силы, закричал доктору в ухо. — Если вы сейчас же не встанете, то я утоплю вас!

Это подействовало. Выйдя из спячки, Ватсон приоткрыл глаза и, увидев перед собой тревожное лицо друга, улыбнулся:

— Холмс, они меня пытали... — слабым голосом проговорил он. — Но я им ничего не сказал.

— Ну, слава богу, — умело подыграл ему сыщик и, не теряя времени, ознакомил друга с сутью проблемы.

Заспанный Ватсон, с базарными выражениями, охотно согласился помочь Шерлоку Холмсу. Друзья вышли на двор в поисках сухих дров для растопки. Из-за плотной стены дождя дров поблизости не было видно. Это не на шутку озадачило великого сыщика, и он, задумавшись, попытался закурить. Сырое огниво высекало вместо искр мелкие брызги, что окончательно испортило Холмсу настроение. Он посмотрел на свинцовое небо и, вылив из трубки воду, убрал её за пазуху.

Яркая, ветвящаяся молния разрежала небо и с оглушительным громом ударила в одиноко стоящую сосну ярдах в пятидесяти от гостиницы. Вековой ствол с треском рухнул на землю.

— Дрова, — безошибочно определил Холмс, приводя доктора в чувство.

Пошарив в карманах и не найдя топора, друзья решили тащить сосну целиком и заталкивать её в камин по мере сгорания.

Заспанный хозяин гостиницы, спускавшийся по лестнице со второго этажа на шум, завидев появившихся на пороге мокрых Холмса и Ватсона, корячивших ещё более мокрый ствол, спустился по ступеням без посторонней помощи и, не приходя в сознание.

С трудом протиснувшись в дверной проём, довольные произведённым впечатлением, друзья потащили добычу к комнате сыщика. Доктор, который шёл сзади и тащил основную часть ствола, немного замешкался в коридоре, перешагивая через хозяина гостиницы. Тем временем Холмс, благородно взявший на себя тяжёлое бремя руководства операцией, не дожидаясь своего нерасторопного друга, уже свернул за угол и открывал дверь комнаты.

Запихнув ствол толстым концом в камин, Ватсон стал энергично заталкивать его внутрь. Холмс в это время уже уселся в кресло и столь же энергично корректировал его действия. На удивление сосна легко поддалась и стала поэтапно исчезать в камине.

— Странно... — задумчиво проговорил сыщик, наблюдая за тем как доктор затолкал остатки исполинского дерева. — Ватсон! А ну-ка слазьте туда, посмотрите, в чём там дело, — распорядился он, раскуривая трубку.

Доктор, ворча и сопя, целиком скрылся в камине.

Через пару минут Холмс стал волноваться.

— Ну что там!?! — наклонившись, крикнул он в зияющую пасть камина.

— Холмс! Здесь очень мокро! — откуда-то издалека через некоторое время послышался голос доктора.

— Ватсон, это исключено! Полчаса назад там горел огонь!

Ответа не последовало. Шерлок Холмс великодушно решил дать доктору ещё некоторое время.

— Ватсон!.. Ну что, нашли что-нибудь?.. — крикнул он в камин по прошествии ещё нескольких минут. — Ватсон!..

— Эгей!!! — неожиданно раздалось радостное восклицание доктора. — Холмс! Да в этот камин не одно дерево влезет!.. Сюда можно целый десяток запихнуть!.. Да что там десяток — целую сотню!

«Совсем доктор рехнулся», — подумал про себя сыщик.

— Ватсон! Немедленно возвращайтесь обратно! Вы меня слышите?!

Наконец Холмс потерял всякое терпение и, чертыхаясь, полез за доктором. На ощупь продвигаясь вдоль ствола дерева, сыщик благополучно миновал огромную дыру, зияющую в стене за камином, и неожиданно оказался снаружи гостиницы. На улице всё так же хлестал дождь, и было, действительно, очень мокро. Чуть поодаль стоял поражённый Ватсон и во все глаза таращился по сторонам.

— Холмс! Ну, что я вам говорил? — обратился он к появившемуся детективу. — Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное?

Не обращая внимания на друга, Шерлок Холмс смерил взглядом принесённую ими сосну, торчащую из стены гостиницы,

записал на манжете полученный результат и, что-то пробурчав, скрылся в проломе. Через некоторое время он снова появился из него, неся в руках ведро керосина.

— Ну что вы стоите? — обратился Холмс к опешившему доктору. — Помогите же мне!

Обильно полив и без того мокрый ствол, друзья произвели попытку поджога. Однако сильнейший ливень сводил на нет все их старания, щедро разбавляя водой горючую жидкость — поджечь дерево удалось лишь на утро, когда дождь прекратился и из-за гор выглянуло яркое солнце.

Необходимость в огне отпала как-то сама собой, и ещё полдня Холмс с Ватсоном, а вместе с ними и все постояльцы гостиницы, потратили на то, чтобы затушить начавшийся пожар. Наконец, когда ствол сосны выгорел дотла, опасность пожара миновала.

Друзья устало уселись на пепелище.

— Ну, как пожар? — тяжело дыша, спросил доктор, досушивая остатки одежды на углях.

— Пожар разыгран великолепно, — бодро улыбнулся Холмс. — Вы вообще, Ватсон, исправный служака.

Польщённый доктор зарделся от смущения.

Сердечно поблагодарив Ватсона за пособничество в поджоге, Холмс проводил его до гостиничного холла.

— Ну а теперь, после столь активного отдыха, — блаженно потянулся неутомимый сыщик, — разденемся, стряхнём с себя пыль, доктор, и встречаемся здесь через пять минут.

Доктор устало оглянулся и, зевнув, взглянул на настенный хронометр. Хвалёные швейцарские часы бессовестно отставали на двадцать четыре часа, да и шли совсем не так, как в старой доброй Англии. Там маятник сначала качался вправо, а затем уже влево. Здесь же всё было наоборот. Но делать было нечего, в гостях всё-таки, и друзья отправились переодеваться.

Надо сказать, что досуг в «Последнем пристанище» был поставлен из рук вон паршиво. Из познавательных мероприятий: бессмысленный обход косогоров и осмотр не блещущего разнообразием образов Захолуйского водопада; а из культурно-массовых и увеселительных программ: во-первых, преферанс по ночам, во-вторых, черепашии бега, в-третьих, прыжки с означенного водопада и купание в нём и, наконец, кровавые бои жуков-оглоедов.

Последнее зрелище очень приглянулось Шерлоку Холмсу. Переодевшись в своих апартаментах, он вышел в холл, чтобы насладиться боем. Там толпились два других жителя гостиницы и азартно переживали вокруг небольшой импровизированной арены. Жуки яростно бросались друг на друга, щёлкая клешнями.

На втором этаже хлопнула дверь туалета, и по ступенькам стал спускаться Ватсон. Поняв слова сыщика буквально, он был гол и жутко пылил. Увидев доктора, Холмс даже на время забыл о жуках-оглоедах:

— Ватсон, дружище, вам не кажется, что ваш вид несколько экстравагантен? Смею напомнить, что мы с вами не в Голландии, это же приличная страна. Пойдите и наденьте хоть какое-нибудь бельё.

Доктор кивнул и скрылся в кладовке. Через минуту, опоздав к четвёртому раунду, появился Ватсон, закутанный в постельное бельё.

— Почему вы пришли весь в красном? — бегло ощутив взглядом доктора, поинтересовался Холмс, видя, что жуки как-то странно реагируют на его друга.

— Так получилось, — развёл руками Ватсон, который действительно весь облился красным вином.

Но сыщик не слышал этого, он уже был с головой погружён выяснением отношений между насекомыми.

Однако, как позже выяснилось, и Холмсу не было чуждо ничто человеческое, — через двенадцать часов непрерывного наблюдения за боями и его потянуло в сон. Разбудив храпящего по соседству на диванчике Ватсона, детектив издевательски пожелал ему спокойной ночи, отчего доктора сильно передёрнуло, и отправился к себе в комнату, предварительно запершись снаружи.

Вторая ночь прошла для доктора Ватсона относительно спокойно: несколько раз он с криками просыпался в холодном поту и звал на помощь Холмса. Ему снились горящие сосны, кремационные печи и вёдра с керосином. На крик по обыкновению сбегались все постояльцы, уже смирившиеся со своими новыми соседями, кроме самого Холмса, который за долгие годы никак не мог смириться с Ватсоном.

Накануне Шерлок Холмс написал себе записку и оставил на столике рядом с кроватью: «В семь утра по Гринвичу разбудить Ватсона для похода к водопаду».

Когда часы в восьмой раз пробили полдень, Холмс сладко потянулся и с трудом поднялся. Сняв со стены оленьи копыта, он постучал ими в дверь. В коридоре раздалось недовольное ворчание. Доктору Ватсону тоже не спалось.

Друзья вышли к завтраку. Измученный кошмарами и комарами доктор Ватсон начал капризничать и просить грудинку с мягким хлебом. И только когда супруга хозяина принесла ему его омлет с тёртым хреном, он успокоился и запищал за ушами. Шерлок Холмс завтракать не стал, а лишь заказал коньяк и «Таймс».

Хозяйка виновато улыбнулась и сказала:

— Простите, сер, но «Таймс» не очень свежий, может, будете закусывать чем-нибудь другим?

— Ничего у меня свой, — сказал Холмс, предусмотрительно прихвативший сегодняшний номер из Англии.

Пока доктор усердно вылизывал сковородку, Холмс, время от времени вяло перелистывая страницы, принялся благочинно цедить коньяк, который явно уступал по количеству звёзд самому заведению.

Наконец, он добрался до последней полосы, где публиковались некрологи. Здесь он оживился, глаза загорелись, но повторному возникновению пожара воспрепятствовала бдительная хозяйка заведения, которая звонко ударила крышкой по кастрюле со свежими помоями и заявила:

— У нас закон такой: «Вкусно поел, — убери за собой!».

Холмс не замедлил подавиться и, откашлявшись и отставив пустой бокал подальше, начал комментировать доктору Ватсону прочитанное:

— А вот ещё одна странная смерть, Ватсон! Вчера внезапно скончался от сердечного удара сэр Хаксли. Миссис Хаксли обнаружила его утром, висящим в кабинете.

— Что же здесь странного? — Ватсон оторвался от сковородки.

— То, что это случилось вчера! — подчеркнул Холмс. — И ещё, рядом с покойным обнаружено огромное количество окурков сигарет.

— Ну и что? — округлил глаза Ватсон.

— А то, что сэр Хаксли никогда не курил! — стал раздражаться недогадливости друга Шерлок Холмс.

— А-а-а, я просто не знал, — оправдал свою некомпетентность Ватсон.

— Дедукция, Ватсон, дедукция плюс интуиция! — нравоучительно пожурил друга Холмс. — Или вот ещё занимательное убийство. Мистер Браун обнаружен на рельсах лондонской железной дороги недалеко от Жмыхер-стритского переезда, разрезанный на две равновеликие части.

— А от чего он скончался? — насторожился Ватсон.

— Здесь не пишут, — изучая колонку при помощи лупы, признался Холмс.

— Ну что же вы, Холмс, а врачебная гипотеза, предварительный анамнез, — нравоучительно пожурил друга Ватсон.

— А вот, — пытаюсь заболтать тему, опомнился Холмс, — здесь ещё сказано, что рядом с трупом обнаружены тридцать четыре ножевые раны и окурочок.

— Боже мой, что бы это значило? — вопрошал Ватсон.

— То, что преступник, видимо, бросает курить, в первом случае их было много, — восстановил статус-кво Шерлок Холмс. — Я усматриваю здесь чёткую связь. Между этими двумя смертями чувствуется одна и та же рука.

— Блестяще, Холмс, — выказал восхищение доктор Ватсон.

— Кстати, Ватсон, нам пора на поиски нашего самого необходимого мне сейчас снаряжения, которое вы умудрились спустить в водопад, — не преминул поддеть доктора Шерлок Холмс.

— Ну, Холмс, что вы меня всё время третируете, я же извинился, — обиженно нахохлился Ватсон.

— Не обижайтесь, дружище, но я подчёркиваю, самого необходимого, — Холмс был неумолим как богиня правосудия.

— А что там такого было? — проявил интерес наш измеритель двенадцатиперстной кишки.

— Мои кальсоны с начёсом... — начал было загибать пальцы Холмс, но опомнился и категорически заявил. — К водопаду!

31. Последняя шутка Холмса

Друзья, неспешно прогуливаясь, шли по витиеватой горной тропинке по направлению, откуда доносился уже знакомый звук шумящей воды. Было прохладно и немного сыро после разыгравшейся ночью стихии. Путь друзьям то и дело преграждали селевые потоки, что вызывало живой восторг доктора Ватсона и обеспокоенность Шерлока Холмса, который всё время норовил вскарабкаться по отвесному склону, чтобы увидеть, кто всё это подстроил.

Проходя мимо нависавшего над горной дорогой каменного свода, Холмс первым заметил сорвавшуюся вниз лавину камней и, отскочив на безопасное расстояние, принялся руководить замешкавшимся доктором Ватсоном:

— Ватсон назад! Нет вперёд! Нет назад!..

Повинуясь установкам сыщика, Ватсон попал в самый эпицентр камнепада. Потирая ушибленный копчик, Ватсон с огромным трудом выбрался из-под груды камней, потому что ему в этом помогал суетящийся Шерлок Холмс.

Когда Холмс и Ватсон миновали узкое ущелье, на тропинку перед ними с сопутствующим свистом и улюлюканьем упал силикатный кирпич. Холмс вынул лупу и посмотрел в направлении, откуда он прилетел. Доктор Ватсон предусмотрительно открыл зонт.

— Что вы думаете по этому поводу? — хмуро спросил Холмс, исследуя кирпич через бинокль.

— По какому? — непринуждённо спросил Ватсон, пряча непонимание за ангельской улыбкой, граничащей с идиотизмом. — По этому, Ватсон, по этому, — грозно повторил вопрос сыщик, примеряя на руку увесистую находку.

— Ну, Холмс, обвалы в горах — обычное явление, — поспешно пожал плечами доктор Ватсон.

— Возможно, возможно, — пробормотал Холмс, пряча находку в карман пальто. — Не будем терять времени, тем более что я уже где-то потерял свои часы.

Наконец нашим друзьям удалось добраться до водопада. Бесцеремонно выпроводив со смотровой площадки группу каких-то ненормальных голландских туристов и объяснив им, что водопад закрыт на спецобслуживание, Холмс и Ватсон подошли к

краю, отделяющему твердь от бездонной пропасти, и взглянули вниз.

— Ну что же, впечатляет, — оценил величие природного изыска Шерлок Холмс, чувствуя подступившие тошнотворные позывы. — Так, Ватсон, а где наша верёвка?

— Какая верёвка? — удивился доктор.

— Как, Ватсон, вы что, не взяли верёвку? — всплеснул руками Холмс, едва не потеряв равновесие.

— Да, но... — уже было собрался выстроить систему оправдательных аргументов доктор Ватсон, но его жёстко прервал Холмс:

— Бегом, за верёвкой!

Получив ценные указания, Ватсон со всех обеих ног кинулся назад к гостинице. Не успел он пробежать и пятидесяти ярдов, как его настиг приступ одышки и голос великого сыщика:

— Ватсон! Позаботьтесь о Рональде Адере!

— Что? — не расслышал доктор.

— О Рональде Адере! — яростно орал Холмс.

— Что? Ничего не слышу! — махал руками Ватсон.

— Тетеря! — показывая взмахи раками, надрывался сыщик.

— Понял! Юмор! — махнул рукой Ватсон и засмеялся. Водушевлённый тем, что горы благотворно влияют на чувство юмора его друга, доктор галопом поскакал по тропинке.

Тем временем, Шерлок Холмс занялся исследованием горного ландшафта. Тщательно осмотрев каждый камень, он пришёл к выводу, что это обыкновенные булыжники, каких на лондонских мостовых как грязи. Цокнув языком, он, ехидно улыбнувшись тонкими губами, достал из-за пазухи тонкий трос и любовно развязал красный бант, которым тот был перевязан. Наивно убедившись, что его никто не видит, Холмс обвязал один конец троса вокруг пояса, а другой вокруг огромного валуна. Залюбовавшись своей работой, он удовлетворённо хмыкнул и подумал: «Бережливого бог бережёт».

А в это время доктор Ватсон переступал порог «Последнего пристанища». Хозяин гостиницы стоял посреди холла и чистил зубы. Он был очень удивлён, увидев доктора в одиночестве.

— А что, с мистером Холмсом что-то случилось? — спросил он.

— Нет, просто нам понадобилась верёвка, — Ватсон был польщён таким участием и беспокойством хозяина о судьбе своих постояльцев.

— Чёрт, а я уж хотел отдать его комнату следующему туристу, — с сожалением вздохнул хозяин и тихо добавил. — Да и седьмая звезда нам бы не помешала.

Ватсон насупился и в знак протеста резко сдёрнул один конец бельевой верёвки, висящей по диагонали холла, на которой сохло бельё хозяина. Стряхнув с неё ненужные шмотки, доктор начал деловито накручивать её на руку.

— И как вы только оставили вашего друга совсем одного? — не замечая произошедшего со своими вещами, поражался хозяин. — В горах это опасно.

Доктора Ватсона при этих словах словно пронзило шилом. Он живо представил себе одинокого, беспомощного Холмса на краю пропасти и орды воинствующих бандитов, желающих его смерти. Доктора передёрнуло. Быстро смотав верёвку, он бросился, очертя голову мелом, в комнату Шерлока Холмса за револьвером, спотыкаясь при этом о собственный рюкзак, лежащий посреди комнаты. Выскочив из комнаты с револьвером и жутким выражением лица, Ватсон вновь споткнулся о рюкзак, но, быстро выпутавшись из лямок, выбежал на улицу.

— Ненормальный, — вывел резюме владелец гостиницы, налегая на зубную щётку.

В этот момент дверь вновь распахнулась, и влетел раскрасневшийся Ватсон. Он подскочил к рюкзаку, рывком напялил его на себя и вновь убежал.

— Полный идиот, — скорректировал свой поспешный вывод хозяин и в этот момент заметил валявшиеся по холлу в беспорядке свои вещи, с таким тщанием выстиранные им сегодня утром.

Побагровев, владелец «Последнего пристанища» рванулся в свою комнату и с душераздирающим воплем появился оттуда с взведённым ружьём:

— Убью! Даёшь восьмизвёздочный отель!

Ватсон, который уже убежал довольно далеко от гостиницы, заметив такую ощутимую поддержку с тыла, одухотворённо рванул ещё быстрее. Когда он появился на смотровой площадке водопада, она была пустынна. Вновь разогнав назойливых тури-

стов из Нидерландов, доктор зарыдал, поняв, что случилось страшное и миссис Хадсон нужно искать нового постояльца. Не веря в произошедшее, Ватсон подошёл к краю и сквозь слёзы взглянул вниз.

— Ну, что там? — неожиданно услышал он сзади негромкий голос. — Где верёвка?

За спиной Ватсона стоял великолепный Шерлок Холмс и курил свою неизменную трубку.

— Боже, Холмс! Вы живы! — разрыдался Ватсон, утираясь полой пальто Холмса.

— Жив, — сухо подтвердил сыщик, растроганный таким проявлением чувств. — А где верёвка?

— Ах, да, конечно, вот она, — Ватсон протянул запутанный моток.

— Так, — пыхнув трубкой, Холмс изучал моток через лупу. — Волокна изношенные, следы стирального порошка, чудесно, чудесно, Ватсон. Вы что утащили верёвку хозяина гостиницы?

— Да, — уклончиво ответил доктор.

— Ну ладно, что же, давайте я буду держать, а вы лезьте вниз и посмотрите, может быть наши вещи остались на склоне или где-нибудь застряли у берега. И помните, там ТЕРМОС, смотрите осторожней! — напутствовал друга Холмс, распутывая, где это было возможно трофей Ватсона, а где невозможно, перерезая верёвку и связывая концы изящными узелками на память.

— А почему сразу я? — заартачился доктор и нахмурился.

— А кто? — удивился Холмс, поставив этим вопросом доктора в тупик.

— Давайте кинем жребий, — предложил Ватсон.

— Пожалуйста, — согласился Холмс и кинул жребий в бурлящую пучину водопада. — Ай, яй, яй, что же делать? Ватсон, слазайте, посмотрите, кому улыбнулась фортуна.

— Конечно, с удовольствием, — с готовностью хватаясь за один конец верёвки, согласился Ватсон и, оставив пальто, рюкзак и шляпу, полез вниз.

— А заодно и вещи там посмотрите, — вдогонку крикнул ему Холмс.

Улыбнувшись простодушию друга, Холмс правой рукой держал трубку, а левой верёвку, страхуя Ватсона. Вдруг за спи-

ной сыщика посыпались мелкие камни, а следом послышался глухой удар. Это сорвался со скалы доцент Мориарти.

— У вас страсть к театральным эффектам! — не оборачиваясь подметил Шерлок Холмс, выпуская струю дыма.

Прихрамывая, к пропасти подошёл Мориарти и, взглянув вниз и присвистнув, глухо заявил:

— Нам нужно разрешить наши коллизии и выяснить наши отношения здесь и сейчас!

— Извольте, — согласился великий сыщик и обмотал верёвку, на которой болтался Ватсон вокруг небольшого камешка, завязав при этом пикантный бантик. Когда все эти приготовления были завершены, два великих соперника сошлись на краю водопада.

— Ну что, сам прыгнешь или помочь? — делово поинтересовался Мориарти, кивая в сторону бурлящей бездны.

— Знаете, доцент, я ведь тоже был молодым и мечтал, — рассудительно умерил его пыл хладнокровный Шерлок Холмс.

— Значит, будем драться? — уточнил Мориарти.

— Подождите, мне всё надо тщательно взвесить, — заявил Шерлок Холмс, доставая карманный безмен. Что-то быстренько прикинув, он ответил:

— Получается, да.

В тот же миг мощный Мориарти выбросил вперёд длинные руки и вцепился детективу в горло.

— Ну что же вы делаете! — возмущился Холмс, отшвыривая противника к скале. — Это же мой лучший воротничок, я его сам накрахмаливал!

Битва гигантов разгоралась. Она прервалась лишь на минуту, когда противникам пришлось разгонять осточертевших голландских туристов, норовящих сфотографироваться на фоне дерущихся, а то и поучаствовать в выяснении отношений. И вот, когда Холмс и Мориарти сцепились в яростной схватке над kloкочущей пропастью, сыщик неожиданно вспомнил:

— О, стоп, мне необходимо написать письмо друзьям!

Мориарти с трудом разжал клещи и напомнил:

— Хорошо, но у нас очень мало времени.

— Почему, лично я в отпуске, — парировал Холмс.

— Просто спасатели там, внизу работают только до четырёх, но, ладно, извольте.

Холмс уселся на камень и, достав записную книжку и напялив для солидности очки, начал писать. Мориарти тем временем изучал окрестности. Не отрываясь от писанины и не поднимая глаз, Холмс крикнул ему:

— Бросьте ваш нож, доцент, я безоружен!

Мориарти нехотя вынул из-под длинного плаща, который заметно сковывал его движения, однако отказаться от которого

доцент был не в состоянии в силу патологической склонности к театральным эффектам, а этот плащ он украл из театра, огромный двуручный меч и бросил его в бездну. Через минуту снизу раздался радостный крик доктора Ватсона.

Прошёл час. Холмс писал. Прошёл второй час. Холмс писал. Мориарти начинал нервничать. Наконец, у Шерлока Холмса кончились чернила и он, вырвав с десяток листочков, положил их рядом с вещами, оставленными доктором Ватсоном.

— Я готов, — сообщил он изнывающему от безделья доценту, похлопывая себя по пузу.

— Продолжим, так на чём мы остановились? — спросил Мориарти, вцепившись в Холмса.

Доцент Мориарти в совершенстве знал борьбу Борицу и Шерлоку Холмсу пришлось бы не сладко, если бы он не изучил накануне приёмы, используемые в поединках жуками-оглоедами.

Когда детективу порядком надоела эта мышьяная возня, он пошёл на радикальные меры. Холмс с размаху ударил головой Мориарти в поддых и, схватив за шкирку так, что с того слетела его широкополая шляпа, выбросил в бездонную пропасть.

С облегчением вздохнув, Холмс подошёл краю пропасти, откуда неожиданно вылез Мориарти и объяснил:

— Простите, я шапочку забыл, — после чего нахлобучил помятую шляпу на голову и самостоятельно прыгнул вниз.

— Как это благородно с его стороны, — похвалил ныне усопшего доцента Холмс.

В этот момент послышались одиночные выстрелы и вскоре в поле зрения детектива оказался свирепый хозяин гостиницы, готовый уничтожить всё живое.

Не дожидаясь худшего, Шерлок Холмс прыгнул вслед за доцентом. Однако точный выстрел разъярённого владельца «Последнего пристанища» всё же настиг сыщика. И вскрикнув от боли и от ужаса перед раскрывшимися перед ним бескрайними, а точнее бездонными перспективами, великий детектив полетел вниз, оглашая окрестности жутким криком вперемешку с благим матом.

32. Без Холмса жить нельзя на свете, нет!

Когда доктор Ватсон, мокрый, злой, грязный и проголодавшийся всё же выбрался на смотровую площадку перед водопадом, то помимо голландских туристов, его там ждало великое горе утраты горячо уважаемого друга и наставника, а также субъекта, запись биографии которого приносила ему стабильный заработок.

Найдя рядом со своими вещами лишь кепку сыщика и ворох каких-то листочков, большая часть которых разлетелась по ущелью, гонимая порывами ветра, доктор Ватсон сел и от тоски закурил, скрутив из оставшихся козью ножку.

Омыв слезами каждый камень на этом высокогорье, доктор Ватсон собрался было покончить жизнь самоубийством, прыгнув вслед за Холмсом в беспросветную мглу водопада. Однако этому помешала приобретённая доктором боязнь высоты.

Погоревав без малого день, Ватсон с тяжёлым сердцем пустился в обратный путь, съедаемый угрызениями совести за то, что не уберёг великого детектива от опасности. Как он будет теперь смотреть в глаза миссис Хадсон? Однако до этого доктору Ватсону предстоял непростой путь в Лондон. Он был осложнён не только тем, что доктор утопил в водопаде карту местности и потерял документы, да и не столько тем, что с горя он позабыл все приёмы ориентирования, которым его обучил Шерлок Холмс, когда был жив, сколько тем, что в связи с потерей документов и попыткой нелегального перехода границы, доктора Ватсона задержали бдительные швейцарские пограничники и вдоволь наслушавшись причитаний и путанных показаний на непонятном для них языке, отправили Ватсона сначала в тюрьму, а из неё в миграционную службу.

Лишь за приличную мзду доктору Ватсону удалось вновь оказаться на родине. Когда доктор Ватсон, небритый и оборванный появился в дверях известного нам дома на Бейкер-стрит, миссис Хадсон от этого зрелища скрутил приступ радикулита.

— Доктор Ватсон, вы ли это? — усомнилась миссис Хадсон.

— Я, — всхлипнул доктор, глядя куда-то в пространство.

— А где мистер Холмс? — всплеснула руками хозяйка.

— Он... его больше нет с нами, — тихо всхлипнул доктор Ватсон и разрыдался. — Всё! Жизнь для меня кончена!

— Ну что же, тогда я пойду готовить праздничный ужин, — рассудительно сказала хозяйка и отправилась на кухню.

— Пойдите, миссис Хадсон! Понимаете, Холмс умер, — начал с трудом изъясняться Ватсон.

— А что ж тут непонятного? — кивнула старушка. — Вы переживаете, это очевидно.

— Я не об этом, — мотнул головой Ватсон. — Холмс больше не вернётся, нам надо осмотреть его вещи.

Миссис Хадсон ненадолго задумалась, а, поняв к чему клонит Ватсон, категорично заявила:

— Но я не получала от него на этот счёт никаких распоряжений. И потом, мародёрства я в этом доме не потерплю!

С этого дня доктор не мог найти себе покоя. Тягота утраты плохо влияла на пищеварение и потоотделение. Миссис Хадсон как могла, утешала Ватсона, но что могла сделать эта немощная старушка для этого джентльмена средних лет? Всё имущество великого сыщика доктор Ватсон пустил с молотка, чтобы было как можно меньше вещей, которые бы напоминали о безвременной кончине Шерлока Холмса. Чтобы окончательно не опуститься, доктор Ватсон с головой окунулся в работу. За время долгого отсутствия он и так потерял большую часть своей клиентуры, однако, гонконгский грипп и прочие радости жизни доставляли новых пациентов. Жизнь постепенно стала налаживаться.

Доктор Ватсон сидел за столом в гостиной и задумчиво поедал овсянку. Тяжёлая входная дверь со скрипом отворилась, и оттуда показался массивный зад миссис Хадсон.

— Доктор Ватсон, — проскрипела хозяйка. — Там ваш постоянный пациент, с геморроем, не к столу будет сказано.

— Несите, — флегматично отреагировал доктор Ватсон, облизывая нож и вилку. — Я закончил.

Миссис Хадсон удалилась, а вместо неё в дверях возник далеко уже немолодой человек, который вежливо снял шляпу и, повесив её на вешалку, с трудом передвигаясь, подошёл к доктору.

— Присаживайтесь, — зло пошутил доктор, зная проблемы клиента.

— Спасибо, я постою, — оценил шутку пациент. — Знаете, доктор, эта ваша мазь на тридцатипроцентном растворе скипи-

дара не помогла. Наоборот, появился какой-то зуд и почёсывание.

— Что вы говорите? — безучастно проговорил Ватсон. — Вы знаете, а давайте тогда мы с вами сделаем снимочек. У меня как раз есть один знакомый фотограф, здесь недалеко. Хотите в фас, хотите в профиль, как хотите.

— А это поможет? — с тревогой и сомнением в голосе спросил пациент.

— А как же! — заверил его Ватсон.

— А хуже не будет? — беспокоился джентльмен.

— Да куда уже... — отмахнулся доктор Ватсон. — Подождите, я сейчас найду вам адресок, — с этими словами он отправился на второй этаж, в свою комнату.

Через минуту Ватсон спустился, держа в руках листок бумаги с адресом, который он протянул сидящему в кресле и курящему трубку Шерлоку Холмсу.

— Вот возьмите, это великолепный фотограф, вы не пожалеете, — сказал Ватсон, усаживаясь за стол.

— Здравствуйте, Ватсон! — спокойно сказал Шерлок Холмс, пряча листок в карман и отклеивая седые накладные брови.

Вместо ответа послышался звук, похожий на звук удара пустого ведра о дно колодца. Доктор Ватсон был без сознания. Шерлок Холмс горделиво хмыкнул и, порывшись в саквояже, извлёк оттуда канистру нашатырного спирта. Взяв из шкафа свежую недавно выглаженную простыню, сыщик тщательно пропитал её содержимым канистры и завернул беднягу Ватсона.

Пока доктор приходил в себя, вдыхая ароматные пары, Холмс взял ещё одну простыню и, проделав с ней то же самое отправился на кухню, решив принять превентивные меры по отношению к миссис Хадсон.

Через полчаса вся компания была в сборе и жаждала рассказа Шерлока Холмса о его фантастическом воскрешении. Холмс не спешил. Сперва он выразил желание принять ванну и выпить чашечку кофе с коньяком. Миссис Хадсон настолько была поражена, что отныне у неё вновь два постояльца, что всё перепутала, налив ванну кофе и предложив сыщику чашечку коньяку. Но, не смотря на все эти житейские радости, вскоре все со-

брались в гостиной и принялись слушать рассказ Шерлока Холмса.

Шерлок Холмс, который, несомненно, как всегда, а сегодня в особенности, был королём бала, сел в своё любимое кресло и, кутаясь в халат, закурил. Миссис Хадсон и доктор Ватсон замерли в восхищении.

Вдруг раздался звон стекла, и через окно влетела пуля, разбив мраморную кошку-копилку на каминной полке. При этом пуля срикошетила и разбила стоящую на столике пробирку с реактивом, единственным напоминанием о Шерлоке Холмсе, которое Ватсон решил оставить. Из-за химической реакции на столике вспыхнула бумага, и доктор Ватсон отважно бросился тушить возникшее загорание. С умилением глядя на всё это, Шерлок Холмс блаженно потянулся и произнёс:

— А у нас всё по-прежнему.

— Ну же, Холмс, не томите, рассказывайте, рассказывайте, — просил Ватсон, борясь с разгорающимся пожаром и приступом изжоги, спровоцированным чрезмерным употреблением овсянкой.

И Шерлок Холмс великодушно начал свой длинный рассказ.

Он рассказывал о том, что после погращения Ватсона, ему пришлось встретиться с коварным доцентом Мориарти, о том, чем эта встреча закончилась. Он рассказывал о том, как ему пришлось, рискуя жизнью, броситься в пропасть, чтобы спастись от пули злобного альпийского стрелка.

— Кстати, он всё же зацепил меня пулей. Он прострелил мне ягодицы, левую я потом долго лечил у вас, мой дорогой Ватсон, — улыбнулся Шерлок Холмс.

— Так это были вы! — разинул от изумления рот доктор Ватсон, заливая огонь из сифона. — Чёрт возьми, Холмс, столько лет вас знаю, уже, казалось бы, привык ко всем вашим фокусам, и каждый раз вы меня разыгрываете как ребёнка.

— Ну вот, — одобрительно кивнул Ватсону Шерлок Холмс. — Хорошо, что пока Ватсон бегал за верёвкой, я, перестраховавшись, привязал себя тросом к булыжнику, это и спасло мне жизнь.

— А затем вы выбрались и скрылись? — спросил Ватсон, желая узнать развязку.

— Не так быстро, мой друг, не так быстро, — шурясь от едкого дыма, продолжил Холмс. — После выстрела хозяина гостиницы, кстати, сейчас им занимается швейцарская полиция, а я прохожу главным свидетелем, я стал громко кричать: во-первых, от ужаса, а во-вторых, чтобы он подумал, что я действительно падаю в пропасть. Но тут я к своему стыду должен сознаться, что немного перестарался. Я кричал как резанный в течение минут десяти. Владелец «Последнего пристанища» даже уже повернул назад к водопаду с полдороги к гостинице, чтобы узнать, в чём же дело. Только тогда я замолк, а он продолжил свой путь. Я стоял на карнизе, нависавшем над пропастью водопада всего парой метров ниже того места, где ещё совсем недавно разворачивался бескровный бой, уцепившись руками за скалистый уступ. На карнизе могли совершенно спокойно разъехаться две гружёные телеги, правда, обе при этом неминуемо упали бы вниз. Но только я собрался вылезти, как появился снайпер и одновременно телохранитель Мориарти, полковник Моран.

— А что за фрукт этот Моран? — заинтересовался Ватсон.

— А вот, кстати, заметка о нём в утреннем «Таймс», — показал Шерлок Холмс. — «Сегодня в лондонском зоопарке произошла кровавая трагедия. Прямо у себя в вольере был застрелен африканский слон. Скотланд-Ярд подозревает, что жертва хорошо знала убийцу и сама открыла вольер...». Это работа Морена. Он лучший в Лондоне охотник на слонов. Кстати, Ватсон, вы сейчас самоотверженно боретесь с последствиями именно его выстрела. Он стрелял из чердачного окна дома напротив. Правда, с его зрением нужен не прицел, а телескоп.

Это обстоятельство прибавило доктору сил:

— Какой подлец!

— Так вот, когда появился этот снайпер, он стал искать своего хозяина, который уже покоился на дне водопада. Он заметил меня, но так как даже через свои очки не видит дальше собственного носа, он принял меня за Мориарти. Недолго думая, он протянул мне руку, чтобы вытащить. Но я не растерялся и вытряхнул ему в ладонь свою трубку, которую предварительно раскурил. Дико стеная, с ожогом хрен знает какой степени, этот Моран бросился наутёк, а я уже затем выбрался и стал его преследовать.

— Холмс, но почему же вы меня не предупредили? — возмутился Ватсон, не смотря на помощь миссис Хадсон, победивший огонь.

— Это я вас не предупредил?! — в свою очередь возмутился Шерлок Холмс. — Ну, извините, я оставил вам послание на десяти листах, которое вы бессовестно скурили! Но, предвидя это, я оставил в вашей шляпе более краткую версию своего послания. Куда вы её дели?

Ватсон снял с вешалки свой котелок и с радостью обнаружил внутри него записку Холмса.

— Смотрите, смотрите, миссис Хадсон! Это послание от Холмса! — истушплённо закричал он и принялся торопливо читать записку.

Миссис Хадсон подхватила подол платья и опрометью подскочила к доктору, с упоением вслушиваясь в каждое прочитанное им слово.

— Ну да ладно, хватит об этом, — примирительно прервал их Холмс. — Кстати, Ватсон, признаюсь, что мне стоило немалых трудов скупить всё своё добро, пущенное вами с молотка. Его привезут завтра. А всё же, как я рад друзья, что мы снова вместе! Кстати, миссис Хадсон, я, к сожалению, пропустил ваш день рождения. Примите от меня вот этот запоздалый букет.

Холмс протянул старушке вытащенный из кармана гербарий, который купил на вокзале перед отъездом, когда тот ещё был цветами.

— Да, Холмс, но ведь Моран знает, что вы здесь! — неожиданно испугался Ватсон, до которого, наконец, дошла суть произошедшего.

— Конечно знает, — согласился Холмс.

— Но откуда? — в один голос спросили Ватсон и Хадсон.

— А он следил за мной, — просто ответил Холмс.

— Холмс, а давайте его поймаем? — предложил Ватсон.

— Давайте, — неожиданно поддержал его сыщик.

— Конечно, а чего там, — воодушевилась боевитая миссис Хадсон, вооружаясь шваброй.

Когда дружная когорта жильцов дома № 221-Б спешно поднималась по лестнице дома № 220-У по Бейкер-стрит, миссис Хадсон немного замешкалась: во-первых, мешал длинный подол платья, сшитый в стиле «ни с кем и никогда», а во-вторых,

возраст брал своё. Холмс и Ватсон уже были на чердаке. Холмс яростным шёпотом спросил Ватсона:

— Ватсон! Вы вооружены? Что у вас?

— Револьвер, — скромно признался доктор Ватсон.

— А у меня кнут, — похвастался сыщик.

Полковник Моран, который организовал на чердаке уютное пулемётное гнездо, посетителей не ждал. Сразу же завязалась ожесточённая схватка между Шерлоком Холмсом и полковником Мораном. Доктор Ватсон испуганно прижался к стене и морщился в такт обоюдным ударам. Когда противники уже катались по полу в пыли и голубином помёте, Ватсон взял себя в руки и спросил:

— Холмс! Вам помочь?

— Если вам не сложно, — задыхаясь, выдавил сыщик.

Доктор Ватсон долго прилаживался и прицеливался. Наконец, он с размаху ударил револьвером по затылку Шерлока Холмса.

— Спасибо, Ватсон, — успел сказать Холмс, перед тем как потерять сознание.

Освободившийся Моран рванулся к выходу и застучал каблуками по лестнице. Однако тут его ожидала неприятная неожиданность в лице миссис Хадсон. Столкнувшись со старушкой, Моран упал и намертво запутался в её подоле, как окунь в браконьерской сети. Здесь-то он и был схвачен подоспевшими сотрудниками Скотланд-Ярда, которые прибежали на шум.

На этом заканчивается история про отпуск великого сыщика и его друга, но отнюдь не заканчиваются приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Собака Баскервильей

33. Лучше гор может быть только Лондон

Наступило утро. Дом № 221-Б по Бейкер-стрит не торопился просыпаться. Вчера допоздна шёл праздник возвращения Шерлока Холмса, на котором миссис Хадсон угощала всех своим фирменным блюдом — отбивные яйца с отбитым хреном. Это блюдо всем очень понравилось. Шерлок Холмс взахлёб расхваливал необычное кушанье, а доктор Ватсон даже попробовал.

Праздник удался. Сегодня спозаранку доктор Ватсон оккупировал уборную, чтобы продолжить воздавать хвалу угощению.

Доктор упорно бойкотировал все попытки вступить с ним в переговоры и призывы поиметь, наконец, совесть и покинуть место общего пользования. В ответ на это он издавал непонятное мученическое кряхтение или же пел патриотические песни.

Не возымели действия ни выключенный в уборной свет, ни подсунутая под дверь горящая ветошь. Свет не беспокоил доктора потому, что в окно уже всюду светило яркое солнце, а от ветоши он прикуривал.

И всё-таки изобретательный ум Шерлока Холмса нашёл оригинальный способ осложнить доктору процесс достижения нирваны. Он принялся наигрывать на скрипке английский национальный гимн, а затем и Марсельезу.

Доктор Ватсон как истинный патриот и как человек искренне сочувствующий французским революционерам был вынужден выслушивать эти композиции стоя, что в его состоянии было сопряжено с необычайными муками.

Наконец, Холмсу наскучило такое время препровождение, и он решил сесть за стол переговоров. Посидев за этим столом, сыщик успокоился и решил выступить в роли парламентаря. С использованием изысканных парламентских выражений, он предложил доктору Ватсону бросить валять дурака и выходить с поднятыми руками. Взамен он обещал гарантировать ему жизнь и свободу вероисповедания.

Доктор отвлёкся от внутренних проблем и, прислушавшись к голосу разума, повиновался. В сопровождении звука, издаваемого сливным бачком, доктор вышел и, поздоровавшись с Холмсом правой рукой, а левую просто вытирая о халат, отправился в гостиную.

Шерлок Холмс заглянул в освободившееся помещение и, ощупав его взглядом профессионального сыщика, нахмурился, не понимая, что же доктор от него скрывает.

Ситуацию разрядила до предела миссис Хадсон, которая вошла в комнату и доложила:

— Свежая почта, господа!

— Точно свежая? — тут же переключил внимание Шерлок Холмс. — А то вчерашняя была что-то не очень.

— Спасибо, миссис Хадсон, — принял почтовые отправления доктор Ватсон.

— О, Холмс, вам письмо. Танцуйте! — улыбнулся доктор Ватсон.

— Я вам лучше сыграю, — угрожающе предупредил Холмс.

— Ну что вы, что вы, я пошутил! — поспешно опомнился доктор Ватсон, маша руками.

— Стойте! — резко прервал Ватсона Холмс, видя, что тот уже собрался по привычке вскрыть конверт. — А вдруг там бомба?

Ватсон от неожиданности выронил конверт и дрожащими губами спросил:

— С чего вдруг?

— Да так, подумалось, — обосновал свою позицию Шерлок Холмс. — А давайте расстреляем его из водяной пушки с безопасного расстояния?

— Ну давайте, — пожал плечами доктор Ватсон, про себя обвинив друга в паранойе.

— Миссис Хадсон! — звонко вскричал Холмс. — Где наша водяная пушка?

Миссис Хадсон не замедлила появиться в блестящем хромированном пожарном шлеме, волоча за собой массивный брандспойт.

— Прекрасно, — расцвёл в улыбке Шерлок Холмс. — Ватсон, положите письмо на стол.

Когда Ватсон исполнил поручение, вся компания вышла из гостиной и через приоткрытую дверь собралась осуществить задуманное священнодействие.

Миссис Хадсон, задрав подол повыше, побежала на водокачку, чтобы поддерживать напор и отгонять назойливых пожарников, которые под предлогом полыхающей Ратуши то же норовили подключиться к источнику воды.

Тем временем миссис Хадсон заняла свой пост и, ухватившись за массивный чугунный рычаг колонки, налегла на него всем своим немощным телом.

— Приготовились, — тихо скомандовал Холмс доктору Ватсону, который сжимал в руках сопло брандспойта. — Пли! — проорал сыщик доктору в ухо, убирая ногу со шланга.

Ватсон испугался и упустил из потных от волнения рук напрягшийся шланг. После продолжительной и ожесточённой борьбы с извивающимся как удав, проглотивший семейство ёжиков, шлангом, струя которого безжалостно уничтожала уют в доме № 221-Б, Холмсу и Ватсону удалось схватить его и направить в нужном направлении.

Письмо в мгновение ока было смыто со стола и под напором воды вылетело в распахнутое окно. Бомбы в нём ко всеобщему разочарованию не оказалось. Дело было сделано. Однако миссис Хадсон об этом не догадывалась и с небывалым трудовым подъёмом качала, качала и ещё раз качала. Ни Холмс, ни Ватсон не могли бросить неуправляемый шланг и остановить разгорячившуюся старушку. Воды тем временем набралось уже по щиколотку, если встать на руки.

— Холмс, что же делать? — истерически визжал Ватсон, пытаясь балансировать на перевёрнутом ведре, чтобы не замочить брюки.

— А что вы так переживаете? — всплеснул бровями Шерлок Холмс, вынимая трубку. — Здесь уже давно нужно было прибраться и требовалась влажная уборка.

Вода стремительно прибывала.

— Бросаем это дело, — распорядился Холмс.

Доктор Ватсон отпустил шланг, и друзья, уворачиваясь от шипящей струи, кинулись прочь из дома.

— Знаете, Холмс, мне кажется, нам с вами необходимо развестись, — предложил Ватсон.

— Можно сходить поужинать, — равнодушно бросил Холмс.

— Великолепная идея, — в который раз Ватсон поражался гению Шерлока Холмса, — Вы приглашаете?

— Да, заходите через час в ресторан, — потягиваясь, сказал сыщик.

— В какой? — уточнил Ватсон.

— В какой захотите, — благодушно позволил Холмс, давая доктору свободу творчества и одевая вместо тапочек ботинки, которые вынесло потоком вслед за ним.

— Договорились, — доктор побежал обратно в дом, сушить фрак.

В ресторане было уютно и вызывающе пахло чем-то съестным. Холмс и Ватсон уселись за крайний столик и стали поджидать официанта. Доктор Ватсон успел три раза вслух и с выражениями зачесть десятистраничное меню, а Шерлок Холмс изучить все следы на скатерти. Наконец, официант понял, что эти беспардонные люди просто так не уйдут, и соблаговолит подойти, застыв в позе замороженного фламинго.

Шерлок Холмс тщательно протёр лупу краем белоснежной салфетки, свисавшей с левой руки официанта и любовно убрал её в замшевый чехольчик, который положил в металлический футлярчик и спрятал во внутренний карманчик. Официант, равнодушно наблюдавший за этими манипуляциями, зевнул и перенёс вес тела на другую ногу.

— Что будем кушать? — без энтузиазма спросил он.

— Аспарагус по-флотски, — решил подколоть его Шерлок Холмс.

— А это как? — уронив салфетку, оживился официант.

— По-флотски, — доходчиво объяснил Холмс, добавив, — и побыстрее!

— Так побыстрее или по-флотски? — начал уточнять педантичный официант.

— Так, — поняв бесперспективность пикировки, применил другой манёвр Шерлок Холмс, — короче, форшмак во фритюре с белорыбцей в белом вине.

— Так бы сразу и сказали, — восторжествовал официант и пренебрежительно взглянул на Ватсона, который всё это время ожесточённо слюнявил палец и неистово листал глянцевые страницы меню. Заметив на себе пристальный взгляд, доктор начал нервничать и в конце растерялся.

— А моему другу его любимую овсянку, — выручил Ватсона из затруднительного положения Шерлок Холмс.

— Чем будете запивать? — борясь с изжогой, дежурно спросил официант, глядя куда-то в пространство.

— На ваш вкус, — сделал широкий жест Холмс.

Официант презрительно хмыкнул и удалился, оставаясь негибаемым в коленях.

Холмс вальяжно откинулся на спинку стула и заложил за воротник салфетку, взятую под залог у официанта, чтобы тот не смылся и поторапливался.

В противоположном углу круглого зала небольшой оркестр, состоящий из баяниста и балалаечника, с надрывом исполнял трогательную сюиту ре-минор. Холмс заслушался.

В это время принесли заказ Холмса. Официант вежливо сорвал с сыщика салфетку и, протерев ей стол, поставил на его поверхность большую бутылку прозрачного стекла. Согласно требованию в бутылке белого вина, неторопливо оседая, плавали

кусочки форшмака, ко дну прилип фритюр в виде донных отложений, а посередине, брюхом вверх плавала белая рыбёшка. Перед Ватсоном возникла тарелка с ароматной овсяной кашей. В качестве выпивки дурной вкус официанта заставил друзей давиться дешёвым портвейном, название которого переводилось как «Дар Солнца».

Друзья сытно поужинали.

Ватсон, ненавидящий овсянку с молодых ногтей, проявил чудеса выдержки и, съев свою порцию, потребовал добавки. Запив всё это портвейном, Ватсон ощутил внутри себя вполне сформировавшуюся революционную ситуацию. Холмс к тому времени тоже закончил ужин, и друзья отправились домой. Дома Ватсон сразу же забаррикадировался в уборной и провёл в ней беспокойную ночь.

34. Пчела — друг человека

Доктор Ватсон проснулся рано. В доме всё ещё спали. Он сладко потянулся, зевнул, надел штаны и вышел из уборной. Проходя мимо комнаты Шерлока Холмса, он заметил, что дверь не заперта. Заглянув вовнутрь, Ватсон сперва даже отпрянул, поражённый терпким запахом, от которого кружилась голова и хотелось петь и играть в чехарду. В кресле в состоянии глубокой праздной задумчивости сидел Шерлок Холмс и икал, посасывая трубку.

— Доброе утро, Холмс, — вошёл Ватсон, поморщившись и помахав перед носом ладонью. — Что за странный запах?

— А, Ватсон, — отвлёкся от созерцания жизни Шерлок Холмс, — здравствуйте, не беспокойтесь, так пахнет опий.

— Но для чего? — не удовлетворился ответом Ватсон.

— Чтобы отбить запах чесночного соуса. Я, знаете ли, вчера переусердствовал с приправами, — признался Холмс, подсыпая в трубку новую порцию зелья.

— Да, но чем же вы теперь будете отбивать эту опийную вонь? — недоумевал Ватсон.

— Элементарно, Ватсон, элементарно, смесью лаврового листа, молотого имбиря и корицы, — раскрыл ноу-хау великий сыщик и неутомимый естествоиспытатель.

Доктор Ватсон попытался представить себе, чем будет пахнуть продукт, полученный в результате смешения названных

ингредиентов и с трудом поборол подступившую в результате этого тошноту.

— Вы бы делом каким занялись бы, что ли, — предложил он, как врач не одобряя образ жизни Холмса.

— Какие дела? — в эйфории воскликнул сыщик, горько усмехаясь. — Тайну сокровищ Агры мы раскрыли, премьер-министр преступного мира — мой любимый доцент Мориарти, почил на дне водопада, — Холмс смахнул скупую не спрошенную слезу.

— Я не про эти «дела», — попытался исправиться Ватсон. — Я имел в виду хобби.

— Хобби? — удивлённо вскинув брови, повторил Холмс, роясь в недрах своей памяти. — А кто это?

— Да нет, Холмс, это то, чем можно было бы заняться на досуге.

— Ну конечно же, Ватсон! — осушив слёзы, радостно воскликнул Холмс, бережно швыряя трубку на стол. — Как же я мог забыть, что жить не могу без своих любимых пчёл!

— Час от часу не легче, — про себя подумал Ватсон, не забыв высказать это вслух.

Но Холмс уже был неуправляем. Он бодро вскочил и стремглав кинулся к комоду в углу комнаты. Порывшись в карманах, он извлёк ключ и, повернув его, немного выдвинул верхний ящик. Комнату тут же наполнило характерное жужжание. Ватсон с опаской попятился к выходу.

— Посмотрим, что у нас тут? — принялся колдовать возле домашнего улья великий пчеловод. — Давненько я уже сюда не заглядывал. Вы только посмотрите, соты полны мёдом!

— Неужели? — облизнулся Ватсон.

— Ну-ка попробуем на вкус, — Холмс бесстрашно запустил руки по самые локти в комод, от чего жужжание превратилось в возмущённый гул. — Дьявол! Я уже забыл, когда подстригал жала своим воспитанницам. Ватсон! Чёрт возьми, кусается! Будьте так любезны, принесите мне пластырь!

— С удовольствием, — с восторгом воскликнул Ватсон, выскакивая прочь из комнаты и надёжно запирая дверь снаружи.

Пластыря в доме не оказалось, и доктор отправился в дежурную аптеку. Там его тоже не оказалось. Обсудив с тамошним фармацевтом современные методы лечения глюкализа у грудных

детишек и приобретя упаковку горчичников, Ватсон поспешил на помощь Холмсу.

На пороге дома доктора встречала миссис Хадсон в противогазе и с помповым насосом. Оказалось, что Шерлок Холмс решил окуривать улей.

— Нет, я всё равно достану этот чёртов мёд! Ать, дьявол! — неслось сверху. — Что там такое, миссис Хадсон?

— Бу-бу-бу, — ответила старушка, поправляя чепец, надетый поверх противогаза.

— А, Ватсон, идите скорее сюда, вы мне можете помочь. Ух, сволочь крылатая! — Холмс явно потерял сноровку, столь необходимую для осуществления бортничества. — Чёрт, это какие-то неправильные пчёлы!

— Я к вашим услугам, — Ватсон протянул Холмсу замусоленный пакет с горчичниками.

— Что это, — уставился на него Холмс и достав лупу пригляделся изучать. — А, всё ясно, дайте сюда! — сыщик отобрал пакет и, подойдя к перилам, кинул его вниз миссис Хадсон, со словами, — Миссис Хадсон! Доктор Ватсон был столь любезен, что купил нам горчицу, будьте любезны, помелите её, и сегодня за обедом мы все её обязательно попробуем.

Холмс вновь вернулся к дверям своей комнаты, где его ждал верный Ватсон.

— План таков, — поделился тактикой Холмс, — я врываюсь первым, падаю, истекаю кровью и притворяюсь мёртвым. Тем временем вы, Ватсон, запоминайте, это важно, бросаете в сторону комода вот эту дымовую шашку, чтобы окончательно ввести этих бестий в заблуждение, — Холмс вручил доктору связку пиротехники. — Воспользовавшись их замешательством, я стремительно прорываю их оборонительные порядки и завладеваю сотами. Понятно?

— Риторический вопрос, — замылся Ватсон. — А вы бы не могли всё это показать на картошке, кто, где, что за чем?

— Некогда, Ватсон, если что, действуйте по обстановке, — ободряюще похлопал доктора по плечу Шерлок Холмс. — Мы долгое время делили с вами крышу этого дома...

— Но, кстати, вы себе оттяпали часть, где была самая новая черепица, — перебил трогательную речь сыщика доктор Ватсон и нахохлился.

— Я не об этом, — поморщился Холмс. — Так вот, мы долгое время делили с вами крышу этого дома, а теперь, если пове- зёт, будем делить мёд из этого улья. Так что, удачи!

Друзья крепко обнялись. Ватсон не смог сдержать слёз, а миссис Хадсон улыбки, которую всё равно не было видно за про- тивогазом. Затем, отдав должное нежностям, Холмс и Ватсон принялись за работу. Заняв положенные места, они стали ждать условленного сигнала. Но сигнала всё не было. Ватсон нервни- чал. Холмс тоже немного волновался. Первым взял себя в руки великолепный сыщик, он вспомнил, что о сигнале они с доктором не условились. Медлить было нельзя. Ситуация накалялась с каждой минутой. Холмс кивнул Ватсону и с гортанным криком ворвался на вражескую территорию. Зацепившись мыском за по- рог, он артистично пролетел несколько метров и врезался голо- вой в оплот пчелиного роя, старинный комод.

Доктор Ватсон с ужасом осознал, что сейчас его выход. Выскочив из укрытия, он, с перекошенным яростным пылом ата- ки лицом, принялся метать дымовые шашки в сторону ненави- стной вражеской огневой точки, забывая при этом выдёргивать из них предохранительные кольца. Как и предсказывал великий сыщик, в ряды вредоносных насекомых закралось замешатель- ство. Они с некоторой осторожностью вились вокруг растущей горы дымовых шашек, и даже их жужжание приобрело вопро- сительную интонацию.

Наконец, Ватсон случайно сорвал проволочное колечко с последней шашки и швырнул его в пчёл. Следом полетела и начавшая тихо шипеть и плохо пахнуть шашка, которая увенча- ла курган из себе подобных. Густой дым быстро заволок комна- ту.

Чтобы обеспечить Холмсу надёжное прикрытие, Ватсон захлопнул дверь и для верности предусмотрительно подпёр её тумбочкой. Довольный оказанной сыщику поддержкой, Ватсон стал медленно прохаживаться между своей комнатой и комнатой Шерлока Холмса и, действуя по обстановке, то и дело выкрики- вать:

— Пожар! Пожар!

Жизнь Шерлока Холмса и пчёл спасла старая добрая мис- сис Хадсон. Поднятая как по тревоге криками доктора Ватсона, она появилась на втором этаже в противогазе и с насосом напе-

ревес. Подмигнув сквозь запотевшее стекло опешившему доктору Ватсону и игриво прыснув на него морилкой, миссис Хадсон отбросила ребром ступни скрипучую тумбочку и плечом высадила дверь.

Из-за плотного дыма в комнате царил кромешный мрак. Как только двери не стало, в тот же момент с надрывным жужжанием в спасительный проём ринулись прочь из создавшегося крематория полуживые медоносные твари. Попрыскав из насоса им вдогонку, самоотверженная старушка исчезла в своеобразной газовой камере.

Вырвавшиеся на волю клубы густого дыма едва не сбили доктора Ватсона с ног. Но, проявив чудеса самообладания, он устоял и спрятался у себя в комнате.

В то время как доктор Ватсон боролся с собой, чтобы не кинуться на выручку Холмса и пытался выгнать обосновавшихся у него в шифоньере пчёл сыщика, миссис Хадсон вынырнула из густой пелены дыма, взвалив себе на плечи тело обмякшего Шерлока Холмса. Он был без сознания, однако, руки его крепко сжимали деревянные соты, с которых капал свежий мёд. Сбросив этот тяжкий груз в кресло гостиной, миссис Хадсон отправилась ставить на место злосчастную дверь, без которой дым распространялся по всему дому.

Когда всё было улажено, домохозяйка постучала в дверь доктора Ватсона и, войдя, застала того гоняющимся с полотенцем за разрозненной кучкой чешуйчатокрылых.

Сняв противогаз, миссис Хадсон попросила доктора позаботиться о его друге. Сославшись на текущую занятость, доктор Ватсон, особенно рьяно маша полотенцем над головой, сказал, что придёт как только освободится. Миссис Хадсон удовлетворилась и со спокойным сердцем отправилась на кухню. Проходя мимо распластавшегося в кресле Шерлока Холмса, она услышала слабый стон:

— Ухи... ухи...

Кивнув, хозяйка сразу же заторопилась шинковать капусту и лепить клёцки.

По лестнице, побрякивая стетоскопом, спускался доктор Ватсон, которому удалось-таки на время загнать пчёл в мусорную корзину.

— Ухи... ухитриться надо было бросить все шашки разом, — донеслась до доктора отрывистая фраза умирающего.

— Абстинентный синдром, — авторитетно поправив стетоскоп, дал квалифицированную оценку состояния сыщика доктор Ватсон, отмечая тем самым всякую критику в свой адрес. — Необходимо тёплое и обильное питьё.

Пощупав пульс, доктор покачал головой и цокнул языком. Пульс то учащённо замирал, то вновь, замедляясь, учащался. Видя, что состояние неумолимо нормализуется, доктор принял отчаянное решение пойти на крайние меры. Достав свой дежурный шприц с дюжей порцией морфия, он всадил толстую, но тупую иглу в бледно синюю вену сыщика. Это возымело немедленное действие. От нестерпимой боли Холмс вытаращил глаза и, прижимая с таким трудом добытый трофей к груди, вскочил на ноги и, шатаясь, сделал круг по комнате на негнущихся ногах. Но действие лекарства быстро закончилось, и Холмс вновь опустился в любимое кресло.

Глядя на Ватсона полуоткрытыми глазами, Холмс, вернув контроль над разумом, слабо произнёс:

— А-а, Ватсон, большое спасибо за содействие.

— Ну что вы, — зарделся Ватсон, скромно отводя взгляд.

— Ну, ну, Ватсон, не скромничайте, если бы не вы, — Холмс скривил лицо от физических и нравственных страданий, — мне бы вряд ли удалось завладеть этим даром природы... таким образом. Кстати, давайте-ка его попробуем.

Шерлок Холмс отломил и протянул доктору Ватсону кусочек остро пахнущего, липкого и высококалорийного продукта, и сам вонзил зубы в творение пчелиного зодчества. Ватсон с опаской последовал его примеру. Сильная горечь одновременно поразила органы чувств обоих гурманов, которые стали отплёвывать с неопишуемыми минами.

— Тьфу, Холмс, что это за дрянь? — возмущённо воскликнул Ватсон.

— Тьфу, это же элементарно, Ватсон, это мёд, — категорично заявил Шерлок Холмс.

— Тьфу, а почему он такой горький и мерзко пахнет? — продолжал сомневаться доктор.

— Тьфу, а это нам ещё предстоит выяснить, — многообещающе сказал Холмс, вытирая рукавом рот.

— По-моему, это неправильные пчёлы, и они делают неправильный мёд, — высказал смелое предположение Ватсон.

— Не клеветайте, друг мой, на этих милейших созданий, дело вовсе не в этом, — покачал головой Шерлок Холмс, закуривая трубку.

— А в чём тогда? — Ватсону было важно добраться до истины.

— Это элементарно, Ватсон. Дело в том, что пчёлы, да будет вам известно, питаются мёдом...

— Но это ничего не объясняет, — вспыхнул Ватсон.

— Не торопитесь, — спокойно продолжал Холмс. — Так вот, обладая природным инстинктом запасаться пищей на случай каких-либо коренных преобразований в общественно-политическом строе или просто банального повышения цен на цветы, пчёлы откладывают мёд в соты, откуда мы их бессовестно экспроприруем...

— Ах вот оно что, вот теперь всё кристально ясно, — кивнул доктор Ватсон, успокаиваясь.

— Подождите, это ещё не всё, — продолжал развивать мысль Шерлок Холмс. — Для того, чтобы получился мёд, пчёлы собирают цветочный нектар. А откуда взяться нектару в нашем доме? Молчите? А я вам скажу, что неоткуда ему взяться! — торжествующе вывел Холмс. — Следовательно, мои любимые пчёлки делали мёд из подручного материала.

— Из какого же? — заинтересовался Ватсон.

— Одну минуту, — попросил Холмс и громко позвал, — Миссис Хадсон! Можно вас на минуточку?

— Слушаю вас, мистер Холмс, — в гостиную вошла домохозяйка со скалкой в руке. Сыщик отвлек её от лепки пельменей.

— Миссис Хадсон, — вежливо, чтобы не спугнуть, обратился Холмс к старушке, — припомните, пожалуйста, нас с Ватсоном интересует, что вы могли готовить на прошлой неделе из сладкого и душистого?

— А что, есть какие-то нарекания? — переполошилась миссис Хадсон, перекладывая скалку из одной руки в другую.

— Ну что вы, — поспешил исправиться Холмс, — просто мы с доктором Ватсоном заключили пари на тот счёт, кто точнее угадает приготовленное вами блюдо.

— А-а-а, ну что же, — миссис Хадсон, польщённая вниманием, улыбаясь и смягчаясь. — На прошлой неделе... вот же не дал бог памяти; я готовила пудинг из китового уса, крабовый бульон из брюквы...

— Подождите, миссис Хадсон, — прервал воспоминания доктор Ватсон, — но разве бульон был сладким?

— Нет, но зато какой душистый! — ответила миссис Хадсон, — и, наконец, компот из сухофруктов с дёгтем, вот, пожалуйста, и всё.

— Компот их сухофруктов! — в один голос вскричали Холмс и Ватсон. — Так вот откуда этот гадкий привкус!

— Я больше не нужна? — не понимая стихийной радости, спросила миссис Хадсон.

— Да, спасибо, — ответил Холмс. — Понимаете теперь, Ватсон? Мои маленькие пчёлки нализались варева миссис Хадсон и мёд стал горьким.

— Да, всё понятно, — вторил ему Ватсон.

— Ах, какой же я чёрствый, эгоистичный и бесчувственный человек! — занялся самобичеванием Шерлок Холмс, пустив слезу и закрыв лицо рукой. — Сам худо-бедно отдыхал в Швейцарии, а они, мои маленькие, томились в этой тесной, прокуренной комнате. Нет мне прощенья!

— Холмс, возьмите себя в руки, успокойтесь, — попытался утешить друга доктор Ватсон.

— Нет, я бессовестный человек, — всхлипнул Холмс, но вдруг резко отдёргнул руку, лицо его озарилось решимостью, и он твёрдо сказал. — Всё, Ватсон, я принял решение выехать со своими воспитанницами на природу, прочь из этого смрадного города.

— Опять на природу! — пришёл в ужас Ватсон, хватаясь за голову.

— Да, но теперь куда-нибудь поближе, где есть цветы и свежий отдых, — гнул своё Холмс.

— Например? — задал уточняющий вопрос Шерлок Холмс.

— Предлагаю навестить нашего старого приятеля, сэра Генри Баскервиля. Помните, после того как мы застрелили преследующую его род болонку, он говорил, что всегда будет рад нас видеть. А самое главное, что там, на болотах растут великолеп-

ные орхидеи. Ватсон, вы даже представить себе не можете, какой с них получается мёд!

В этот момент доктор как раз был занят тем, что развешивал уши по комнате. Его передёрнуло при упоминании этого жуткого местечка, но, видя решимость Шерлока Холмса, Ватсон сказал:

— Ну что же, когда едем?

— Немедленно! — Холмс вскочил и нервно стал мерить комнату шагами.

— Хорошо, я иду укладывать вещи, — вздохнув, поднялся Ватсон.

— Одиннадцать с половиной, — тихо сказал Холмс.

— Не понял, — не понял Ватсон.

— Да нет, это я просто комнату шагами измерил, — пояснил Холмс. — Но прежде чем укладывать вещи, Ватсон, вам необходимо зайти на почту и отправить письмо нашему другу, чтобы уведомить его о нашем приезде.

— Хорошо, — Ватсон, накинув пальто, скрылся в коридоре.

35. Долгая дорога в Баскервиль-холл

Отправив по поручению сыщика письмо в Баскервиль-холл, Ватсон вернулся домой. Раздался страшный грохот и в прихожую ввалился доктор Ватсон, держась за голову, с радостной речью:

— Теперь, Холмс, вы не сможете упрекнуть меня в невнимательности. У нас ровно девять ступеней, причём седьмая сломана!

В коридоре он столкнулся нос к носу с озабоченной миссис Хадсон. Приподнимаясь и потирая нос, Ватсон прогундосил:

— Что с вами, миссис Хадсон?

— Мистер Ватсон, по-моему с мистером Холмсом беда, — поделилась опасениями домохозяйка.

— А что случилось? — раздеваясь, заинтересовался Ватсон.

— Как только вы ушли, он сразу начал бегать как сумасшедший туда-сюда, туда-сюда, и поминутно выкрикивал «Кто там такой, миссис Хадсон? Кто там такой, миссис Хадсон?».

— Ну, миссис Хадсон, вы же знаете, что это его привычное состояние, Холмс всегда так делает, — усмехнувшись, успокоил женщину Ватсон.

— Да, но не голый и со скрипкой, — всё же продолжала беспокоиться домовладелица.

— Кто там такой, миссис Хадсон? — раздался истошный вопль откуда-то сверху.

— Это не «кто такой», это «что такое», это белая горячка, мистер Холмс, — рассудительно ответила миссис Хадсон и ушла на кухню.

— Ватсон, — сбегая по лестнице в одном халате, с жаром набросился на вошедшего в гостиную Ватсона Шерлок Холмс. — Мы отправляемся сейчас же. Я уже собрал всё необходимое, — Холмс кивнул на стоящую на столе корзинку, в которой жужжали недобитые пчёлы.

— Господа, вам письмо, — вошла в гостиную миссис Хадсон, протянув желтоватый конверт.

— Спасибо, миссис Хадсон, — Холмс вырвал конверт, вскрыл его и пробежал глазами по содержимому. — Ватсон, что вы можете сказать по поводу этого письма?

Доктор принял листок бумаги из рук сыщика и начал читать:

— »Друзья, посылаю Вам уже второе письмо, а вы всё не...»

— Да нет, я не про содержание, что вы можете сказать о нём вообще? — нетерпеливо прервал доктора Холмс.

— Только то, что буквы вырезаны из какой-то газеты ножницами... — начал экспертизу Ватсон.

— Маникюрными ножницами, — поправил его Холмс.

— А, чёрт, опять я ошибся, — признал просчёты Ватсон.

— И что вы можете сказать о человеке, который написал это письмо? — не унимался Холмс.

— Ну, то, что этот человек высокого роста, ходит в высоких кожаных сапогах, владеет недвижимостью, играет в polo... — стал загибать пальцы доктор Ватсон.

— Понятно, — прервал его Холмс, — я тоже ровным счётом ничего не понял из этого обрывка бумаги. — Холмс скомкал письмо и конверт и запустил ими в окно. — Пора отправляться.

Миссис Хадсон, — крикнул сыщик в сторону кухни. — Где наша карта Англии?

Через некоторое время появилась миссис Хадсон, сгибаясь под тяжестью огромного формата книги с кованным переплётом.

— Вот, мой покойный супруг утверждал, что это самый подробный атлас Англии, — с гордостью поведала старушка, положив книгу на стол и любовно стирая с неё фартуком пыль.

— А от чего он умер? — сочувствующе поинтересовался доктор Ватсон.

— Он заблудился, — всхлипнула миссис Хадсон и удалилась.

— Так, — переворачивая плотные страницы, приговаривал Холмс, — Баскервиль-холл здесь. Можно ехать.

Тщетно пытаясь поймать кэб, друзья простояли с полчаса посреди улицы.

— Интересно, — вслух подумал Шерлок Холмс, — с колясками всегда такие перебои или в честь того, что мы опаздываем?

Наконец, им попался одинокий экипаж, в который Холмс и Ватсон начали загружаться.

Через четверть часа наши друзья уже тряслись в кэбе по направлению к болотам, на которых, по мнению Холмса, росло много, много диких орхидей. Чтобы дорога не казалась такой скучной, Шерлок Холмс растолкал начавшего дремать Ватсона, и, выпив с ним немного хереса, стал пересказывать некоторые моменты из легенды о собаке Баскервилей.

— Вообще, собака Баскервилей известна довольно давно. Издревле род Баскервилей разводил собак. Ещё знаменитый пэр, Хьюго Баскервиль, брал в парламенте взятки щенками. Причём выбирал самых борзых, — на Холмса стал оказывать действие херес. — Особенная система дрессуры и постоянный злостный мордобой позволили посредством искусственного отбора вывести породу со светящейся мордой. Причём по сложившейся доброй традиции все представители рода Баскервилей гибли от своих же воспитанников.

Доктор Ватсон не спорил, так как ужасно хотел спать, да ещё пчёлы Холмса летали по кэбу, противно жужжа и надоедая. Дорога была длинной и утомительной. Часа через четыре кэб со скрипом преодолел дощатый мостик через грязный ручей и выка-

тился к административному центру Ёшкин-шира. Здесь располагалось почтовое отделение и местная управа. Отсюда до Баскервиль-холла напрямик было рукой подать, но поскольку дорога шла спиралью вдоль болот, нашим путникам пришлось сменить лошадей.

Немного передохнув и размяв затёкшие члены, Холмс и Ватсон уже хотели было двинуться дальше, как вдруг их окликнул, поблёскивая очками на предзакатном солнце, их старый знакомый, доктор Мортимер. Дальнейший путь до Баскервиль-холла они решили проделать вместе.

Когда кэб тронулся, на заднюю подножку вскочил и закрепился мальчонка, подрабатывающий на почте. Доктор Ватсон потянулся было за револьвером, однако, Шерлок Холмс остановил его и произнёс речь, в которой осудил любые формы насилия.

— А что, доктор Мортимер, — начал Холмс, подмигнув Ватсону, — невесты у вас на болоте есть?

— Ну, кому и Собака Баскервилей — невеста, — поправив на носу круглые очки, философски ответил Мортимер. — Кстати, господа, вы знаете, меня ведь постигло тяжкое горе. У меня убежал мой любимый шпаниель Снуппи.

— Знаем, — равнодушно кивнул Холмс.

— Откуда? — изумился Мортимер.

— Дедукция, элементарная дедукция, — важно ответил Холмс, умолчав, что Мортимер сам только что доложил ему о своей беде.

— Да, господа, пропал Снуппи, ушёл на болота, — всхлипнул Мортимер и высморкался.

— Как это прискорбно, — расчувствовался Ватсон. — А помните, Холмс, как он славно гадил у нас на Бейкер-стрит?

— Я-то нет, а вот миссис Хадсон, думаю, этого никогда не забудет, — произнёс Холмс и стал осматривать достопримечательности здешних мест. — Доктор Мортимер, а что это за люди там на холме?

— А, это полиция ловит беглого каторжника Сэлдона, серийного убийцу. Вы, должно быть, слышали о нём, господа? Ну дело-то громкое было. Он, как выяснилось, вагонами убивал.

Удивлённый Ватсон покосился на Шерлока Холмса, а тот, подтверждая слова доктора Мортимера, кивнул.

За небольшим курганом по другую сторону дороги послышались одиночные выстрелы.

— Премилое местечко, — покорило Холмса, который начал жалеть о визите на болота.

— Не беспокойтесь, мистер Холмс, это ловят насильника Джонса. Он нанёс колоссальный ущерб здешним фермерам. Они просто боятся выгонять скот на болота, — пояснял Мортимер.

— Чёрт возьми, — криво усмехнулся Холмс, — значит, моим пчёлкам здесь угрожает опасность. Но размышления сыщика прервал пронзительный звук полицейских свистков.

— Не обращайтесь внимания, господа, полиция обещала скоро поймать этого мавра, — заверил Мортимер.

— Какого ещё мавра? — заёрзал на месте доктор Ватсон.

— Да так, скрывается тут на болоте один мавр, душитель женщин, — при этих словах Ватсон с облегчением вздохнул. — Ненормальный какой-то, рядом с жертвами всегда находят молитвенник, а душит он их носовым платком.

— Какой кошмар, — положил руку на лоб великий сыщик.

— Вот и я говорю, жлоб, лень даже на подушку потратиться, — поддержал его Мортимер, выразив своё негодование.

В этот момент внимание доктора Ватсона привлекла маленькая девочка, которая гуляла у самой кромки болота в розовом ситцевом платьице с бретельками и белых босоножках. В руках у неё был промысловый сачок, которым она умело ловила стрекоз.

— Боже мой! — забеспокоился Ватсон. — Как же родители отпускают ребёнка одного гулять на болота?

— А, это полиция ловит на живца местного растлителя малолетних. Кстати, на моей памяти это уже пятая девочка, — прищурясь, взгляделся доктор Мортимер.

— А разве растление малолетних наказуемо? — покраснев, спросил доктор Ватсон, покосившись на сыщика.

— Ватсон, вот сразу видно, что вы мало читаете. Могли бы хоть раз оторваться от своих «записок» и прочитать уголовный кодекс, глядишь, почерпнули что-нибудь для себя, — пристыдил друга Холмс.

— А это кто там, на кочке с верёвкой? — поспешил перевести разговор доктор Ватсон.

— Это замаскированный констебль. Он сидит в засаде уже второй месяц с секретным заданием. Но у нас все знают, что он ловит здешнего конокрада, сбжавшего полгода назад, — продолжал описывать достопримечательности доктор Мортимер. — Кстати, господа, поглядывайте за нашим конём, уж больно проворен, стервец.

Шерлок Холмс был хмур и сосредоточен. Ему всё меньше и меньше нравилась идея отдохнуть в здешних краях. Его раздумья неожиданно были прерваны диким матерным воем, перерастающим в песню, доносящимся с болот. Лошадь встала на дыбы. С доктора Ватсона свалилась шляпа, с доктора Мортимера очки, а с козел — извозчик.

— Что это было, — испуганно спросил Ватсон.

— Вы слышали когда-нибудь как кричит выпь? — ответил вопросом невозмутимый Мортимер. — Вы знаете, господа, я, пожалуй, пойду прогуляюсь по болоту. Может могилку какую древнюю разыщу, может Снупши найдётся, — сходя на мягкую почву, сказал Мортимер и, показав тростью в сторону, куда уходила извилистая дорога, добавил, — до Баскервиль-холла рукой подать.

Возница стегнул закусывающую придорожным мхом лошадь, и коляска с негромким скрипом понеслась в указанном направлении.

— Пропал доктор. Ушёл на болота, — вывел резюме задумчивый Холмс и откинулся на спинку сиденья.

Лошадь мчалась во весь апорт, еле передвигая ноги, возница оглашал окрестности благим матом и молодецким посвистом. Пассажиров в коляске трясло и подбрасывало на ухабах, а из-за скорости шляпы приходилось придерживать рукой.

Неожиданно раздалось громкое заразительное лошадиное ржание и сыщик с доктором едва не выскочили из коляски, так как лошадь встала на дыбы и экипаж замер как закопанный. Что до возницы, так он просто оказался верхом на своей кляче. Посреди дороги стоял доктор Мортимер. Он был весь в грязи и в тине. Неторопливо подойдя к экипажу, он смахнул тростью с полы пальто длинную водоросль и заговорил, предвосхитив возможные вопросы Холмса и Ватсона:

— Да, что не говорите, господа, а странные эти болота. Вот, к примеру, взгляните туда. Это Гринписовская трясина.

Попади туда человек или животное, то всё, верная гибель, — продолжал живописать местные пейзажи Мортимер, указывая тростью в ту сторону, откуда только что пришёл.

— Когда-нибудь я обязательно прогуляюсь туда, — мечтательно пообещал доктор Ватсон.

— Да, кстати, вот всё, что осталось от Снупши, — с этими словами Мортимер выудил из кармана драный башмак с оторванной подмёткой и, потерев его для блеска краем рукава, протянул сыщику.

Тот брезгливо принял из рук Мортимера бесценную находку и, достав лупу, стал с отвращением её изучать.

— Взгляните, Ватсон, вам знаком этот ботинок? — спросил Холмс, протянув башмак доктору.

Тот энергично обнюхал находку и отрицательно помотал головой.

— Ну так познакомьтесь, — посоветовал сыщик и обратился к Мортимеру. — Скажите, доктор, а как поживает наш общий друг, сэр Генри Баскервиль?

— Как, разве вы ничего не знаете? Я полагал, что вы едете специально по его приглашению, чтобы распутать это новое дело! — удивился Мортимер.

— Новое дело? — переглянулись Холмс и Ватсон.

— Ну да, у нас опять появилась это исчадие ада, преследующее род Баскервильей, — влезая в коляску и удобно устраиваясь между сыщиком и Ватсоном, продолжал Мортимер. — Но начну по порядку, месяц назад, раскапывая очередной курган на здешнем кладбище, я обнаружил бесценный свиток, повествующий о Собаке Баскервильей.

— Подождите, доктор, вы же нам уже показывали какую-то бумажку после смерти сэра Чарльза, — нахмурился Холмс, набивая трубку.

— У вас феноменальная память, однако, вы же сами достоверно убедили в том, что ту летопись состряпал Стэплтон, претендующий на наследство. А эта, эта настоящая, старинная.

— Я датировал эту рукопись 1740 годом, — прищурился левый глаз, авторитетно заявил Холмс.

— Сорок второй, — радостно захлопал в ладоши Мортимер, уличая сыщика в ошибке. — До нашей эры.

— Действительно, — согласился Холмс, надев очки и взглядевшись в дату.

— Рукопись короткая, если вы позволите, я прочту её, — развернув широкий рулон, перевязанный бечёвкой, предложил Мортимер.

— Да, сделайте одолжение, — разрешил Холмс, устраиваясь поудобнее.

— «Сим повествую Вам, потомки мои, о предании древних времён про собаку Баскервильей. Это маленькое, визгливое, но очень коварное и кровожадное создание, наводило ужас на всех представителей нашего рода на протяжении более трёх веков. Оно родилось в горах Шотландии четыреста лет назад. Оно бессмертно, так как догнать эту шkodливую тварь на этих болотах не представляется возможным. Оно неутомимо пугает нас и живёт в ожидании момента «Напугания». Поэтому завещаю Вам хранить уважительный ужас по отношению к этой зверюге, как это делали все Ваши предки. 1742 год до Вашей эры. Сэр Питер Баскервиль».

— Да, но в прошлый раз это была здоровенная собака! — оживился доктор Ватсон.

— Вы что же, ставите под сомнение правдивость наших старинных преданий? — возмущённо негодовал Мортимер, задевший за живое.

— Ну что вы, — поспешно осёкся Ватсон.

Их диалог прервал здоровый храп великого сыщика.

— По вашему это неинтересно? — обратился к Холмсу доктор Мортимер.

— Интересно, — проснулся Холмс, и, зевая, попросил. — А с этого места, доктор Мортимер, я прошу вас рассказывать всё точно, громко и с фамилиями.

— Так я уже всё рассказал, — пожал плечами Мортимер.

— Отлично, а не могли бы вы напомнить мне обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, а то я и тогда-то ничего толком не понял, а сейчас всё в конец перепуталось, — попросил сыщик.

— Сэра Чарльза Баскервиля в Суссексе все очень любили и уважали... — начал свой скучный рассказ Мортимер.

— Это прекрасно, тем более что мы сейчас в Девоншире, — комментировал Холмс.

— Его тело было обнаружено утром возле аллеи, а неподалёку я обнаружил огромные следы собаки.

— Это были единственные следы? — заинтересовался Холмс.

— Там были ещё следы дворцового Бэрримора. Это он обнаружил тело.

— Ах вот оно что, это становится интересным. Кстати, Бэрриморов я стал подозревать ещё в тот раз, — пробормотал Холмс, — продолжайте доктор. Вы осмотрели тело?

— Да, 50 фунтов, несколько личных писем, — сообщил Мортимер.

— Тьфу ты. Да я не о том.

— Прошу прощения... Никаких признаков насилия, — исправился доктор.

— опишите нам его, — попросил сыщик.

— Сухощавый субъект с трепанированным черепом.

— Да катитесь вы к чёрту со своим задрипанным черепом, — вспылил Холмс. — Вы расскажите лучше, какими вещественными доказательствами мы располагаем. Что-нибудь нашли?

— Нет.

— Уже кое-что, — Холмс потёр ладони. — А, кстати, почему мы стоим? — отвлёкся он от расследования.

— Действительно, в чём дело? — поддержал его Мортимер.

— Да просто извозчик, наслушавшись ваших преданий о собаках и рассказов о каторжниках, сбежал четверть часа назад, — бдительность никогда не покидала сыщика. — Но я думаю, доктор Ватсон не откажется домчать нас до места назначения.

— Вы полагаете? — уточнил Ватсон, пытаясь взгромоздиться на высокие козлы.

Коляска тронулась и, поскрипывая, покатила по извилистой дорожке. На дальнем холме Холмс заметил расставленных дозорных конных солдат, откуда доносилась стрельба.

— Что это у вас? — спросил Холмс Мортимера.

— А, это полоумный каторжник Скот сбежал. Убил пятерых человек.

— Надо же как интересно... так мы отвлеклись. Доктор Мортимер, давайте-ка выясним, у кого был мотив убивать сэра Баскервиля, — вновь взял нить расследования в свои руки Шерлок Холмс.

— Семье Стэплтонов, которых вы блестяще разоблачили, Баскервиль завещал около тысячи фунтов, в фонд ветеранов колонизации порядка ста тысяч фунтов. Надеюсь, вы не станете

подозревать каждого, кого одарил милостью сэра Чарльз, потому что он и мне оставил пятьсот фунтов.

— А больше в завещании никто не упоминается? — спросил Холмс.

— Вот разве только Бэрриморы. Им покойный Баскервиль завещал сувенирную совковую лопату и набор жестяных напёрстков.

— Ну что же вы сразу не сказали, доктор Мортимер. За такой куш кто угодно затеет опасную игру, — довольно потирая руки, оживился Холмс.

Со стороны болот в этот момент вновь послышалась пальба и топот копыт.

— А это у вас что? — спросил Холмс.

— А это каторжник Смит. Пятнадцать изнасилований и четыре разбойных нападения, — идентифицировал Мортимер.

— Ну что же, Ватсон, я думаю, вы с сэром Генри здесь замечательно проведёте время. А я завтра срочно уезжаю в Лондон. Дела, знаете ли.

Ватсон едва не свалился с козел.

— Дорогой Ватсон, из Баскервиль-холла вы будете мне писать ежедневные доносы... то есть я хотел сказать отчёты, — сообщил доктору Холмс.

— Какой у вас замечательный череп, — неожиданно потрафил Холмсу Мортимер. — Он бы украсил наш краеведческий музей.

— Я польщён, — сухо ответил ему Холмс и спросил доктора Ватсона. — Что вы думаете по этому делу, Ватсон?

— Загадочное дело, — пытаюсь удержать экипаж в колее, ответил доктор.

— О, я вижу, вы делаете успехи в освоении моего метода. Только почему вы сидите к нам спиной? Вы что нас совершенно не уважаете?

— Ой, простите, господа, что это я, в самом деле, — извинился Ватсон и развернулся, залихватски закрутив ус. Скрутив козью ножку, он закурил.

— Так отчего же всё-таки умер сэра Чарльз, — спросил Холмс у доктора Мортимера.

— Ну, дело в том, что все мы не вечны, — с сожалением развёл руками тот.

— А что сказал врач? — испытывая профессиональный интерес, вмешался доктор Ватсон.

— *Sifilitus Ganareus*, — философски изрёк Мортимер.

— Понятно. Он умер от сердечной недостаточности, — интерпретировал Ватсон, — А что сказал патологоанатом?

— Он сказал, что в такую глушь ни за что не поедет.

— А были обнаружены какие-нибудь предметы убитого? — наседал Холмс.

— Да, мы нашли его зубы.

— Это зацепка, — сказал Холмс, зацепившись брюками за подлокотник.

— Ну вот, господа мы и приехали, — сообщил Мортимер.

Шикарный дом сэра Генри Баскервиля радушно встретил гостей в лице дворецкого Бэрримора.

— Кто вы и зачем пожаловали? — грубо поприветствовал прибывших дворецкий.

— Ватсон, вы отправили письмо? — спросил Холмс.

— Разумеется.

— Тогда я ничего не понимаю.

В этот момент с задней подножки соскочил мальчонка, подсевший на почте и, подбежав к Бэрримору, вручил телеграмму доктора Ватсона. Получив чаевыми по шее, он побежал обратно на почту. Бэрримор был без очков и с огромным трудом смог прочитать уведомление о прибытии Шерлока Холмса.

— Добро пожаловать, мистер Холмс! — щурясь, наконец, обратился дворецкий к Ватсону, спрыгнувшему с козел.

— *Per Aspera Ad Astra*, — игнорируя Бэрримора, задумчиво произнёс Ватсон и направился искать удобства.

— *Terra incognita*. Это по латыни, — взял на себя роль переводчика Мортимер. — Доктор поблагодарил вас за гостеприимство и сказал, что будет очень рад погостить в Баскервиль-Холле недельку другую. Он также добавил, что его, к сожалению, зовут не Шерлок Холмс, а доктор Ватсон, и что вы ошиблись. Но он не держит на вас обиды, так как понимает, что всем людям свойственно ошибаться.

— А-а-а, добро пожаловать, мистер Холмс! — на этот раз обращаясь к Мортимеру, развёл руки для объятий Бэрримор.

— *Okulistus Koshmaritus*, — отвечивал Мортимер.

— Это я Шерлок Холмс, — нехотя прервал процесс очной ставки сыщик, вылезая из коляски.

— Очень рады приветствовать вас в Баскервиль-холле, — разочарованно сообщил Бэрримор.

— А где же сэр Генри Баскервиль? — вылез из прилежащих кустов доктор Ватсон. — Он поскакал на коне на болото, — спокойно проинформировал Бэрримор.

— На болото?! — в один голос вскричали доктора Ватсон и Мортимер.

— На болото, — утвердительно кивнул Бэрримор.

— На нём было пальто? — единственным, кто не растерялся, был Шерлок Холмс.

— На Баскервиле? — уточнил дворецкий.

— На коне, — уточнил сыщик.

Диалог прервался грубой бранью сэра Генри, который, прихрамывая, появился на дворе перед усадьбой.

— Боже мой, мистер Холмс, глазам не верю! — ошарашено вскричал он.

— Ну, судя потому, что вы меня узнали, обеспеченная старость мне не светит, — нахмурился Холмс.

— Как хорошо, что вы приехали, мистер Холмс, — кинулся обниматься Генри.

— Да, недурственно, — согласился Холмс, уворачиваясь. — А что дождь на болотах ещё не кончился?

— Откуда вы знаете? — изумлённо замер сэр Генри.

— У вас рукав обрызган грязью, так испачкаться можно только в случае, если на болотах ещё не закончился дождь, — не допуская возражений, заявил Холмс.

— Да всё так и было, только это я навернулся с лошади, — поправил Баскервиль. — Ну что же это мы стоим посреди двора, пойдёмте же скорее в дом, дорогие мои.

— Да мы и сами думаем, когда у вас совесть проснётся, — выразил общее мнение Шерлок Холмс. — А, кстати, Баскервиль, где ваша лошадь?

— Ох уж мне этот чёртов конокрад, который прячется на болотах. Поймаю, заставлю сожрать все запасы овсянки в моём замке, — зло отмахнулся Генри, отворяя дверь, ведущую в замок.

36. Первый подозреваемый

— Мистер Холмс, а я ведь попросил Бэрримора отправить вам уже два письма, а от вас ни ответа, ни привета, — разорвался Баскервиль, рассаживая гостей за длинный стол в гостинном зале.

— Вот оно, первое звено. Приглядывайте за дворецким, — шепнул Холмс Ватсону и уже громче добавил. — А мы не получали никаких писем.

— Странно, — пробормотал Генри, — но всё равно, я так рад, вы знаете, друзья, я хотел увидеть вас, чтобы сообщить, что решил жениться.

— На ком? — поинтересовался Ватсон.

— На Бэрриморе, — усаживаясь и придвигая кресло, ответил Баскервиль.

— Как!!! Побойтесь бога, он же католик, — возмутился Шерлок Холмс.

— Что вы говорите, — удивился Генри, — пожалуй, я передумал.

— Вы лучше расскажите нам, не заметили ли вы чего-нибудь странного последнее время в связи с появлением собаки? — спросил Холмс, повязывая салфетку.

— Какой собаки. Ах, собаки, да нет, ничего странного. Хотя... у меня ж ботинок пропал, — вспомнил сэр Генри.

— Да найдётся ваш башмак, — попытался успокоить его Мортимер.

— Нет, я думал, вам будет интересно, господа, — распылялся Баскервиль. — Представляете, ботинок пропал.

В гостинный зал постепенно вошёл Бэрримор, неся что-то аппетитно пахнущее на подносе, накрытом сверху хромированной крышкой. Подойдя к своему хозяину, он торжественно сдёрнул крышку, и сэр Генри обнаружил под ней свой пропавший башмак.

— Объяснитесь, Бэрримор, — потребовал Генри.

— Просто моя жена сочла, что вы нам его подарили, — коротко внёс ясность дворецкий и неторопливо удалился на кухню.

— Второе звено, — кивнул Ватсону Шерлок Холмс.

— Кстати, мистер Холмс, — вспомнил Генри, — раз вы не получали моих писем, то как вы здесь очутились?

— Дело в том, что я пчеловод-любитель и моим пчёлкам нужен свежий воздух и свежий цветочный нектар, — признался

Холмс. — А я ведь помню, что на ваших болотах растут дикие орхидеи, вот я и решил привезти своих воспитанниц к вам. За ними присмотрит доктор Ватсон. Между прочим, мне понравилась вон та старинная тумбочка.

— Да, это шестнадцатый век, произведение фламандских кустарей, — с гордостью отметил Баскервиль.

— Она как нельзя лучше подойдёт для организации улья, — одобрил вкус предков сэра Генри Шерлок Холмс. — После обеда я приступлю к роению.

— Кстати, как там насчёт обеда? — напомнил доктор Ватсон.

— Бэрримор! — громко крикнул сэр Генри.

Заиграла камерная музыка и в зал неспешно вошёл дворецкий, неся всё тот же поднос.

— Я надеюсь, что это не второй ботинок, — шепнул Ватсону Холмс.

— Что это, каша что ли? — брезгливо спросил Баскервиль.

— Нет, это овсянка, сэр, — высокомерно сообщил Бэрримор.

— А нет ли чего-нибудь другого, перловки, например? — отодвигая поднос, спросил Генри.

— Перловка будет к обеду, — ответил Бэрримор.

— Господа, может быть, подождём? — предложил Баскервиль.

— Конечно, — поддержали его присутствующие.

— А когда у вас принято обедать? — спросил Генри у уходящего на кухню дворецкого.

— Как обычно, под утро.

— Чёрт, ох уж мне эти английские традиции, — возмутился Генри, но, откинувшись на спинку кресла, стал ждать вместе с остальными.

— Да, Баскервиль, здесь у вас очень темно, — Шерлок Холмс встал и стал обследовать зал.

— Ничего, не пройдёт и полгода, как я проведу сюда водопровод.

Шерлок Холмс подошёл к окну и, слегка постучав пальцем по ставням, заключил:

— Ну что же, ставни вполне крепкие. Я за вас спокоен.

— Кофе, господа, — оповестил всех вошедший Бэрримор, неся поднос с чашечками.

— Бэрримор, у вас нет чашечек поменьше? Мы бы с доктором в напёрстки сыграли, — съязвил Холмс.

— Одну минуту, сэр, — невозмутимо сказал Бэрримор и, забрав у Холмса чашечку, вновь удалился.

— Третье звено, — обиженно крикнул ему вдогонку Холмс, кивая Ватсону.

На рассвете всей этой дружной компании удалось-таки дожидаться ужина.

— Баскервиль! Перестаньте налегать на рыбу. В ней много фосфора. Вы что хотите светиться по ночам? — предостерёг Шерлок Холмс.

— Чур вам в руку и сон с вами! — отмахнулся Баскервиль в полудрёме пережёвывая сырую медвежатину.

Пожинав, все разбрелись по своим комнатам. Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону пришлось ночевать в одних апартаментах, так как Ватсон трясся от страха и наотрез отказался спать один.

— Ватсон, вы когда-нибудь видели такую странную кровать? Все ножки привинчены к потолку, — войдя в комнату, спросил Холмс.

— Да, у себя в клинике. Для особо буйных пациентов.

— А дело-то интересное, — укладываясь в холодную постель, поделился соображениями Холмс.

— Да уж, — стуча зубами, согласился Ватсон, кутаясь в пододеяльник. — Холмс, а почему вы легли не раздеваясь?

— Завтра рано вставать, будет не до этого.

Ватсон восхитился предусмотрительностью этого великого человека и тоже стал одеваться.

— Честно говоря, Ватсон, — рассуждал Холмс, — я всерьёз начинаю подозревать этого дворецкого Бэрримора. Он мне никогда не нравился. Вы заметили, как он странно себя ведёт?

— Нет, — честно признался доктор.

— Я тоже, а значит, он это скрывает, — плёл сеть Шерлок Холмс. — Полагаю, что за этим что-то кроется.

— Я не думаю, — Ватсон был оптимистом.

— А думать надо. Я называю это делом на сорок три трубки, — доставая махорку, продолжал Холмс.

— Не понял...

— Пока выкуриваешь сорок три трубки, разрешаешь дело. На этом Ватсон уснул, а Холмс закурил.

Ватсон проснулся около полудня в крошечном чаду, вызванном трубкой Шерлока Холмса. Сам сыщик лежал с полуоткрытыми глазами и с пепельным лицом.

— Ну как, выкурили? — поинтересовался Ватсон, придирая глаза, разьедаемые дымом.

— Нет, Ватсон, сегодня мы это дело, похоже, не распутаем, — выдавил из себя Холмс и выронил трубку.

Когда Шерлок Холмс и доктор Ватсон появились в гостинином зале, сэр Генри Баскервиль пытался открыть здоровенным ломом бар, находящийся в нише стены. У него за спиной, молча, стоял Бэрримор и наблюдал за процессом взлома.

— Бэрримор!!! Чтоб вас, идите сюда! — защемяв палец, с надрывом проорал Баскервиль.

— Я здесь, сэр, — тихо и невозмутимо произнёс Бэрримор.

От неожиданности сэр Генри вскрикнул и уронил лом себе на ногу.

— У вас есть ключи от этого чертового бара? — спросил Генри, потирая ушибленную ногу.

— Конечно, — с гордостью сказал Бэрримор, честно глядя в глаза хозяину.

— Ну так откройте, — распорядился тот.

— Ну что, мистер неверующий, теперь вы видите, что дворецкий ведёт себя как-то странно, — торжествуя шепнул Ватсону Холмс и громко сказал. — Доброе утро, я вижу, что скучать вам не приходится.

— Это ещё что, не пройдёт и года, как я организую платные экскурсии в самое сердце Гринписовской трясины. У меня и проводник уже есть. Это наш сосед, мистер Долбодятлтон. Вам надо обязательно с ним познакомиться.

— В следующий раз, — пообещал Холмс. — А сейчас мы с доктором пойдём прогуляемся перед моим отъездом.

Шерлок Холмс и доктор Ватсон вышли на двор и неторопливо направились в сторону болот. Сыщик давал свои бесценные инструкции и указания. Ватсон записывал.

— Да, доктор, мы порядком завязли в этом деле, — выдёргивая ушедшую по голень в болотную жижу ногу, сделал вывод

Шерлок Холмс. — Что вы думаете по поводу этого дворецкого, как там его?

— Бэрримор, — подсказал Ватсон.

— Вот-вот, мне он кажется очень подозрительным, — делится соображениями сыщик, — надо бы его проверить. Сделаем так, во-первых, по прибытию, я первым делом вызову Бэрримора в Лондон.

— Зачем? — заинтересовался доктор Ватсон.

— Во-первых, для того чтобы вы имели возможность беспрепятственно обследовать дом и окрестности. Одновременно мы направим в Баскервиль-холл телеграмму следующего содержания: «Бэрримор вскл если вы это читаете зпт то вы дома тчк», а вторую телеграмму здешнему почтмейстеру с просьбой передать первую только лично самому Бэрримору, из рук в руки.

— Понятно, — от смелого плана Холмса у доктора глаза сошлись на переносице.

— Затем, доктор, в своих регулярных отчётах вы будете информировать меня о распорядке дня Бэрримора, о его повадках, а если повезёт, то и о месте лежбища.

— Ясно, — у доктора захватило дух.

— На время моего отсутствия вы станете тенью дворецкого, — продолжал Холмс, — Кстати, а как вы смотрите на то, чтобы так ненавязчиво провести ночь в его спальне?

Ватсон pokrылся бурными пятнами. Погрозив кулаком проехавшему мимо экипажу и обдавшему его бурой грязью с ног до головы, Ватсон ответил:

— Холмс, это так неожиданно, а где же будет ночевать Бэрримор.

— В своей спальне, естественно, и вы будете за ним скрытно следить.

— Обязательно скрытно?

— Непременно, друг мой. Теперь самое главное, доктор, — Холмс стал очень серьёзен. — Моих пчёлк необходимо выгуливать три раза в день и два раза в ночь, им необходим свежий воздух и новые впечатления. Заодно уж присмотрите и за сэром Генри.

— А его сколько раз выгуливать? — рассеянно спросил Ватсон.

— По обстоятельствам, Ватсон, по обстоятельствам. Да вот ещё что, поставьте меня в известность, как только зацветут орхидеи.

— Доброе утро, джентльмены, — поприветствовал Холмса и Ватсона доктор Мортимер, шедший мимо. — Ой, мистер Холмс, как у вас всё-таки развиты надбровные дуги!

— Это козырёк, — гордо поправив головной убор, сказал Холмс.

— Но, тем не менее, мистер Холмс, если вы вдруг захотите пожертвовать свой череп нашему палеонтологическому музею, то мы будем счастливы, видеть его среди экспонатов, — с восторгом рисовал радужные перспективы Мортимер.

— Благодарю, но пока могу предложить только череп Ватсона. Устроит? И вообще, доктор Мортимер, вы сможете отличить череп негра от черепа эскимоса?

— Это мой конёк, господа, меня хлебом не корми...

— Вот идите и отличайте, а мы заняты! — Холмс был непреклонен и суров. — Да, вот что ещё, доктор, — добавил Холмс Ватсону, когда Мортимер ушёл, — если ситуация станет критической, то помните здешнюю поговорку: «Не так страшен чёрт, как собака Баскервилей».

— О, как это мудро, — кивнул Ватсон.

— Всё запомнили? Ну, тогда пойдёмте в дом, а то овсянка остынет.

Вернувшись, Холмс и Ватсон застали занятную картину того, как сэр Генри Баскервиль устраивал разнос дворецкому Бэрримору:

— За кого меня принимают в этом доме?! За дурачка?

— Что случилось, сэр Генри? — спросил Холмс.

— Знаете, мистер Холмс, у меня тоже нет чувства юмора, но всему же есть предел! Если этот болван не найдёт мои новые белые тапочки, я устрою грандиозный скандал.

— Сэр, завтракать будете? — решил замять конфликт непроницаемый Бэрримор.

— Нет, не буду! Не буду в знак протеста, и пусть вам будет стыдно! — горячился Баскервиль.

— Мне стыдно, сэр, — невозмутимо признался Бэрримор и ушёл на кухню.

Сразу после завтрака Шерлока Холмса не стало. Он уехал в Лондон, посоветовав сэру Генри почаще гулять на болотах и дышать болотным воздухом, а также предупредив, что в случае чего, на помощь полиции рассчитывать не стоит, так как весь Скотланд-Ярд в настоящее время занят поисками пропавшего столового серебра инспектора Лестрейда. Проводив сыщика, доктор Ватсон приступил к выполнению его инструкций. Пошпионив немного за Бэрримором, он установил, что тот, расчёсывает свою бороду гребешком сэра Генри. Тщательно зафиксировав эти ценные оперативные данные, Ватсон отправился выгуливать Генри Баскервиля на болота.

Сумерки только начинали опускаться. В предзакатном небе преобладали багровые тона. Впереди на поводке неторопливо трусил сэр Генри, а за ним по-барски вальяжно шёл доктор Ватсон, волоча за собой массивный улей на колёсиках. Вокруг него дружным роем кружились пчёлы, наслаждаясь единением с природой и чувствуя себя её частью. Умиротворение момента прервал громкий вопль, неожиданно раздавшийся откуда-то издалека:

— Эх, ... твою мать!!!

Сэр Генри сперва сжался в комок и припал к земле, но затем вскочил и опрометью кинулся к доктору Ватсону, запрыгнув тому на руки. Пчелиный рой молнией метнулся к отчему улью, причём половина погибла в образовавшейся давке, при попытке пролезть в узкий леток. Не испугался только доктор Ватсон, который по обыкновению ничего не понял.

— Что это? — стуча от страха зубами и заикаясь, с трудом произнёс Баскервиль.

— Болота иногда издают странные звуки... — неуверенно произнёс доктор, пытаясь разжать объятая сэра Генри.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — также испуганно спросил Баскервиль. — Ведь вы же отлично знаете, что это выла собака.

— Ну не стоит так волноваться, — попытался успокоить его доктор Ватсон.

— Добрый вечер, господа, — поприветствовал Ватсона и Баскервиля доктор Мортимер, как всегда неожиданно появившийся из-за небольшого холма.

— Здравствуйте, доктор Мортимер, — вежливо кивнул Ватсон. — Вот, смотрите, Генри, доктор Мортимер не боится, правда ведь?

— Конечно, у нас здесь никто не боится, — охотно согласился Мортимер, и, указав на северо-запад, добавил. — Вон спросите, хотя бы Бэрримора.

В указанном направлении действительно показалась фигура дворецкого. На спине у него был большой мешок, а в руке заварной чайник. Он неспешно шёл по еле заметной тропе и вскоре скрылся за холмом.

— Так, — принял решение оставшийся за главного Ватсон, — доктор Мортимер, я прошу вас проводить сэра Генри до дома, а мне нужно ненадолго отлучиться. Кстати, если с Баскервилем что-то случится, то тогда ваш череп станет достопримечательностью местного музея.

— Да что я, — скромно потупился Мортимер. — Вот череп Шерлока Холмса, это да.

— Баскервиль, — продолжал командовать Ватсон, — вам я вверяю чёл Шерлока Холмса, за них вы отвечаете своим черепом.

Мортимер и Баскервиль побрели в сторону Баскервиль-холла. Тем временем, доктор Ватсон, надев для конспирации кожаные перчатки, крадучись пошёл по следам Бэрримора. Чтобы не раскрывать своего инкогнито, он вёл наблюдение, держа перед собой газету и делая вид, что читает. Поскольку было уже довольно темно, то доктор следовал за объектом слежки почти впритык, а если тот оборачивался, то останавливался и начинал увлечённо читать.

Бэрримор вёл себя крайне странно. Видимо возомнив себя Санта-Клаусом, а июль декабрём, он то и дело останавливался и развешивал на кустах какие-то подозрительные узелки. Что в них доктору Ватсону не удалось определить, потому что он боялся потерять дворецкого из виду и, заблудившись, навсегда остаться на этих богом забытых болотах.

Вернулись Бэрримор и Ватсон уже полночь. Доктор выбился из сил и был весь в иле и водорослях, так как несколько раз наступал мимо тропинки. Но всё же, сделав над собой усилие, он поднялся в свою комнату и написал письмо с подробным отчётом о проделанной работе Шерлоку Холмсу на Бейкер-стрит. Надписав на конверте адрес, доктор Ватсон услышал за дверью тихие шаги. Он тихонько выглянул из своей спальни и увидел тень, скрывающуюся за углом. Заинтересовавшись, доктор крадучись пошёл следом, на этот раз внимательно глядя под ноги. Завернув за угол, Ватсон снова увидел Бэрримора, который, кутаясь в халат и держа перед собой не зажжённую свечу, шёл к

винтовой лестнице, ведущей в башню замка. Повинуясь указаниям Холмса, доктор неотступно последовал за дворецким. Поднявшись на самый верхний ярус старинной башни, Бэрримор заперся в тесной комнатухе и вскоре Ватсон услышал звук падающей с небольшой высоты воды. Очень скоро Бэрримор вышел и, заперев дверь, подошёл к небольшому оконцу. Отворив его и оглядев кромешный мрак ночных болот, Бэрримор поставил на подоконник подсвечник со свечой, чтобы подать сигнал и замер, задумавшись, стоит ли её зажигать. У доктора Ватсона перехватило дыхание. Бэрримор всё же поджёг свечочку и стал показывать из окна замысловатые, подчас граничащие с цинизмом фигуры.

Доктор кубарем сбежал вниз по лестнице. Сердце его часто колотилось, и этот стук мог запросто выдать Ватсона. Доктор решил действовать решительно и строго в соответствии с полученными инструкциями. Быстро добежав до комнаты Бэрримора, дверь в которую, к счастью, была не заперта, Ватсон вошёл внутрь и, бегло оглядевшись, спрятался под одеялом. Заранее проделав пальцем дырки для глаз в пододеяльнике, новоиспечённый соглядатай затих. Через сорок минут появился Бэрримор с оплавившимся до основания огарком. Неторопливо раздевшись, во время чего Ватсон тактично зажмурился, за что потом был подвергнут суровой, но справедливой критике великого сыщика, обвинившего очередной отчёт доктора в неполноте, Бэрримор удобно разлёгся на своей постели и задул керосиновую лампу, что существенно осложнило процесс слежки.

Доктор в полном объёме смог ощутить насколько нелёгко хлеб частного детектива. Сначала Ватсон пытался считать количество всхрапов, но очень скоро сбился и сам стал бороться со сном.

Перед самым рассветом к мирным похрапываниям дворецкого добавился какой-то шорох, раздавшийся со стороны окна. Мгновенно проснувшись, бдительный Ватсон выхватил револьвер и, выпростав из-под одеяла руку, наугад расстрелял всю обойму в темноту.

Пробудившийся Бэрримор спросонья пробурчал:

— Не бойтесь, это ночная бабочка. Их здесь у нас тьма.

Пока дворецкий ничего не заметил, Ватсон решил под шумок покинуть опочивальню дворецкого, а поскольку шумок был немалый, реализовал свой план немедленно.

— Разбудите меня пораньше, Бэрримор, — вылезая из-под одеяла, попросил он перед уходом.

— Стоит вам только позвонить в колокольчик, и я вас тут же разбудю, — явно ещё не проснувшись сказал дворецкий, указав на висящий на стене шнур.

Написав подробный отчёт, и, подготовив его для отправки Шерлоку Холмсу на Бейкер-стрит, доктор подремал ещё пару часов в своей комнате, а затем вышел к завтраку.

За столом в гостиной зале уже сидел сэр Генри Баскервиль в шапке ушанке и валенках. Заметив Ватсона, он приветливо кивнул и поделился:

— Что-то здесь жарковато.

— А в честь чего это вы так вырядились? — спросил Ватсон, спускаясь по лестнице.

— Прибыв в Англию, я принял решение одеваться как истинный канадец, а там сейчас снегопады.

Со стороны кухни в зал вошёл Бэрримор, неся в руке большой поднос, уставленный множеством накрытых блюд и тарелок.

— О-о, — потёр руки Баскервиль, хватая тарелку побольше. — У нас сегодня комплексный завтрак. Что у нас тут?

— Овсянка, сэр, — торжественно известил Бэрримор.

— А тут? — с надеждой беря тарелку поменьше, спросил сэр Генри.

— Овсянка, сэр.

— Ну, а тут?.. Хотя, можете не отвечать, — потухшим взглядом Баскервиль окинул весь поднос и поник.

— Кстати, сэр Генри, вы не слышали, как всю ночь кто-то ржал за стенкой? — осторожно спросил Ватсон, размазывая склизкую овсянку по тарелке.

— Вам тоже так показалось? Я думал у меня белая горячка, — сразу оживился Баскервиль.

— Я совершенно чётко слышал женское ржание, — уверенно заявил Ватсон. — Всю ночь мне не давала спать, стерва!

— А мы сейчас спросим! — пообещал сэр Генри и обратился к дворецкому. — Бэрримор, вы не подскажете, кто ночью здесь мог ржать женским голосом?

— Не знаю, сэр, в доме только я, моя жена, и лошади, — флегматично ответил Бэрримор. — Лошади ржать не могли — они спали, моя жена — тоже... Не знаю, сэр, не знаю.

— Должно быть нам показалось, — подвёл итог Баскервиль.

— А не прогуляться ли нам после завтрака? — предложил доктор Ватсон, наливая из графина вина себе и сэру Генри.

— Отчего же, может быть встретим мистера Долботятлтона. Он тоже очень любит гулять на болотах, — поддержал идею Баскервиль. — А кто он? Чем занимается?

— По-моему он геолог. Приехал в наши края недавно, но сразу составил конкуренцию нашему знакомому, доктору Мортимеру, — улыбнулся сэр Генри. — Представьте, один копается в болотной жиже, ищет чужие черепки и останки, а другой, шляется по болотам с буром и сверлит скважины.

Доктор Ватсон и Генри Баскервиль, уже немного захмелев, потому что в качестве закуски овсянка явно не котировалась, дружно грохнули от хохота.

— Смотрите, смотрите, сэр Генри, — вдруг резко перешёл на шёпот доктор Ватсон и кивнул в сторону лестницы, по которой с подсвечником в руке степенно поднимался Бэрримор.

— Что случилось? — также шёпотом спросил Генри.

— Это очень подозрительно, давайте за ним проследим, — предложил Ватсон, и оба джентльмена крадучись стали преследовать дворецкого. Порядком качающийся доктор Ватсон обернулся и, забыв перейти на шёпот, приставив палец к губам, сказал сэру Генри:

— Тише, Баскервиль, не топайте как слон, а то он нас услышит.

Баскервиль понимающе кивнул, отчего потерял равновесие и скатился с лестницы, оглушая дом жуткими стенаниями. Ватсон помог ему подняться и, держась друг за друга, приятели стали подниматься вдоль стенки, увешанной фамильными портретами. Так как кроме стены надеяться им было не на что, Ватсон и Генри стали опираться на неё, с грохотом роня старинную живопись. Вскоре лестница была преодолена и преследователи пошли по длинному коридору, ориентируясь на силуэт Бэрримора. Уронив по пути массивный металлический подсвечник, Ватсон и Генри нагнали дворецкого у винтовой лестницы, ведущей в баш-

ню. Сэр Генри с силой захлопнул за собой дверь, отчего доктор Ватсон зажмурился и, обернувшись, с укором спросил:

— Обязательно нужно было так шуметь?

— А вдруг сквозняком захлопнуло бы? — парировал Баскервиль.

Подняться по винтовой лестнице Ватсону и сэру Генри стоило не малых трудов, так как у последнего закружилась голова и его стало подташнивать на каждом углу. Притаившись, они стали наблюдать за действиями Бэрримора. Разнообразием дворецкий не баловал. Он вновь, как и прошедшей ночью, заперся в камерке, откуда послышался уже знакомый доктору Ватсону звук ниспадающей воды. Появившись со счастливым лицом на постной mine, Бэрримор подошёл к смотровому окошку, в которое светило тёплое июльское солнце. Отворив окно, и посмотрев на озарённые светом болота, Бэрримор уже без колебаний поджёг свечу и стал делать непонятные знаки. У сэра Генри сдали нервы. Отстранив протестующего Ватсона, он предстал перед опешившим дворецким и, сделав строгое лицо и величественно сложив руки на груди, грозно спросил:

— Что вы здесь делаете, Бэрримор, позвольте вас спросить.

— Ничего, сэр, я просто посветил свечой в окошко...

— А зачем вы посветили свечей в окошко, — строго вёл дознание Баскервиль. — Вы что не видите, что сейчас белый день?

— В самом деле, сэр? — удивился Бэрримор.

— Перестаньте юлить, — на авансцену вышел обличающий Ватсон. — Нам всё известно.

— Да что вы говорите?! — обернулся на доктора сэр Генри.

— Вы подавали какие-то сигналы, — перешёл в наступление Ватсон на дрожащего как дрожжи Бэрримора. — Такие же, как и ночью.

— Да что вы говорите?! — не понимал происходящего Баскервиль.

— Простите, господа, это всё Сэддон и иже с ним... — пытался отнекиваться дворецкий.

— Ах, тут замешан Сэддон! — вскричал Ватсон. — Как вы можете что-то замышлять против своего хозяина!?

— Не спрашивайте меня, сэр. Клянусь, это не моя тайна. К тому же, я ничего не знаю о Сэлдоне с тех пор, как последний раз отнёс ему еду.

— А когда это было? — уточнил Ватсон.

— Полчаса назад, — прикинул Бэрримор.

— А кто такой, этот Сэлдон? — качаясь от вина, строго спросил Баскервиль.

— Не спрашивайте его, он всё равно всё напугает, — раздался женский голос за дверью, откуда недавно вышел Бэрримор.

— Кто это? — спросил озадаченный Ватсон у дворецкого.

— Это моя жена, — воздев руки к небу, признался Бэрримор.

— Да что вы говорите?! — не попевал за событиями Баскервиль.

Из коморки появилась пышная и розовощёкая миссис Бэрримор, сияя от радости:

— Сэлдон — это мой брат! Муж носит ему еду на болота, чтобы он не умер от холода. Ой, мы так надеемся, что он скоро умрёт, как же нам это всё это надоело! — женщина залилась в приступе ненормального хохота. — Шутка!

Ватсон достал свой стетоскоп и, не подходя к миссис Бэрримор, приставил его к уху:

— Мне всё ясно. Сильное алкогольное опьянение. *In vino veritas!*

— Да что вы говорите!?! — поразился выводу доктора сэр Генри.

— В самом деле, сэр, — не унималась хохочущая миссис Бэрримор, — вся наша семья: и каторжник Смит, кровожадный разбойник, и полоумный Скот, просто убийца, и конокрад, и растлитель малолетних, и душитель женщин, и даже насильник Джонс, они все сбежали из каторжной тюрьмы и скрываются здесь у нас, на болотах.

— Ватсон, я ничего не понял, — обернувшись к доктору, признался Баскервиль.

— А я вам сейчас всё сначала объясню, — с готовностью выпалила миссис Бэрримор.

— Нет!!! — завопили в один голос дворецкий и его хозяин. — Только не это! Ступайте, вы свободны!

— Нет, ну я просто хотела объяснить...

Но доктор Ватсон уже галантно пропустил даму вперёд и спустил с лестницы. Страсти немного улеглись. Доктор Ватсон подошёл к окну и оглядел бескрайнюю ширь болот.

— Значит, вчера ночью вы развешивали по кустам еду для своих родственников? — спросил Ватсон.

— Да, сэр, если только её не съела собака или тот другой человек, — кивнул Бэрримор.

— Что вы имеете в виду?

— Сэр, там, на болоте, прячется ещё один человек, — заговорщически поведал доктору Ватсону Бэрримор.

— Что вы говорите!? — поддержал разговор сэр Генри.

— Вы его видели? — спросил Ватсон.

— Я не видел, но его видела собака.

— Да что вы говорите!? — не поспевал сэр Генри.

— А что-нибудь ещё о нём вы можете сообщить? — спросил Ватсон.

— Я-то нет, но тут кое-кто за ним наблюдает, — ответил Бэрримор.

— Да что вы говорите!? — устал от обилия информации Баскервиль.

— Вам, сэр, лучше разузнать об этом у человека с микроскопом, — дал наводку дворецкий.

— Спасибо, Бэрримор, — сказал Ватсон, — Вы тоже свободны.

Бэрримор с грохотом удалился по лестнице вслед за своей женой.

— Доктор Ватсон, объясните мне, что всё это значит? — ещё большее хмелея, спросил Баскервиль.

— Там на болотах, — Ватсон плюнул в окно, — скрываются их родственники.

— Да что вы... А, понятно, — сменил пластинку Баскервиль и нахмурился, отобразив на образине напряжённую работу мысли.

— А они их кормят.

— Да что вы говорите!? — сэр Генри решил вновь обрёл себя.

— А сейчас мне нужно будет кое-кого навестить, — Ватсон заторопился вниз, а вы, Баскервиль, не забудьте вывести на прогулку пчёл Шерлока Холмса.

— Простите, господа, меня срочно вызывают в Лондон, — встретил сэра Генри и Ватсона внизу Бэрримор. — Жена только что передала мне в ключья разорванную телеграмму. Вы только ничего такого не подумайте, я прочитал её совершенно случайно!

— Ну что же, отправляйтесь, Бэрримор, — разрешил Ватсон.

37. Хорошие соседи — отличные друзья

Доктор Ватсон запряг в скрипучую коляску пару изголодавших тощих лошадей, в совокупности едва ли тянувших за одну, так как почти все запасы овса в конюшне неизменно съедались доктором и сэром Генри в виде неизменной овсяной каши, и отправился к дому местного астронома, которого все ласково называли «человеком с микроскопом». Вдоволь поплутав по болотам и оставляя за собой череду опознавательных вешек, доктор, наконец, совершенно случайно наткнулся на чей-то дом. Вопреки ожиданиям это оказался дом мистера Долбодятлтона, жившего на противоположной стороне болот. Сэр Генри часами любил рассказывать о нём Ватсону, и доктор решил не упускать такой редкой возможности узнать о соседе что-нибудь новенькое.

Не зная как завязать знакомство, Ватсон бесцеремонно заехал в подворье поместья Долбодятнтонов, распряг лошадей и поставил их в конюшню, где они тут же наперегонки принялись уничтожать заготовленные скирды овса.

На аппетитное чавканье выбежал хозяин, невысокий человек с широким, как будто медным лбом, в немного заношенном сюртуке.

— Кто вы такой и что вам здесь надо? — испуганно спросил он.

— Я ваш сосед, доктор Ватсон, я гощу у сэра Генри в поместье Баскервилей. Вот, решил остановиться и дать лошадям передохнуть, — приветливо представился доктор Ватсон.

— А-а, ну проходите в дом, — Долбодятлтон выглядел немного растерянным.

— Получается, что я напросился, — застенчиво покраснел Ватсон, спрыгивая с облучка.

— Ну что вы, — поспешил его успокоить хозяин, — будем считать, что я вас пригласил.

Войдя в дом, доктор Ватсон удобно расположился в кресле.

— Кстати, разрешите представиться, — начал Долбодятлтон, приходя в себя. — Я — Долбодятлтон. Родился в семье политэмигранта в 1849 году. С детских лет ощутил на себе тяготы социальной несправедливости. Истинный геолог. Характер — скрытный. Безукоризненно выполняю свой служебный долг. Беспощаден к врагам геологии. В связях, порочащих меня, не замечен.

— Очень приятно, — кивнул Ватсон.

— А это моя жена, то есть — свекровь, в смысле сестра, — представил Долбодятлтон вошедшую в комнату женщину, — тоже Долбодятлтон.

— Ещё приятнее, — кивнул Ватсон.

— Хотите кофе? — любезно предложил радушный хозяин.

— Не откажусь.

— Кофе в этом доме варю только я, примус очень худой, пожар может быть, — сказал Долбодятлтон и скрылся на кухне.

Через четверть часа доктор Ватсон и чета Долбодятлтонов пили ароматный кофе под в который уже раз повторяющийся рассказ хозяина дома о себе.

— Мы живём здесь, в самом центре Гринписовской трясины, куда, если попадёт человек или животное, то это верная гибель, так что приглашаю вас с сэром Генри ещё в гости, — завершил свой монолог Долбодятлтон.

— Нет уж, лучше вы к нам, — поперхнувшись, поспешил поправить Ватсон, вставая и раскланиваясь с радушными хозяевами.

Запрыгнув в свою коляску и с трудом оторвав лошадей от трапезы, Ватсон поехал к дому человека с микроскопом.

— Здравствуйте, доктор Ватсон, — астроном встретил Ватсона на крыльце своего дома.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Ватсон с облегчением от того, что ему не пришлось выдумывать нелепую легенду для своего визита.

— Я много чего знаю и, кстати, могу вам показать кое-что интересное! — старик пригласил доктора в дом.

— Мужчину, который носит обед? — предвосхитил Ватсон, идя следом за хозяином на балкон.

— Грубо работаете, мистер ищейка! — с хитрым прищуром ответил астроном. — Это не мужчина, а Бэрримор, и носит он не обед, а ужин.

— Вот оно что, — заинтересовался Ватсон.

— Идите скорее сюда, — старик пригласил доктора к массивному микроскопу, стоящему на столе.

Доктор Ватсон приник к окуляру, где успел заметить здоровенное, ухмыляющееся прямо в микроскоп, лицо дворецкого Баскервиль-холла.

— Благодарю вас, сэр, вы мне очень помогли, — отшатнулся Ватсон и поспешил покинуть гостеприимный дом, устремляясь в погоню за Бэрримором.

Однако догнать его Ватсону так и не удалось. Оставив коляску на обочине, он отправился вглубь болот искать следы. Через час, окончательно заблудившись, доктор вышел к небольшому каменному нагромождению, таящему в себе небольшой грот. С огромным трудом протиснувшись в узкий проход между камнями, Ватсон к своему изумлению увидел посреди уютного закутка великого детектива, Шерлока Холмса, сидящего перед небольшим костерком и курящего неизменную трубку.

— Доктор, вы отоцали, вы что не доедаете? — видя возникшие трудности со входом, сострил Холмс.

— Я не допиваю, — растерянно признался Ватсон, глядя на Холмса честными, опухшими от беспробудного пьянства глазами. — Холмс, что вы здесь делаете?

— Жду, когда зацветут эти чёртовы орхидеи, — ответил Холмс, злясь на нерасторопную природу.

— А я то думал, что Шерлок Холмс сидит в Лондоне, на Бейкер-стрит и анализирует творящиеся здесь безобразия. Значит, все свои отчёты я писал впустую, — расстроился доктор.

— Нет, Ватсон, все они здесь, — Холмс взял первый попавшийся листок из груды мятой бумаги и подбросил его в огонь.

— А вы не видели Бэрримора? Я потерял его где-то в этих местах, — забеспокоился Ватсон.

— Как же, как же, он был здесь. Знаете, Ватсон, я всерьёз подозреваю этого человека во всех злодеяниях, совершённых в здешних краях, — уверенно сказал Холмс.

— Да, но что он тогда здесь делал? — удивился доктор Ватсон.

— Приносил мне ужин. Вы же знаете мои скромные потребности: кусок мягкого хлеба с икрой, чистый воротничок под галстук, парадный сюртук с оборочками, вот и всё, что мне нужно. Бэрримор меня прекрасно обслуживает.

— Пойдите, от меня ускользает нить, — сказал Ватсон, который всё это время наматывал клубок шерсти.

В этот момент беседу сыщика с доктором прервал дикий протяжный вой, раздавшийся со стороны болот.

— Сэр Генри, — в ужасе вскричали Ватсон и Холмс и кинулись к выходу.

Быстро прибежав на то место, откуда, как им показалось, раздался вой, Шерлок Холмс и доктор Ватсон застали ужасающую картину. На земле лежал растерзанный велосипед сэра Генри, а сам Баскервиль в невменяемом состоянии сидел на кочке и тихо скулил.

— Где она? — запыхавшись, спросил Холмс.

— Кто? — перестав скулить, не понял Баскервиль.

— Ну собака, естественно.

— А-а, да кружилась тут шавка какая-то, это я из-за неё свалился, — заплетающимся языком ответил сэр Генри.

— Слава богу, вы живы, — подоспел доктор Ватсон.

— Сэр Генри, скажите, как вам могло прийти в голову кататься по болотам на велосипеде в столь поздний час? Это же даже моему уму непостижимо! — удивлялся Холмс.

— А что мне делать? Коня украли, пешком — Ватсон не отпускает, — оправдывался Баскервиль.

— Ладно, идёте к вам домой, поставил точку в этом происшествии Шерлок Холмс.

В Баскервиль-холле доктор Ватсон поделился с сыщиком последними известиями.

— Кстати, господа, как только вы, Ватсон, ушли, пришла очень странная телеграмма, адресованная Бэрримору.

— Так, — выхватывая из рук сэра Генри листок, оценил Холмс. — Это моя телеграмма. А скажите, Баскервиль, Бэрримор в это время был дома?

— Нет, его кто-то вызвал в Лондон.

— Ну что, — торжествующий Холмс повернулся к доктору Ватсону. — Вы всё ещё сомневаетесь в моей версии, Ватсон?

— Пожалуй, это обстоятельство окончательно развеяло мои сомнения, — согласился Ватсон. — Бэрримор явно замешан в этом деле.

— Не просто замешан, — поправил Холмс. — Это его злой гений всё здесь так закрутил. Кстати, Баскервиль, Бэрримор ещё не вернулся?

— Нет, — ответил сэр Генри, пытаясь перочинным ножом вскрыть стенной бар.

— Подождём, — решил Холмс, зевнув и скучающим взором оглядывая мрачный интерьер гостиной.

Его взгляд неожиданно упал на коллекцию фамильных портретов, развешанных по стене вдоль лестницы. От подобной неожиданности доктор Ватсон и сэр Генри вздрогнули и залпом опустошили по очередной рюмке вина. Зал был скудно освещён, и детективу пришлось почти вплотную водить носом по холсту, чтобы хоть что-нибудь на нём разглядеть.

— Ватсон, вы не могли бы мне посветить? — не оборачиваясь сказал Холмс, увлечённо рассматривая одну из картин.

Ответа не последовало.

— Ну где вы там, Ватсон! — в нетерпении обернулся сыщик.

Посередине зала стоял изрядно набравшийся доктор и, всем телом обвившись вокруг старинного вензельного канделябра огромных размеров, тщетно пытался оторвать его от пола. В кресле рядом с ним сидел Генри Баскервиль и помирал со смеху над очередным анекдотом.

— Да ладно, Ватсон, — отмахнулся Шерлок Холмс, — мы и так всё увидим, идите сюда.

Доктор бросил свой титанический труд и подошёл к сыщику. Сзади раздался жуткий грохот и короткий писк. Это от сквозняка упал канделябр и придавил сэру Генри левую руку.

— Смотрите внимательно, — разрешил Ватсону Шерлок Холмс, не обращая внимание на случившееся.

Прильнув носом к стене, доктор с трудом разглядел в крошечной тьме массивные полотна великих мастеров кисти с изображениями семьи Бэриморов. Чуть ниже, почти на уровне пола, висело несколько маленьких и невзрачных картинок членов семьи Баскервилей.

— Боже мой! — Ватсон был в изумлении.

— Да, Ватсон, приходится признать, что мы с вами совершили ошибку, подозревая Бэрримора. Обнаруженное нами сейчас обстоятельство позволяет с уверенностью утверждать, что он ни в чём не виноват.

— Но почему!?! — прохрипел Ватсон, на ощупь, продвигаясь вдоль стены и разглядывая портреты.

— Да потому что, подумайте сами. Ну какому негодяю придёт в голову развешивать свои портреты и портреты своей семьи на месте предполагаемого преступления? Это же нонсенс!

— Как это логично, — Ватсону пришлось согласиться с гениальным сыщиком и капитулировать перед взвешенными аргументами. — А кто же тогда всё это затеял?

— Узнаете, со временем, — Холмс был краток.

В этот момент Баскервилю удалось, наконец, выбраться из-под канделябра и сломать им замок бара, откуда вылез Бэрримор с бутылкой вина и предложил её хозяину.

— Бэрримор, сколько раз я вас просил не запираться в баре, вы меня ставите в неловкое положение, — принимая бутылку, шёпотом пожурил слугу сэр Генри.

— Господам что-нибудь угодно? — спросил Бэрримор, приступая к исполнению своих непосредственных обязанностей.

— Дайте нам чаю с рулетом, — попросил Холмс.

— Простите сэр, но у нас срулеты кончились, — спокойно ответил дворецкий.

— Ну дайте, что есть.

Бэрримор с поклоном удалился на кухню и через некоторое время появился с блюдом в руке.

— Что это? — облизнулся Ватсон.

— Овсянка, сэр, — дежурно ответил Бэрримор, ставя поднос на стол.

На дворе в это время послышался какой-то шум.

— Бэрримор, узнайте что там, — распорядился Баскервиль.

— Слушаюсь, сэр, — Бэрримор неспешно пошёл к дверям.

Через некоторое время в гостиную шумно ввалилась чета Долбодятлтонов. Нахально воспользовавшись любезным приглашением доктора Ватсона, она заявила в Баскервиль-холл с целью знакомства и укрепления добрососедских связей. Через полчаса вернулся Бэрримор. Тут же силами дворецкого был организован торжественный стол.

Праздничный ужин при двухстах свечах проходил в очень тёплой, если не сказать жаркой, атмосфере. Причиной тому была забившаяся система вентиляции, усердно направляла горячий воздух и дым от камина непосредственно в помещения замка. За столом сидели Шерлок Холмс, доктор Ватсон, сэр Генри, и Дол-

бодятлтоны. Бэрримор в лучших традициях чопорной Англии в течение часа не спеша раскладывал по тарелкам поначалу горячую овсянку и разливал напитки. Следуя этикету, все терпеливо ждали, пока он закончит. Наконец, Бэрримор сел во главе стола и, заправив салфетку, кивнул. Все приступили к трапезе, жадно набросившись на угощение.

Поскольку время было уже позднее, то на разговоры уже никого не тянуло. Всем хотелось спать и поэтому, обменявшись любезностями, Долбодятлтонов выпроводили, показав кратчайший путь по ночным болотам до Гринписовской трясины.

— Ждём вас с обратным визитом, — перед уходом сказал Долбодятлтон.

— Как жаль, что мы с Ватсоном, не сможем составить компанию сэру Генри, — пожалел Холмс. — Мы ведь завтра рано утром уезжаем в Лондон, у нас там куча дел.

Пока Ватсон и Баскервиль боролись с шоковым состоянием и возвращали себе дар речи, сыщик затворил тяжёлые двери и, напевая что-то весёлое, стал подниматься к себе в комнату.

— Холмс, объяснитесь, — первым отошёл доктор Ватсон.

— Всё, Ватсон, хватит расслабляться, пора заняться делом, — лаконично сказал Холмс.

Переглянувшись в недоумении, Ватсон и сэр Генри тоже разошлись по комнатам.

У себя в спальне Ватсон застучал миссис Бэрримор, заправлявшую ему постель.

— Когда вас разбудить, сэр? — спросила она вошедшего доктора.

— В семь утра, — игриво ответил Ватсон. — Но чтобы меня разбудить потребуется очень горячий поцелуй.

— Хорошо, я предупрежу Бэрримора, — ответила служанка и выскользнула из комнаты.

Ватсон вздохнул и лёг спать.

38. Битва при Баскервиль-холле

Утром, когда доктор Ватсон и Генри Баскервиль вышли из своих комнат к завтраку, Шерлок Холмс уже сидел за столом в гостиной зале и невинно заигрывал с миссис Бэрримор. Они весело смеялись, пока не вошёл дворецкий.

— А-а, друзья мои, как вы спали? — приветливо переключил внимание Холмс.

— Отвратительно, — поделился Баскервиль, — под окнами всю ночь жалобно скулила какая-то собака.

— И со мной та же история, — признался Ватсон.

— Скажу вам по секрету, господа, что это собака Баскервильей, — Шерлок Холмс весело расхохотался. Он был явно в хорошем настроении.

Сэра Генри передёрнуло от юмора сыщика.

Позавтракав, Холмс и Ватсон засобирались в Лондон. Шерлок Холмс давал последние перед отъездом напутствия сэру Баскервилю:

— Генри, если вам хоть немного дорога ваша жизнь, то сегодня вы будете ужинать у Долбодятлтонов. Вы отпустите коляску и скажите всем, что пойдёте домой, только когда стемнеет и исключительно по самой длинной тропе, идущей через самые глухие и топкие уголки здешних болот. Перед тем как выйти вы незаметно должны подать нам знак свечей из окна, вот так, — Холмс стал быстро показывать невообразимые по сложности фигуры, от которых у Генри закружилась голова. — Запомнили? Да, и вот ещё, что важно, в дороге вы должны ориентироваться на собачий вой и лай. Держитесь поближе к этим местам.

Сэр Генри стал медленно оседать. Ватсон усадил его на стул.

— Что? Вы хотите, чтобы я шёл один, ночью, по болотам? Да вы что! — слабея, вскричал Баскервиль.

— Не волнуйтесь так, сэр Генри. Мы с Ватсоном будем неподалёку, — спокойно ответил Холмс.

— Где? — недоверчиво насторожился Баскервиль.

— В Лондоне, разумеется, я же говорил, что у нас там очень важное дело.

Оставив Баскервиля в полуобморочном состоянии, Шерлок Холмс и его верный спутник вышли из замка, погрузились в коляску и отправились прочь от этих неприветливых мест.

— А мне его немного жаль, — признался Ватсон.

— Ну что же, сегодня вам представится возможность, быть может, спасти ему жизнь, — спокойно сказал Холмс.

— Каким же образом?

— Я выйду здесь, отсюда рукой подать до дома Долбодятлтонов, и пока осмотрюсь. А вы сейчас заберёте Лестрейда на станции. Я специально пригласил его из Лондона. Затем вы захватите меня, и мы все вместе устроим засаду здесь неподалёку, — сказал Холмс, спрыгивая с облучка.

Поезд из Лондона опоздал на два часа. Ещё через час появился приехавший на нём инспектор. Ватсон всё это время ожидавший инспектора на пустынной железнодорожной платформе, был вне себя от злости. В сердцах выбросив в урну недоеденные остатки хлебного карава с солью, а также букет завядших кувшинок, камышей и хвоща, доктор накинулся на блюстителя правопорядка:

— Где вас черти носят, Лестрейд? Сколько можно ждать?..

Порыв доктора был внезапно остановлен оглушительным визгом и лаем, раздавшимся из-за спины инспектора.

— Что это с вами, достопочтенный доктор? — надменным тоном произнёс Лестрейд, смерив испуганного Ватсона взглядом. — Это Тобби. Кстати, впредь будьте более осторожны, Тобби не любит, когда в его присутствии повышают голос. А что касается того, что я задержался, то неужели вы могли допустить, что моя собачка отправиться в столь утомительное путешествие на голодный желудок и как следует не выспавшись?

— Да, но я думал, что Тобби, объевшись тогда колёсами, уже давно... того... — неуверенно пролепетал, опешивший Ватсон.

— Ну и что с того? — раздражённо ответил инспектор так, как будто это он полдня торчал на платформе в ожидании доктора. — Это другой Тобби. И вообще, возьмите себя в руки и видите нас к месту преступления!

— Какого преступления? — насторожился Ватсон, понимая, что такого места на здешних болотах он ещё не знает.

— Что значит какого? Неужели к моему приезду не могли подготовить никакого места преступления? А зачем меня тогда вообще вызывали?

— Да я, по правде говоря, и сам не знаю. Это всё Холмс, — спрятался за чужую спину доктор.

— Ах так! — окончательно вышел из себя инспектор, срываясь на крик, но тут же осёкся, оглушённый захлёбывающейся от лая собакой. — А ну живо ведите меня к этому мистеру теоретику! — яростным шёпотом закончил он гневную тираду.

Факт присутствия на болотах полицейских патрулей, безуспешно пытающихся поймать хотя бы одного из родственников Бэрримора, также несказанно разозлил раздражительного инспектора.

— А почему на болотах народу, как кроликов в садке? — возмущённо спросил он, с обидой осознав, что Баскервиль-холл он прибыл далеко не первым.

Не зная, о каком именно садке говорит инспектор, и, тем более, сколько там кроликов, доктор Ватсон затруднился с ответом и решил промолчать.

В условленном месте в коляску запрыгнул Шерлок Холмс, который изрядно злился из-за задержки и сразу же набросился на Ватсона:

— Теперь вам придётся доказывать, что вы ждали опаздывающий поезд на станции, а не копались в это время с доктором Мортимером в могилах на болотах! Доказывать, что вы не прохлаждались в это время где-нибудь в укромном местечке в приятном обществе Бэрримора, рассказывая ему пошлые анекдоты!

Лицо доктора Ватсона по мере предъявления обвинений белело, принимая пепельно-красный оттенок.

— Но чёрт возьми! — поражённо проговорил он, таращась на детектива.

Холмс в свою очередь тоже округлил глаза:

— Что «чёрт возьми»?

— Нет, ничего, — вовремя опомнился Ватсон, поспешно меняя цвет лица на привычный зеленоватый.

— Надеюсь, дело стоящее? — делово спросил сидящий рядом с Холмсом Лестрейд, вмешиваясь в диалог.

— Да, кстати, о вас, инспектор, — переключился сыщик, — отныне вы будете беспрекословно выполнять все мои указания. Вам понятно?

— Интересное дело... — начал было возмущаться Лестрейд.

— Да, дело очень интересное. Давно такого не было, — ответил Холмс. — А я вам, кстати, сейчас сделаю хороший подарок.

— Какой? — Лестрейд радостно потёр руки.

— Расскажу, как выглядит подозреваемый, разумеется. Этот тип с недавнего времени преследует род Баскервильей на болотах. Ему около шести с половиной лет, некрупного телосложения, рыжий, с очень длинными ушами.

— Урод какой-то, — попытался представить себе мысленный фоторобот Лестрейд.

— Более того, недавно он совершил побег, — вытащил очередной козырь Шерлок Холмс.

— Да, я слышал, что из здешней каторжной тюрьмы недавно сбежало несколько заключённых, — вслух думал инспектор, — но с такими приметам...

— Вот мы и на месте, — известил Холмс, попросив Ватсона остановиться. — Теперь, господа, прошу вас ступать как можно тише и разговаривать только шёпотом.

Выпущенный на землю шпиц Лестрейда с задорным лаем бросился наворачивать круги вокруг коляски.

— Возьмите, инспектор, — Холмс протянул Лестрейду фотографию с изображением мистера Долбодятлтона в фас и профиль. — Это ещё один подозреваемый.

— Не волнуйтесь, поймаем обоих, — пообещал Лестрейд.

Метрах в ста от места выгрузки возвышался дом Долбодятлтонов.

Осмотрев место предстоящего преступления, Лестрейд решил устроить капитальную засаду. Достав карманную лопатку, он принялся копать окоп по всем правилам военного искусства. Доктор Ватсон помогал ему, постоянно вычерпывая воду из наполняющейся болотной водой ямы.

После нескольких часов работы Лестрейд лёг на бруствер и, приподняв маскировочную сетку, огляделся.

Возведённые им надолбы вселяли уверенность в обороноспособности этого комплексного фортификационного сооружения.

— Интересно, Лестрейд, откуда у вас взялась колючая проволока? — попался в ловушку Шерлок Холмс.

— Но вы же видите, мистер теоретик, что на мне парадные брюки, — начал издали Лестрейд. — А значит и нагрудный карман на них есть, а следовательно он не пустует.

— Чёрт, откуда здесь эти противопехотные мины, — возмутился доктор Ватсон, переставляя ноги в шахматном порядке, ориентируясь по карте минных полей.

— Но вы же видите, что на мне носки... — хотел было продолжить Лестрейд.

— Хватит, мы всё поняли, — прервал его Холмс и, взглядываясь в кромешную тьму, поделился опасениями. — Если сер Генри не появится через пять минут, тропинку совсем затянет

паутиной. И вообще, мы стоим слишком далеко и вообще, мне всё не нравится! — сыщик всерьёз нервничал.

Время тянулось неумолимо быстро.

— Ватсон, следите за окном, — шёпотом распорядился Холмс.

— Да, но их же там два...

— Вот и следите.

— А зачем?

— Доктор, не морочьте голову.

— Холмс, Холмс! Окно! Окно! — неистово закричал Ватсон.

— Что окно?

— Но вы же просили следить.

— Так, всё, доктор, спасибо, больше не следите, — устало освободил от обязанностей Ватсона Холмс. — В одном деле вы уже наследили.

Лестрейд перестал окапываться и насторожился. На болотах наступила тишина.

— Так, доктор Ватсон, вы же были у них дома? — прикинул Холмс. — Пойдите, посмотрите как там чего.

Доктор вытащил револьвер и короткими перебежками ринулся к дому Долбодятлтонов. Его с заливыстым лаем преследовала собака Лестрейда. На веранде дома в одиночестве сидел Генри Баскервиль и большими дозами допивал коньяк. Он уже был порядком пьян, но, предвидя обратный путь, продолжал заправляться. Мисс Долбодятлтон уже спала наверху, а её брат отправился в погреб за очередной бутылкой. Доктор Ватсон вошёл в дом и остановился посреди комнаты. На него стеклянным взглядом уставился сэр Генри, не проронив ни слова. Ватсон осмотрелся и отправился в обратный путь.

— Галлюцинации, — спокойно констатировал Баскервиль, решительно отставляя стакан и разыскивая свечу, чтобы подать сигнал.

— Ну что там? — быстро спросил Холмс.

— Он скоро собирается выходить, — запыхавшись, сообщил Ватсон.

— Чёрт, ну как я мог забыть установку залпового огня! — укорял себя Лестрейд, поправляя каску.

— Вот он! — громким шёпотом произнёс Холмс.

Взоры всех обратились на застилаемую густым туманом тропинку, ведущую от дома Долбодятлтонов. По ней, шатаясь, шёл сэр Генри, размахивая бутылкой коньяка и распевая вздорные песни. Неожиданно справа от тропинки раздался собачий вой и негромкие всплески. Одновременно с этим по обе стороны от тропы вспыхнули яркие фейерверки, а в небо взмыли петарды. Сэр Генри растерянно крутился на месте, не понимая происходящего. Сзади ему в спину ударил яркий свет.

— Что это? — воскликнул Ватсон, выхватывая револьвер.

— Это свет рампы, — испуганно сообразил инспектор.

В этот момент на него неведомо откуда упал тяжёлый занавес.

— Нас накрыли, — успел поделиться мнением Лестрейд перед тем как потерять сознание.

— Что за вонь? — приняхался Ватсон и поморщился.

— Это запах кулис!!! — неистово заорал Шерлок Холмс. — Я понял, Ватсон, это доцент Мориарти, только у него такая страсть к театральным эффектам! Вперёд!

Холмс и Ватсон, а также собака Лестрейда кинулись на выручку к сэру Генри. Следом, с трудом выпутавшись из-под ткани занавеса, кинулся инспектор Лестрейд. На бегу он с сожалением взглянул на заботливо возведённые укрепления и, осознав их ненужность, кинулся во всеобщую свалку.

К сэру Генри уже подбежала та собака, которая подняла лай первой. Это был сбежавший спаниель доктора Мортимера — Снуппи. Увидев его, пьяный сэр Генри заорал не своим голосом:

— Собака Баскервилей!!! — и лишился чувств.

Вокруг его тела бесились уже две собаки, иступлённо лая и скуля.

— Лестрейд, если вы не уберёте свою собаку, то я её пристрелю вместе с собакой Баскервилей, — пригрозил Холмс, паля наугад.

— Холмс, смотрите! — закричал Ватсон, указывая в сторону.

По болоту неслась ещё одна огромная собака.

— Это Нора, мы очень любим ванильные сухари, — сохраняя хладнокровие, сказал Холмс, спихивая с себя тушу барахтающегося Лестрейда.

В лунных отблесках бесновались три собаки, жертва и три её спасителя. Но, словно повинуюсь зловещей задумке незримого постановщика, луну затянуло облаками, и над болотами воцарилась крошечная мгла.

— Вот он, вот он негодяй! — рычал Холмс, метеля ногами обнаруженного злоумышленника. — Так его, так! — помогал ему кулаками верный доктор Ватсон.

Лестрейд выхватил пистолет и принялся палить в сторону, откуда уже доносились жалобные всхлипывания. Собачий вой усилился. На болотах от страха завывли каторжники.

— Теперь-то попался! — в пылу радовался Холмс, пиная уже не подающего ни каких признаков жизни, преступника.

Неожиданно визг и крики стихли, и на болотах наступила тишина. Луна выглянула из-за облаков и осветила место недавнего побоища. Собак нигде не было. Злоумышленника тоже. На тропе лежал избитый до полусмерти Генри Баскервиль, крепко сжимая чудом уцелевшую недопитую бутылку коньяка в мозолистой руке.

Возникла неловкая заминка. Первым опомнился инспектор Лестрейд, конфисковав коньяк для экспертизы на предмет выявления его пригодности к употреблению. Бросив Баскервиля на произвол судьбы, Холмс, Лестрейд и Ватсон кинулись к дому Долбодятлтонов.

Всадив дверь, команда сыщика обнаружила сестру хозяйна привязанной одеялом к притолоке. Освободив ей рот от кляпа и отпоив коньяком, они услышали слабый голос:

— Он убежал?

— Ничего, от нас не убежит, — пообещал инспектор.

— Я о сэре Генри.

— И я о нём же, — подтвердил инспектор.

— А Долбодятлтон?

— Убежал, — с сожалением признал Ватсон.

— Вот сволочь! Эта скотина обещала мне хорошо заплатить! — негодовала женщина.

— Так вы актриса? — догадался Шерлок Холмс.

— Драматическая. Шизель знаете?

— Так, здесь всё ясно, где сэр Генри? — отвернулся от актрисы Шерлок Холмс.

— Остался там, — сказал Ватсон.

— Как, вы хотите сказать, что оставили его на болоте? — возмутился Холмс, и все кинулись к выходу.

— Эй! Господа, вы куда? А как же я? — встрепенулась всё ещё привязанная бывшая сестра Долбодятлтона. — Ну хоть коньяк оставьте!

Притащив сэра Генри в замок и вверив его заботам супруги Бэрримора, Шерлок Холмс, Ватсон и Лестрейд отправились в гостиный зал, чтобы отметить блестящее завершение очередного дела.

Шерлок Холмс тактично постучал костяшками пальцев в стенной бар. Оттуда послышалась возня и вскоре дверца отворилась. Из бара высунулся заспанный Бэрримор и протянул сыщику бутылку прекрасного вина.

— Благодарю вас, — приняв подношение, Холмс закрыл дверцу и вернулся к столу, за которым расположились его друзья. — Ну что, господа, полагаю, мы заслужили по бокалу вина.

— Да, захватывающее дельце, — расслабившись в кресле, протянул Лестрейд.

— Будет о чём вспомнить, — пожаловался на память Ватсон.

— А где же ваша собака? — поинтересовался Холмс у инспектора.

— Да чёрт с ней, — отмахнулся Лестрейд. — У меня ещё одна есть.

— Подождите, а где же Долбодятлтон, то есть Мориарти? — забеспокоился доктор Ватсон.

— Да чёрт с ним, — потягивая вино, отмахнулся Лестрейд.

— Полагаю, что теперь он уже не опасен, — спокойно рассуждал Холмс. — После того, как мы раскрыли его планы, самое лучшее для него уехать за границу и затаиться, хотя бы на время.

Надо пойти посмотреть, как там сэр Генри, — предложил подобрешший от вина инспектор.

Когда вся компания вошла в спальню Баскервиля, они застали миссис Бэрримор за кормлением своего хозяина овсянкой.

— А потом мы пойдём на болото, покушаем там нашу любимую овсянку, поиграем с собачкой и вернёмся домой красивыми и психически здоровыми, — приговаривала служанка.

— А где Бэрримор? — голосом умирающего спросил Баскервиль у вошедших.

— Он, очевидно, уехал в райцентр, — предположил доктор Ватсон.

— Зачем? — ещё слабее спросил сэр Генри.

— За овсом, — хихикнул Холмс.

— Ну что же, — взял в руки все нити Лестрейд. — Собаки бесследно исчезли, коварный злодей тоже сбежал, поджав хвост...

— Наоборот, инспектор, — попытался поправить Ватсон.

Но Лестрейд продолжил:

— Вы, сэр Генри, в надёжных руках. Наша миссия закончена, и мы со спокойным сердцем отправляемся в Лондон.

Шерлок Холмс, Лестрейд и доктор Ватсон решительно вышли из комнаты Баскервиля, плотно затворив за собой двери, чтобы не слышать возражений и причитаний хозяина замка.

ЭПИЛОГ

В доме № 221-Б по Бейкер-стрит, удобно расположившись вокруг камина, сидели Шерлок Холмс, доктор Ватсон и инспектор Лестрейд, потягивая виски и в который раз вспоминая самые яркие моменты завершённого дела.

— А я, главное, кричу: «Уберите свою шавку!» и по почкам ему, по почкам! — сквозь хохот вспоминал Холмс.

— Да, джентльмены, а я, кстати, когда увидел эту мерзкую собаку, едва не наклал в штаны. Хорошо, что вовремя вспомнил, что это мои парадные брюки с потайным карманом и, что мне будет некуда прятать свой револьвер, — покатывался инспектор Лестрейд.

— А я-то, я-то... — вскочив, рыдал от смеха Ватсон, пытаясь вспомнить свою роль в ночном инциденте.

— Вот, кстати, только что пришла телеграмма из Баскервиль-холла. Сэр Генри слёзно умоляет нас приехать. Говорит, что на болотах теперь уже три собаки Баскервильей, — давился от смеха Холмс, помахивая бумажкой.

— Вот комик! — заливался инспектор.

— Да, славное дело, — подытожил непревзойдённый сыщик, отставляя бокал.

— Ну что же, господа, — встал инспектор и напялил свою клетчатую кепку. — Мне пора. Я хочу ещё раз поблагодарить вас, мистер Холмс, ну и вас уж заодно, мистер Ватсон, за доставленное удовольствие.

— Да, давно так не смеялись, — пожимая руку инспектору, согласился Холмс.

Лестрейд ушёл. Доктор Ватсон в оцепенении долго смотрел ему вслед. За это время его улыбка сменилась более чем серьёзным выражением лица, и он тихо заметил, обращаясь к Холмсу:

— Вот ведь какая парадоксальная тенденция, Холмс. Раньше были геморроидальные язвенники, сифилитики с прободением, сомнамбулические астигматики... Это я ещё могу понять. Но сейчас, вы только посмотрите — типичные шизофреники, да ещё на ведущих должностях в полиции.

— Как это верно Ватсон, — после короткой паузы, задумчиво произнёс Шерлок Холмс, выпуская струю табачного дыма.

— Ну да бог с ним, — присаживаясь, сказал Ватсон. — Чем займётся теперь, Холмс?

— Всё, доктор, на этот месяц хватит событий, — подвёл черту Холмс. — Вам надо заняться сочинительством, мне подтянуть судебную психиатрию, но это завтра, а сейчас давайте поможем миссис Хадсон по хозяйству. Ей бедняжке тяжело одной.

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился Ватсон.

— Миссис Хадсон! — крикнул Шерлок Холмс, повернувшись в сторону кухни. — Вы ещё не пользовались нашей газовой плитой? Мне пришлось переделывать халтуру нашего газовщика. Я пришёл к выводу, что этот профан ничего не смыслит в газовых рожках.

— Спасибо, мистер Холмс, сейчас попробую, — послышался скрипучий голос домохозяйки и звук чиркающей спички...

P.S.

— Мистер Холмс! Как мне надоели ваши химические опыты!

13.08.1999

От Издательства

За время подготовки рукописи к печати поступили первые отклики читателей, которые мы сочли необходимым опубликовать.

Дорогие Вы наши Андрей и Сергей!

Огромное спасибо за книгу. У нас в Извращенске большие трудности с бумагой, поэтому, когда брат приволок из Москвы целую пачку Ваших многостраничных трудов, всё село не делю гуляло.

*Пётр Лепёшкин — животновод-любитель (настух)
г. Извращенск, Ухорыловской области*

Уважаемое издательство!

Призываю Вас вспомнить о том, что в то время, как Вы гоните многотысячные тиражи подобных никчёмных книжек, во многих регионах нашей страны остро стоит проблема нехватки бумаги.

До коли, хочется Вас спросить, будет продолжаться подобное бесхозяйственное разбазаривание стратегических ресурсов?

Иван Фёдорович Крузенистерн — кандидат тотализаторных наук

г. Бумагосранск

Господа!

Пишу Вам первый, не сказать, последний раз. Прочитал книгу А.Н. Королёва и С.И. Митюшкина «Следствие ведёт Шерлок Холмс» и сразу хочу спросить: в чём смысл? Что она несёт простому обывателю?

Полагаю, что авторы просто обязаны выпустить второй том этого издания, который целиком посвятить ответам на поставленные мной вопросы. Можно устроить публичное обсуждение книги, авторов и проблем целлюлозо-бумажной отрасли в каком-нибудь людном публичном месте и на страницах «Литературки».

Дермидонт Наплевако

г. Пофигинск

Роберт Барр
(1850-1912)

Великая тайна Пеграма ⁶

*С извинениями в адрес доктора Конан Дойла,
и нашего общего и оплакиваемого друга,
покойного Шерлока Холмса (1894)*

Я отправился узнать у моего друга, Шерлава Комбса, что ему известно о тайне Пеграма, поскольку о ней много говорилось в газетах. Детектив играл на скрипке с умиротворённым выражением лица. Я хорошо знал, что это ангельское спокойствие означает одно — Комбс чем-то сильно раздражён. Оно так и было, ибо в одной из утренних газет появилась статья, расхваливающая бдительность и компетентность Скотлэнд-Ярда, а Шерлав Комбс питал к этому ведомству особое презрение.

Он великодушно убрал скрипку, поскольку относился ко мне с искренней симпатией, и приветствовал с обычным для него радушием.

— Я пришёл, — начал я, сразу переходя к сути вопроса, — чтобы узнать ваше мнение о великой тайне Пеграма.

— Я ничего не слышал об этом, — сказал он спокойно, как если бы весь Лондон не говорил о происшествии. Комбс, как ни забавно это выглядело, игнорировал некоторые предметы, и в то же время недостаточно изучил другие. Я обнаружил, к примеру, что с ним невозможно беседовать на политические темы, так как он не знал, кто такие Солсбери и Гладстон. Это сделало дружбу с ним большим благом.

— Тайна Пеграма расстроила даже Грэгори из Скотлэнд-Ярда.

— Охотно верю этому, — спокойно произнёс мой друг. — Вечный двигатель или квадратура круга, озадачили бы Грэгори. Он, этот Грэгори, сущий младенец.

---

⁶ Перевёл с английского Михаил Трушин.

Рецензент перевода Николай Леонов.

Это было одной из черт, которые я всегда любил в Комбсе. В нём отсутствовала профессиональная ревность, характерная для многих людей.

Он набил трубку, опустил в своё просиженное кресло, закинул ноги на каминную доску, и сцепил руки позади головы.

— Расскажите мне об этом, — сказал он просто.

— Старый Барри Кипсон, — начал я, — служил биржевым маклером в Сити. Он жил в Пеграме и его привычкой было...

— Входите! — вскричал Комбс, не меняя позы, но с внезапностью, которая меня поразила. Я не слышал никакого стука.

— Извините меня, — произнёс мой друг со смехом, — приглашение войти было преждевременным пустяком. В действительности я так заинтересовался вашим подробным описанием, что начал говорить прежде, чем подумал. А этого детектив не должен делать никогда. Однако вскоре здесь появится человек, который сообщит мне всё об этом преступлении. И вы сэкономите в этом отношении свои силы.

— Ах, у вас назначена встреча? В таком случае не буду мешать, — сказал я, поднимаясь с места.

— Сядьте. Я не назначал никакой встречи и ничего не знал, пока не сказал, что он придёт.

Я пристально посмотрел на него в изумлении. Хотя я уже был знаком с его экстраординарными талантами, человек этот постоянно меня удивлял. Он продолжал спокойно курить, но явно наслаждался моим замешательством.

— Я вижу, вы удивлены. В действительности всё слишком просто, принимая во внимание, что передо мной зеркало, отражающее всё происходящее на улице. Некий человек остановился, посмотрел на одну из моих карточек, а затем бросил взгляд через дорогу. Я признал мою визитку, потому что, как вам известно, они алого цвета. Если, как вы утверждаете, весь Лондон судачит об этой тайне, то он, естественно, будет говорить о том же, и возможно хотел бы проконсультироваться со мной по этому поводу. Входите!

В это время раздался негромкий стук в дверь.

Незнакомец вошёл. Шерлав Комбс не изменил своей позы бездельника.

— Я желаю видеть мистера Шерлава Комбса, детектива, — сообщил посетитель, появляясь в поле зрения курильщика.

— Вот мистер Комбс, — сказал я, поскольку мой друг продолжал спокойно курить и казался полусонным.

— Позвольте представляться, — продолжал незнакомец, предприняв попытку достать визитную карточку.

— В этом нет необходимости. Вы — журналист, — произнёс Комбс.

— Ах, — сказал гость, придя в лёгкое замешательство, — оказывается, вы меня знаете.

— Никогда прежде в своей жизни я вас не видел и ничего о вас не слышал.

— Тогда... но как...

— Нет ничего проще. Вы пишете для вечерней газеты. Вы опубликовали статью, в которой раскритиковали книгу своего друга. Он будет ужасно переживать по этому поводу, а вы делать вид, что сочувствуете ему. Он никогда не узнает, кто нанёс этот удар, если, конечно, я не сообщу ему.

— Дьявол! — вскричал журналист, опускаясь на стул и потирая лоб, в то время как его лицо стало мертвенно бледным.

— Да, — растягивал слова Комбс, — это дьявольский позор, что так произошло...

Когда журналист вернул себе часть самообладания, он продолжил: «Вы не могли бы объяснить мне, откуда вам известны такие подробности о человеке, которого по вашим словам вы никогда не видели?»

— Я редко распространяюсь о таких вещах, — хладнокровно ответил Комбс. — Но поскольку развитие привычки наблюдать может помогать и в вашей профессии, а, следовательно, приносить пользу мне, делая газетные публикации менее унылыми, я расскажу вам. Ваши большой и указательный пальцы испачканы чернилами, значит, вы много пишете. Пачкающийся чернилами класс Лондона, включает в себя два подкласса: клерки или бухгалтеры и журналисты. Клерки должны в своей работе выглядеть опрятными. Немногие из них мажутся чернилами до такой степени. Ваши пальцы перепачканы ужасно и небрежно, поэтому, вы — журналист. В вашем кармане — вечерняя газета. Любой может купить любую вечернюю газету, но в вашем случае это — специальный выпуск, который не появится на улицах ещё в течение получаса. Вы, очевидно, захватили его с собой прежде, чем покинули редакцию, где состоите в штате.

Заметка о книге обведена синим карандашом. Журналист всегда презирает любую статью в своей газете, если она написана не им, поэтому, отмеченный материал написали вы и, несомненно, собираетесь послать его автору упомянутой книги. Ваша газета специально нападает на все книги, написанные людьми, не принадлежащими к штату вашей редакции. А то, что автор — ваш друг, я просто предположил. Всё это — тривиальный пример обычной наблюдательности.

— Вы, мистер Комбс, действительно самый замечательный человек на Земле. Вы, ей-богу, совсем как Грэгори.

Мой друг нахмурил брови, отложил трубку и достал свой шестизарядный револьвер.

— Вы намерены оскорбить меня, сэръ?

— Что вы! Я... Я... ручаюсь вам. Вы поквитаетесь со Скотланд-Ярдом завтра... Я совершенно искренен, сэръ.

— Тогда да помогут вам Небеса, — вскричал Комбс, медленно поднимая правую руку.

Я бросился между ними.

— Не стреляйте! — воскликнул я. — Вы испортите ковёр. Шерлав, разве вы не видите истинных целей этого человека? На самом деле он думает, что сказал вам комплимент!

— Возможно, вы правы, — заметил детектив, небрежно бросая револьвер возле трубки, к огромному облегчению посетителя. Затем, повернувшись к журналисту, он произнёс, в его обычной любезной манере: «Кажется, вы пришли по делу. Что я могу сделать для вас, мистер Уилбер Скриббингс?»

— Как вы узнали моё имя? — вновь удивился журналист.

Комбс нетерпеливо махнул рукой.

— Бросьте взгляд внутрь вашего головного убора, если сомневаетесь относительно собственного имени.

Я впервые заметил, что имя Скриббингса отчётливо значилось на ленте внутри цилиндра, который он перевёрнутым держал в своих руках.

— Вы слышали, конечно, о тайне Пеграма...

— Тс-с! — вскричал детектив. — Я прошу вас, не называйте это тайной. Ничего подобного не существует. Если б на самом деле появилась тайна, жизнь стала бы более-менее сносной. Но ничего подобного не произошло. Все тайны в прошлом. Что вы хотите сообщить относительно Пеграмского дела?

— Пеграм... гм, это происшествие расстроило всех. «Вечернее Лезвие» хочет, чтобы вы провели расследование, и на страницах газеты появился отчёт о его результатах. Работа будет хорошо оплачена. Вы возьмётесь?

— Возможно. Расскажите об этом деле.

— Я думал, что всем оно известно в подробностях. Мистер Барри Кипсон жил в Пеграме. Он пользовался сезонным билетом в вагон первого класса и ездил поездом от своей станции до конечной остановки. Это было его традицией, добираться до Пеграма на поезде, отправляющимся каждый вечер в 5:30. Несколько недель назад мистера Кипсона свалил грипп. Во время его первого после выздоровления посещения Сити, он получил около 300 фунтов ассигнациями, и оставил контору в обычный час, чтобы успеть на поезд, отходящий в 5:30. Насколько известно, больше его никому не удалось видеть живым. Он был найден в Бревстере в купе первого класса Шотландского экспресса, который не делает остановок между Лондоном и Бревстером. В его голове была пуля, а деньги бесследно пропали, что явно указывает на совершённые убийство и грабёж.

— Могу я спросить, и где же здесь тайна?

— В деле есть несколько необъяснимых вещей. Прежде всего, как он попал в Шотландский экспресс, который отходит в шесть часов, и не останавливается в Пеграме? Во-вторых, проводники на конечной остановке вернули бы его сезонный билет, но все билеты, проданные на Шотландский экспресс, 21-го пересчитаны. Третье, как удалось скрыться убийце? Четвёртое, пассажиры в двух купе, соседствующих с тем, где обнаружили тело, не слышали шума драки и звука выстрела.

— Вы уверены, что 21-го Шотландский экспресс не останавливался между Лондоном и Бревстером?

— Теперь уже известно, что этот факт имел место. Экспресс остановил сигнал вблизи Пеграма. Прежде чем движение на линии было восстановлено прошло немного времени. Это часто случается на Пеграмском переезде.

Мистер Шерлав Комбс задумчиво курил трубку.

— Я предполагаю, что вы хотели бы получить решение для завтрашнего номера?

— Помилуйте, нет. Редактор считает, что было бы совсем неплохо, если б вы построили теорию за месяц.

— Уважаемый, я имею дело с фактами, а не с теориями. Если вы сочтёте удобным справиться здесь завтра в 8:00, я дам вам полные и подробные сведения достаточные для первой публикации. Нет никакого смысла тратить много времени на такое простое дело, как Пеграмский случай. Доброго дня, сэр.

Мистер Скриббингс был так удивлён, что не смог возвратить приветствие. Он уехал, потеряв дар речи, и я видел, как он шёл по улице с цилиндром в руке.

Шерлав Комбс вновь впал в состояние ничегонеделания, сцепив руки позади головы. Дым срывался с его губ сначала в результате быстрых затяжек, затем интервалы стали длиннее. Я видел, что он приближается к решению, и потому ничего не сказал.

Наконец он заговорил сонным голосом: «Не хочу ускорять ход событий, Уотсон, но ночью я отправлюсь в путешествие на Шотландском экспрессе. Не будете ли вы так любезны, что сопроводите меня?»

— Боже сохрани! — воскликнул я, глядя на часы. — У вас совсем не остаётся времени, теперь уже шестой час.

— Времени вполне достаточно, Уотсон, вполне достаточно, — бормотал он, ничуть не меняя своей позы. — Я даю себе минуту с половиной, чтобы заменить шлёпанцы и халат на ботинки и пальто, три секунды для шляпы, двадцать пять секунд, чтобы выйти на улицу, сорок две секунды для ожидания кэба. Таким образом, семь минут останется на станцию, прежде чем отправится экспресс. Я всегда рад вашей компании.

Я был счастлив воспользоваться привилегией отправиться вместе с ним. Наблюдать работу столь непостижимого ума — всегда интересно. Когда мы шли под высокой железной крышей станции, я заметил, что на его лице возникли признаки раздражения.

— Мы на пятнадцать секунд опережаем наше время, — отметил он, поглядывая на большие часы. — Я не люблю совершать просчёты, подобные этому.

Большой Шотландский экспресс стоял готовым к дальней поездке. Детектив тронул одного из кондукторов за плечо.

— Полагаю, вы слышали о так называемой тайне Пеграма?

— Конечно, сэр. Всё произошло на этом самом поезде, сэр.

— Неужели? Тот самый вагон — всё ещё в составе поезда?

— Да, сэр, — ответил чин, понижая голос, — но конечно, сэр, мы должны помалкивать об этом. Люди отказались бы путешествовать в нём, сэр.

— Несомненно. Вы случайно не знаете, занимает ли кто-то купе, в котором было найдено тело?

— Леди и джентльмен, сэр. Я сам размещал их, сэр.

— Вы также обязали бы меня, — сказал детектив, ловко опуская полсоверена в руку кондуктора, — если б прошли мимо окна, и сообщили им, как бы между прочим, какого рода трагедия произошла в этом купе.

— Конечно, сэр.

Мы последовали за кондуктором, и как только он сообщил страшное известие, раздался сдавленный крик. Из вагона немедленно вышла леди, сопровождаемая краснолицым джентльменом, хмуро глядевшим на кондуктора. Мы заняли опустевшее купе, и Комбс сказал:

— Пока не достигнем Бревстера, нам нужно оставаться здесь одним.

— Я позабочусь об этом, сэр, — ответил проводник, запирая дверь.

Когда должностное лицо покинуло нас, я поинтересовался у моего друга, что он ожидает найти в вагоне, способное пролить свет на это дело.

— Ничего, — было его кратким ответом.

— Тогда, зачем вы пришли сюда?

— Просто, чтобы подтвердить умозаключения, которых я уже достиг.

— Могу я узнать, что в этих умозаключениях?

— Конечно, — ответил детектив, с лёгкой усталостью в голосе. — Вначале, я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что этот поезд стоит между двумя платформами, и войти в вагон можно с любой стороны. Это известно каждому, кто знаком со станцией в течение нескольких лет. Становится понятным, как мистер Кипсон оказался в поезде непосредственно перед его отпращиванием.

— Но дверь на этой стороне заперта, — попробовал я разить.

— Конечно. Но каждый владелец сезонного билета носит ключ. Это объясняет, почему его не видел кондуктор, и почему

отсутствовал билет. Теперь позвольте дать вам некоторую информацию о гриппе. Температура пациента испытывающего лихорадку повышается на несколько градусов выше нормальной. Когда болезнь отступает, температура падает на три четверти градуса ниже обычной. Вам, как врачу, эти факты должны быть известны.

Я согласился с этим.

— Итак, в результате этого падения температуры, разум выздоравливающего посещают мысли о самоубийстве. Тогда самое время повидаться с друзьями. Но друзья мистера Барри Кипсона не увидели его. Вы вспомнили 21 число, конечно. Нет? Это был самый угнетающий день. Туман вокруг и грязь под ногами. Очень хорошо! Кипсон решает покончить с жизнью. Он хочет оставаться по возможности незамеченным, но забывает свой сезонный билет. Мой опыт говорит о том, что человек, вознамерившийся совершить преступление, всегда что-то забывает.

— Но как вы объясняете исчезновение денег?

— Деньги не имеют никакого отношения к делу. Если он был дальновидным человеком, и знал о глупости чинов из Скотланд-Ярда, то, вероятно, послал банкноты кому-то из своих врагов. Или же, они оказались у друга. Ничто так не располагает к мыслям о самоуничтожении, как перспектива ночной поездки на Шотландском экспрессе, и вид из окон поезда. Путь, проходящий через северную часть Лондона, особенно способствует решению расстаться с жизнью.

— Что же случилось с оружием?

— Это как раз то, в чём я хочу себя убедить... Извините, я отвлекусь на мгновение.

Мистер Шерлав Комбс сел справа от окна, и скрупулёзно исследовал раму с помощью лупы.

— Как я и ожидал, — отметил он со вздохом облегчения, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне. — На оконной раме сверху есть небольшая вмятина. Судя по всему, она могла быть оставлена только пистолетом, падающим из ослабевшей руки самоубийцы. Он намеревался выбросить оружие подальше из окна, но на это не осталось сил. Оружие могло упасть и в вагон. Фактически же, оно отскочило и лежит теперь где-то в траве приблизительно на расстоянии десяти футов и шести дюймов от внешнего рельса. Единственный вопрос, который теперь остаётся —

где именно это случилось, и насколько, с точностью до мили, удалён пистолет от Лондона. Но это, по счастью, слишком просто, чтобы требовать объяснений.

— О, небеса, Шерлав! — воскликнул я. — Как вы можете называть это простым? Мне кажется, это не поддаётся вычислениям.

Мы теперь мчались через северную часть Лондона. Великий детектив откинулся назад и с выражением скуки, закрыл глаза. Наконец он устало проговорил:

— Это действительно слишком элементарно, Уотсон, но я всегда чувствую себя обязанным перед другом. Буду счастлив, когда вы постигните азбуку следствия, хотя я всегда готов дать подсказку из нескольких слов. Бесповоротно приняв решение совершить самоубийство, Кипсон естественно намеревался завершить дело прежде, чем он достигнет Бревстера, потому что там билеты проверяют снова. Когда поезд, подчиняясь сигналу, начал останавливаться возле Пеграма, он пришёл к ложному заключению, что приближается Бревстер. Тот факт, что выстрел не был услышан, объясняется визгом пневматических тормозов и грохотом состава. Вероятно в тот же самый момент звучал и свисток. Поезд должен был остановиться как можно ближе к семафору. Пневматический тормоз останавливает поезд на расстоянии его двойной длины. Тройной для этого случая. Очень хорошо. Из тройной длины этого поезда от станции по направлению к Лондону, вычитаете половину длины экспресса, и, поскольку данный вагон находится в середине, находите пистолет.

— Потрясающе! — воскликнул я.

— Банально, — пробормотал он.

В этот момент раздался пронзительный свисток, и мы почувствовали работу пневматических тормозов.

— Опять сигнал у Пеграма, — вскричал Комбс с энтузиазмом. — Вот это — действительно удача. Мы выйдем здесь, Уотсон и всё исследуем.

Как только поезд остановился, мы вышли на правую сторону линии. Локомотив стоял, нетерпеливо задыхаясь. Красный свет семафора сменил зелёный, когда я посмотрел на него. Пока поезд, набирал скорость, детектив считал вагоны. Теперь было темно, лишь тонкий полумесяц освещал небо на западе и бросал блики на металлические части экспресса. Фонари поезда исчезли

за поворотом, и сигнал вновь стал мрачного красного цвета. Чёрная магия безмолвной ночи в этом странном месте произвела на меня сильное впечатление, но детектив оказался более практичным человеком. Он повернулся спиной к сигнальному посту и начал шагать по путям, считая шаги. Я молча шёл рядом. Наконец он остановился, и вынул из кармана рулетку. Он производил измерения, пока не насчитал в бледном свете новой луны десять футов и шесть дюймов. Протянув конец ленты, он попросил меня, спуститься вниз по насыпи. Я провёл линию, и погрузил руку во влажную траву, чтобы отметить точку.

— Боже милостивый! — воскликнул я, ошеломлённый. — Что это?

— Пистолет, — сказал Комбс спокойно.
Это действительно был он!!!

* * *

Читающий Лондон не скоро забудет сенсацию, которая была вызвана отчётом о расследовании Шерлава Комбса, опубликованным на следующий день в «Вечернем Лезвии». Моя история, вполне могла бы закончиться на этом месте. Но, увы! Комбс высокомерно вручил пистолет Скотлэнд-Ярду. Дотошные должностные лица, развили активность, которую я всегда объясняю ревностью, и нашли продавца оружия. Полицейские провели расследование. Продавец свидетельствовал, что пистолет, насколько ему известно, никогда не принадлежал мистеру Кипсону. Он был продан человеку, чьё описание соответствовало одному преступнику, долгое время находившемуся под наблюдением полиции. Он был арестован, и выдал своего приятеля. Оказалось, что мистер Кипсон, мрачный, замкнутый человек, обычно возвращавшийся в одиночестве, избегая посторонних взглядов, был убит в переулке, ведущем к его дому. После ограбления, злодеи стали думать, как распорядиться телом — опытные преступники всегда задумываются над этим до того как дело сделано. Они договорились бросить труп на пути, под колёса Шотландского экспресса, который должен был проехать с минуты на минуту. Но прежде, чем они дотащили тело до половины насыпи, появившийся было экспресс остановился. С другой стороны вагона вышел кондуктор и направился к машинисту, чтобы переговорить с ним. Убийцам немедленно пришла мысль поместить тело в пустой вагон

первого класса. Они открыли дверь ключом покойного. Возможно, пистолет выпал, когда они затаскивали Кипсона в купе.

Выдача сообщника не сыграла роли смягчающего вину обстоятельства, и Скотлэнд-Ярд жестоко оскорбил моего друга Шерлава Комбса, послав ему приглашение посмотреть как вешают злодеев.

КОНЕЦ

Содержание

раздел первый

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ (материалы о А.К.Дойле)

К. Андреев. Противник Шерлока Холмса.....	5
Л. Порицкий. Артур Конан Дойль	33
Жертвы предвзятости. Оскар Слейтер.....	40

раздел второй

ЗНАТНЫЙ ХОЛОСТЯК (материалы о Шерлоке Холмсе)

С. Поберовский. Жил да был Шерлок Холмс	47
С. Поберовский. Подлинный автор «Приключений Шерлока Холмса»	53
С. Поберовский. Шерлок Холмс и Джек Потрошитель – сводные братья.....	58
О. Равданис. Приключения продолжаются	63
Л. Семенихин. Убийство серийного сыщика	66

раздел третий

ПУСТОЙ ДОМ (эпоха Шерлока Холмса)

В. Абаринов. 113 лет с Джеком Потрошителем.....	75
Б. Акунин. Джек Потрошитель? Никакой мистики	89
М. Свердлов. Ужасная гипотеза Стивенсона	91

раздел четвёртый

ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ (современная Шерлокиана)

А. Королёв, С. Митюшкин. Следствие ведёт Шерлок Холмс...	103
Р. Барр. Великая тайна Пеграма.....	346